

ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

7

1942

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК
СССР

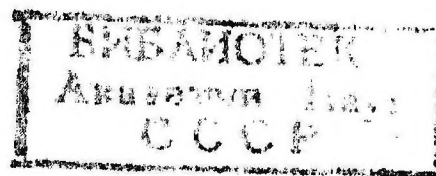
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ответственный редактор
Ем. Ярославский

К Н И Г А

7

107

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

1942

ЕР_1942_AKS_234

СТАТЬИ

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РАЙОНАХ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ, ОККУПИРОВАННЫХ НЕМЦАМИ

Н. Яковлев

Прошел год ожесточенной борьбы советского народа с немецко-фашистскими захватчиками. На протяжении громадного фронта бойцы героической Красной Армии и Военно-Морского Флота ведут ожесточенные бои, чтобы разгромить и изгнать с нашей земли ненавистных германских оккупантов.

В этой борьбе Красная Армия имеет неоценимых помощников — доблестных советских партизан, подлинно народных мстителей. Партизанские отряды в тылу врага начали создаваться в ответ на призыв товарища Сталина. Из месяца в месяц партизанское движение росло и крепло, накапливало боевой опыт, закалялось в борьбе с ненавистным врагом. Партизаны пережили тяжелое, зимнее время. Но за зиму они организационно окрепли, перевооружились, стали опытными, закаленными в боях воинами. Партизаны беспощадно громили немецко-фашистские банды и одновременно совершенствовали свои приемы, свою тактику борьбы, готовясь к еще более решительным и грозным схваткам с врагом.

СОВЕТСКИЕ ПАРТИЗАНЫ — НАРОДНАЯ АРМИЯ В ТЫЛУ ВРАГА

Партизанское движение корнями своими уходит в гущу населения. Советские партизаны — это народ, поднявшийся на борьбу за свою свободу, это народная армия в тылу врага. Ничто не может победить гордого духа этой армии, ее воли к борьбе и победе. Народное партизанское движение еще и еще раз свидетельствует о незыблемой прочности советского строя. Оно показывает нерушимость союза рабочих и крестьян, тесное боевое содружество рабочих и колхозников Советского Союза. Источник силы и могущества партизанского движения и состоит в том, что оно является народным движением. Фашисты пытались вначале представить партизанские выступления как индивидуальные террористические акты или как действия «большевистских агентов». Но очень скоро они на своей шкуре испытали широкий народный характер партизанской борьбы.

Среди партизан имеются представители различных профессий и возрастов: рабочие и колхозники, партийные и советские работники, агрономы и учителя, лесорубы, студенты и трактористы, железнодорожники и врачи. Среди них мужчины и женщины, старики и молодежь. Всех их объединяет любовь к родине, жгучая ненависть к немецко-фашистским оккупантам, неугасимое стремление беспощадно истреблять гитлеровских двуногих зверей, жестоко мстить им за зверства, чинимые над мирными советскими гражданами.

«Мы — простые советские люди. Среди нас есть крестьяне, советские служащие, железнодорожники. Мы ценили свой труд, любили родной поселок, где нам был знаком каждый дом, каждый клочок земли. Многие из нас здесь родились, выросли, обзавелись семьей. Проклятые

гады — немцы нарушили мирную, спокойную жизнь. Они ворвались на нашу землю, чтобы отнять наш хлеб, наш скот, наши дома — все, что мы нажили своим трудом, своими руками. Вот почему мы стали партизанами. На удары врага мы отвечаем двойными ударами. Мы мстим за наши деревни и поселки, за наших жен, матерей, детей. Мы мстим за родину»¹.

Советские люди — создатели своей родной советской власти, творцы зажиточной, счастливой жизни — не хотят жить под игом немецких баронов и князей, не хотят идти в кабалу к немцам, никогда не примирятся с фашистским ненавистным «новым порядком». Славные патриоты своей любимой отчизны, они бросают семьи, дома и хозяйства, вооружаются чем попало, уходят в леса и болота и оттуда ведут беспощадную войну против немецко-фашистских захватчиков и убийц.

В лесах и болотах Ленинградской области — по Мсте и Ловати, Волхову и Великой, по Оредежи и Луге, в заильменских низинах и гдовских болотах — всюду ведут борьбу отряды советских партизан. По Ленинградской области сейчас нет ни одного оккупированного немцами района, где бы не было партизан. Это целая армия, бьющая по врагу тогда, когда он этого не ожидает, и там, где он, казалось бы, должен чувствовать себя в безопасности. Партизаны ведут борьбу там, где им знакомы каждая дорога, каждая тропинка в чаще, каждая кочка и кустик в болоте, каждый проток, каждый брод через реку. В этих местах они родились и выросли. Среди населения деревень их родители, жены, дети — их близкие. Это умножает их силы, делает их неуловимыми и более грозными для врага.

Карающая рука партизан каждую минуту занесена над головами фашистов. Партизаны! Это слово стало грозой для фашистов. Фашистские головорезы все время чувствуют себя в опасности, смерть подстерегает их на каждом шагу, в каждом месте. Они боятся лесов и болот, они не решаются ходить в одиночку. «Мы не можем считать своей ни одну занятую деревню. Кончился бой... Ночью, когда усталые солдаты мечтают наконец отдохнуть, — горят избы, трещит пулемет, рвутся снаряды... Партизаны. Они преследуют нас всюду, уничтожают обозы, убивают оставших. Их боятся самые храбрые из нас», — так рассказывал на допросе пленный немецкий солдат Артур Гоппс. Германская газета «Frankfurter Zeitung» в номере от 24 мая писала, что «зимой, кроме ожесточенных оборонительных боев на передовых линиях, разыгралась не менее жестокая борьба, можно сказать война, в тылу нашего фронта. Партизанские части могли при этом базироваться на хорошо подготовленные опорные пункты в лесах, со складами оружия и продовольствия. Немецким обозным частям, батальонам полиции, полевой жандармерии приходилось все время обороняться от врага. Кто пережил зиму на Востоке, тот знает трудности, выпавшие на долю частей, находившихся в тылу, и то, что многие пали в борьбе с партизанами. На родине не имеют представления об этой непривычной для нас борьбе. Такой противник как молния появляется и исчезает, нападает и перерезает коммуникации, взрывает железнодорожные пути. Он знает все тропинки. Кто испытал эту борьбу на два фронта, тот поймет, что пережили наши войска этой зимой».

Гитлеровцы встретили на своем пути не только стальной отпор героической Красной Армии, но им пришлось воевать со всей страной, со всем советским народом.

БОЕВЫЕ ДЕЛА ЛЕНИНГРАДСКИХ ПАРТИЗАН

Партизаны Ленинградской области вписали блестящие страницы в историю партизанской войны с немецко-фашистскими захватчиками. Бесстрашно и мужественно помогают они Красной Армии истреблять

¹ «Ленинградская правда» от 4 ноября 1941 года.

фашистское зверье. Немалую услугу они оказали героическим защитникам колыбели пролетарской революции — Ленинграда. Защита родины, Ленинграда — священный долг партизан Ленинградской области. В своей клятве они говорят: «Я, сын великого советского народа, по зову нашего вождя и учителя товарища Сталина, добровольно вступая в ряды партизан Ленинградской области, даю перед лицом своей отчизны, перед трудящимися героического города Ленина свою священную и нерушимую клятву партизана. Я клянусь до последнего дыхания быть верным своей родине, не выпускать из рук оружия, пока последний фашистский захватчик не будет уничтожен на земле моих дедов и отцов. Мой девиз: видишь врага — убей его. Я клянусь свято хранить в своем сердце революционные и боевые традиции ленинградцев и всегда быть храбрым и дисциплинированным партизаном, презирая опасность и смерть.

Клянусь всеми силами, всем своим умением и помыслами беззаветно и мужественно помогать Красной Армии освободить город Ленина от вражеской блокады, очистить все города и села Ленинградской области от немецких захватчиков. За сожженные города и села, за смерть женщин и детей наших, за пытки, насилия и издевательства над моим народом я клянусь мстить врагу жестоко, беспощадно и неустанно. Кровь за кровь, смерть за смерть.

Я клянусь неутомимо объединять в партизанские отряды в тылу врага всех честных советских людей от мала до велика, чтобы без устали бить немецких гадов всем, чем смогут бить руки патриотов — автоматом и винтовкой, гранатой и топором, косой и ломом, колом и камнем.

Я клянусь, что умру в жестоком бою с врагом, но не отдам тебя, родной Ленинград, на поругание фашизму. Если же по своему малодушию, трусости предам интересы трудящихся города Ленина и моей отчизны, да будет тогда возмездием за это всеобщая ненависть и презрение народа, проклятие моих родных и позорная смерть от руки товарищей».

Такова клятва ленинградских партизан, таков их обет перед родиной, перед Сталиным.

Партизанские отряды нашей области наносят сильные удары по немецко-фашистским захватчикам. Уже в первые месяцы войны партизаны пустили под откос 14 поездов, направлявшихся на ленинградский фронт. В результате уничтожено свыше 200 вагонов с немецкими солдатами, боеприпасами и вооружением. Группа партизан тов. С. организовала крушение эшелона в 55 вагонов, во время которого погибли сотни немецких солдат.

Партизаны, которыми командовал тов. Н., взорвали железнодорожное полотно в 3 километрах от станции Г., в результате чего шедший с немецкими войсками эшелон потерпел крушение. Узнав, что фашисты стали подвозить войска и боеприпасы по шоссе, партизаны взорвали мост, уничтожив предварительно узел связи, соединяющий посты по охране моста со штабом части.

Партизанские отряды «Грозный», «Боевой», «Храбрый», «За родину», действующие в двух оккупированных немцами районах Ленинградской области, наносили и наносят фашистам непрерывные удары. За короткое время они взорвали 3 вражеских артиллерийских склада, уничтожили самолет-разведчик с экипажем, 8 грузовых и 4 легковых автомашины, автобус с шестью офицерами и десятью солдатами, 3 больших фургона. Они разрушили в разных местах 8 километров шоссе, 300 метров железнодорожного полотна, 4 моста и много линий полевой связи, вырезали 1700 метров кабеля, совершили 5 налетов на деревни, занятые немцами, разгромили 2 фашистских карательных отряда.

Удары частей Красной Армии по врагу под Ленинградом воодушевили партизан на новые героические подвиги. В феврале 1942 г. несколько партизанских отрядов, объединенных под командованием В. и О., совершили внезапный налет на немецкий гарнизон, расположившийся в деревне Я. Забрасывая гранатами дома, партизаны метким огнем расстреливали выбежавших в панике офицеров и солдат и в течение короткого времени очистили деревню от врага. Истреблено 20 офицеров и 151 солдат.

Эта же группа партизан через несколько дней нанесла новый, еще более сильный удар по немецко-фашистским захватчикам, совершив такое же внезапное нападение на крупный пункт Н. Ворвавшись ночью в селение, партизаны беспощадно истребляли фашистов, уничтожали огневые точки и блиндажи противника. В результате всей операции партизаны овладели пунктом Н., истребили 652 немецких солдата и офицера, уничтожили 13 огневых точек, большой склад боеприпасов, взорвали железнодорожный мост через реку и захватили значительные трофеи. Части Красной Армии получили от партизан ценные разведовательные данные, добытые в результате этого налета.

Партизаны беспощадно расправляются с немецкими карательными отрядами. Так, отряд тов. Б. напал на карательный отряд, направлявшийся в сельсовет. Карательный отряд был разгромлен, причем в бою было убито более 30 фашистов.

Смелый налет совершили партизаны на немецкий карательный отряд в деревне Ж. Группа партизан в 12 человек вступила в бой с прибывшими в деревню 80 фашистами. Налет партизан был настолько неожиданным, что фашистские головорезы сбежали. Партизаны захватили ценные документы и мотоцикл, уничтожили 2 бронемашины, убили 7 солдат и 1 полицейского инспектора.

Партизаны одного из районов области с начала войны до 1 марта 1942 г. уничтожили 7 вражеских самолетов, сожгли 22 танка, разбили 85 грузовых автомашин, 21 легковую машину, 40 мотоциклов и 65 велосипедов, вывели из строя 18 орудий и 77 пулеметов, убили 900 немецких солдат и офицеров, в числе их 3 полковников. Подобных примеров можно было бы привести очень много.

Первомайский приказ товарища Сталина вызвал новый, невиданный подъем партизанского движения. В партизанские отряды приходят сотни новых бойцов. Партизанское движение принимает новые формы, возникают централизованные соединения народной армии в тылу врага. Партизанские отряды объединяются в батальоны, полки и бригады. Удары по немецко-фашистским оккупантам возрастают с невиданной силой. Если, например, в январе, по неполным данным, партизаны нашей области уничтожили 1460 немецких солдат и офицеров, в феврале — 1975, в апреле — 2001, в мае — 2298, то только за первые 15 дней июня уничтожено 2897 человек. В апреле за один только день в результате внезапного нападения нескольких групп партизан на фашистский гарнизон немцы потеряли убитыми 783 солдата и офицера. Во время этой операции были уничтожены: 3 склада боеприпасов, 2 склада с горючим, 4 средних танка, 9 огневых точек, автомашина с ценным грузом, 3 станковых пулемета, 700 снарядов. Партизаны разгромили штаб карательного отряда, сожгли 2 мастерские и захватили следующие трофеи: 2 станковых и 3 ручных пулемета, 8800 винтовочных патронов, 101 гранату, фашистское знамя и много другого военного имущества. Один энский отряд концентрированным ударом по крупным соединениям врага только за два дня боев истребил свыше 500 солдат и офицеров и уничтожил 7 танков. При этом было захвачено 4 танка, 2 станковых пулемета, 10 автоматов и т. п. Другое соединение партизан за два дня боев (в июне 1942 г.) истребило 727 фашистских бандитов, уничтожило 1 автомашину с солдатами, 1 минометную батарею с расчетом, 2 авто-

матические пушки, 2 танка, кроме того подбито 1 противотанковое орудие и выведено из строя 3 танка, подорвавшихся на поставленных партизанами минах.

Если раньше гитлеровское командование посылало для борьбы с партизанами карательные отряды в 50—100, максимум в 400—500 человек, то сейчас оно вынуждено бросать против партизан целые воинские соединения, от тысячи до 3 тыс. человек регулярных войск, вооруженных минометами, артиллерией, при поддержке танков, самолетов и т. д. Такова сила и мощь партизанского движения в Ленинградской области. Таковы боевые дела партизан за год великой отечественной войны.

ПАРТИЗАНЫ — ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В своем приказе к дню 24-й годовщины Красной Армии товарищ Сталин писал: «У Красной Армии есть своя благородная и возвышенная цель войны, вдохновляющая ее на подвиги. Этим, собственно, и объясняется, что отечественная война рождает у нас тысячи героев и героинь, готовых идти на смерть ради свободы своей родины».

Именно поэтому тысячи людей, многие из которых раньше никогда не владели оружием, стали в партизанских отрядах стойкими, мужественными, опытными воинами. В боях за родину они закалились и возмужали. Комиссар одного из партизанских отрядов писал: «Живем мы хорошо. Эту оценку я даю в связи с тем, что жизнь хороша тогда, когда ее будни наполнены боевыми делами, когда каждый пережитый день полон героических дел во славу родины».

Слава о героях-партизанах, об их доблести и замечательных подвигах передается из уст в уста советскими гражданами оккупированных немцами районов. Их знают, любят, ими гордятся. Об их героических делах будут написаны впоследствии многотомные труды. А теперь в лаконичных сводках Советского Информбюро имена героев часто скрываются за инициалами. Кто они, эти герои? Это простые советские люди.

Вот тов. К. — командир отряда. До войны он был заместителем председателя райсовета. Руководимый им отряд советских партизан стал грозой для германских оккупантов, расположившихся в энском районе. Он не дает им покоя ни днем, ни ночью, нападая на их отряды, разрушая связь, транспорт. В смелых налетах, в разведке тов. К. подает пример мужества и бесстрашия. В одной из схваток он лично уничтожил 8 немецких солдат. Его отряд уничтожил 7 вражеских самолетов, 3 легковых и 37 грузовых автомашин и истребил 209 солдат и 14 офицеров противника. Тов. К. награжден орденом Ленина.

Тов. В. награжден орденом Красной звезды. Смелый и решительный, он личным примером увлекает партизан в схватках с врагом. Отряд, в котором находится тов. В., за короткий срок уничтожил 10 транспортных и 1 легковую автомашины, 9 мотоциклов, истребил 3 немецких офицеров и 40 солдат.

Тов. М. награжден орденом Красной звезды за то, что он проявил себя бесстрашным и смелым командиром отряда, успешно действующего в тылу врага. Находясь один в разведке, он вступил в бой с разведкой противника, несмотря на то что у противника были автоматические ружья, а у него лишь револьвер. Из неравной схватки он вышел победителем.

Всего по Ленинградской области награждены орденами и медалями более 300 партизан. Троице из них — Никитину, Петровой и Харченко — присвоено звание Героя Советского Союза. Эта правительственная награда — высокая оценка деятельности славных советских партизан. Конечно, эти 300 человек награжденных — лишь часть достойных награды. Родина ежедневно выдвигает новых безыменных героев, готовых пожертвовать жизнью во имя ее.

В героях-партизанах воплотились лучшие черты нашего народа: самопожертвование во имя родины, верность долгу, ненависть к врагу; твердая вера в победу. Эти черты роднят советских партизан с их историческими предками.

Сусанина напоминает нам Михаил Семенов — старый колхозник Ленинградской области. Офицер карательного отряда, явившегося в деревню Мухарево, угрожая расстрелом, потребовал от Семенова довести отряд до деревни Гнидишей. Семенов вывел отряд из деревни на лесную дорогу. Мороз до костей пронизывал немецких солдат. Вскоре с дороги свернули на еле заметную тропинку. Идти стало тяжело. Мороз все крепчал. Затем пропала и тропинка. Офицер и переводчик, потеряв терпение, стали орать на Семенова:

— Куда ты нас завел?

Спокойно и насмешливо Семенов ответил:

— А вы думаете, русский человек будет помогать вам, гадам?

Офицер, поняв, что он обманут, застрелил старика. Патриот отдал жизнь за любимую родину. Родина не забудет героя.

ЖЕНЩИНЫ-ПАРТИЗАНКИ

Наравне с мужчинами в партизанских отрядах отважно сражаются и женщины-партизанки. Член правления колхоза из селения З. Евдокия Семеновна М. создала женский партизанский отряд из 18 колхозниц. Партизанки подожгли штаб одного из подразделений немецкой армии, закололи вилами часовых, убили топорами двух офицеров, сожгли грузовик, уничтожили несколько мотоциклов врага.

Партизанский отряд под командованием заведующей свинофермой колхоза Анны С. перебил всех до единого немецких солдат охраны и захватил 13 фашистских повозок с оружием и боеприпасами.

Однажды в районе реки К. немцы выследили и окружили партизанский отряд. Немцев было в десять раз больше. Боец отряда комсомолка Антонина Петрова мужественно сражалась против озверевшего врага. Когда один из партизан струсил и поднял руки, сдаваясь в плен, героиня-комсомолка застрелила его. Убив двух фашистов, доблестная партизанка, когда уже дальнейшая борьба стала невозможной, выстрелом из револьвера убила себя. Указом Президиума Верховного Совета СССР имя Петровой Антонины увековечено присвоением ей звания Героя Советского Союза.

Часто женщины-колхозницы выполняют роль разведчиков партизанских отрядов, скрывают в деревнях раненых партизан, рискуя жизнью, помогают партизанам в их борьбе против фашистских насильников и бандитов.

КОММУНИСТЫ В АВАНГАРДЕ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Душой партизанского движения, руководителями и вдохновителями беспощадной борьбы с немецко-фашистскими бандами являются коммунисты и комсомольцы. Они своим беспримерным героизмом и самоотверженностью увлекают остальных партизан. Во главе партизанских отрядов, как правило, стоят коммунисты. Как и на других участках фронта, они показывают образцы смелости, инициативы, хладнокровия, выдержки и преданности своей родине.

Героической смертью погиб председатель Красногородского сельсовета коммунист Алексеев Павел Дмитриевич. Он мужественно защищался один против шести фашистов, троих из них он успел убить. Раненый и окруженный врагами, чтобы не попасть в плен, застрелился председатель Ветчинского сельсовета коммунист Филиппов. За жизнь и счастье народа погибли коммунисты: Рыбаков — секретарь Середкинского райкома ВКП(б), Старк — председатель Островского районного совета депутатов трудящихся и другие славные советские патриоты-коммунисты.

«Партия большевиков, единая своей сплоченностью и дисциплиной, сильная своим революционным духом и готовностью пойти на любые жертвы ради успеха нашего великого дела, непревзойденная своим искусством вести за собой миллионные массы, обеспечила победу над интервентами и белогвардейцами. Теперь наша партия — вновь на передовых позициях отечественной войны. Каждый член партии, каждый член ленинско-сталинского комсомола — передовой воин на фронте»¹.

Такова роль коммунистов и в партизанских отрядах Ленинградской области. Будучи бесстрашными воинами, презирая смерть в ожесточенной борьбе с врагом, они являются в партизанских отрядах цементирующей основой, организующей силой. Они всегда идут впереди всех, ведут за собой остальных партизан. В деревне Б. отряд в 30 человек под руководством коммунистов-командиров тт. К. и С. вступил в бой с 350 фашистами, вооруженными минометами и станковыми пулеметами, и нанес им серьезный урон. В этом неравном бою было уничтожено более 70 фашистов.

Коммунисты обеспечивают выполнение боевых операций, показывая пример доблести и героизма, проводят партийно-политическую и воспитательную работу среди партизан и населения. Партийные организации партизанских отрядов быстро растут за счет лучших партизан. Велик авторитет коммунистов среди партизан и населения. Коммунисты с честью и славой выполняют свою авангардную роль, роль народных вожаков в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

ПАРТИЗАНЫ — ПОМОЩНИКИ КРАСНОЙ АРМИИ

Партизанские отряды оказывают неоценимую помощь Красной Армии, снабжая ее разведывательными материалами, проводя успешные совместные боевые действия. С каждым днем крепнет тесная связь партизан с частями Красной Армии. Все чаще операции партизан проходят в тесном взаимодействии с нею.

Партизанский отряд под командованием тов. К. провел в тыл противника крупное соединение наших войск. Вместе с партизанами они окружили большую группу фашистских банд и полностью их разгромили. В результате этой операции наши части заняли пункт Б. Отряд под командованием тов. С., получив задание достать «языка», захватил и доставил в штаб троих немецких офицеров.

Три партизанских отряда под командованием тов. С., действуя совместно с частями Красной Армии, атаковали населенный пункт, занятый немцами, и в течение дня очистили его от фашистов, захватив 100 пар лыж, 5 подвод с продовольствием, 45 ящиков снарядов. Противник потерял убитыми и ранеными 200 солдат и офицеров. Во взаимодействии партизан и частей Красной Армии еще раз демонстрируется мощь партизанской борьбы.

ПОТЕРИ ВРАГА

Партизаны Ленинградской области нанесли огромный урон гитлеровским бандитам. За период с начала боевых действий по 15 июня 1942 г., по неполным данным, они истребили более 24 тыс. гитлеровских бандитов, в том числе 677 офицеров, 12 полковников и подполковников, 3 генералов, 67 агентов гестапо, 197 шпионов и предателей; взяли в плен 124 солдата и 7 офицеров.

За этот же период партизаны Ленинградской области организовали крушение 141 поезда, взорвали один бронепоезд. В смелых боевых налетах они уничтожили 83 вражеских самолета, 131 танк, 54 бронемашину, 1718 грузовых автомашин и автобусов, 190 легковых автомашин, 99 цистерн с горючим, 363 мотоцикла, 236 велосипедов, 64 трактора.

¹ «Правда» от 2 августа 1941 года.

тягача, вездехода, 289 повозок с боеприпасами и продовольствием, 560 узлов и линий связи, 710 лошадей, 88 огневых точек и блиндажей. Кроме того партизаны уничтожили 34 орудия, 98 пулеметов и минометов. За этот же период партизаны взорвали и сожгли 146 складов противника с боеприпасами, горючим, продовольствием, обмундированием и другим военным имуществом, 5 железнодорожных станций, 405 железнодорожных и шоссежных мостов; в 100 местах подорвано железнодорожное полотно; они сожгли 19 деревень и 224 дома, занятых войсками противника, уничтожили 22 походных телефонных станции и радиостанции и т. д.

Только за май и первую половину июня 1942 г. партизаны уничтожили около 4 тысяч солдат и офицеров и организовали 23 крушения поездов, уничтожили и вывели из строя 28 танков, 20 грузовых автомашин с боеприпасами, продовольствием и живой силой, 15 пулеметов и минометов и захватили многочисленные трофеи. Эти цифры показывают, насколько широк масштаб боевых действий армии ленинградских партизан.

ПАРТИЗАНЫ И КОЛХОЗНОЕ КРЕСТЬЯНСТВО ОККУПИРОВАННЫХ РАЙОНОВ

Потери германо-фашистской армии от боевых действий партизан вызывают бешеную злобу у германских оккупантов. Эти двуногие хищные звери своими гнусными преступлениями, издевательствами, насилиями, расстрелами затмили преступления всех известных человечеству злодеев. Нет такой пытки, такой казни, которую бы не применяли фашистские изверги по отношению к мирному населению. В деревне Клин фашистские бандиты повесили 85-летнюю колхозницу Сидорову только за то, что она дала партизану две картофелины. В деревне Гостибицы, Порховского района, финский офицер — начальник карательного отряда, — требуя выдачи партизан, заставил всех колхозников раздеться, избил их палками, после чего, отобрав 13 мужчин, тут же расстрелял их.

В Полновском районе немцы расстреляли, повесили и арестовали свыше 500 человек. В деревне Ореховцы они расстреляли всех мужчин. В «Макарьевской пустыне» расстреляли 250 инвалидов. За одну лишь неделю фашисты уничтожили 39 деревень, сожгли 486 домов, 10 школ, 2 больницы и расстреляли 107 колхозников.

Жители ныне освобожденной от немецко-фашистских захватчиков дер. Орехино, Ленинградской области, рассказывают: «Как только гитлеровцы ворвались в деревню, они приступили к массовым грабёжам: перерезали весь скот, домашнюю птицу, отняли у колхозников продовольствие и одежду. Гитлеровцы избili 78-летнего старика Александра Васильевича Андреева, сняли с него валенки и заставили идти разутым 2 километра по снегу.

Немецкие бандиты замучили и убили Прасковью Попову, 53 лет, ее сына Павла, 18 лет, дочь Надежду, 21 года, Евдокимова, 72 лет, и других жителей. Отступая из деревни, гитлеровские мерзавцы из 23 домов колхозников сожгли 20 домов, взорвали школу, детские ясли и сожгли все колхозные постройки».

Но советский народ нельзя запугать. Несмотря на самый разнузданный фашистский террор тяга колхозников в партизанские отряды растёт с каждым днем. Дикое насилие захватчиков еще более разжигают неутасимую ненависть к ним и умножают ряды партизан. Показательно то, что сейчас сотни колхозников приходят в отряды со своими винтовками, гранатами, револьверами, в своем обмундировании.

Одновременно колхозники по своей инициативе создают вооруженные боевые группы, ставящие целью охрану колхозов от налетов гитлеровских мародеров, борьбу с предателями и шпионами. Называют их по-разному: «боевая истребительная группа», «отряд самообороны»,

«отряд народного ополчения». Создание этих отрядов является ярким проявлением священной ненависти колхозников к оккупантам.

Колхозники всемерно помогают советским партизанам. Об отношении колхозников к партизанам говорит следующий факт: крупный карательный отряд немцев сжег свыше 20 населенных пунктов, расстрелял более 300 советских граждан — стариков, женщин, детей, — но все же нужных сведений о партизанах не получил.

Многие колхозники тесно связаны с партизанами. Они сообщают им разведывательные данные, выявляют предателей, агентов гестапо. Один колхозник пишет партизанскому отряду: «Здравствуйте, дорогие товарищи красные бойцы и партизаны! Сообщаю вам о врагах советской власти, которые идут против наших красных партизан (далее следует перечень имен и фамилий.—Н. Я.). Прошу данному списку верить. Здесь указаны самые заядлые враги».

Группа партизан обнаружила брошенные врагом 350 тысяч винтовочных и пистолетных патронов и 700 артиллерийских снарядов. Колхозники трех деревень выделили 48 подвод и с риском для жизни перевезли их в места, указанные партизанами.

Суровой зимой текущего года партизаны не жаловались на нехватку теплой одежды. Партизаны были сыты, хорошо одеты, обуты. Все это результат заботы о них колхозников.

В одном из районов колхозники изготовили для партизан 500 пар валенок, 160 полушубков, сотни пар лыж. Специалисты по кожевенному делу обеспечили партизан сапогами, плотники делали для них сани, кузнецы ковали лошадей.

Колхозницы шьют и чинят одежду для партизан, стирают им белье, пекут хлеб, собирают для них теплые вещи. Сами ограбленные гитлеровскими мародерами, они подчас делятся с партизанами последним. «Шлю носки теплые, — пишет партизанам одна патриотка. — Я еще больше со всей радостью дарила бы, но я сама сижу в чужой квартире. Примите мой скромный подарок. Громите врага, а мы позаботимся о вас». Другая патриотка пишет: «Дорогой товарищ, этот подарок удесятит в тебе решимость уничтожать беспощадно поганых немецких собак, которые не дают нам, мирным жителям, жить. Они грабят наше добро, расстреливают невинных людей, оставляют нас голодными. Мы надеемся, что вы этих собак уничтожите в скором времени и мы возвратимся в свою родную семью. Вновь по нашей земле пойдут наши войска, мы оживем и будем снова дышать советским воздухом. До свиданья. Жму руку. Жена красноармейца».

Таких писем сотни. Все они свидетельствуют о великой любви к родине, все они проникнуты глубокой верой в победу, в правоту нашего дела.

В свою очередь, партизаны ведут большую организационную и агитационную работу среди советских граждан оккупированных районов. Они разоблачают лживость и гнусность фашистской пропаганды, помогают колхозникам восстанавливать советы и колхозы, укреплять их работу в нелегальных условиях, организуют борьбу с предателями. В тех местах, где фашисты изгнаны, партизаны помогают колхозникам восстанавливать советский порядок, советскую жизнь. Партизаны отбивают скот и лошадей с повозками у немецких захватчиков и возвращают их колхозникам. В деревне Н. немцы отобрали весь скот у колхозников, выгнали всех и сожгли деревню дотла. Через несколько дней партизаны отбили часть скота у фашистов и возвратили его колхозникам.

Партизаны создают нелегальную печать: они издают нелегальные газеты, «боевые листки», прокламации. В большинстве случаев о выступлениях и приказах товарища Сталина колхозники захваченных фашистами районов узнавали от партизан.

В теснейшей связи партизан с населением сила партизанского движения. Это понимают и фашисты. Они всячески стараются опорочить партизан в глазах колхозников, но все их попытки в этом направлении терпят крах. В ряде районов области немцы обещают денежные награды за поимку партизан, но советских людей подкупить нельзя.

Партизанское движение растет и крепнет. В Ленинградской области, в глубоком тылу врага, возникли и существуют целые районы, контролируемые партизанами. Так, партизанская бригада в энском районе контролирует район площадью около десяти тысяч кв. км. Немцы оттуда изгнаны. Там советская власть. Этот факт является ярчайшим доказательством растущей мощи партизанского движения.

ПИСЬМО ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ. ПОДАРОК ЛЕНИНГРАДЦАМ

В марте 1942 г. из двух районов Ленинградской области, временно оккупированных немцами, через линию фронта перешло несколько партизан. Подвергаясь смертельной опасности, они принесли с собой несколько школьных тетрадей, испещренных множеством подписей. Их более трех тысяч; это — письмо товарищу Сталину от колхозников и партизан двух районов, захваченных немцами. На тайных собраниях в лесных землянках обсуждали это письмо советские люди по ту сторону фронта и ставили свои подписи. Ни зверства немцев, ни опасность смерти не остановили патриотов. В письме они выразили свои чувства и свои мысли: «Москва. Кремль. Вождю народов товарищу Сталину. От партизан и колхозников энских районов Ленинградской области, временно оккупированных врагом.

Дорогой Иосиф Виссарионович! Пламенный привет шлем Вам, любимому отцу и учителю нашему, мудрому полководцу. Пусть эти простые слова пройдут через линию фронта, достигнут стен Кремля, возвестят о делах и чувствах советских граждан, временно попавших под фашистское ярмо».

Так начинается это письмо. Дальше оно повествует о том, с каким мужеством борются советские граждане оккупированных районов. Они пишут о своей воле к победе над гнусным врагом. «Кровавые фашисты, — говорится в письме, — хотели сломить наш дух, нашу волю. Они забыли, что имеют дело с русским народом, который никогда не стоял и не будет стоять на коленях!»

Авторы письма рассказывают товарищу Сталину о неутомимой борьбе, которую они ведут с немецкими оккупантами: 2 тыс. истребленных немецких солдат и офицеров, 8 поездов, пущенных под откос, 27 взорванных мостов на шоссе и железных дорогах, свыше 100 уничтоженных автомашин и танков — таков далеко не полный итог борьбы с фашистами в этих двух районах. Советские патриоты, подписавшие письмо товарищу Сталину, клянутся, что они не сложат оружия до тех пор, пока хоть один оккупант останется на советской земле. Колхозники и партизаны этих районов сообщили далее, что они решили организовать красный обоз с продовольствием для Ленинграда. Они собрали 380 центнеров хлеба и круп, 120 центнеров жиров и другие продукты, которые им удалось спрятать от немецкой грабьярмии. По глухим дорогам и лесным тропинкам обоз в 200 подвод тронулся к линии фронта. Скрытно, по ночам, он героически продвигался вперед. Среди возчиков было более 30 женщин-колхозниц. Партизаны искусно провели красный обоз через фронт, и подарок колхозников и партизан был доставлен трудящимся славного города Ленина.

Дар партизан, дар колхозников советской деревни, временно оккупированной фашистами, — живое свидетельство нерушимой, кровной связи советских людей по обе стороны фронта. Этот подарок, которым партизаны и колхозники проявили свою любовь к родине, городу

Ленина, — еще одно доказательство неизбежности грядущей победы над врагом, победы, которая куется одновременно на фронте и в тылу у врага.

Ленинградцы с глубоким чувством благодарности приняли подарок колхозников и партизан. Встреча представителей колхозников и партизан с ленинградцами вылилась в грандиозную демонстрацию единства и несокрушимости фронта и тыла, трудящихся города Ленина с колхозниками временно оккупированных районов Ленинградской области.

«Добро пожаловать, боевые товарищи! Привет вам, славные патриоты нашей любимой Родины, мужественные борцы, герои отечественной войны, грозные мстители за страдания народные!» — с такими лозунгами ленинградцы встречали посланцев колхозников и партизан.

Глубокое чувство благодарности ленинградцев колхозникам и партизанам ярко выразила писательница Вера Инбер. В день прибытия их посланцев в город Ленина она писала:

«Спасибо вам, товарищи и братья,
За все, что вы привозите ему,
Наш город заключает вас в объятья,
Вас прижимает к сердцу своему.
Он вас благодарит, великий город,
В гранитные одетый берега.
Спасибо вам. И хлеб ему ваш дорог,
И, главное, забота дорога.
Подарки ваши — их мы не забудем,
Вы жизнью рисковали, их везя.
Спасибо вам. Где есть такие люди,
Такую землю покорить нельзя».

Гости — делегаты партизан и колхозников — побывали на ленинградских предприятиях и в частях войск Ленинградского фронта. В своих выступлениях они рассказали трудящимся города Ленина и его защитникам — бойцам Ленинградского фронта — о своем боевом опыте, о своих боевых делах и успехах.

Возвращаясь обратно в тыл врага, делегаты от имени тысяч партизан и колхозников дали клятву ленинградцам и его славным защитникам вместе, объединенными усилиями бить и истреблять врага — немецко-фашистских извергов — до полной победы над ним.

Товарищ Сталин 1 мая приказал партизанам и партизанкам «усилить партизанскую войну в тылу немецких захватчиков, разрушать средства связи и транспорта врага, уничтожать штабы и технику врага, не жалеть патронов против угнетателей нашей родины». Этот приказ великого вождя славные партизаны Ленинградской области с честью выполняют.

НА ЗАРЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Акад. Б. Греков

I

Соотношение двух миров на грани новой эры истории человечества — античного рабовладельческого и варварского общинно-крестьянского — много раз подвергалось всестороннему рассмотрению. Характер этого соотношения совершенно выяснен. С одной стороны умирающий, разлагающийся рабовладельческий строй, обнаруживающий некоторые признаки внутреннего перерождения, с другой — «варвары» со своим общинным строем, со свободным крестьянином в основе производства, «варвары», несущие омоложение зашедшему в тупик древнему античному обществу.

Обездоленная и эксплуатируемая часть античного общества с некоторого времени сама стала стремиться к совместной, более справедливой жизни с «варварами». Умные рабовладельцы с некоторого момента начали понимать безнадежность и обреченность старого мира. «Варвары» тоже не стояли на одном и том же уровне развития. Рост внутренних производительных сил, потребность и возможность усвоить от культурных достижений античности то, чего не хватало в данный момент молодому «варварскому» обществу, несомненны.

Благодаря счастливо дошедшим до нас источникам, перемены в характере взаимоотношений этих двух миров наглядно можно наблюдать на примере греческой колонии Ольвии (в устье Южного Буга). В V в. до н. э. ее посетил Геродот и отметил некоторые любопытные особенности в положении этого рабовладельческого поселения среди «варваров»-скифов. «От Ольвии, города борисфенитов, — пишет он, — составляющего срединный пункт во всей приморской Скифии, первыми живут каллипиды, представляющие собою эллиноскифов», т. е. скифов, настолько подвергшихся воздействию греческого общества, что Геродот затруднялся назвать их просто скифами, не мог он назвать их и эллинами. С другой стороны, и окружающее греческую колонию так называемое «варварское» общество не могло не оказать некоторого влияния на общественные отношения самой Ольвии. Ведь «варварский» мир не знал рабов в качестве основной рабочей силы. Здесь главным производителем всех необходимых средств к жизни был свободный человек — член сначала родовой, а позднее сельской общины. Между рабами греческих колоний и «варварами», в данном случае чаще всего скифами, несомненно, поддерживалась связь, что давало себя знать во времена общественных и политических осложнений вроде войн или рабских восстаний.

У одного из позднейших римских писателей V в. н. э., Макробия, имеется, вероятно несколько модернизированное, сообщение об Ольвии IV в. до н. э. Когда ее осаждал Зопирион, как принято думать, один из полководцев Александра Македонского, «борисфениты... освободили своих рабов, уравнили чужеземцев в правах гражданства, облегчили

положение должников и этими мерами смогли защитить себя от врага», т. е. в тяжелое время войны борисфениты-рабовладельцы пошли на социальные уступки, сделали попытку устроить у себя общественные отношения наподобие «варварских». Вероятно, на этих условиях соседние свободные «варвары» согласились помогать борисфенитам. В конце I в. н. э. или в начале II в., т. е. приблизительно 600 лет спустя после посещения Ольвии Геродотом, этот город борисфенитов посетил греческий ученый и знаменитый оратор Дион Хрисостом (Златоуст. — Б. Г.). Он встретился здесь со своим другом, политическим эмигрантом Дионом Каллистратом. «Город борисфенитов, — отмечает Хрисостом, — не соответствует своей прежней славе... Находясь уже так давно среди варваров и притом почти самых воинственных, он постоянно подвергался нападениям и несколько раз был взят врагами. Сюда нахлынуло много варваров». Дион Каллистрат, встретивший здесь своего друга, «был опоясан большим всадническим мечом, одежду его составляли шаровары и прочее скифское убранство». На нем была «одежда черного цвета по примеру одного скифского племени».

Много воды утекло за 600 лет, и взаимоотношения двух миров сильно переменились. Скифы за это время успели укрепнуть экономически, культурно и политически, античная колония под ударами скифов стала слабеть. И жители Ольвии, прирожденные эллины, еще продолжавшие заучивать наизусть Илиаду и Одиссею, в силу медленных изменений во взаимоотношениях между эллинами и скифами начали терять свой специфический внешний облик. На них появились неприемлемые до сих пор для эллинов штаны и «прочее скифское убранство». Только «всаднический» меч напоминал о принадлежности его носителя к римскому гражданству.

Этот же процесс, конечно в разнообразных вариантах, мы можем наблюдать и в других местах Европы и Азии — там, где соприкасались два мира: один — дряхлеющий и обреченный, другой — растущий, исполненный надежд на будущее.

Ряд свидетельств современников великой исторической драмы еще ярче оттенял смысл событий. Вот марсельский священник Сильвиан, писавший в середине V в. н. э., как раз тогда, когда окончательно и бесповоротно решались судьбы Рима. «У римлян, — пишет Сильвиан, — нет желания находиться под римским законом». «Римский плебс единодушно заявляет о том, чтобы ему было позволено жить с варварами... Наши братья (римляне. — Б. Г.) не только не хотят перебежать от них к нам, но, наоборот, оставляют нас, чтобы перебежать к ним. И я бы только подивился, что не все бедные и нуждающиеся (римляне. — Б. Г.) делают это, если бы не было одной причины... а именно... что они не могут перенести туда свои пожитки, лачуги и семьи».

Совершенно то же говорит и византийский историк VI в. Прокопий, имея в виду и славян: византийский «народ большими толпами убегал... к варварам. Чтобы только скрыться от родной земли, каждый охотно менял ее на любую чужую землю, как будто их родина была захвачена врагами»¹. Трудно быть еще более выразительным. Перед нами уже не критика, а надгробное слово уходящему в вечность античному миру. Это — в то же время и указание на путь спасения. Ведь Сильвиан, собственно, приходит к выводу: «Да здравствуют варвары! Долой Рим!»

То же мы можем услышать в не менее решительной форме и у другого вдумчивого римлянина, который поставил диагноз безнадежной болезни Рима за 300 лет перед Сильвианом: Плиний Старший в свое время, т. е. в середине I в. н. э., уже считал Рим обреченным и причину неизбежной гибели своей родины видел в рабстве. По его мнению,

¹ «Тайная история», XI, 38—39.

крупные рабовладельческие хозяйства «погубили» Италию и римские провинции, т. е. все Римское государство.

Греческий философ Платон не ошибался, когда считал войну между греками и варварами неизбежно хронической, только он не предвидел ее окончательного исхода. Борьба между двумя мирами, принимая различные формы, действительно не прекращалась. Но уже приблизительно с IV—V вв. н. э. она определенно приобрела характер катастрофы для тех, кто кичился своей обособленностью, кто хотел воздвигнуть стену между собой и новым миром, несущим с собой конец античному рабству и новый, более прогрессивный строй, известный в науке под именем феодального.

Славяне в этой борьбе принимали самое непосредственное и весьма активное участие. Для наблюдательных людей уже тогда было ясно, что это движение славян чревато большими политическими последствиями: в 600 г. римский папа Григорий, когда славяне стали проникать и в Италию, писал фессалоникскому епископу: «Не советую впадать в отчаяние, ибо тем, кто будет жить после нас, суждено увидеть еще худшее»¹. Славяне, точно так же как и германцы, и армяне, и иберы, и народы Средней Азии, участвовали в перестройке политической карты Европы и Азии и на развалинах рабовладельческого мира создали свои, новые государства.

Для новых государств, возникших на территории бывшей Римской империи, в нашей науке установилось общее название «варварские», потому что их создавали не римские граждане, а новые народы, которых римляне называли варварами. По своей общественной структуре эти государства совсем не похожи на государства древнего мира: в основе производства новых обществ лежал не труд рабов, а труд свободных крестьян-общинников. Поскольку масса крестьянства была свободной и крепостной режим еще не успел занять прочного места, мы называем эти государства дофеодальными. В них, в дофеодальных государствах, развивались и затем окончательно оформились феодальные общественные отношения. Процесс их созревания тянулся в течение трех — четырех столетий от времени образования этих государств.

В новом обществе нашлось место и римским гражданам, римлянам на территории Западной империи, грекам — на Восточной, но, конечно, в новом качестве, хотя много римского унаследовали от Рима и новые народы. Первые писанные законы новых народов, утвердившихся на бывшей территории Западной империи, были записаны на латинском языке, христианская западная церковь приучала свою паству к латинской речи и тем самым старалась приобщить ее к римской культуре. Рим оставил своим наследникам — победителям города — ремесленную технику, научил их своему военному искусству. Несколько иначе сложились отношения в восточной части империи, где новые народы, преимущественно славяне, тоже усвоили ряд военных и технических навыков старой культуры, сумев, однако, сохранить в государственной и церковной практике своей собственный язык. Наконец, некоторые славянские народы несмотря на очень старые свои связи с античным миром создали свои государства на своей собственной территории, где каждое завоевание в области материальной культуры было делом их собственного труда. Таково самое большое из славянских государств — государство восточных славян — русское государство.

II

В основе общественного строя славян на рубеже античности и средневековья лежит та же община, которая характерна и для древних гер-

¹ «Исторический журнал» № 10—11 за 1941 г., стр. 60.

манцев, армян, иберов и других молодых народов, образовавших свое государство на новой производственной базе. Где бы ни появлялись славяне с их крестьянской общиной, они несли с собой свои общинные навыки. Конечно, этот общинный строй не оставался неизменным. Но следить за его эволюцией по источникам, как правило иноземным, невозможно. Они касаются главным образом внешних явлений жизни славян, таких сторон их общественного устройства, которые, во-первых, были более интересны для военных наблюдателей, во-вторых, которые легче бросались в глаза.

Тем не менее все эти свидетельства иностранцев независимо от отдельных слов и замечаний, продиктованных чувством вражды, говорят единогласно и безоговорочно о том, что в VI в. славяне из состояния первобытно-общинного, или родового строя уже в значительной степени вышли и организовывались в более крупные объединения со своими вождями во главе.

«Эти племена, славяне и анты,—читаем у Прокопия Кесарийского,—не управляются одним человеком, но издревле живут в народовластии и поэтому относительно всех счастливых и несчастных обстоятельств у них решения принимаются сообща». Здесь разумеются народные собрания. Об этих народных собраниях Прокопий говорит и при изложении конкретных событий жизни антов. И другие одновременные византийские свидетельства и сообщения Иордана Готского подтверждают наблюдения Прокопия. Маврикия определенно пугало это движение внутри славян, он боялся их дальнейшего объединения и советовал своему правительству всячески мешать им. Советы Маврикия, военного человека по специальности, понятны. Совершенно так же мыслили и римляне относительно германцев. У римского историка — и в то же время военного человека — Тацита относительно германцев вырвалась характерная фраза: «Пусть никогда не прекращается у этих племен взаимная ненависть!» В сущности, ту же мысль, но в более спокойных и объективных тонах высказывал и позднее, в X в., когда уже существовало много славянских государств, араб Масуди: «Славяне — народ столь могущественный и страшный, что если бы не были разделены на множество поколений и родов, то не померялся бы с ними в силе ни один народ в мире». На основании этих и других подобных им сообщений иноземцев можно заключить, что 1) славяне боролись в течение VI в. с Византией весьма энергично, 2) славяне часто наступали огромными массами, 3) почти всегда имели над византийским войском военный перевес, 4) они были организованы, 5) во главе их часто стояли выдающиеся вожди, 6) много военных специалистов из славян служили в византийском войске иногда на очень ответственных и высоких должностях.

Мы сделали бы очень большую ошибку, если бы, следуя за терминологией враждебно настроенных по отношению к славянам писателей, считали славянское войско «толпой». Это было настоящее войско, способное побеждать квалифицированных в военном деле римлян. От толпы оно отличалось, конечно, своей организацией. Именно в это время и в целях превращения народа в войско славянская человеческая масса получила правильное деление по десятичной системе: тысячи, сотни и десятки с начальниками во главе каждой военной части. Если славяне побеждали и готов, и аваров, и византийцев-ромеев, то, конечно, потому только, что были организованы, хорошо вооружены, имели способных вождей, были безумно храбры, сметливы, выносливы, любили свой народ, свою землю и верили в свои силы.

Недаром византийское войско ответило военным бунтом на распоряжение императора провести зиму в славянской земле. «Не обращая внимания на императорские слова, масса римских воинов (византийцев.— Б. Г.) подняла мятеж, желая провести время холодов дома; они отказались зимовать в этой варварской земле. Они говорили, что холода здесь

невыносимы и бесчисленные толпы варваров непобедимы», — повествует об этих событиях Феофилакт Симокатта, писатель первой половины VII века.

Византийские авторы дают нам понять, что не одна военная доблесть и организация являются источником непобедимости славян, но и их материальная база. Это издавна народ земледельческий, умеет хорошо работать, не стыдится труда и достигает в этой области больших успехов.

Все это заставляет нас заново пересмотреть старую проблему, вызывающую жаркие споры среди ученых об общественном строе славян VI—VII веков.

III

Громадные объединения славян, в которых уже исчезают племенные перегородки, несомненно, были и политическими объединениями. Эти военные по преимуществу организации представляют собою переходное явление от родового общественного устройства к государственному и названы Энгельсом «военной демократией». «Военной» — потому, что эта организация существует для целей войны, «демократией» — потому, что это вооруженный народ, управляющийся своим народным собранием, советом вождей и высшим военачальником, еще не знающим власти, отделенной от народа и, тем более, ему противопоставляемой. Военная демократия развилась из родовых отношений, но это уже не родовая организация.

Перейдя Дунай и разгромив значительную часть Восточной римской империи, славяне должны были организовать уже не для продолжения наступления. Вместо сломленного восточноримского государства, до сих пор державшего в своих руках власть над балканским населением, должно было возникнуть новое государство, с новым общественным строем, способным удовлетворить и народную массу аборигенов страны. Оно и возникло. Это была Болгария. Образование этого государства, славянского по основной массе своего населения, осложняется вмешательством в этот процес тюрков-болгар, принявших участие в организации власти и потом быстро ославянившихся.

В VI в. и сербы были уже политически организованы. Во главе их стоял великий жупан. Государственным центром была Раса (ныне Новый Базар). Сербам пришлось вести борьбу с Византией и в ходе этой борьбы то признавать ее власть и платить ей дань, то освобождаться от нее и наносить ей сильные удары.

В это же приблизительно время образовалось на территории Западной римской империи и государство чехов. Во второй половине VI и в начале VII в. чехи находились под властью аваров (обров). После уничтожения аварской власти ряд западнославянских племен объединился. В 630 г. чехи уже смогли нанести поражение напавшим на них франкам.

На южной окраине в это же время происходит утверждение славян в Далмации, Истрии и Фессалии. «Все эти явления, — отмечает акад. Успенский, — среди славянского мира падают на половину VII века, и можно думать, что они находятся в некоторой причинной связи»¹.

Положение западных славян сильно осложнилось благодаря непосредственному соседству их с немцами. Стремление германцев к востоку, на территорию, занятую славянами, привело к онемечению некоторой части западного славянства.

Было бы в высшей степени странно думать, что анты — т. е. восточные славяне, которых византийские писатели и Иордан считали всегда самыми многочисленными и «сильнейшими» среди славян, — жившие на территории, издревле колонизованной греками, и, стало быть, имев-

¹ «История Византийской империи». Т. I. стр. 767—768. 1913.

шие возможность познакомиться с их высокой культурой через посредство других народов или даже непосредственно, чтобы эта часть славянства дожидалась IX столетия и «призвания варягов», чтобы начать свое государственное бытие.

Это маловероятно уже потому, что, как не без основания отметил акад. Успенский, Византия мешала славянам, находящимся в непосредственном с нею соседстве, политически объединиться и многими, весьма действенными средствами поддерживала между славянами рознь, возведя эту свою политику в принцип. «Если видеть первые признаки гражданственности в политической организации,— пишет акад. Успенский,— то следует признать, что самые ранние попытки соединения нескольких колен под одной властью встречаем далеко за чертой непосредственного влияния Византии, т. е. у славян за пределами Византии». Русь как раз и находилась вдали от непосредственного воздействия византийской системы.

В русской историографии имеется ряд историков, среди которых можно отметить даже крупные имена, делящих русскую историю на периоды, начиная обязательно от Рюрика. При этом игнорируется все то, что пережито было русским народом до Рюрика. Надо, однако, отметить, что параллельно высказывались соображения более объективные и научно обоснованные. Дерптский профессор Эверс, например, в 1816 г., накануне выпуска первых восьми томов «Истории» Карамзина, выпустил свою «Историю русского народа», которую он начинает с VI в., т. е. с первых известий об антах. В более позднее время В. О. Ключевский в своем курсе русской истории высказался в том же направлении весьма определенно: «Мы застаем у восточных славян на Карпатах в VI в. большой военный союз под предводительством князя дулебов... Этот военный союз и есть факт, который можно поставить в самом начале нашей истории: она... началась в VI веке на самом краю, в югозападном углу нашей равнины, на северо-восточных склонах и предгорьях Карпат».

Кто же прав в этом большом и важном споре? Пусть на этот вопрос ответят сами источники.

В 40-х годах X в., лет за 100 до составления «Повести временных лет», араб Масуди, один из самых добросовестных и осведомленных арабских ученых, писал в своем сочинении «Золотые луга» о восточных славянах, что одно из славянских племен, коренное между ними, некогда господствовало над прочими; был у этого объединения князь Маджак, и этому князю повиновались все прочие князья; потом пошли раздоры между племенами, союз этот распался на части, каждая из которых выбрала себе отдельных владык. Это господствовавшее некогда славянское племя Масуди называет волынянами. Сообщение это повторяется и у других арабских писателей. Это сообщение находит себе полную поддержку в «Повести временных лет», использовавшей для этого не арабский, а какой-то другой источник — либо византийский, либо западноевропейский, поскольку там это сообщение связывается с нашествием аваров, хорошо известным как Византии, так и западным странам: «В си же времена быша и Обри, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша. Си же Обри воеваху на Словенех и примучиша Дулебы; сущая словены, и насилье творяху женам дулебским. Быша бо Обре телом велици и умом горды, и Бог потребия и помреша вся и не остана ни един Обрин. И есть притча на Руси и до сего дне: погибоша аки Обре; их же несть племени ни наследка».

Ключевский связывает оба сообщения — летописное и Масуди. Волыняне Масуди — это то же, что дулебы «Повести». Дулебы — имя этническое, волыняне — территориальное, от города Волыни, стоявшего на Дулебской земле. «Итак, мы застаем у восточных славян на Карпатах в VI в. большой военный союз под предводительством князя дулебов. Продолжительная борьба с Византией связала этот союз, сомкнула

восточное славянство в нечто целое». Мысль Ключевского столь же ясна, сколь и ответственна. Источники, положенные в основу его вывода, были известны и другим, более робким исследователям. Вестберг, Пресняков и другие высказывали предположение, что сообщение русской летописи о дулебах относится не к русским дулебам, а к чешским, на что очень убедительно возражал А. А. Шахматов. Дулебы — старое, весьма многочисленное и могучее восточнославянское племя — были вполне способны сыграть объединяющую роль, какую они, несомненно, согласно нашим данным, и сыграли.

Таковыми же, вполне логичными и приемлемыми являются и сообщения арабов о наличии в Восточной Европе последующих трех восточнославянских политических объединений. На это обстоятельство не раз обращалось внимание в нашей науке. Давно было известно, что несколько арабских ученых IX—X вв. (аль-Джайхани, аль-Истахри, Ибн-Хаукаль, аль-Балхи), пользуясь каким-то общим, несомненно доброкачественным, источником середины IX в., говорят о трех политических объединениях восточного славянства, существовавших после распада государства дулебов и до образования Киевского государства. Если устранить некоторые противоречия в показаниях названных авторов, то сообщение это примет следующий смысл: существует политическое объединение, имеющее свой город — Куябу. Оно ведет торговлю с чужими странами, допуская на свою территорию иноземных купцов. Находится оно «ближе к Булгару», под которым надо, конечно, разуместь «болгар дунайских». Другое политическое объединение, расположенное дальше первого, носит название «Славия». Наконец, третье, — близкое к «Хозару», не допускающее к себе иноземцев, воинственное и сильное, поскольку сумело наложить «дань на пограничные области Рима» (Византия. — Б. Г.); оно называется «Артания». У каждой из этих политических организаций есть свой «царь» или князь. Что «Куяба» — это Киев и что «Славия» — это земля Новгородская, занятая по преимуществу «словенами», как здесь народ называл сам себя, не было ни у кого никаких сомнений. Относительно Артании существуют разногласия. Указывалось в литературе также и на то, что это сообщение в целом не только не противоречит показаниям «Повести временных лет» (В. А. Пархоменко и др.), но и находит в ней подтверждение.

«Повесть» совершенно четко и недвусмысленно говорит под 859 г., т. е. до призвания варягов, о факте вполне определенном, конечно создавшемся в итоге длительной предшествующей истории восточного славянства: «Имаху дань Варяги приходяще из заморья на Чюди, и на Словенах, на Мери и на Веси и на Кривичех; а Козари имаху на Полянех, и на Северех, и на Вятичех. Имаху по беле и ваверици от дыма». Северные племена, славянские и финские, объединенные общей исторической судьбой, вследствие оставшихся нам неизвестными обстоятельств к середине IX в. временно, как видно из дальнейших сообщений «Повести», оказались данниками варягов. Южные и юговосточные славянские племена, часть которых, несомненно, была объединена вокруг Киева, очутились под данью хазар.

Таким образом, автор «Повести временных лет» дает нам несколько фактов из позднейшей жизни «Славии» и «Куябы» и молчит об Артании, граничащей с Хозарией. Мне кажется, молчание это можно объяснить тем, что Артания к этому времени прочно вошла в состав Хозарского государства и о ней современники уже не говорили как об одной из самостоятельных частей Руси.

Без признания того, что эти факты предшествовали образованию державы Рюриковичей, становятся необъяснимыми ни политическая мощь, ни высокая культура этого государства в X—XI веках.

Наконец, эти факты находят себе подтверждение в ходе событий

всемирной истории и становятся на свое место в процессе образования средневековых европейских государств.

У нас имеются все основания поддержать в развернувшемся научном споре полностью мнение Ключевского и вместе с ним признать, что уже в VI в. в Прикарпатье имелись явные признаки первой завязи русского государства и что после распада этого государства вследствие внешнего удара возникли, а может быть, продолжали существовать другие государственные образования, предшествующие державе Рюриковичей.

Очень важно отметить здесь, что так в конечном счете представлял себе историю Русского государства и Маркс, если судить по его отрывочным замечаниям, сделанным в «Хронологических выписках» и кратком изложении истории России в «Секретной дипломатии».

В «Хронологических выписках» Маркс отмечает: «Возникли сначала два государства: Киев и Новгород. Олег, подчинив также второе русское государство Киев, переносит туда местопребывание правительства» (разрядка Маркса, т. I). Стало быть, до Киевского государства, в представлении Маркса, уже существовали более ранние государственные образования. Киевское государство с его огромной территорией — результат деятельности народа и правительства — Маркс рассматривал как одно из явлений периода раннего средневековья в Европе. Империя Рюриковичей, по его словам, подобна другим империям аналогичного происхождения. И этим объясняется, почему Маркс так ясно сопоставил два самых больших из средневековых государств: одно западноевропейское — империя Карла Великого, — другое восточноевропейское — держава Рюриковичей.

IV

Для полной убедительности выводов, полученных нами главным образом на основании учета международной обстановки в Европе на грани античности и средневековья, нам необходимо проследить внутреннюю эволюцию восточнославянского общества. Необходимо еще раз проверить эти выводы и, с другой стороны, посмотреть, в какой мере созрело восточнославянское общество и могли ли формы восточнославянских общественных отношений стать достаточной базой для возникновения государства.

Археологический материал безоговорочно, с не оставляющей места для каких-либо сомнений точностью говорит нам, что восточные славяне в это время были народом земледельческим. Археологические данные вполне подтверждаются письменными источниками.

«У них большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса», — сообщает Маврикий-стратег (VII в.). Манандр (конец VI в.) рассказывает, что авары, переправившись через Дунай, «начали немедленно жечь селения славян, разорять и опустошать их поля».

Древний славянский календарь названиями своих месяцев тоже говорит о том, что славянин делил время с целью правильного распределения земледельческого труда. Конечно, говоря о земледельческом славянском народе и, в частности, о восточных славянах, надо иметь в виду огромную территорию, занимаемую ими издревле.

На всем этом неизмеримом пространстве не могло быть одинаковых условий для земледелия. Не одновременно, но повсюду изменения в технике земледелия меняли систему ведения хозяйства и вызывали перемены в общественных отношениях. На юге технические усовершенствования появились раньше, чем на севере. Совершенно случайно дошли до нас некоторые известия о сельскохозяйственной технике именно на севере. В Новгородской земле, где лес позволял долго держаться подсечной системы, в начале XII в. встречаем уже не подсеку и если не

трехполье, то, во всяком случае, двухполье. В начале XII в. трехполье уже не казалось новостью даже для новгородцев с их скудной почвой и мало, по сравнению с благодатным югом, обеспечивающим урожаи климатом. Первое совершенно случайное упоминание озимого мы встречаем в Новгородской летописи под 1127 г., когда в Новгородской земле «на осень уби мороз верш (хлеб.—Б. Г.) всю и озимнице».

При господстве земледелия в стране земля должна была играть первостепенную роль, и богатство, начавшее выделять отдельных людей из массы, должно было выражаться прежде всего в освоении земли. Русская Правда свидетельствует о наличии развитого индивидуального сельского хозяйства на Руси в XI веке. Нас же интересует более раннее время, о котором письменных памятников у нас, к сожалению, почти нет. Археологические же данные позволяют нам наметить лишь в общих чертах этапы в истории производственных отношений от коллективного до индивидуального хозяйства.

Наличие индивидуального хозяйства еще не говорит о распаде общественных коллективов, а лишь об изменениях внутри их. Кровные связи, скреплявшие когда-то род, по мере изменения техники производства должны были ослабевать и были заменены другими, чисто хозяйственными. Родовая община, не переставая быть общиной, превращалась в общину сельскую. Следить за этим превращением мы не имеем возможности. Мы можем лишь отметить пережитки старого общественного строя в более поздних памятниках. В Русской Правде четко отражена община, но уже не родовая. Русская Правда называет общину двумя терминами: одним северным — «мир», — другим южным — «вервь». Не может быть никакого сомнения в том, что община не создана Русской Правдой, а попала в нее как обычное явление русской жизни, как стержень русских общественных отношений, имеющий свои корни в глубочайшей древности, когда эту общину составляли родственники по крови и вели свое хозяйство сообща.

Но Русская Правда даже в древнейшей своей, недатированной части, которую многие историки относят приблизительно к VIII в., есть закон классового общества и стоит на страже более привилегированной, более богатой и вооруженной части общества. Стало быть, уже прошло то время, о котором говорилось выше (VI в.), когда весь народ был вооружен, собирался на общие, вечевые собрания и, как выражался византийский историк, жил в демократии. Ни о какой демократии Русская Правда говорить не позволяет. Она есть законодательство государственное и знакомит нас с таким периодом в истории русского общества, когда власть уже отделилась от народа.

Древнейшая Русская Правда оберегает интересы военных людей, в зависимости от последних стоит «челядь», в состав которой входят рабы и зависимые люди — не рабы. Если челядину вздумается покинуть своего хозяина, закон спешит на помощь хозяину и принимает меры к водворению челядина на старое место, а в более поздней приписке хозяину дается право либо бить, либо даже убить своего холопа, если последний осмелился его ударить. Русская Правда прекрасно знакома с куплей-продажей различных вещей, знает рыночную цену вещам. Это уже не родовой строй.

Если мы внимательно вдумаемся в различные тексты Русской Правды — что в значительной степени облегчается сейчас благодаря новому академическому ее изданию, — то мы до некоторой степени сможем себе представить хотя бы бледный облик представителей того господствующего класса, интересам которого она служит. В Русской Правде начала XII в. есть статья: «Если хозяин разыщет своего холопа в чеем либо городе или в хороме...» В остальных списках «в хороме» пропущено. В древнейшей Правде тоже есть статья: если холоп ударит свободного мужа и бежит «в хором». Возникает вопрос: что это за «хоро-

мы», где надеется найти себе убежище беглый холоп и которые закон сопоставляет с городом, т. е. укрепленным поселением? Правда допускает случай, когда хозяин этих «хором» не захочет выдать этого беглого, а обнаружит явное желание (и, очевидно, имеет возможность) защитить его силой от законных притязаний хозяина. Самое простое объяснение заключается в том, что «хоромы» — тоже укрепленное место, известное в летописи под термином «град» (Вышгород — Ольжин град). Владимир после принятия христианства установил десятину в пользу церкви «от имения своего и от град своих». «Грады», или «хоромы», весьма сродни средневековым замкам.

Что это не фантазия, а едва ли не самое естественное объяснение приведенных текстов Правды, можно показать и другим путем. Для этого придется обратиться к более позднему времени, к X веку. «Повесть временных лет» в своих рассказах о событиях X в. как бы мимоходом сообщает нам о том, что у киевских князей имеются свои земли и замки. Кн. Ольге принадлежали села Ольжичи, Будутино, «град» (замок.—Б. Г.). Вышгород; село Берестово было подгородным селом кн. Владимира Святого (тут стоял его «терем» и жили его наложницы; тут же он и умер); город Изяславль был пожалован Владимиром его жене Рогнеде; под Новгородом в конце X и начале XI в. было княжеское село Ракома. Все это случайные упоминания, но они ясно говорят нам, что князья в X в. владели и замками и землей.

А что сказать об окружающей князей знати, без которой князья не предпринимали ни одного сколько-нибудь крупного политического шага, потому что вынуждены были с нею считаться как с большой политической силой? Тут ответ может быть только один: если землей владеют князья, то и бояре должны быть землевладельцами, так как никакой принципиальной разницы между боярами и князьями в этом отношении допустить нельзя. Так было во всех средневековых государствах.

Наличие и устойчивость богатых и знатных фамилий, владевших землей и челядью, подтверждаются и косвенными данными других источников, прежде всего договорами Руси с греками, где эти фамилии обрисованы с достаточной степенью ясности. Устойчивость этих фамилий выражается, между прочим, и в наличии у них своих «гербов», если будет позволено так назвать особые фамильные знаки князей и знатных людей, недавно вскрытые в интересной работе Б. А. Рыбакова. Итак, у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что в X в. и князья и бояре — землевладельцы.

Когда же они стали землевладельцами? На этот вопрос точного ответа дать нельзя: происхождение права собственности на землю не может датировать ни один историк, историей какого бы народа он ни занимался. Ясно одно, что это процесс длительный, что это процесс распада родовых отношений, процесс образования классов.

Одно необходимо сказать: если в X в. землевладение князей и бояр — явление обычное, то оно, конечно, существовало уже и в IX в., а вернее всего, и еще раньше.

Весь вопрос в степени распространения этого явления и в тех изменениях, какие вносит в общественные отношения широкое его распространение. Ведь землевладение князей и бояр говорит о том, что известная часть непосредственных производителей, свободных до момента этого освоения земли, уже перестала быть свободной и вынуждена была в силу своей зависимости работать на своих господ, отдавать им либо часть своего труда либо весь свой труд целиком.

Прежде чем эта система землевладения и эксплуатации земли сделалась господствующей, основной фигурой в производстве необходимых человеку благ и на Руси был свободный крестьянин — общинник.

Соответственно с эволюцией сельского хозяйства развивалось и ремесло. Археологические данные позволяют говорить о наличии ремесленных центров, имеющих определенный район распространения их продукции. Отсюда и понимание нашими археологами летописного перечня племен как архаики, потерявшей реальный смысл, во всяком случае к IX веку. Как указал в свое время В. О. Ключевский, в это время уже намечаются области с городами во главе, с шестрым племенным составом; большинство областей состояло из разных племен или их частей. Названия областей от имени городов начинают вытеснять старые, племенные: бужане, червляне, воляняне, образовавшиеся из племени дулебов; полочане, смольняне, псковичи — из кривичей и словен; новгородцы — из кривичей, словен и некоторых неславянских элементов; киевляне — из полян, древлян и т. д.

Эта система городских областей, конечно, явилась следствием распада племенного строя и являлась важным показателем экономических и политических успехов восточнославянского общества. Но успехи эти на столь большом пространстве, занятом восточными славянами, не могли быть и не были везде одинаковы. Впереди шли дулебы, поляне, северяне, словене. Древляне, радимичи и особенно вятичи отставали. Как следствие этой отсталости мы видим, что территории древлян, радимичей и вятичей присоединяются к другим центрам: древляне — к Киеву, радимичи и часть вятичей — к Чернигову.

Все это показатели, говорящие о том, что соображения о первых государственных образованиях у восточных славян нисколько не противоречат их экономическому состоянию.

Если первое восточнославянское государство в Прикарпатье оказалось не в силах справиться с нашествием аваров; если государство «словен» сначала, повидимому, с Ладогой, потом с Новгородом в центре, объединившими и часть народов Прибалтики, временно вынуждено было платить дань варягам; если «Артания» целиком попала под власть хозар, а часть «Куявин» вынуждена была платить им же дань, то это говорит, во-первых, о том, что восточные славяне и те народы, которые искали своего спасения в единении с ними, были окружены сильными, всегда готовыми использовать слабость своего соседа народами; во-вторых, что политические организации восточного славянства были еще не достаточно крепки, чтобы дать решительный отпор агрессорам. Нельзя забывать и того, что, кроме тех восточнославянских племен, которые в непосредственном столкновении с варягами и хозарами терпели некоторые неудачи, среди восточного славянства находились части, сохранившие свою независимость (древляне, тиверцы, уличи и др.), но самостоятельному существованию которых грозила опасность по мере усиления соседних с ними государств — Венгрии, Польши и Чехии прежде всего.

V

Киевское государство, как мы уже видели, образовалось не на пустом месте. Образование Киевского государства есть политический факт сравнительно позднего времени. Восточное славянство до этого события в деле создания своей государственности успело проделать немалый путь.

«Повесть временных лет» ставит перед собой задачу изображения не деяний и жизни всего восточного славянства, а лишь истории династии Рюриковичей и пишется в такой исторический момент, когда сторонникам единения Руси, к коим принадлежал и автор «Повести» и его заказчик и редактор, киевский князь, приходилось, напрягать свои силы для борьбы с распадом государства, опасностью в это время слишком реальной. Оправдывать историческую роль правящей династии — значило в то время агитировать за ее незыблемость в настоящем, за

необходимость подчинения ей во имя целостности государства, бороться с теми, кто свои местные интересы ставил выше общегосударственных.

Автор «Повести временных лет» пишет свой труд тогда, когда в сознании русских людей уже определился исторический смысл пережитых Русью усилий. Было уже закончено огромное дело, наполнявшее их сердца патриотической гордостью. «Кого бог так любит, как возлюбил нас?» — вопрошает автор «Повести». «Кого так почтил, как прославил и вознес нас?» И категорически отвечает: «Никого!»

Тот же мотив слышим мы и в знаменитом «Слове о законе и благодати» русского скромного священника из княжеского села Берестова (посаженного потом самим Ярославом на кафедру киевского митрополита, до тех пор занимаемую исключительно просвещенными греками). «Не в плохой стране и не в неведомой земле были они (князья Рюриковичи, Игорь, Святослав, Владимир. — Б. Г.) владыками, но в русской, которая ведома и слышима во всех концах земли».

Понятно, почему автор «Повести» отправляется от факта так называемого «призвания» Рюрика, освещая предшествующие события лишь самым кратким комментарием, минимальным для понимания обстановки «призвания».

Тут у каждого может возникнуть вопрос: если Рюрик — не славянин, а варяг, то не вытекает ли отсюда, что в русской государственной жизни решающую роль играли варяги? Особенно усиленно муссируют этот вопрос фашистские фальсификаторы истории. Они из кожи лезут вон, чтобы доказать создание германцами русского государства.

Выше мы уже показали, что Киевское государство не является первым государственным образованием у восточных славян и что эти государственные образования возникли задолго до появления варягов в Восточной Европе. Мы показали также, что образование государства у восточных славян явилось закономерным следствием развивавшихся у них классовых отношений, а не результатом деятельности чужеземцев. Что же касается роли варягов в истории Киевского государства, то и на этот вопрос ответить нетрудно. Если бы Рюриковичи остались в новой своей родине только варягами, не поняли бы своей новой роли, они не могли бы стать во главе русского народа. В том-то и дело, что рюриково потомство и его окружение очень быстро ославянились: они все, несомненно, говорили на русском языке, молились русским богам, слились с русскими военными силами настолько, что вся военная терминология у них стала славянской.

Наконец — что самое главное — династия Рюриковичей, какого бы она ни была этнического происхождения, могла удержаться во главе славянского государства единственно при условии, если она ославянится в смысле своей политической программы и деятельности. И в этом отношении династия Рюриковичей удовлетворяла полностью интересам русского государства.

На эту последнюю сторону дела следует обратить внимание прежде всего. Политическая деятельность самого Рюрика нам мало известна. Согласно показанию единственного в этом отношении источника — «Повести временных лет», — Рюрик «раздавал мужам своим города — одному Полоцк, другому — Ростов, третьему — Белоозеро» и владел словенами, кривичами, мерею, весью и муромой. Из того же источника видно, что некая часть сподвижников Рюрика с Аскольдом и Диром во главе отделилась от него и самостоятельно заняла Киев.

В то время когда Рюрик княжил в Новгороде, Аскольд и Дир владели Киевской землей и предприняли удачный поход на Константинополь, куда, как мы уже видели, за несколько столетий до этого не раз устремлялись анты.

Из дальнейшего хода событий видно, что оба государства — Новгородское и Киевское — существуют самостоятельно; что Рюрик в Новгороде укрепляет свое политическое положение; что какие-то предприимчивые люди из сподвижников Рюрика — вероятно, недовольные тем, что их вождь изменил им и предводительству ими, жаждущими славы и добычи, предпочел соглашение с новгородцами, — покинули его с намерением идти на богатый царственный Константинополь, куда они и пошли, заняв предварительно по пути Киев и пополнив здесь свои ряды желающими участвовать в этом походе полянами.

Перед нами, если мы правильно понимаем сообщение «Повести», счень интересная ситуация. В то время когда Киев, оказавшийся временно во власти предприимчивых, беспокойных элементов, принимает участие в далеком походе на Византию, Новгород организуется и накапливает свои силы. Результат не замедлил сказаться: преемник Рюрика Олег (кто бы он ни был: родственник ли Рюрика или же один из его видных соратников) уже мог использовать собранные в Новгородской земле силы. Во главе большого разноплеменного войска Олег совершает большой поход на юг по Днепру, овладевает последовательно Смоленском, Любечем и, наконец, самим Киевом.

Важно отметить тождество организационных приемов, уже испытанных властью в пределах новгородских. Подобно тому как Рюрик, взяв на себя роль правителя, при помощи рассаживания своих мужей в различных частях своего государства укреплял между ними политическую связь, Олег после занятия каждого из крупных поднепровских городов тоже систематически сажает мужей своих («...приде к Смоленску... при град и посади муж свой, оттуда поиде вниз и взя Любечь и посади муж свой»).

Только в Киеве он не посадил никого из мужей своих, а сел сам, заявив: «...се буди мати градом Русским», — чем и определил новое политическое значение Киева как столицы большого государства, в состав которого вошел и Новгород.

Для такого решения было много оснований. Киев в это время был уже значительным городом, лежал он на прекрасной реке, ведущей с севера на юг, прямо в «Русское» (Черное) море, а из него — в Царьград. Киев был ближе и к Царьграду, и к Хозарскому царству, и к Дунайским землям, т. е. к тем рубежам, с которыми соприкасались восточные славяне издавна.

И здесь, на новом месте, мы видим организационные приемы, знакомые нам по Новгороду. Олег «нача города ставити» и уставлять дани, т. е. укреплять новые свои владения и упорядочивать отношения с входившими в состав государства народами. Дань платят покоренные народы своим победителям. Таково первоначальное значение этого термина. Но с какого-то времени этим термином начинает обозначаться не только военная контрибуция, но и подать, систематически взимаемая и определяющая положение ее плательщиков по отношению к государству.

Заметим, что ни один из упомянутых «Повестью» народов не был завоеван Олегом: ни словене, ни кривичи, ни меря. Отметим также и технический термин, применяемый автором «Повести», — в данном случае «устави» (а не «возложи», как это тут же говорится о покоренных народах). Это значит, что Олег в данном случае действует не как военная власть, а как правитель государства, определяя повинности своих подданных. «Уставлять» — значит точно определять, узаконивать, водворять порядок. Отсюда и договоры Руси с греками «уставляют» взаимоотношения договаривающихся сторон и Русская Правда называется «установлением» князей. Новгородская летопись под 1229 г. называет крестьянскую подать данью и считает ее давним «установлением» прежних князей («как уставили преднии князи, тако платить дань»).

Власть начинает улучшать механизм государственного аппарата. И только вслед за этими действиями власти мы видим ее очень показательные шаги во внешней политике.

VI

Внешняя политика Киевского государства — не авантюра, продиктованная склонностями тех или иных вождей, а система, определяемая интересами растущего государства. Нетрудно в деятельности первых Рюриковичей видеть две совершенно четко поставленные цели: 1) объединение восточного славянства и 2) защиту государства от угрожавших ему народов.

Для нас даже не столь важно, кто именно из князей покорял соседние славянские племена и включал их в состав Киевского государства. Важен курс, взятый правительством этого государства.

При условии роста средневековых европейских государств отдельное самостоятельное существование древлян, дреговичей, радимичей и других было немыслимо. Они естественно становились жертвой более сильных политических организаций. В частности судьбу древлянской земли должны были решить ее соседи — Польша, Чехия, Венгрия или Киев. Решил ее Киев, и, нужно сказать, — наиболее удобным для самих древлян способом, так как при этом решении они попали в среду, им близкую и родную: сами будучи одной из ветвей восточного славянства, они слились с восточнославянским, русским государством, имевшим достаточно сил, чтобы предоставить своим частям возможность дальнейшего развития.

Хозарское, в основном тюркское, но по существу многонародное государство заняло, между прочим, и территорию, издавна заселенную восточным славянством. С конца VII и в начале VIII в. хозары владеют Керченским проливом, частью Крыма, Южным Подоньем и распространяют свою власть на землю вятичей, радимичей и даже полян.

Столкновение между растущим Киевским государством и Хозарским каганатом было совершенно неизбежно. Можно думать, что войны между восточным славянством и хозарами начались с момента появления орд, объединенных именем хозар на юге нашей страны. Первые столкновения, как нам известно, были для славян несчастливыми, и лишь после того, как окрепла Русь под главенством Киева, отношения между этими двумя государствами радикально изменились. Русь систематически освобождает одну за другой свои земли из-под власти хозар и, наконец, при Святославе наносит последний и окончательный удар Хозарскому государству. Об этом имеются не только русские, но и арабские совершенно точные сообщения.

Параллельно решался и вопрос относительно уличей и тиверцев — тех самых, о которых «Повесть» сообщает, что они сидели по берегу Черного моря, от устьев Днепра до Дуная, и что их было множество. Эти племена были в военном отношении сильны. У них было много крепостей, существовавших еще во время составления «Повести» («и суть гради их и до сего дня»). Это не фантазия. У нас имеется малоисследованный документ «А се имена всем градом русским, дальним и ближним», где на первом месте стоит перечень русских городов в Подунайской и Приморской областях.

Баварский аноним IX в. об уличах говорит, что это «*populus multus*», т. е. многочисленный народ, и имеет 318 «*civitates*» (укрепленных поселений). Не удивительно, что присоединение этих восточнославянских земель к Киевскому государству потребовало больших усилий. В Новгородской I летописи есть известие, что Аскольд и Дир, после занятия Киева, уже воевали с уличами. Олег продолжал войну с ними и с тиверцами, но, повидимому, решительных результатов не добился.

Так систематически осуществлялась первейшая задача Киевского государства — объединение восточнославянских земель. Цель, которую не могли осуществить славяне в VI—VII вв. и чего так сильно боялась Византия, стала вполне по силам государству Киевскому.

Русь жила неизолированно от других государств Европы, и совершенно понятно, что Киевское государство должно было, отстаивая свои интересы, вступить с европейскими государствами в различные отношения.

С другой стороны, мы очень хорошо знаем, что Европа сама была заинтересована в установлении связей торговых и политических с Русью.

Византия, начиная с VI в. очень внимательно следившая за тем, что делается в Восточной Европе, еще с большим вниманием, смотря по политическим обстоятельствам, то с тревогой, то с надеждой обращает свои взоры на север. Арабский мир неустанно следит за каждым шагом растущего русского государства. Западная Европа очень хорошо знает Русь, и Русь знает Западную Европу. Связи между ними были самые разнообразные: торговые, политические, культурные.

Сведения о византийско-русских отношениях у нас очень неполны. Но то, что мы об этом знаем, говорит о давнишних и разнообразных связях между двумя народами. Особенно Византия должна была дорожить своими добрыми отношениями с Русью после разгрома Свято-славом Хозарского царства, так как теперь Русь вместо переставшей существовать Хозарии стояла на страже и защищала Запад и Византию от турецких орд, непрестанно двигавшихся с востока на запад. Связи между Русью и Византией рано стали оформляться специальными договорами, из которых дошла до нас только часть.

Во втором из дошедших до нас договоров Руси с греками, текст которого не возбуждает никаких сомнений в подлинности, от 2 сентября 911 г., сказано ясно, что данный договор имеет целью упрочить «от многих лет межю христианы (греки. — Б. Г.) и Русью бывшую любовь». Словом «любовь» переведено, несомненно, стоявшее тут в греческом подлиннике слово «агапэ», что соответствует латинскому «пакс», т. е. мирное соглашение, договор. Наши ученые-специалисты (М. Погодин, С. Платонов, М. Приселков) признают наличие еще более раннего договора, 866—867 гг., о союзе и дружбе, закрепленного со стороны Руси принятием христианства и епископа из Византии. М. Приселков говорит о нескольких договорах IX века. Патриарх константинопольский Фотий в 866 г. писал также, что Русь «переменила нечестивое языческое суеверие на чистую и непорочную христианскую веру и ведет себя в отношении нас (греков. — Б. Г.) почтительно и дружески, тогда как незадолго перед тем (18 мая 860 г. — Б. Г.) беспокоила нас своими разбоями и учинила великое злодеяние» (намек на поход Руси на Византию).

Русско-византийские отношения в самых разнообразных проявлениях тянутся с VI в. и переживают падение Византийской империи (1453).

Будет несомненной ошибкой думать, что Русь в своих походах на Византию преследовала только грабительские цели. Это было бы большим упрощением сложных и давнишних отношений между двумя народами.

Сам патриарх Фотий, переживший нападение Руси 860 г. и не скупившийся на жестокие слова по адресу Руси, должен был признать, что Русь напала на Византию «справедливо» («Эти варвары справедливо расшвирили за умерщвление их соплеменников и с полным основанием требовали и ожидали (для нарушителей права. — Б. Г.) кары, равной злодеянию». «Их привел к нам гнев их»). Весь вопрос в том, что греки, очевидно, не ожидали такой смелости от «варваров» (хотя они могли бы вспомнить VI и VII вв.). Греки были убеждены, что «один слух о Ромеях» может «усмирить» Русь, а оказалось, что она «подняла оружие против их державы». Мало того: Фотий вынужден

был признать, что самый поход организован был Русью прекрасно: «Поход этих варваров схитрен был так, что и слух не успел оповестить нас, и мы слышали о них уже тогда, когда увидели их, хотя и разделяли нас столькие страны и народоначальства, судоходные реки и моря, имеющие удобные гавани».

Дошедшие до нас договоры Руси с греками, как правило, заключаемые после походов Руси на Византию, говорят очень много о предметах, в которых были заинтересованы обе стороны. Здесь речь идет далеко не только об условиях торговли между двумя государствами: тут мы видим и военное соглашение, предусматривающее возможные возникнуть в международных отношениях осложнения, когда стороны должны выступать или совместно или отдельно; здесь предусмотрены случаи нарушения уголовного и гражданского права обеими сторонами; международные обязательства русских возвращать имущество греков, потерпевших кораблекрушение, взаимного выкупа и возвращения в отечество пленников, беглых рабов и др.

Договор 944 г. условия о взаимной военной помощи заключает следующими словами: «И оттоле уведят ины страны» — и комментирует это соглашение: «каку любовь имеют Греци и Русь».

Византия уже в X в. серьезно смотрела на растущее Киевское государство как на силу, с которой нельзя не считаться. С другой стороны, Русь сама напоминала о себе, не давала себя запутать в хитросплетения византийских политиков, умела сохранить свое лицо и соблюсти свои политические интересы. В 911 г. русский полк сражался рядом с византийским войском против арабов; в 920 г. Русь помогает той же Византии в борьбе с Болгарией. Кн. Ольга во время своего пребывания в Константинополе в 957 г., вероятно, изменила отношения Константина Багрянородного к Руси, обещала ему выслать свое войско; и нам известно, что в последние годы правления Константина Багрянородного в войне его против критских арабов принимала участие и Русь.

Если в первой половине X в. Византия вынуждена была считаться с наличием Киевского государства, то во второй его половине Византия без Руси обойтись уже не могла.

В княжение Святослава и Владимира Святого Византия обращалась по собственной инициативе в Киев дважды, и оба раза участие Руси в разрешении международных вопросов было весьма заметно. Здесь имеются в виду поход Святослава на Болгарию, предпринятый по соглашению с Византией и в значительной степени по ее инициативе; поход Руси в Византию для борьбы с восставшей против императора Василия (976—1025) армией под предводительством Варды Фоки, по приглашению Василия; осада русскими войсками Херсонеса, как ответ на несоблюдение Василием принятых им условий.

После принятия христианства в качестве государственной общеобязательной религии Киевское государство еще теснее вошло в политическое общение с государствами Европы.

Непосредственная и неустойчивая граница с Польшей создавала много поводов для постоянных столкновений, разрешавшихся то миром, то войной. Ни польские, ни русские источники не могут указать нам, когда именно стали бороться оба государства за установление своих границ. Дело осложняется еще и тем, что в этой борьбе принимало участие в своих собственных интересах еще одно государство — Чехия. Ни чешская, ни польская, ни русская науки до сих пор не могут разобраться в спорном тексте русской летописи под 981 г., где говорится: «Иде Володимер к Ляхом и зая грады их, Перемышль, Червень и ины грады, иже суть и до сего дне под Русью», — а между тем это — первое записанное свидетельство о столкновении Руси с Польшей из-за пограничной территории.

Острота вопроса заключается в том, что из текста летописи вытекает, что Перемышль и Червень в 981 г. были городами польскими, тогда как в это время не Польша владела всей этой частью Прикарпатья, а Чехия, владения которой заходили тогда очень далеко на восток, до Кракова включительно. Археологические и этнографические данные, а также исторические сведения о дулебах говорят, что Прикарпатье и именно те места, где стоят города Волынь, Червень, Перемышль и др., есть старая земля восточнославянского племени дулебов.

Если откинуть возможность обмолвки летописца, то придется признать, что эта старая русская земля когда-то попала под власть Польши и Владимир в 981 г. вернул ее обратно. Само собой разумеется, что, отбирая у Польши русские земли, Владимир мог прихватить и часть территории, населенной поляками. Отсюда вытекает, что русско-польские отношения начались до Владимира и что летописец сообщает нам факт, так сказать, вырванный из цепи последовательных исторических событий. С этого момента столкновения двух государств, принимая различные формы, продолжают беспрерывно.

В ходе этой борьбы Русь входит в общение с Германией и Чехией, и ни в одном из документов мы не видим, чтобы германский император или чешский король как-либо пренебрегали политическим значением русского государства. Из западноевропейских хроник мы узнаем, что сношения Руси с Германией начались давно. При кн. Ольге ездили русские послы к императору Оттону, от Оттона приезжал епископ в Киев. В 973 г., по сообщению немецкого хрониста, к Оттону приходили «послы русов с большими дарами». Разлад с Византией в 40-х годах XI в. снова сблизил Русь с Западом. Генрих III выступал совместно с Ярославом по делам Польши. В 1040 и 1043 гг. русские послы ездили в Германию.

О торговых связях Руси с Германией идут сведения тоже от самого начала X в. (903 г.), причем тут говорится о русских купцах, пришедших в Германию не со вчерашнего дня. В свою очередь, Киев привлекал немецких купцов роскошью и обилием своих товаров. Общее представление в Германии о Руси как о стране несметных богатств подчеркивается в немецких хрониках.

Давнишние и непрекращавшиеся отношения Руси с папским престолом тоже хорошо нам известны. В княжение Владимира Святославича от папы на Русь было пять посольств, из Руси к папе — два. Принятие христианства Русью по византийскому восточному обряду нарушило эти связи, но папа никогда не переставал следить за Киевом в надежде распространить свою власть и на Восточную Европу. Сына Изяслава Ярославича — Ярополка-Петра, изгнанного вместе с отцом своим из Киева, — он взял под свое покровительство и собирался его короновать в связи с обещанием Изяслава передать Киев в лен св. Петра.

С более далекой Францией Русь сносила, повидимому, не столь интенсивно. Тем не менее хорошо известен брак французского короля Генриха I с дочерью Ярослава Анной, пережившей своего мужа и вторично вышедшей замуж во Францию за графа де Крепи. Пережив и этого мужа, она вернулась к своему сыну, французскому королю Филиппу, и принимала активное участие в политической жизни Франции. Сохранились ее собственноручные подписи на французских документах 1063 года.

Несчастная для англо-саксов битва при Гастинге 14 октября 1066 г., закончившаяся смертью короля Гаральда и переходом власти в руки норманского герцога Вильгельма, имела отклики и в Киеве. Гита — дочь Гаральда — стала женой Владимира Мономаха. В Киеве, при дворе Ярослава, нашли себе приют и сыновья другого английского короля — Эдмунда: Железный Бок Эдвин, Эдуард, изгнанные из Англии датским конунгом Канутом.

При дворе Ярослава мы видим также норвежского короля Олафа, изгнанного из Норвегии. Сын его с русской помощью вернул себе престол, а на его дочери женился сам Ярослав. Тут же оказался и другой знаменитый викинг, Гаральд Смелый, после громких подвигов в Сицилии и Италии ставший королем Норвегии и сложивший свою голову в Англии. Он долго и настойчиво добивался и добился руки дочери Ярослава Елизаветы.

Оживленные политические связи Руси с Европой несомненны. Киев западным иностранцам казался соперником Константинополя; оживленность жизни города изумляла писателей-иностранцев XI века.

Огромное количество восточных монет VII—VIII вв., находимых на территории Восточной Европы, большой интерес арабов к нашей стране, выразившийся в многочисленных описаниях ее арабскими учеными, и другие факты говорят нам об очень оживленных связях докиевской и Киевской Руси с Востоком.

Не удивительно, что в этой интернациональной обстановке русские князья научились владеть многими европейскими языками. Всеволод Ярославич говорил на пяти языках. Его сын Владимир Мономах, несомненно, знал языки и прежде всего английский, так как женат был на англичанке и, вероятно, пользовался английскими образцами литературы, когда писал свое «Почтение», где он, между прочим, советует учиться языкам: «в том бо честь есть от инех земель».

Если мы перейдем к отношениям Руси к народам тюркским, систематически наводнявшим особенно южную часть нашей страны, то и здесь придется нам отметить, что Русь ни разу не растерялась ни перед тюрками, ни перед печенегами, ни перед половцами. Спокойно и уверенно отражая их удары, она в то же время умела привлекать их на свою сторону, либо растворяя их в своей среде, либо вырабатывая формы отношений, приемлемые для народов тюркских и соответствующие своему собственному достоинству.

Взяв на себя работу по выбору фактов из огромного их запаса, я старался предоставить им возможность самим говорить за себя. Этот язык мне казался достаточно убедительным, чтобы прийти к окончательному выводу, что русский народ, выступив на историческую сцену в VI в., оказался достаточно сильным и организованным, чтобы сохранить свое лицо, облечь свое официальное существование в Европе в государственную форму, определить свое почетное место в истории Европы и тем самым наметить и расчистить путь для своего дальнейшего славного развития.

О РОЛИ РУССКОГО ФРОНТА В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ 1914—1918 ГГ.

Н. Руткевич

I

В первые месяцы империалистической войны, когда буржуазная печать и официальные правительственные публикации всячески фальсифицировали действительную историю возникновения войны, В. И. Ленин в гениальном манифесте ЦК РСДРП(б), обличая правительства и буржуазию всех стран в систематической подготовке империалистической, захватнической войны, писал:

«Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и предрешенные Россией и Францией»¹.

В этих словах не только вскрыта роль гогенцоллернской Германии в возникновении войны, но и подчеркнуты те мотивы, которыми руководились властители Германии, когда, поощряя Австро-Венгрию к решительным действиям в конфликте с Сербией, они форсировали военную развязку. Среди огромного количества дипломатических документов, опубликованных после вскрытия архивов, нет, на наш взгляд, документа, более отчетливо изображающего расчеты и планы Берлина в памятные кризисные дни, чем известное донесение австро-венгерского посла Сегени². В нем с категорической определенностью объяснено, почему именно 1914 год был последним наиболее благоприятным сроком для Германии, чтобы начать войну. Германия рассчитывала на два обстоятельства: нейтралитет Англии, которая не примет участия в войне, возникшей из-за балканской страны, и незавершенность русской военной подготовки, в силу которой Россия либо не посмеет вмешаться в австро-

¹ Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 61—62.

² «По мнению Германии, которое я вполне разделяю, необходимо выбрать теперешний момент, исходя из общих политических соображений и специально моментов, вытекающих из сараевского убийства. В последнее время Германия еще больше укрепила свое мнение, что Россия готовится к войне против своих западных соседей и что она рассматривает эту войну уже не как известную возможность, а определенно считается с ней в своих видах на будущее, но только в своих видах на будущее, а это значит, что она намерена вести войну и готовится к ней всеми силами, но в настоящее время она не собирается еще воевать, или, лучше сказать, она еще недостаточно подготовлена к войне. Поэтому вовсе не установлено, что Россия поддержит вооруженной рукой Сербию, в случае если последняя будет вовлечена в войну с нами; если бы царская империя все же решилась на это, то в данное время она далеко еще не готова в военном отношении и далеко еще не так сильна, какой она, можно предвидеть, будет спустя несколько лет. Далее, германское правительство считает, что имеются верные признаки, что Англия в настоящее время не примет участия в войне, возникшей ради какой-либо балканской страны, даже если бы дело дошло до войны с Россией и даже, может быть, с Францией». См. «Oesterreich-Ungarns Aussenpolitik». Т. VIII, N 10215.

сербский конфликт (и тогда дело завершится легкой победой Австро-Венгрии в дипломатическом или военном конфликте с изолированной Сербией) либо вмешается — и тогда вспыхнет европейская война в наилучшей для Германии обстановке: при перевесе военных сил Германии и Австро-Венгрии над силами франко-русского союза.

Как известно, первый германский расчет оказался грубым просчетом; в Берлине несмотря на предупреждение Лихновского просто не понимали действительной сущности английской политики. Второй же расчет, на который указывает В. И. Ленин, имел под собой вполне реальные основания. Германская армия, как подтверждают военные специалисты всех стран, изучавшие историю войны 1914—1918 гг., действительно имела ряд неоспоримых преимуществ по сравнению с армиями союзников. Она была лучше вооружена, в особенности тяжелой артиллерией, значение которой в полевой войне не поняли и недооценили французский и русский генштабы. Она имела хорошо обученные резервы и хороший командный состав. Она действовала, опираясь на высокоразвитую железнодорожную сеть, что облегчало ей маневрирование по внутренним операционным линиям. Она имела тщательно составленный, целеустремленный план кампании — известный план Шлиффена¹ — и руководилась основательно вымуштрованным в школе Мольтке-старшего и Шлиффена генеральным штабом. Правда, неоспоримый перевес ресурсов был на стороне стран Антанты, имевших возможность к тому же в силу господства на море использовать ресурсы Америки. Этот перевес материальных сил обеспечивал им в будущем все шансы на победу.

Но до тех пор, пока эти ресурсы не были полностью мобилизованы, пока союзники не ликвидировали свое отставание в военной подготовке, пока Англия фактически не имела сухопутной армии, за исключением нескольких дивизий, направленных во Францию, пока США не вступили в войну, а Германия не была еще истощена блокадой, — до тех пор Германия в войне, более или менее краткосрочной, имела известные шансы на победу, обусловленные превосходством ее военной подготовки к моменту начала войны.

Почему же Германия в первый период войны не смогла реализовать этих шансов? Почему в 1914 г., когда, по плану Шлиффена, ей надлежало разгромить Францию, она не добилась в маневренной войне решительной победы? Почему в 1915 г., когда силы ее были обращены против России, она не смогла довести дело до выхода России из войны? Почему, наконец, в 1916 г. перевес медленно, но верно стал склоняться на сторону ее противников? На эти вопросы в военной литературе давались многочисленные и часто противоречивые ответы. Одни подчеркивали ошибки, совершенные в эти годы германским верховным командованием — Мольтке-младшим и Фалькенгайном. «Война упущенных возможностей» — назвал свою книгу один из наиболее острых критиков германского командования, пресловутый Гофман. Другие подчеркивали (несомненно, с полным основанием) доблесть французской армии, мужественно защищавшей французскую землю и недопустившей, чтобы немецкое нашествие дошло до ее сердца — Парижа.

Такой горделивой апологией французской армии и ее вождей является большинство французских произведений о войне. Отмечают авторы также усилия Англии, создавшей в кратчайшие сроки многочисленную сухопутную армию и сохранившей контроль над морскими путями. Меньше всего в мировой литературе отмечена была в предше-

¹ Мы не касаемся здесь вопроса о достоинствах и недостатках плана Шлиффена. Во всяком случае, он по своей цельности стоял выше французского XVII и русского планов.

ствующие годы (по соображениям отнюдь не научным) огромная роль русского фронта в конечном исходе мировой войны.

Между тем в первый период войны (1914—1916 гг.) русские армии своим стойким и мужественным сопротивлением, своими наступлениями, предпринятыми в интересах общего дела (и часто в ущерб себе), не дали возможности Германии выиграть войну в то время, когда потенциальные ресурсы Англии не были еще полностью развернуты, а США еще не вступили в войну.

II

О состоянии русской армии к началу империалистической войны существует ряд авторитетных суждений. Из них выделяются по правдивости и компетентности свидетельства генерала Брусилова¹ и военного историка и участника войны генерала Зайончковского². Из сличения их показаний с оценкой германского генерального штаба³ можно сделать следующие общие выводы:

1. Русская армия в 1914 г. находилась в состоянии начатой, но незаконченной реорганизации. В некоторых отношениях русская армия далеко шагнула вперед по сравнению со временем русско-японской войны; в других отношениях ломка старого и отсутствие достаточной энергии и быстроты в проведении новых мероприятий создавали хаос и путаницу. Несомненно, серьезные успехи были достигнуты в быстроте проведения мобилизации. Это было следствием принятой в 1910 г. дислокации армии, переместившей массы русских войск из выдвинутого четырехугольника Польши во внутренние губернии⁴, следствием постройки ряда новых стратегических магистралей и, наконец, следствием ряда пробных, контрольных мобилизаций.

Контингент призываемых в русскую армию увеличился с 1913 г. на 25 тысяч. С 1912 г. было принято задерживать старый набор с ноября по апрель — на время обучения новобранцев. В 1909, 1911, 1912 гг. проводились в больших масштабах учебные сборы запасных, отмененные в предшествующие годы. В результате этих мероприятий усилился состав кадровой армии и улучшилось военное обучение запасных⁵. Методы военного обучения командующего состава и рядовых были значительно модернизированы по сравнению со временем русско-японской войны⁶.

В общем германский штаб считал, что боевая готовность России со времени русско-японской войны сделала колоссальные шаги вперед. Но

¹ Брусилов очень критически подходит к оценке мероприятий, принятых военным министром (Сухомлиновым) в период перед войной, но в общем признает ряд успехов в военной подготовке России за время с 1909 по 1914 год. В 1909 г. положение было, по его словам, таково, что «мы в то время, безусловно, воевать не могли, даже если бы немцы захотели аннексировать Польшу или прибалтийские провинции». Брусилов А. «Мои воспоминания», стр. 48—68. М. 1940.

² Зайончковский А. «Мировая война 1914—1918 гг.». Т. I, стр. 18—86. М. 1936. Его же «Подготовка России к мировой войне» (планы, статьи). М. 1926.

³ Куль Г. «Германский генеральный штаб и его роль в подготовке и ведении мировой войны». М. 1936.

⁴ Новая дислокация 1910 г. имела и отрицательные стороны: она разрушила старую систему фортификации на западной границе, не создав ничего взамен, и она находилась в явном противоречии с принятыми в отношении Франции обязательствами начать войну немедленным выступлением против Германии.

⁵ Куль Г. приводит оценку германского генерального штаба: «... категории запасных в русской армии значительно развивались как количественно, так и качественно». См. указ, соч., стр. 75.

⁶ Зайончковский А. «Мировая война 1914—1918 гг.». Т. I, стр. 22. М. «В русской армии под впечатлением русско-японской войны усовершенствовалось обучение, расширились боевые порядки, начала проводиться в жизнь эластичность их, было обращено внимание на значение огня, роль пулеметов, связь артиллерии с пехотой, индивидуальное обучение отдельного бойца, подготовку младшего командного и, в особенности, унтер-офицерского состава и на воспитание войск в духе активных, решительных действий».

начатое дело усиления боевой мощи России было далеко еще не закончено. В 1913 г. в ответ на растущее вооружение Германии Россия приняла так называемую «большую военную программу», согласно которой русская армия увеличивалась на 39% по штатам мирного времени, а огневая мощь русского корпуса возрастала почти до уровня немецких корпусов (156 орудий, из них 108 легких пушек, 24 легких гаубицы, 12 полевых тяжелых пушек и 12 тяжелых гаубиц — против 160 орудий, из них 18 105-мм и 16 155-мм у немцев). Эта программа должна была быть выполнена до 1917 года. 1917 год, по общему свидетельству, был бы наиболее благоприятным сроком для царской России, чтобы с большими шансами на успех вести войну против австро-германского блока¹. К этому времени были бы готовы и новые линкоры для Балтики и Черного моря и были бы подготовлены средства для проведения десантных операций у Босфора². Германия, как мы видели, точно рассчитала наиболее выгодный для нее срок, чтобы начать войну против России и Франции.

2. Независимо от сроков завершения военной подготовки русская армия имела ряд трудно устранимых или даже неустранимых недостатков, вытекавших из экономической и политической отсталости царской России.

Наиболее существенными пороками военной организации дореволюционной России были следующие: 1) слабость русской металлургической, металлообрабатывающей и специальной военной промышленности. Ни одна из воюющих стран не предвидела масштабов войны: ни наши союзники, ни наши противники не обладали достаточным запасом вооружения и снарядов. Но западные страны с их более развитой промышленностью и более мощной и гибкой хозяйственной организацией смогли в относительно короткий срок приспособиться к требованиям войны и восполнить просчеты генштабов. Русская же промышленность и царская администрация, возглавляемая к тому же такими людьми, как Сухомлинов или генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович, справиться с задачами боевого снабжения фронта не смогли. Отсюда памятная катастрофа 1915 г., когда русские армии, фактически безоружные, отступали под ураганным огнем немецкой артиллерии.

2) Слабое развитие железнодорожной сети царской России (1,1 км на 100 кв. км территории в Европейской России против 10,6 км в Германии и 6,4 км в Австро-Венгрии), из-за чего главным образом царская Россия никогда не могла полностью реализовать своего основного преимущества — огромного перевеса людских ресурсов. Недостаток транспортных средств лимитировал число бойцов на фронте, затрудняя их снабжение, и делал невозможными быстрые переброски дивизий в оперативных целях. Низкий уровень народного образования создавал трудности в пополнении офицерских кадров, замедляя обучение запасных. Брусилов неоднократно жалуется в мемуарах на плохое обучение прибывавших на фронт пополнений.

3) Продвижение на руководящие посты в армии царской России являлось результатом близости к правящей верхушке, удачно сделанной карьеры; выслуги лет, но (за редкими исключениями) не боевых заслуг или личных дарований. Отсюда хроническое явление — бездарность выс-

¹ Покровский М. приводит в одной из своих статей показание Колчака, данное следственной комиссии: «Мы знали, что инициатива в этой войне, начало ее будет исходить от Германии, знали, что в 1915 г. она начнет войну» (См. сборник «Империалистическая война», стр. 171. М. 1934.; см. также протокол совещания, созванного Сазоновым 21(8) февраля 1914 года. «Международные отношения в эпоху империализма», серия III. Т. I, № 295.

² Брусилов А. Указ. соч., стр. 44. «Россия с грехом пополам предполагала изготовиться к этому великому экзамену народной мощи к 1917 г., да и Франция далеко не завершила своей подготовки».

шего командования, его несоответствие масштабу возложенных на него задач. Такие талантливые генералы, как Брусилов или даже безвольный, но, по крайней мере, сведущий в военном деле и отстаивавший русские интересы в отношениях с союзниками Алексеев, — лишь исключения среди Жилинских, Ивановых, Эвертов и им подобных. Отсюда отсутствие единства военной доктрины в генеральном штабе, отсутствие основательно разработанных и отчетливо выполненных планов операций и т. д.

Об этих пороках царской армии, взращенных гнилым режимом царского самодержавия в годы его заката, свидетельствуют мемуары генерала Брусилова. Военный историк А. Зайончковский совершенно точно резюмирует общее состояние русской армии меткой фразой: «Русская армия выступила на войну с хорошими полками, с посредственными дивизиями и корпусами и с плохими армиями и фронтами».

Каким же образом русская армия при всех ее недостатках смогла разбить наголову австрийскую армию, которая, как показала кампания против Италии, вовсе не была так слаба, как это иногда утверждают; как она смогла стойко держаться против германцев, оттягивая в течение трех лет все большее и большее число неприятельских сил на восточный фронт?

Ответ на этот вопрос совершенно единодушно дают и друзья и враги. Еще в 1913 г. германский генеральный штаб, оценивая боевые качества русской армии, вынес следующее суждение: «Людской материал в общем так же хорош, как и раньше. Русский солдат силен, нетребователен и бесстрашен»¹.

Г. Куль, приводящий эту оценку, присоединяется к мнению, высказанному сто лет тому назад Гнейзенау: «Невозможно сражаться с большим бесстрашием, чем сражаются войска воинственной русской нации...»². Скупой на похвалы противнику Людендорф вынужден был сказать о сибирских корпусах: «Они были особенно хороши и доставили нам много хлопот»³.

Русская армия времен первой мировой войны была сильна мужеством, стойкостью, выносливостью своего личного состава, воплощавшего исконные исторические черты русского и других народов нашей страны. Это давало ей силы с честью выносить на своих плечах тяжесть борьбы с технически и организационно превосходящим противником.

III

В военной литературе всех стран стало общепринятым положением признание громадной роли русского наступления на Восточную Пруссию в августе 1914 г. для исхода битвы на Марне. Известно, что это наступление было предпринято во исполнение обязательств, данных русским командованием на очередном совещании начальников генеральных штабов (Жилинский, Жоффр) в 1913 г. — начать наступательные операции против Германии не позже чем на 15-й, и к концу 1914 г. — не позже чем на 13-й день со дня объявления войны. В точном соответствии с этим последним оптимальным для французов сроком директива русской ставки предписывала северозападному фронту перейти в наступление I (Неманской) армией 13 августа и развить его в общую операцию I и II (Наревской) армий к 17 августа.

В эти дни со стороны французского правительства и командования были приняты чрезвычайные меры, чтобы еще больше форсировать темпы русского наступления. Французский посол Палеолог, по требованию

¹ Куль Г. Указ. соч., стр. 80.

² Там же, стр. 97.

³ Людендорф «Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг.». Т. I, стр. 66. Гиз. 1923.

Парижа, развил лихорадочную деятельность в Петербурге, обратившись к военному министру, верховному главнокомандующему и, наконец, уведомив самого царя о необходимости экстренных мер помощи французской армии, потерпевшей тяжелое поражение в так называемом пограничном сражении в 20-х числах августа¹.

Русский военный агент в Париже обратился тридцатого июля в ставку с донесением, в котором писал: «Французские армии перейти в наступление в ближайшем уже едва ли смогут. Я ожидаю в самом лучшем случае медленного отступления... Весь успех войны зависит всецело от наших действий в ближайшие недели и от переброски на русский фронт германских корпусов»².

Русская армия далеко еще не была готова к тому, чтобы вести одновременно две крупные операции: в Восточной Пруссии—против немцев и на югозападном фронте—против австрийцев. Как известно, наступление в Восточную Пруссию кончилось для русской армии из-за полной несогласованности действий I (Ренненкампф) и II (Самсонов) армий весьма печально: поражением (Наревской) армии при Танненберге (27—30 августа) и оставлением Восточной Пруссии. Но начало русской операции, сопровождавшееся победой при Гумбинене (20 августа), оказало огромное влияние на состояние духа германского командования, вызвало повсеместную тревогу в Германии и заставило Мольтке-младшего снять два корпуса с правого ударного фланга немецких армий, наступавших через Бельгию во Францию (гвардейский резервный корпус был снят из состава II и 11-й—из состава III армий). Это вызванное переброской на восток ослабление кулака, занесенного над Францией по плану Шлиффена, нельзя считать единственной причиной поражения немцев на Марне в великом бою 5—9 сентября, спасшем Париж в 1914 году. По общему признанию, эту переброску надо отнести к числу важнейших факторов, обусловивших недостаток сил у немцев к моменту генерального боя.

Так расценивают дело наиболее крупные авторитеты обеих сторон. Людендорф пишет: «На западе германское наступление закончилось неудачей. Правое крыло западной германской армии было недостаточно сильно и захватывало недостаточный фронт. Удаление гвардейского резервного и 11-го армейских корпусов зловеще дало себя знать. Наоборот, это крыло следовало усилить корпусами из Лотарингии и Эльзаса»³. Антагонист и победитель Людендорфа маршал Фош, склонный в общем решающую роль в битве на Марне приписать выдержанному руководству отступлением и своевременно задуманному и осуществленному переходу в наступление со стороны французского командования, все же признает, что и русская армия «своим активным вмешательством отвлекла на себя значительную часть сил и тем позволила нам одержать победу на Марне»⁴.

Раньше чем были закончены операции в Восточной Пруссии, Палеолог записал в своем дневнике 29 августа следующее: «Сражение... продолжается с ожесточением. Каков бы ни был окончательный результат, достаточно уже того, что борьба продолжается, чтобы английские и французские войска имели время переформироваться в тылу и продвинуться вперед»⁵.

Битва на Марне была, безусловно, центральным моментом кампании 1914 г. на западном фронте; ее проигрыш привел к срыву плана

¹ Палеолог М. «Царская Россия во время мировой войны». Т. I, стр. 118. М. и Л. 1925 (особенно дневник за 21 августа); см. также «Международные отношения в эпоху империализма», серия III, Т. I, Ч. 1-я, стр. 144.

² См. ст. Лукарского в сборнике «Кто должник», стр. 102.

³ Людендорф. Указ. соч. Т. I, стр. 60.

⁴ Фош Ф. «Воспоминания» (война 1914—1918 гг.), стр. 7. М. 1939.

⁵ Палеолог М. Указ. соч., стр. 99.

Шлиффена; непосредственная смертельная угроза, нависшая над Францией, была отведена. Русскому фронту в этом принадлежит выдающаяся роль. Но отступление немцев от Марны вовсе не означало еще конца маневренной войны и не означало крушения попыток Германии добиться развязки на западе путем широко задуманной наступательной операции. Известно, что со времени битвы на Марне (5—9 сентября) и до прекращения битв во Фландрии, то есть до перехода к позиционной войне (середина ноября 1914 г.), прошло больше чем два месяца. И вот в эти месяцы воздействие операций на русском фронте на ход войны в целом сказалось еще более отчетливо, чем в дни Марнского сражения. Действительно, поражение при Танненберге (значение которого безмерно раздуто немецкими авторами) нисколько не отразилось на той настойчивости, с какой русское командование продолжало осуществлять натиск на центральные державы, побуждая их все большее число дивизий отправлять на восток в ущерб развитию операций на западе.

В великой Галицийской битве, закончившейся к 20-м числам сентября, австро-венгерская армия потерпела полное поражение. Эта многочисленная армия (1400 тысяч бойцов к началу военных действий; из них не менее 75% на русском фронте), насыщенная артиллерийским вооружением (австрийские корпуса по огневой мощи уступали только немецким и превосходили русские и французские), руководимая энергичным и инициативным начальником штаба Конрадом фон Гетцендорфом¹, впоследствии доказала свою боеспособность в войне против Италии, но против русских (и против сербов) австрийцы без энергичной поддержки и опеки со стороны Германии совершенно не были в состоянии сражаться. Известно, что важнейшую роль в этом играл национальный состав австро-венгерской армии. Людендорф пишет: «Чешские и румынские войска перешли к неприятелю. Эти народности были теперь (весна 1915 г.—Н. Р.) распределены по многим полкам. Но эта мера не помогла»². Славянские части австро-венгерской армии, храбрые в боях с итальянцами, не желали сражаться против своих братьев и шли в бой только по принуждению. Поражение Австро-Венгрии в 33-дневной Галицийской битве заключало в себе двойную угрозу для центральных держав: угрозу крушения габсбургской державы и непосредственную угрозу русского вторжения в Германию через Моравию и Верхнюю Силезию³.

Германское командование попыталось парировать опасность превентивной наступательной операцией в Южной Польше, проведенной Гинденбургом — Людендорфом в конце сентября—начале октября 1914 г. (бои у Иван-города и в районе Варшавы).

Но попытка задержать русское наступление при помощи наличных сил Остфронта не имела успеха. Людендорф пишет: «27 октября был отдан приказ об общем отступлении, которое, можно сказать, уже висело в воздухе. Положение было исключительно критическим. Благодаря октябрьской операции мы выиграли время, но сама она не удалась. Теперь, казалось, должно было произойти то, чему помешало в конце сентября наше развертывание в Верхней Силезии и последовавшее за ним наступление: вторжение превосходных сил русских в Познань, Силезию и Моравию»⁴. Тревога, вызванная в Германии ожи-

¹ О Конраде фон Гетцендорфе и Людендорф (т. I, стр. 64) и Гофман («Война упущенных возможностей», гл. VII) дают самый положительный отзыв.

² Людендорф. Указ. соч. Т. I, стр. 96. Английский военный писатель Лиддельгарт («Правда о войне») пишет: «Австрийцы проявили на этом (итальянском.—Н. Р.) фронте достойное упорство, которого им часто не хватало, когда им приходилось иметь дело с русскими» (стр. 115).

³ Людендорф. Указ. соч. Т. I, стр. 61.

⁴ Там же, стр. 78.

данием русского вторжения, усугублялась мерами, принятыми по распоряжению военных властей: эвакуацией молодежи из пограничных провинций, приведением в негодность угольных копей, подготовкой к разрушению железной дороги и т. д. План русской ставки, действительно, был задуман в грандиозном масштабе: было намечено вторжение в Германию — «поход на Берлин» — силами 40 дивизий, сосредоточенных в Польше. Этот план не был осуществлен. Но и немецкий контрплан — ударом с севера во фланг наступающей русской армии «уничтожить русских в излучении Вислы» — провалился в полной мере, по признанию самих его авторов. В кровопролитных ноябрьских боях (Лодзинская операция) наступательная сила обоих противников была за время истощена.

У союзников, возлагавших главные надежды на выигрыш войны посредством русского наступления, появились зимой 1914 г. первые признаки известного разочарования в боевой мощи царской России. Этот момент ярко отражен и в мемуарах Палеолога и в дипломатической переписке¹. А между тем осенняя кампания в Польше оказала Франции огромную и не оцененную до последнего времени по заслугам помощь: действия русской армии заставили германское верховное командование (Фалькенгайн, сменивший Мольтке после Марны) снять с западного фронта крупные силы и отказаться надолго от мысли добиться развязки во Франции в маневренной войне. Фалькенгайн отверг в начале октября требование, предъявленное Остфронтом и Австрией о переброске 30 дивизий на восток (за это его строго осуждает Гофман, считая это одной из «упущенных возможностей» выиграть войну), но все новые формирования с самого начала войны посылались из Германии только на русский фронт. А перед началом октябрьской операции сюда были переброшены с запада сначала два кавкорпуса, а за ними 3-й резервный, 13-й армейский, 2-й армейский и 24-й резервный корпуса. Фалькенгайн утверждает с полной категоричностью, что именно это обстоятельство сыграло определяющую роль в отказе от продолжения наступательных операций на западе. «Мысль о прорыве французского фронта, — пишет он, — пришлось бросить. Для ее осуществления не хватало сил после того, как все резервы как живой силы, так и снарядов были истрачены для восточного фронта»².

Подводя итоги первых месяцев войны, тот же Фалькенгайн писал: «Нет никаких данных отчаиваться в удовлетворительном исходе войны, но события на Марне и в Галиции отодвинули этот исход на совершенно неопределенное время. Задача быстро добиться решения, что до сих пор является основным для немецкого способа ведения войны, свелась к нулю».

Итак, вполне обоснованным является тот вывод, что маневренный период войны 1914—1918 гг. закончился провалом для Германии; она была вынуждена отказаться от первоначального замысла покончить в короткий срок с Францией благодаря той энергии и упорству, с которыми русские армии, неся огромные жертвы людьми, расходуя свой ограниченный запас боевого снаряжения, продолжали, не останавливаясь перед рядом серьезных неудач, осуществлять натиск с востока на Германию и Австро-Венгрию. Это происходило в то время, когда Англия не могла оказать французам на суше существенной помощи, когда Китченер в ответ на просьбу о немедленной помощи 1 ноября 1914 г. ответил Фошу: «1 июля 1915 г. у вас будет во Франции миллион обученных английских солдат. До этого дня вы ничего или почти

¹ «Международные отношения в эпоху империализма». Т. VI.

² Фалькенгайн Э. «Верховное командование 1914—1916 гг. в его важнейших решениях». Цит. по сборнику «Кто должник», стр. 114.

ничего не получите»¹. Трудно было надеяться на то, что Франция могла бы сдерживать немецкий натиск так долго в то время («дни казались нам тогда месяцами», — пишет Фош), если бы ее не поддерживала своими самоотверженными действиями русская армия.

IV

В 1914 г. действия русской армии заставили Германию поделить свои силы между востоком и западом и не дали ей разгромить Францию в маневренной войне; в 1915 г. Россия приняла на себя основной удар соединенных сил центральных держав.

При изменении основного стратегического плана германского командования и перенесении центра тяжести войны с запада на восток Фалькенгайн руководствовался, как видно из его мемуаров, в первую очередь тем соображением, что союзник Германии — Австро-Венгрия — под давлением неослабевающего натиска русских армий оказался на краю катастрофы. Объясняя передачу Гинденбургу для февральского наступления четырех корпусов общего резерва, «лучших, какими когда-либо располагала на войне Германия», Фалькенгайн пишет: «Непрерывному притоку русских сил необходимо было здесь положить предел, иначе в недалеком будущем наряду с падением Перемышля мог последовать непоправимый прорыв в Венгрию». У Фалькенгайна к этому времени сложилось убеждение, что без немецкой помощи «Австро-Венгрия в короткий срок рухнет, придавленная гнетом войны»². Известно, что февральское наступление немцев привело к значительному успеху на севере (зимнее сражение у Мазурских озер), но окончилось неудачей на юге: Перемышль не был освобожден и 22 февраля капитулировал с 120-тысячным гарнизоном.

На восточном фронте центральным державам, чтобы отсрочить крушение Австро-Венгрии, необходимо было провести огромную операцию, затянувшуюся на все лето 1915 г. (с мая по сентябрь) и потребовавшую переброски германских корпусов с запада на восток в небывалых масштабах.

По данным, приводимым Зайончковским на основе французских источников, число германских дивизий на русском фронте изменялось следующим образом: апрель — 46, май — 53, июнь — 61, июль — 62, август — 65, сентябрь — 65; на западе же за это время оно снизилось со 100 (апрель) до 93 (май—июнь) и до 90 (август—сентябрь). Это означает, что русский фронт притянул на себя летом 1915 г. удар не менее чем 40% германской и 60% австро-венгерской армий³.

Могли ли центральные державы в 1915 г. добиться на русском фронте большего, чем они достигли, т. е. не только оттеснить русскую армию на линию Рига—Двинск—Барановичи—Пинск—Дубно—Новоселицы, но и уничтожить военные силы царской России, зажав их в гигантские клещи в польском выступе, и таким образом принудить Россию к сепаратному миру?

Пресловутый генерал Гофман, посмертный вдохновитель фашистских заправил гитлеровской Германии, в своей претенциозной книге «Война упущенных возможностей» пытается доказать, что стоило германскому верховному командованию, согласно советам Людендорфа (и, конечно, самого Гофмана), снять еще несколько дивизий с запада и своевременно нанести удар по избранному штабом Остфронта операционному направлению на Ковно — Вильно — Минск, и с Россией было бы покончено. Фалькенгайн, избравший более осторожный вариант наступления—

¹ Фош Ф. Указ. соч., стр. 164.

² Фалькенгайн Э. Указ. соч., стр. 52.

³ См. таблицу в приложении ко II тому труда Зайончковского «Мировая война 1914—1918 гг.».

западнее Осовца,— несет, по мнению Гофмана, прямую ответственность за то, что Германия в 1915 г. не добилась окончательной развязки на востоке¹.

Это мнение Гофмана (разделяемое и более сдержанным в своих приговорах Людендорфом) хорошо характеризует ограниченное, узко профессиональное, а вместе с тем высокомерное и самоуверенное понимание исторических событий, свойственное прусской военщине: судьба войны, судьба народов решается для них не глубокими экономическими и политическими причинами, а выбором того или иного оперативного направления.

Непосредственной причиной тяжелых поражений, постигших русскую армию в Галиции, Польше и Литве, был острейший недостаток вооружения. Когда в мае 1915 г. фаланга Макензена обрушилась на реке Дунайце на растянутую длинным фронтом III армию Радко-Дмитриева, то, помимо подавляющего превосходства в количестве орудий (624 орудия, из них 150 тяжелых, против 160, из которых тяжелых только 6), немцы имели еще и неограниченный запас снарядов, а для русской артиллерии, великолепно зарекомендовавшей себя в войне, была отведена голодная норма: 10 выстрелов в день на шестиорудийную батарею! К этому присоединился недостаток винтовок, который стал особенно ощутительным во время отступления. Брусилов свидетельствует, что пополнения, приходявшие в армию, приносили мало пользы, так как они прибывали невооруженными: «Внутри империи винтовок не было»². Не только царское правительство, не только Сухомлинов и компания несут за это тяжелую ответственность. Еще в декабре 1914 г. главнокомандующий великий князь Николай Николаевич поставил в известность французского посла, что русская армия принуждена временно приостановить операции из-за израсходования артиллерийских запасов. Тогда же остро стал вопрос о недостатке ружей³.

Могли ли союзники помочь России? Предоставим слово Ллойд Джорджу, достаточно компетентному в вопросах вооружения Англии и снабжения армий. «Пока русские армии,— пишет Ллойд Джордж,— шли на убой под удары превосходной германской артиллерии и не были в состоянии оказать какое-либо сопротивление из-за недостатка ружей и снарядов, французы копили снаряды, как будто это было золото, и с гордостью показывали на огромные запасы снарядов, готовых к отправке на фронт... Военные руководители Англии и Франции, казалось, не понимали самого важного,— что они участвовали совместно с Россией в общем предприятии и что для достижения общей цели необходимо было объединить их ресурсы...» И далее: «Французские генералы признавали важнейший факт, что Россия имела огромное численное превосходство над другими, но это признание никогда не приводило к каким-либо практическим результатам, за исключением постоянного требования, чтобы Россия прислала большую армию во Францию, на помощь французам... Пушки, ружья и снаряды посылались Англией и Францией в Россию до ее окончательного краха, но посылались с неохотой; их было недостаточно, и когда они достигли находившихся в тяжелом положении армий, было слишком поздно, чтобы предупредить катастрофу»⁴.

Отсутствие понимания общих интересов у военных руководителей Запада сказалось в 1915 г. не только в деле снабжения русской армии, но и в оперативном взаимодействии фронтов. На протяжении четырех

¹ Гофман. Указ. соч., стр. 97.

² Брусилов А. Указ. соч., стр. 142.

³ Палеолог М. Указ. соч. Т. I, стр. 180, 181. Записки от 17 и 18 декабря 1914 года.

⁴ Ллойд Джордж «Военные мемуары». Тт. I—II, стр. 323—324. М. 1934.

месяцев (май—август), когда 65 германских и 40 австрийских дивизий обрушились на полубезоружную русскую армию, во Франции союзники ограничивались медленным накоплением сил для предстоящих операций. Только во второй половине сентября, когда немецкие операции в России были в основном закончены, французы и англичане приступили к штурму германских позиций в Шампани и Артуа.

Тот факт, что Россия приняла на себя и выдержала в 1915 г., хотя с колоссальными потерями, главную тяжесть войны, привел к важнейшим последствиям: Англия получила возможность закончить подготовку первого крупного эшелона своей сухопутной армии. Еще в январе 1915 г. на французском фронте было 11 английских дивизий пехоты и спешенной кавалерии, в сентябре — 31, в декабре — 37. К маю 1916 г. (до введения закона об общей воинской повинности) на основе добровольного набора Англия призвала под знамена 5041 тысячу человек. Чтобы обучить такое количество людей, чтобы создать соответствующую военную организацию, отсутствовавшую в довоенной Англии, нужно было немало времени. Только действия на русском фронте дали это время союзникам России. Франция получила возможность, пользуясь ослаблением напряженности операций на западном фронте, восстановить свои силы, истощенные трудной кампанией в 1914 году. Союзники в 1915 г. успели во многом ликвидировать отставание своих армий от армий Германии в техническом и организационном отношении и начали трудное дело приспособления всего народного хозяйства к нуждам войны.

Так германские «победы» медленно, но верно приближали гогенцоллернскую Германию к полному поражению.

V

1916 год стал годом перелома в ходе мировой войны. В борьбе под Верденом, в сражении на Сомме, в боях на русском фронте, — словом, во всех крупных событиях кампании 1916 г. (за исключением неосмотрительно предпринятой дипломатией Антанты, вопреки мнению русского штаба, румынской авантюры) военное превосходство постепенно стало переходить на сторону противников Германии. В то же время в самой Германии и у ее союзников стали явственно обнаруживаться признаки истощения ресурсов, вызванные блокадой¹. В переломе, наступившем в 1916 г., действия русской армии сыграли крупную роль — не меньшую, чем оборона Вердена.

Нельзя не отметить с удивлением и восхищением необычайную жизненную силу, проявленную русской армией в империалистической войне. Война 1914—1918 гг. не была войной народной: в осуществлении империалистических целей войны были заинтересованы только относительно узкие круги русской буржуазии и помещиков. Страной управляло находившееся в состоянии полного разложения царское правительство. Все это не могло не ослабить силы сопротивления России и не могло не отразиться на состоянии армии. И все же русская армия не только вынесла в 1915 г. тягчайшие удары и не развалилась, но уже к началу 1916 г. вновь подготовилась к активным действиям и провела их с честью. Брусилов отмечает, что за зиму 1915—1916 г. улучшилось боевое снаряжение и обучение войск, увеличился запас патронов и количество орудий. «Войска повеселели, — пишет он, — и стали говорить,

¹ Гофман признает, при всей своей самонадеянности, что после того, как в 1915 г. не было нанесено решительного поражения России, нужно было сознаться, что, «по человеческому разумению», выиграть войну Германия уже не может (Гофман. Указ. соч., стр. 202).

что при таких условиях воевать можно и есть полная надежда победить врага»¹.

В кампании 1916 г. державы Антанты впервые выступали, объединенные общим планом действий, принятым на конференции в Шантильи 14 февраля 1916 года. Но немецкое командование поспешило предвзять наступление союзников и атакой Вердена, начатой 21 февраля, захватило инициативу в свои руки. С некоторым опозданием, но тоже предупреждая большое наступление союзников, назначенное на восточном фронте на 15 июня и на западном — на 1 июля, австрийцы в мае повели наступление на итальянском фронте, в Трентино.

Результатом захвата инициативы противником было то, что именно русской армии, наименее снабженной техническими средствами и наиболее пострадавшей в кампании предшествующего года, выпала в 1916 г. трудная задача — досрочными выступлениями крупного масштаба отвлечь на себя силы центральных держав с наиболее угрожаемых фронтов².

Первый раз это было сделано в марте, когда русское наступление в районе Двинска и озера Нарочь (18—30 марта 1916 г.), предпринятое в исключительно неблагоприятных условиях начинавшейся весенней распутицы, вызвало перерыв в развитии операций под Верденом и помогло французам укрепить свои оборонительные линии³.

Во второй раз, в несравненно большем масштабе, действия русской армии сорвали все планы австро-германцев в июне 1916 года. История знаменитого Брусиловского наступления слишком известна, чтобы ее напоминать. Для наших целей существенно отметить только некоторые черты, характеризующие эту последнюю крупную победу русской дореволюционной армии.

Наступление 1916 г. было тщательно подготовлено и энергично проведено на югозападном фронте. Оно еще раз продемонстрировало всему миру, каких успехов может добиться русская армия, когда управление находится в руках талантливого полководца. Но это же наступление продемонстрировало и другое: отсутствие единства в управлении русскими армиями, слабость и безволие высшего командования, находившегося в руках последнего Романова при начальнике штаба (то есть фактическом главноверхе) Алексееве.

Известно, что, по общему плану операций, утвержденному на совещании командующих фронтами, созванном ставкой в апреле 1916 г., главный удар в направлении Вильно был поручен западному фронту (ген. Эверт) при поддержке фронта северозападного (ген. Куропаткин). На югозападном фронте Алексеев предполагал первоначально ограничиться обороной, и только по личному настоянию Брусилова ему было разрешено своими силами, без дополнительных резервов, провести наступление местного характера. Наступление русских армий было назначено на 15 июня⁴. Но когда в мае под ударом австрийцев, нанесенным из Трентино, итальянская армия откатилась на фронте в 60 км, итальян-

¹ Брусилов А. Указ. соч., стр. 170.

² За недостатком места мы не останавливаемся на важном значении операций кавказского фронта (взятие Эрзерума и Трапезунда в 1916 г.) для азиатского театра войны.

³ Мартовское наступление русских, по признанию Людендорфа, выставило в опасное положение X армию и потребовало чрезвычайных усилий, чтобы преодолеть кризис (Людендорф. Указ. соч. Т. I, стр. 170).

Лиддель Гарт («Правда и война», стр. 185) пишет: «Россия с изумительной быстротой, хотя, может быть, и искусственной, оправилась от поражений. Это позволило ей сорвать планы германцев на 1916 год. Уже в марте Россия повела атаку у озера Нарочь, сделав красивый жест, жертвуя собой, чтобы ослабить нажим на Францию».

⁴ Незабываемую картину этого совещания дает сам Брусилов. См. Брусилов А. Указ. соч., стр. 177.

ское правительство, командование и король буквально взмолились к союзникам о помощи. Французское командование (Жоффри) не сочло возможным ускорить наступление, намеченное на июль, и помогло итальянцам только тем, что поддержало их просьбу перед русской ставкой¹. Алексеев запросил командующих фронтами и от одного Брусилова получил согласие начать наступление на 11 дней раньше срока, то есть 4 июня, при условии одновременного выступления на западном фронте. Однако на фронте Эверта наступление не только не было ускорено, а было еще отложено на начало июля и, проведенное без должной энергии, не дало никакого эффекта. Так случилось, что все события на русском фронте развивались летом 1916 г. в полном несоответствии с заранее разработанными планами: предполагали наступать 15 июня на западном фронте — начали наступать 4 июня на югозападном, где не было заранее подготовленных резервов и численность русских войск почти не превышала численности противника. Это придало русским операциям характер какой-то блестящей импровизации, великолепно проведенной на фронте Брусилова, но почти при безучастном отношении других, считавшихся главными фронтов, при слабом руководстве верховного командования, не сумевшего заставить их активно действовать.

Отсутствие действительного взаимодействия между частями русской армии, отсутствие энергии в поддержке блестяще начатого Брусиловым наступления, запоздавшая помощь югозападному фронту, выразившаяся в медленном подходе подкреплений с других фронтов, — все это чрезвычайно ослабило стратегический эффект, достигнутый в результате глубокого прорыва австрийского фронта.

Тактические результаты были огромны: за лето 1916 г. потери австро-германцев на югозападном фронте достигли 1500 тысяч человек — одних пленных было взято до 450 тысяч. Австрийская армия в целом была разгромлена и деморализована. Австро-германцы пережили, по признанию Людендорфа, «один из наисильнейших кризисов на восточном фронте»². Но так как центральные державы могли, опираясь на более развитую сеть железных дорог, перебросить подкрепление к угрожаемым участкам фронта скорее, чем русские, а бездействие Эверта и Куропаткина и бесконечные проволочки с развитием большого наступления во Франции позволили им это сделать, то в результате Ковель не был занят и русское наступление исчерпало себя в кровопролитных боях на Стоходе, затянувшихся до осени. Сам Брусилов пишет: «Никаких стратегических результатов эта операция не дала, да и дать не могла, ибо решение военного совета 1 апреля ни в какой мере выполнено не было. Западный фронт главного удара так и не нанес, а северный фронт имел своим девизом знакомое нам с японской войны «терпение, терпение и терпение»³. А между тем, по совершенно правильной оценке Брусилова, при дружном воздействии на противника всеми силами одной русской армии (не говоря уже о своевременной поддержке с запада) можно было достигнуть решительного перелома на всем нашем фронте. В 1916 г. в результате промахов и слабости высшего командования русской армией была упущена возможность добиться победы такого масштаба, которая изменила бы течение войны. Тем не менее общие результаты Брусиловского наступления были весьма значительны и существенно повлияли на весь ход кампании: Италии была оказана мощная поддержка, австрийское наступление в Трентино было немедленно прекращено. Австро-Венгрии был нанесен удар такой силы, от которого она уже не могла оправиться до конца войны.

¹ См. документы в приложении к статье Базаревского. Сборник «Кто должник», стр. 299, 311.

² Людендорф. Указ. соч. Т. I, стр. 182.

³ Брусилов А. Указ. соч., стр. 206.

Опять, как и в 1915 г., русский фронт притянул на себя все немецкие пополнения. По подсчетам начальника имперского генерального штаба Британии сэра Уильяма Робертсона, с 1 июня 1916 г. по 23 октября число германских батальонов на востоке возросло на 221, а на западе сократилось на 74¹. Это означало, что даже во время боев на Сомме германское командование продолжало перебрасывать войска на восток.

Недаром английский писатель Лиддель Гарт, описав события 1916 г., восклицает: «В последний раз Россия пожертвовала собой ради своих союзников, и несправедливо забывать, что союзники являются за это неоплатыми должниками России»².

Русское наступление окончательно побудило Румынию выступить на стороне держав Антанты. Это выступление Румынии, запоздалое и вместе с тем плохо подготовленное, было явно невыгодно для России, ибо ни малейшей боевой ценности румынская армия не представляла, и вся тяжесть кампании легла на плечи русской армии, спасавшей остатки разгромленных Макензеном и Фалькентайном румынских войск. Русский фронт, раньше упиравшийся в границу Румынии, растянулся еще на 450 км: к концу 1916 г. до ¼ русских сил было переброшено с главных направлений на румынский фронт.

Союзные державы (в особенности Франция), форсировавшие, вопреки мнению Алексеева, вступление Румынии в войну, предъявляли к русским вооруженным силам требования, превосходившие ресурсы царской России. Французская миссия во главе с Вивиани и «социалистом» А. Тома приехала в Россию требовать посылки 400 тысяч бойцов во Францию³. А между тем явное перенапряжение сил русской армии, наименее технически оснащенной из всех союзных армий, приобретающей свои успехи ценой огромных людских потерь, подготовляло полный развал царской России. Сроки русской революции приближались. Когда произошла русская революция, германские империалисты предполагали сначала, что сумеют использовать ее для победоносного окончания войны и грабительских захватов русских, украинских, белорусских, литовских, латышских, польских и финских земель. В действительности русская революция стала одной из могущественнейших сил, вызвавших крушение гогенцоллернской Германии. Недаром Людендорф с ненавистью говорил: «Теперь, задним числом, я могу утверждать, что наше поражение явно началось с русской революции»⁴.

Брусиловский прорыв был последним крупным боевым подвигом до-революционной русской армии. Он ярко воплотил в себе и ее достоинства, источником которых была боевая доблесть русского народа, и ее пороки, являвшиеся отражением пороков всего общественного и политического строя царской России.

Подводя итоги, необходимо отметить следующие моменты, наиболее четко рисующие роль русского фронта в войне 1914—1918 годов. В 1914 г., когда на стороне Германии, начавшей войну по своей инициативе в наиболее удобный для нее момент, было значительное военное превосходство, русская армия нанесла поражение Австро-Венгрии и, отвлекая значительную часть германских сил, помогла Франции устоять в наиболее опасный для нее период войны.

В 1915 г. русская армия приняла на себя главную тяжесть войны и этим дала союзникам время, необходимое, чтобы мобилизовать ресурсы и выравнять свои силы с силами противника. В 1916 г. армия цар-

¹ Ллойд Джордж. Указ. соч. Тт. I—II, стр. 592. Отрывок из меморандума Робертсона.

² Лиддель Гарт. Указ. соч., стр. 187.

³ Палеолог М. Указ. соч. Т. II, стр. 117.

⁴ Людендорф. Указ. соч. Т. II, стр. 37.

ской России последним напряжением сил помогла державам Антанты добиться перелома в ходе войны.

Могла ли при всех ее недостатках, технических и организационных, русская армия сделать еще больше? Хороший ответ на это дает Ллойд Джордж в одной из глав VI тома военных мемуаров, в которой он подводит общие итоги войны 1914—1918 годов. «Самой очевидной и самой пагубной ошибкой союзников,— пишет Ллойд Джордж,— было упорное нежелание рассматривать весь театр войны, как единый фронт. Россия имела неограниченные ресурсы превосходного человеческого материала — неограниченные по физическим данным, по храбрости и упорству. Русские прошли уже достаточную военную подготовку, чтобы составить феноменально мощную армию обороны или наступления даже против германских войск... Если бы Франция и Англия разумно распределили финансовые и материальные ресурсы, которые находились в их распоряжении и у себя и в Америке, между армиями, боровшимися не только на западе, но и на востоке, германские и австрийские атаки на русском фронте кончились бы провалом, и провалом с такими потерями, которые сокрушили бы мощь центральных держав»¹.

Франция и Англия склонны были рассматривать царскую Россию в 1914—1918 гг. не как равноправную державу, а как вассала, обязанного выполнять возложенные на него тяжелые обязательства. Такое отношение к русскому фронту послужило в конечном счете только во вред западным державам.

Взаимодействия фронтов западного и восточного, взаимодействия обоюдного, а не односторонне понимаемого в смысле возложения максимальной тяжести войны на русскую армию, недоставало союзникам в войне 1914—1918 гг., и это обстоятельство, несомненно, повело к затягиванию войны.

¹ Ллойд Джордж. Указ. соч. Т. VI, стр. 182—183.

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ СЛОВАЦКОГО НАРОДА

3. Неедлы

История словацкого народа оставалась малоизученной почти до наших дней. В европейской истории о словаках упоминалось в связи с событиями 1848 года. В начале XX в. на словаков было обращено внимание в связи с пламенным протестом знаменитого норвежского писателя Бьернсона, выступившего против жестокого преследования словаков венгерским правительством. И это было все. Только с 1918 г., когда словаки вместе с чехами создали Чехословацкую республику, они выступают среди европейских народов уже как самостоятельная политическая единица, судьбой которой теперь интересуется вся Европа.

Причина позднего вступления словаков на политическую арену кроется в тех специфических условиях, в каких словаки в течение многих веков жили и развивались. Для понимания того, что происходит в Словакии в настоящее время, надо ознакомиться с той исторической основой, на которой развивался и политически формировался словацкий народ. Изучение этой исторической основы хотя бы в главных чертах и является задачей настоящей работы.

Что касается источников и литературы на эту тему, то нужно отметить, что здесь мы находимся в большом затруднении, как и вообще во всех вопросах, касающихся словаков. Источники эти очень скудны; они недостаточно разрабатывались и еще меньше издавались.

Историческое исследование началось в Словакии очень поздно. Первым выдающимся историком в XVIII в. был словак Матвей Бель. Он горячо любил свой народ и впервые разработал историю северных венгерских комитатов, где жили словаки. Но Бель был все же скорее венгерским ученым, чем словацким; настоящая словацкая историческая наука начинается только с основания «Матицы словацкой» (Matica Slovenská) — культурного центра словаков, созданного в 1863 году. Но и тогда главный словацкий историк Ф. Сасинек писал не историю словаков, а «Историю венгерского королевства», «Историю начала сегодняшней Венгрии», «Историю древних народов в Венгрии», и только один его труд озаглавлен: «Словаки в Венгрии»¹. Научная ценность этих работ очень сомнительна. Сасинек больше увлекался романтическими фантазиями, чем изучал источники. В 1875 г. венгерское правительство закрыло «Матицу», вследствие чего только отдельные лица, и притом случайно, могли заниматься словацкой историей. Среди этих лиц выдающимся был Юлю Ботто, автор книги «Словаки. Развитие их национального сознания»².

¹ Sasinek F. «Dejiny drevnych narodov na úreml terajsieho Uhorska» (1867). «Dejiny pociatkov terajsieho Uhorska» (1868); «Dejiny kráľovstva uhorského» (I 1869; II 1871); «Slováci v Uhorsku».

² Botto Jul. Slováci, vyvin ich navodného povedomia. I sv. 1900; II sv. 1910. Краткая выпись издана в 1914 г. См. того же автора «Dejiny Matice Slovenskej» («История Матицы словацкой»). Turc. Sv. Martin. 1923.

Только с 1918 г., со времени основания Чехословацкой республики, когда была возобновлена «Матица словацкая», основан словацкий университет в Братиславе и создано ученое общество Шафарики, — только тогда начала развиваться словацкая историография в полном смысле этого слова. Были изданы хорошие монографии словацких и чешских ученых. Чехи больше всего разрабатывали древний период словацкой истории: доисторический период римской культуры в Словакии, древний период славянской культуры. Только профессор Братиславского университета Д. Рапант — молодой словацкий историк, ученик Пражского и Парижского университетов, — написал очень актуальную книгу «Начало мадьяризации»¹ и работает над большим трудом «Словацкое восстание»² — обе работы по истории словаков в XIX веке.

Но до сих пор не существует труда, который научно и систематически излагал бы всю историю словацкого народа с древнейших времен и до наших дней. Есть книга Франца Грушевского «История Словакии»³, которая была написана в качестве учебника для словацких средних школ в Чехословацкой республике (до той поры средних школ в Венгрии у словаков не было). Автор переработал свою книгу в самостоятельную, якобы научную работу по истории словаков, но научная ценность этой работы очень невелика. Автор присоединился после создания титлеровской Словакии к тем немногим словацким интеллигентам, которые поддерживают национал-социализм. Это сказалось и на его книге: он за сближение с Германией и подчеркивает враждебность словацких нацистов к чехам.

Есть, конечно, и венгерская литература о словаках. Имеются источники, изданные венгерскими историками, которые касаются истории всей Венгрии. В венгерских исторических трудах говорится, конечно, и о том, что происходило на территории, населенной словаками. Но в венгерской литературе все специально словацкое затушевано, все затоплено в «хунгаризме» — в мадьярском великовенгерском шовинизме. Для венгерских историков-шовинистов словацкий народ вообще не является народом, а все население Венгрии было и остается «венгерцами» — и только.

Нашей важнейшей задачей является проложить дорогу в эту новую, так мало еще разработанную область исторического исследования и политического изучения сегодняшней Словакии.

Словаки появились в истории одновременно с другими славянами в VI или VII в. в конгломерате племен, которые называются западными славянами и которые занимали тогда нынешние Чехию, Моравию, Нижнюю Австрию и Словакию. Язык у всех этих племен был общий, так же как общими были их социальный строй, нравы и вся история. Мы не имеем точных сведений о том, принадлежали ли славянские племена, занимавшие территорию нынешней Словакии, к государству Само — древнейшая история словаков вообще остается пока очень темной за отсутствием источников, — но это в высокой степени вероятно, потому что государство Само объединяло славянские племена и на Дунае и за Дунаем, хотя центр его был в Чехии.

Не подлежит сомнению активное участие племен нынешней Словакии и в другой, гораздо более мощной попытке западных славян создать собственное государство — в создании великоморавской державы, центр которой был уже не в Чехии, а на реке Мораве, пограничной между

¹ R a p a n t D. K počiatkom maďarizácie I sv. Vyvoj recovej otázky v Uhorsku v rokoch 1740—1790. (Развитие языкового вопроса в Венгрии в 1740—1790 гг.) Bratislava. 1927. II sv. Prvé zákony maďarizácie 1790—1792. (Первые мадьяризационные законы 1790—1792 гг.) 1931.

² R a p a n t D. Slovenské povstanie (не окончена).

³ H r u s o v s k y F. Slovenské dejiny. Turc. Sv. Martin. (Matice Slovenská.) 1939. 450 str. 260 obrasov.

чешскими землями Моравией и Словакией. Именно занятие словацкого княжества Нитра моравским князем Моймиром считается решающим моментом в возникновении великоморавской державы.

Таким образом, славянские племена нынешней Словакии оказались в такой же мере способными создать государство, как и славянские племена, жившие в других районах. Процесс образования их государств протекал в общих чертах так же, как у других славянских народов: создавались государства большей частью под угрозой чужой, особенно германской, агрессии, а когда эта причина исчезала или, по крайней мере, ослабевала, то государства эти распадались.

В самых последних годах IX и начала X в. в угорскую равнину вторглись мадьяры — кочевое восточное угро-финское племя, которое призвал сюда германский король Арнульф на помощь против великоморавской державы. Мадьяры остались здесь, и это имело огромное значение для всей дальнейшей истории славян в Центральной Европе и в первую очередь для истории словаков.

До прихода мадьяр славянские племена в Средней Европе были непосредственными соседями южных славян — нынешних словенцев в Паннонии и в австрийских альпийских землях; эти соседние славянские племена поддерживали друг друга против германской агрессии. Вторгшиеся сюда мадьяры отрезали западных славян от южных и, изолировав их друг от друга, ослабили тем самым как одних, так и других. Заняв весь венгерский бассейн, мадьяры отрезали также славянские племена в Словакии от западных славян Чехии и Моравии (Нижняя Австрия была тогда уже в большей части онемечена). Мадьяры создали между славянскими племенами, жившими по обе стороны р. Моравы, определенную границу, которая до сих пор осталась границей между чехами и словаками.

У западных славянских племен Болеслав I, князь из племени чехов, создал в середине X в. крепкое чешское княжество, которое в течение двух веков развилось в могучее чешское королевство; из различных племен на территории этого государства образовался чешский народ как этнографическое и политическое целое. Словаки же, наоборот, вплоть до самого XX в. не создали своего собственного государства.

Мы видели, что раньше словацкие племена участвовали в создании государств. Причина, почему они не создали государства в X в. или позже, несомненно, крылась не в неспособности словаков к созданию государства, но в условиях, в которых они оказались; условия же эти были таковы, что ничто их не побуждало создать свое особое государство; наоборот: у них было много причин не создавать его.

Уже после распада великоморавской державы, в X в., господами страны стали мадьяры, но у самих мадьяр тоже не было государства: это были кочевники, жившие родовым строем. В своих набегах они устремлялись далеко на запад, ничуть не стараясь пробиться в словацкие горы. Поэтому славянские племена в Словакии мало заботились о создании государственного строя, не встречая угрозы со стороны внешнего врага.

Положение их мало изменилось и тогда, когда в XI в. было создано венгерское государство. Мадьяры, потерпевшие поражение в 955 г. в битве на р. Лех в Баварии, принуждены были отказаться от разбойничьих набегов на чужие земли и удовлетвориться угорским бассейном, где они и поселились. Их военачальник Стефан в период расцвета соседних государств — чешского и польского — создал Венгерское королевство и стал его первым королем.

Венгерское королевство подчиняло себе и словацкие племена, но очень медленно. Сначала это выражалось только в том, что король и его дружина выезжали на охоту в девственные леса словацких гор.

Затем церковь основала там монастыри и этим положила начало церковной администрации. Только гораздо позднее Словакия была подчинена и государственному строю венгров. Венгерское королевство в это время никак не угрожало национальному существованию словаков.

Словаки с самого начала занимали в Венгерском королевстве особенно выгодное положение. В культурном отношении они стояли гораздо выше, чем мадьяры и другие племена: они стали христианами уже в IX в., одновременно с моравами и чехами, а мадьяры крестились только во время царствования короля Стефана, в XI в., и потом еще восставали против христианства. У словаков были уже и письменность — наследие Кирилла и Мефодия, — и литературный язык, и книги. Они были более образованны, чем другие племена. Поэтому король Стефан не только не угнетал словаков, а, наоборот, использовал их при устройстве государства. Венгерское архиепископство было основано им не в центре Венгрии, а на рубеже словацкой области — в Остригеме. Названия придворных должностей были приняты и остались в большинстве славянские: «жпан» (жупан) и др. Представители словацких племен и родов занимали видные места при королевском дворе. Поэтому ни тогда, ни в следующие столетия у словацкой знати не было стремления создать собственное словацкое государство.

Ничего не изменилось и в XII в., когда король Коломан, первый из венгерских королей, начал превращать венгерское государство в национально-венгерское, т. е. мадьярское, государство.

Словацкая знать стала с этого времени или прямо венгерской знатью (словацкого происхождения были, например, известные венгерские роды Турзо, Позмань и др.) или по своему образу мыслей и способу жизни слилась с венгерским дворянством. То же произошло позднее и с низшим словацким дворянством. Это были или так называемые земане — владельцы курий — или армалисты, которые не владели землею, но имели герб. Их особенно привлекали славные «питанции», т. е. попойки и другие развлечения венгерского мелкого дворянства. Земане стремились приспособиться к этому дворянству, чтобы с ним и на его счет пировать. Таким образом, словацкое дворянство скоро потеряло всякое значение для национального и политического развития словацкого народа. Народ к нему относился как к венгерскому дворянству, хотя они и говорили по-словацки. То же самое можно наблюдать и в городах, основанных в Словакии с XII в., — чаще всего немецкими колонистами. Словацкая буржуазия слилась с чужой — немецкой и потом венгерской — буржуазией.

Только народ развивался по-своему и в противовес дворянству и мещанству сохранял и развивал свой подлинный национальный характер и свою подлинную славянскую культуру. Но эта культура развивалась неравномерно и неодинаково по отдельным областям, где жили словаки. Лишенный всех политических прав, словацкий народ не создал и не мог создать ни государства, ни какой-либо словацкой политической организации. Словаки остались на многие века без всякой политической организации.

Делались неоднократные попытки превратить Словакию в самостоятельную до известной степени политическую единицу. Но все эти попытки остались без всякого результата. Важнейшая из них относится к началу XIV в., когда Матуш Тренчанский (1252—1321 гг.) объединил в своих руках все земли по р. Ваг. Однако такое положение существовало недолго. После смерти Матуша (1321 г.) эта область вновь была включена в Венгерское королевство, и все осталось по-прежнему.

Новая попытка образования словацкого государства относится к середине XV в., когда во время безвластия в Венгерском королевстве военные роты чешских гуситов под руководством знаменитого

полководца Яна Искры из Брандыса заняли Словакию. Они создали здесь как бы самостоятельное государство, имевшее если не политическое, то большое культурное значение для словаков. Гуситы как в Чехии, так и в Словакии выступали с национальными лозунгами. Они принесли сюда и свою национальную литературу, которую словаки без всякого затруднения могли читать. С этого времени начала развиваться и собственная словацкая письменность. Революционные принципы гуситов влияли на словаков. Крестьяне, получив в гуситах опору против своих угнетателей, стали более смелыми; мелкое дворянство порвало с венгерским дворянством и присоединилось к гуситам, у которых нашло себе и занятие — военную службу. Можно сказать, что этот гуситский эпизод означал возрождение словаков, и в этом смысле он не остался без последствий. Но политически гуситы не организовали словаков. Строй гуситских рот был военным, и он исчез, когда ушли эти роты. Словаки вновь вернулись к ранее существовавшим условиям.

В XVI в. почти всю Венгрию заняли турки, только Словакия осталась свободной. Все венгерские государственные учреждения нашли убежище в Словакии. В Братиславе (Прешпурке) заседал венгерский сейм; там же венчали на царство венгерских королей. Все налоги платила только Словакия. Казалось бы, какой благоприятный момент, чтобы создать и организовать Словакию как государство! Но словаки и в это время остались только одной из венгерских национальностей.

То же мы видим и в XVII в., во время многократных восстаний трансильванских герцогов из рода Ракочи против Габсбургов. Ракочи владели огромными землями в Словакии. Поэтому стычки между Габсбургами и Ракочи происходили чаще всего на территории Словакии. Ракочи несколько раз занимали Словакию и отторгали ее от остальной Венгрии. Но и в то время Словакия не стала государством, не стала политической единицей.

Изложенная нами историческая судьба словацкого народа, главным же образом отсутствие у словаков на протяжении веков самостоятельного государства и вообще какой бы то ни было собственной самостоятельной политической организации не могло, конечно, не отразиться на словацком народе. Наиболее важным последствием этого положения была внутренняя раздробленность словацкого народа.

Во-первых, не было никакой определенной границы для той территории, на которой жили словаки. Политическая, т. е. государственная и историческая, граница словаков может быть отмечена только там, где рубежи расселения словаков совпадали с политической границей венгерского государства, в рамках которого они жили. Так было на севере и на западе. На севере Карпаты с незапамятных времен служили естественной границей угорского бассейна, а позднее — венгерского государства и в нем — территории, населенной словаками. Так это осталось и до сих пор.

То же мы видим и на западе. Там территория словаков также простирается до границы бывшего Венгерского королевства — до границы между чешским и венгерским государствами. Результат здесь тот же самый. Эта граница всегда была и остается ненарушенной, несмотря на то что на другой стороне ее — в Моравии — живут также словаки. Вследствие вековой их принадлежности к чешскому государству эти словаки всегда считали себя чехами, и ни разгром Чехословакии, ни создание самостоятельной Словакии ничего не изменили.

Совсем иначе стоит вопрос о восточной и южной границах словаков. На востоке словаки не доходили до государственной границы Венгрии — между ними и этой границей жили и живут русины, т. е.

карпатские украинцы. Здесь есть области, население которых не всегда можно определить, является ли оно словацким или это русины.

Еще труднее определить границу на юге. Естественной границей здесь служит Дунай, как на севере — Карпаты. Но венгры здесь проникли далеко за Дунай, на словацкую территорию, а словаки внедрились глубоко на юг, за Дунай, в венгерскую территорию. Здесь поэтому не только никогда не было политико-исторической границы внутри Венгрии, но нет и точной этнографической границы. Отсюда споры между сегодняшней Словакией и Венгрией и повторяющиеся попытки венгерских захватчиков занять словацкую территорию.

Если не было определенной словацкой территории, то не было и определенного гражданства этой территории и, следовательно, не было политического разграничения словацкого народа в этом смысле. Словаки жили не только в нынешней Словакии: значительное их количество селилось на юге Венгрии и в Сербском Банате, Хорватии и Трансильвании. Почти треть всего словацкого народа в конце XIX в. жила в Америке. И нужно сказать, что словаки, жившие вне Словакии, особенно словаки американские, играли и играют до сих пор очень важную, иногда даже решающую роль в судьбах словацкого народа, хотя они были не словацкими, венгерскими, а американскими гражданами.

Вследствие все той же неорганизованности словаки были сильно раздроблены и в самой Словакии. В течение долгого времени — а последствия этого дают себя знать и до сих пор — не было этнографически единого словацкого народа: сколько областей, столько было различных словацких единиц. Особенно словацкий Восток отличался от Запада и Центра. Здесь Турек, Липтов, Тренчанско, Братиславска с Трнавой и Нитрой, так же как на востоке Спиш с многочисленными немецкими колонистами и своеобразной культурой, Шарыш, Землин — все это были как бы самостоятельные области в рамках словацкого народа.

Наконец, почти каждая деревня имела свой особый характер и свой особый вид. До сих пор Детва, Чичмани и другие словацкие деревни представляют как бы народ в народе: так они своеобразны. Поэтому для этнографа Словакия — источник неисчерпаемого богатства типов во всех отраслях народной культуры. Но национально и политически это означало полное раздробление словаков на какие-то национальные атомы.

Нельзя обойти молчанием и еще один вопрос у словаков — именно религиозный вопрос. Словаки — в большинстве католики, но незначительная часть их — протестанты. Венгерские магнаты, в преобладающем большинстве кальвинисты, сохранили для Венгрии свободу вероисповедания даже в то время, когда в Австрии вспыхнула католическая контрреволюция. Поэтому и протестантские словаки сохранили свое вероисповедание — их число даже увеличилось, когда сюда бежали чешские протестанты, изгнанные из Чехии Габсбургами. Но это обстоятельство стало причиной лишь дальнейшего раздробления словаков, потому что не было объединяющей силы, которая преодолела бы эту разницу в вероисповедании. Так остается и до сих пор. Оппозиция глинкавцев — словацких католических клерикалов — против «гуситских» чехов, как они говорили, была также больше религиозной, чем национальной оппозицией. Не менее ожесточенный характер носит и теперь борьба католиков — тиссовцев и туковцев — против словацких протестантов, хотя последние являются самыми лучшими словацкими патриотами.

Единственное, что словаки сохранили как национальное сокровище всего народа, без различия областей, этнографических отличий и религии, было самое название народа — «словаки». Но что оно означает? Словак, т. е. словенин, славянин, это есть первоначальное, собиратель-

ное название славян. И название это сохранили для себя именно те славянские народы, которые не создали своего собственного государства. Славяне, создавшие государства, назывались по этим государствам: русские — по Руси, поляки — по Польше, чехи — по Чехии, сербы — по Сербии, хорваты — по Хорватии. Только словаки и югославянские словенцы («словенец» — это тоже словенин, славянин) не получили такого названия, потому что ни те, ни другие не создали своего государства. Итак, самое имя «словак» явилось результатом того своеобразия, которое тянется красной нитью через тысячелетнюю историю словаков и которое состоит в отсутствии у словаков государства.

В таком положении застигло словаков то большое движение, которое известно в истории славянских народов под именем национального возрождения этих народов. Уже до великой буржуазной революции во Франции, а тем более после нее начала выдвигаться и славянская буржуазия, выступая если не прямо против феодальной аристократии, то рядом с ней со своими собственными стремлениями и своей собственной идеологией. Одним из основных моментов этой новой, буржуазной идеологии был ее новый, буржуазный национализм.

Феодальная аристократия с течением веков становилась все более и более антинациональной, отрезанной от национальности своих подданных. Больше всего это сказалось на ее языке. Она говорила, особенно с XVI в., не на языке своей страны, а на чужом, всеевропейском языке: сначала по-испански или по-итальянски, потом по-французски. Так было в Германии, так было и в Австрии. В Венгрии начиная со средних веков и до конца XVIII в. языком высших классов был латинский. И в сейме, и в суде, и в общественных собраниях, даже на пирушках дворяне говорили по-латыни. Латинский язык служил тогда одним из тех средств, которые сближали дворянство отдельных венгерских национальностей.

Против этого феодально-кастового духа буржуазия выдвигает язык и нравы народа, представителем которого в противовес аристократии она считала в первую очередь себя. Буржуазное движение у всех народов в это время получает рядом с классовым и этот, общенациональный характер.

Среди славянских народов такое движение раньше всех появилось у чехов, столь близких словакам. Затем оно распространилось и среди других угнетенных славянских народов габсбургской монархии. На словаков кроме того сильно влияло и национальное движение венгров, которое тогда очень развилось и быстро приняло характер вражды против других национальностей. В конце XVIII в. возникает так называемый хунгаризм — стремление не только подчинить венграм все другие национальности Венгрии, но полностью ассимилировать их. Такой нажим, естественно, вызвал у этих национальностей, в том числе у словаков, резкий отпор. Угнетенные славянские народы осознали, что для обороны против этого нажима надо организовать народ.

Но это стремление к национальному объединению встречало у словаков огромные препятствия, главным из которых была уже отмеченная нами этнографическая раздробленность словаков. Были и другие препятствия. У словаков в экономике и в социальном строе не произошло тех перемен, какие создал в Австрии просвещенный абсолютизм Иосифа II. Патенты Иосифа II, освободившие крестьянство в пользу развивающейся индустрии от крепостничества, должны были получить силу и здесь, как и во всей империи, но венгерские магнаты не позволили привести их в действие, а император был бессилён принудить магнатов к выполнению своих указов. Поэтому в Словакии все осталось,

как было раньше, и национальное возрождение здесь должно было совершиться без участия крестьянских масс. И словацкая буржуазия была очень слаба. Крупной буржуазии в Словакии вообще не было, мелкая же буржуазия была малосознательна. Единственным носителем словацкого национального возрождения была словацкая мелкая интеллигенция — священники, учителя и т. д.

Надо отдать должное этим деятелям национального возрождения. Задача, которую они себе поставили, — из множества отдельных частиц, на которые был раздроблен словацкий народ, создать полноправный и организованный народ — была огромна, она могла казаться даже невыполнимой. Но они не испугались. В идеологии буржуазного национализма они нашли один принцип, который их сильно поддержал в их борьбе: нация больше государства — государства исчезают, нации остаются. На этой основе словацкие патриоты начали свою работу.

Язык стал первым средством в стремлениях словацких патриотов создать словацкую нацию, и вопрос о языке получил в Словакии еще большее значение, чем в национальном возрождении других народов. У словаков язык стал не сопровождающим только явлением, а целью, оружием, как бы символом самого народа, а тем самым и первоклассным для них политическим достижением. История борьбы за словацкий язык — это история борьбы за единство и политическое формирование словацкого народа.

Долгое время у словаков не было единого всесловацкого языка; были многочисленные наречия, но не было общего языка. Литературным и вообще культурным языком словаков во все времена был чешский язык, очень близкий словацкому, даже с филологической точки зрения, тождественный с ним в самой своей основе. Разница между ними, по существу, была только в степени фонетического развития и в словах, возникших специально в Словакии. В XVI в. словак Вавринек Бенедикт из Нудожер, профессор Пражского университета, написал самую лучшую для того времени грамматику чешского языка, а другой словак, историк XVII в. Бель, превознося свой национальный язык, имел в виду чешский язык.

Одновременно же развивался словацкий язык в простом народе, в его различных наречиях. Правда, Библию народ читал по-чешски, и священник в церкви обращался к народу также по-чешски, потому что в глазах народа только чешский язык был высшим, культурным языком. Но в повседневной жизни словаки употребляли свой народный язык, который также развивался и совершенствовался. Сохранилась народная словацкая песня XVI в. о Елизавете Батори, созданная уже на прекрасном, удивительно гармоничном словацком языке. Так была заложена основа для развития словацкого языка.

Иезуиты в г. Трнаве первыми в XVII в. начали пользоваться словацким языком, — правда, не систематически, а лишь от случая к случаю и без соблюдения грамматических правил, ибо определенной грамматики словацкого языка тогда еще не было. Все же, стремясь приблизиться к языку народа, они внедряли в свой язык некоторые словацкие формы и отдельные слова. Иезуиты стремились таким методом оторвать словацкий народ от чешских гуситских традиций и от словацких протестантов и подчинить его полностью католической церкви и католической реакции. А так как словацкие протестанты поддерживали и в литургии и в литературе чешский язык, то трнавские иезуиты против чешского языка начали выдвигать словацкий язык.

Этим трнавские иезуиты только затормозили процесс развития словацкого языка и стремление сделать его литературным языком. Иезуиты пользовались словацким языком только как орудием самой темной реакции. На этом языке издавали они реакционные книжки, стремясь держать народ в темноте. У них не было стремления к культурному развитию словацкого народа. Только тупой религиозный фанатизм и ненависть были основой этой их деятельности.

В конце XVIII в., т. е. в самом начале словацкого национального движения, попытку создать словацкий литературный язык предприняли Антон Бернолак и его друзья. И Бернолак был католическим священником и действовал также в Трнаве. Хотя его стремления и не были вполне свободны от влияния католического клерикализма, но и сам он и его друзья в «Словацком ученом товариществе», которое они создали в Трнаве, искренне стремились принести пользу словацкому народу. Характер их литературы был совсем не тот, что у трнавских иезуитов. Юро Фандли писал народным языком брошюры по сельскому хозяйству, поэт Ян Голлы — первый настоящий словацкий поэт — создал на народном языке первые чистонациональные эпические произведения в псевдоклассическом стиле: «Сватоплук» и «Кирилло-Мефодиеда». Тема их посвящена далеким временам великоморавской державы; но все же это были уже настоящие национальные произведения.

В своих произведениях Бернолак и его друзья пользовались в качестве литературного языка западным словацким диалектом, на котором говорили в окрестностях Трnavы. Бернолак сам признавался, что других диалектов, т. е. средне- и восточнословацких наречий, он никогда не слышал. Результат был тот, что словаки Средней и Восточной Словакии отказались принять этот язык на том основании, что они еще менее понимают его, чем чешский. Дело осложнилось еще более, когда Бернолак, начав составлять специальный словацкий словарь, наводнил его массой искусственно созданных слов, в особенности при обозначении понятий, для которых он не мог найти выражения в народном языке. Получился такой языковый конгломерат, которого никто не понимал и не мог принять. Таким образом, эта попытка закончилась полной неудачей.

Чешский язык, напротив, торжествовал, как язык, который тогда прекрасно и быстро развивался. Поэтому молодые и самые выдающиеся словаки того времени: Ян Коллар — автор известной всем славянам поэмы «Дочь славянства» — и Павел Иосиф Шафарик — автор не менее известного классического научного труда «Славянские древности» — написали свои труды на чешском языке.

Так было до половины XIX в., когда наконец удалось решить эту проблему на совсем другой основе, преодолев и филологические и идеологические трудности. Заслуга эта принадлежит Людвигу Штуру, много сделавшему для создания словацкой нации. Штур вышел из среды словацких протестантов, и потому его стремление создать национальный словацкий литературный язык не было продиктовано чувством религиозной враждебности к чехам. Наоборот, Штур был и остался до конца большим другом чехов и имел среди них много друзей. Штур был демократом в духе идей июльской революции 1830 года. Он понимал национальное возрождение как массовое демократическое движение и с этой прогрессивной точки зрения считал необходимым создать самостоятельный общесловацкий язык.

Штур правильно рассуждал, что надо гораздо ближе стать к народу, чем это было до сих пор. Но приблизиться к народу — значило прежде всего говорить с ним на его родном языке. Чешский язык не мог выразить всех специфических оттенков словацкой мысли, которые у словацкого народа создавались на протяжении веков вследствие осо-

бого жизненного уклада его и вековой истории. Это доказала литература, вскоре возникшая на собственно словацком языке. Это была действительно народная литература, правдиво изображавшая прошлое старой Словакии, жизнь ее деревень, своеобразную красоту ее горной природы, быт словацких пастухов и т. д.

Другое положение Штура сводилось к тому, что на основе чешского языка невозможно было достигнуть национального объединения словацкого народа. Общий чешский язык мог способствовать лишь слиянию словаков с чешским народом в один народ. Но нельзя было забыть о том, что разделяло оба народа в течение тысячи лет, и вернуться к периоду великоморавской державы. Таким образом, оставался лишь один путь — создать общий словацкий язык, который отличал бы словаков от чехов и, став литературным языком, содействовал бы объединению словаков в один народ.

Штуру это удалось, потому что он и его друзья решали вопрос о языке правильно и с филологической точки зрения. Основой штуровского языка стал среднесловацкий диалект, на котором говорили, в частности, в Липтове — самом центре Словакии — и который является одним из самых звучных и выразительных словацких диалектов. Таким же он остался и после соответствующей грамматической и синтаксической разработки. Штур сам написал грамматику этого языка, и молодые писатели начали им пользоваться с таким энтузиазмом, что в течение трех лет (1845—1848) возникла уже довольно богатая и совсем новая, настоящая словацкая литература. Само Халупка, Ян Ботто, Янко Краль, а также и Андрей Сладкович — лучший словацкий поэт этого поколения — писали свои произведения на этом языке. И темой их сочинений были уже не «Сватоплук» и не «великоморавская держава», а Матуш Тренчанский — основатель словацкого княжества, — Янотик — народный герой и мститель за бедный народ — и пастухи в словацких горах с их народными песнями и сказками, жизнь словацкой деревни. На словацком языке издавалась газета «Народне новины» («Национальные Известия»), которая объединяла словаков идеологически и политически.

Школа Штура встретила отпор даже со стороны таких словацких патриотов, как Коллар и Шафарик. «Надо не увеличивать, а уменьшать число славянских народов», — говорил Коллар. «Нет культурных учреждений у словаков, — писал Шафарик, — нет университета, академии, которые развивали бы словацкий язык и литературу». Позднее чешские филологи доказывали, что чешский и словацкий языки представляют не два, а один язык, а чешские политики добавляли, что чехи и словаки составляют не два народа, а один народ. Но значение словацкого языка для объединения словаков было так велико, что все филологические и политические доводы против этого были слабым аргументом.

Так впервые на протяжении тысячи лет произошло объединение словаков, которое имело решающее значение для всего будущего словацкого народа.

В 1847 г. на венгерском сейме, собравшемся в Братиславе, Штур выступил уже и с первой пламенной политической речью против законопроекта, по которому только венгерский язык мог быть допущен в венгерских государственных учреждениях. Это было первое в истории словаков открытое политическое выступление.

10 мая 1848 г. состоялось и первое политическое собрание словаков, т. е. словацкой интеллигенции и молодой буржуазии. Это собрание приняло известный «Манифест» — первый словацкий политический документ, в котором были изложены политические требования словаков. Так была создана первая политическая программа словаков. Они заявляли в «Манифесте», что венгерский сейм должен состоять не из отдельных депутатов, а из делегатов отдельных национальностей, у которых дол-

жны быть свои собственные сеймы. Это лучше всего доказывает, что словаки уже чувствовали себя полноправным народом и поэтому требовали для себя и национальной автономии.

В «Манифесте» были и другие требования, как например требование гражданских прав для словаков, требование аграрной реформы для словацкого крестьянства. Авторы «Манифеста» — словацкая интеллигенция — осознали, что нельзя ограничить национальное движение только узким слоем словацкого народа, на который они до тех пор опирались, но что нужно включить в него и широкие народные массы, в первую очередь словацкое крестьянство. Поэтому «Манифест» — очень важный документ в истории формирования словацкой нации, поскольку под словацкой нацией здесь подразумеваются уже все слои словацкого народа, по крайней мере его демократические слои: крестьянство, мелкая буржуазия и интеллигенция. Интеллигенция говорит здесь уже не абстрактно — только о правах народа, — но и конкретно — о требованиях отдельных его слоев, — причем на первое место она выдвигает жизненные требования словацких крестьян.

Кошут — вождь венгерской радикальной буржуазии — грубо отверг предложенный ему «Манифест» словаков. Если словаки, говорил он, хотят достигнуть осуществления своих требований, они должны раньше всего завоевать свои права оружием. Кошут послал в Словакию и правительственное войско и жандармов, которые начали жестоко расправляться со словаками. Штур и его друзья спаслись бегством. Началась всем известная борьба между словаками и венграми — борьба, закончившаяся поражением обоих народов и победой самой темной австрийской реакции.

Таким образом, словаки потерпели поражение в своем первом политическом выступлении. Но это имело и свою положительную сторону. В 1848 г. словаки впервые выступили на политическую арену. Словацкие легионы, хотя в них были и чехи, хотя они и возглавлялись чехами, все же были первой политической организацией словаков в новое время. Словаки тогда в первый раз обратили на себя внимание на международной политической арене. Их выступление тем самым несмотря на политические ошибки и поражение было в политической жизни страны большим шагом вперед.

И во внутренней жизни словаки не напрасно пережили эти события: они осознали всю свою слабость как второстепенная национальность среди правящего венгерского народа. И вывод, который словаки для себя сделали, был тот, что надо создать собственную территорию, землю, родину — С л о в а к и ю.

Когда после полосы реакции в Австрии, в 1860 г., началась здесь новая политическая эра — эра новых демократических свобод, — словаки потребовали выделения определенной словацкой территории. 6 июня 1861 г. словаки собрались на большой национальный митинг, на котором присутствовало 6 тыс. человек. Здесь был принят манифест, содержащий новые политические требования словацкого народа, — так называемый меморандум. Словаки требовали, чтобы комитаты, в которых словацкое население было в большинстве, были соединены в словацкие околы (области) или крайну (землю), чтобы на этой территории официальным языком и в учреждениях, и в церквях, и в школах был словацкий язык, т. е. словаки здесь уже открыто требовали территориальную автономию.

Конечно, этого им тогда также не удалось осуществить. Венгерское правительство им отказало и начало преследовать словаков еще больше. Но словаки не отступали; они стремились создать, по крайней мере, территориальный центр, как ядро политической и культурной организации народа. Отсутствие такого центра, как мы знаем, было результатом

раздробленности словацкого народа, и оно одновременно служило препятствием к объединению народа в одно целое.

С 1860 г. словаки начали создавать свой центр в Турчанском Святом Мартине, до сих пор известном как «словацкий Рим». Это был маленький городок, с населением не более 4 тыс. человек, но словацкие патриоты чувствовали себя здесь в среде своих и энергично начали создавать здесь центр национального движения.

В 1863 г. в Мартине была создана «Матица словенска» — институт, который в первую очередь должен был издавать словацкие книги и газеты. Здесь началась и самостоятельная научная работа словаков, в первую очередь разработка истории словацкого народа, а также научная работа над одиннадцатью томами «Летописи Матицы словенской» — первого научного словацкого журнала, сохранившего до сих пор свою ценность наравне с «Архивом старых чешских листин» (грамот) и другими публикациями.

Но скоро «Матица словенска» стала не только культурным, но и политическим центром для словаков. Сюда была переведена центральная газета словаков «Народные новости», здесь же происходили все совещания и была организована словацкая средняя школа. Авторитет «Матицы», а тем самым и городка Мартина признавали все словаки, без различия партий и убеждений. В первый раз здесь сошлись в совместной патриотической работе и католики и протестанты. Первым председателем «Матицы» был католический епископ Мойзес, его заместителем — лютеранский епископ Кузманы. Появилась инстанция, которая имела право и силу представлять весь словацкий народ и говорить от его имени. Казалось, что словацкий народ, в своем национальном развитии был уже на пути к высшей цели всякого народа — на пути к национальной и политической свободе. Но тут словаков постиг новый удар.

Наступил 1867 год, роковой год начала дуализма, когда австрийская империя была разделена на два государства: Австрию и Венгрию, — с той целью, чтобы не допустить славян стать господствующим фактором в империи. Славяне, если считать их во всей империи, составляли большинство населения, и потому им принадлежало бы решающее слово в делах империи. Но Габсбурги были всегда заклятыми врагами славян, так как господствующая верхушка в их монархии состояла из австрийских немцев и венгров; поэтому и был осуществлен план разделения империи на две части: австрийскую и венгерскую. В каждой из этих частей славяне были в меньшинстве, и потому оказывалось возможным подчинить их в Австрии немцам и в Венгрии — венграм, как господствующим там нациям.

Немцы и венгры скоро начали действовать в этом направлении. В 1875 г. венгерское правительство закрыло «Матицу словенску», а также и все словацкие средние школы, которых было всего четыре, начало преследовать отдельных словацких деятелей, заключая их в тюрьмы и лишая возможности работать. Начался венгерский террор, длившийся до конца существования Австро-Венгрии в 1918 году.

Словаки мужественно защищались. Оказалось, что проделанная ими национально-организационная работа не была напрасной. Несмотря на репрессии, которым словаков подвергали венгерские суды, продолжали выходить «Народные новости». С начала 90-х гг. XIX в. словаки начали вновь собираться в Турчанский Святой Мартин на так называемые августовские торжества, которые заменили бывшие пленарные собрания «Матицы». В 90-х гг. XIX в. образовалась группа прогрессивной молодежи — «гласистов», — издававшая газету «Глас». В Словакию проникали тогда современные литературные, политические и социальные течения. Эти новые течения оформляются уже во все словацком масштабе. Бывшая раздробленность словаков в этом смысле была оконча-

тельно преодолена. Правительственному террору не удалось разбить единство словацкого народа, наоборот: этот террор еще более укрепил его. Усилия словацких патриотов — Штура и его продолжателей — не пропали даром.

Но все же правительственный террор этого периода нанес словакам значительный ущерб. Это показали прежде всего неудачи словаков в выборах в венгерский сейм. В 1869 г. выбран был всего один словацкий депутат, да и то не на территории Словакии, а в Южной Венгрии, где словаки жили вместе с сербами, поддержкой которых они пользовались при выборах. Но в 1872 г. не был избран ни один из словацких кандидатов, а в 1878 г. решено было вообще не выставлять своих кандидатов. Только в 1889 г. словаки вновь принимают участие в выборах, но опять-таки без положительного результата. В этом году опять не был избран ни один словацкий депутат, как это было и в 1892 году.

«Какое это было государство! Два миллиона словаков не имели ни одного депутата!» — возмущается Франц Грушевский в своей «Словацкой истории». И это верно. Венгерские выборы были известны всему миру своим насилием и изощренным обманом масс. Но и словацкая буржуазия не сумела на политической арене защитить себя от правительственного нажима так, как это умело делать на культурном и национальном фронтах штуровское поколение. В среде словацкой буржуазии проявляется даже массовая измена народу и его интересам. Католические священники уговаривали народ голосовать не за словацких кандидатов, а за кандидатов венгерской клерикальной партии — одной из самых шовинистских и враждебных словацкому народу венгерских партий. Особенно яркую фигуру из числа предателей словацкого народа представлял Войтех Тука — тедевший премьер-министр пиллеровского правительства Словакии и один из самых верноподданных лакеев Гитлера. Тука еще в 1897 г. был выбран словацким депутатом, но продал этот драгоценный словацкий мандат венгерскому правительству за профессию в Будапештском университете. Среди словацких чиновников появились подобные же изменники. Во главе их стоял Бела Грюнвальд, жупан из словацкого города Зволени. Он начал издавать газету, целью которой была пропаганда «единодушия», но не внутри словаков, а между словаками и венгерским правительством, известным своей великодержавной политикой.

И среди словацкой буржуазии появились слои, которые поддерживали антисловацкие мероприятия правительства. Так, в 1874 г. zvolеньская столица, где господствовал предатель Грюнвальд, потребовала от имени словаков закрыть словацкую гимназию, которая за несколько лет до этого была создана в Зволени. Того же требовали и другие столицы, в которых также находились словацкие средние школы. Только гурчанская столица осталась верна народу и отказалась принять это позорное предложение.

Венгерское правительство поэтому могло в своем преследовании словацких школ формально опереться на требование самих словаков, которое якобы только лишь выполняло. В 1879 г. венгерский язык был признан обязательным и для начальных школ; в 1883 г. парламентом был принят закон, по которому в Венгрии разрешались только венгерские средние школы, и после этого началась массовая мадьяризация словацкой молодежи. С 1884 г. словацких детей стали высылать из Словакии в венгерские области под предлогом возможности для них получить там лучшее образование. Специальная организация для этой цели — «Фемка» — была создана в 1883 г. в Нитре — одном из самых старинных и уважаемых словаками городов. Таким образом, мадьяризация молодого словацкого поколения в конце XIX в. очень усилилась и становилась опасной для словацкого народа и его будущего.

Между тем в результате правительственного гнета, а также под влиянием национального движения соседних народов, особенно чешского и венгерского, начались политические выступления и среди словацких народных масс.

В политическом отношении особенно важным является 1897 год, когда была создана словацкая социал-демократическая партия. Число словацких рабочих было к этому времени довольно велико; их использовали не только венгерские, но и австрийские и иностранные эксплуататоры. Но этим самым словацкие рабочие тесно связывались с рабочими и других народов, и не удивительно, что заграничные течения среди рабочего класса сильно влияли и на них. Вожди словацких социал-демократов как чешской, так и австрийской партий не были революционными социал-демократами. Но уже самый факт, что начал организовываться словацкий рабочий класс, имел огромное значение. Почти все словацкие рабочие были крестьянского происхождения, поэтому наряду с движением среди рабочих началось движение и в среде крестьян.

Результаты обнаружились сразу после 1900 года. Словацкая буржуазная национальная партия была принуждена оставить свою пассивную политику и в выборах 1901 г. снова выставила словацких кандидатов. На этот раз из 50 депутатов, выбранных на территории Словакии, 4 депутата были словаками. Венгерское правительство поэтому еще усилило свой нажим, и в 1907 г. произошло возмущившее весь мир кровопролитие в деревне Чернове, где венгерские жандармы стреляли по словацким крестьянам и 15 крестьян было убито. Это явилось как бы сигналом для мощного и открытого возмущения словацкого народа против его угнетателей. Молодой Андрей Глинка, католический священник, но идейно более близкий к «гласистам», чем к венгерской клерикальной партии, выехал в Чехию, чтобы там, среди родного народа, агитировать против черновского зверства и вообще против венгерского угнетения. Он был принят с энтузиазмом, как национальный борец словацкого народа. Великий норвежский писатель Бьернсон, предупрежденный чешскими друзьями, опубликовал тогда свой знаменитый манифест в пользу словаков. Обращаясь ко всем цивилизованным народам Европы и всего мира, он призывал их выступить на защиту страдающих словаков, против зверств венгерской жандармерии и венгерского правительства. Таким образом, словацкий вопрос впервые стал мировым вопросом.

Это событие оказало сильное влияние и на словацкую интеллигенцию и словацкую буржуазию, из которой уже выдвинулись теперь широкие сознательные слои. Но одновременно и еще сильнее выдвинулись вперед народные массы, которые особенно чувствовали тяжесть гнета венгерских помещиков и других эксплуататоров. Расстрел в Чернове разбудил их сознание и дал им стимул к борьбе. Таким образом, период упадка, обозначившийся в конце XIX в., сменился в начале XX в. мощным движением всего словацкого народа — интеллигенции, буржуазии и широких народных масс. Нужен был последний, решающий толчок, чтобы словаки стали полноправным и самостоятельно решающим свою судьбу народом. Таким толчком явилась первая империалистическая мировая война.

С самого начала империалистической войны во всей Австро-Венгрии замерла политическая жизнь. Начала свирепствовать диктатура австрийской военщины, направившая свои репрессии в первую очередь против славянских народов, как против неблагонадежных во время войны с русскими. Но особенно мертво стало в Словакии. Словацкая буржуазия боялась преследований, и потому, как только началась война, она сама распустила свою главную политическую партию — «Сло-

вацкую национальную партию». В Словакии воцарилась зловещая политическая тишина. Зато не прекратилась политическая активность у заграничных словаков.

Разорение словаков под венгерским гнетом было причиной того, что в течение второй половины XIX в. не прекращалась широкая эмиграция словаков в другие страны, особенно в Америку. Считают, что, таким образом, за границу эмигрировала целая треть словацкого народа. В демократической Америке словаки нашли для себя гораздо более благоприятные условия, чем в магнатской Венгрии. Американские словаки были и гораздо более политически сознательными, а потому и более активными. Они впервые теперь начали действовать. В Америке словаки создали Национальный совет, который выступил от имени всего словацкого народа. Уже в 1915 г. Словацкий национальный совет заключил с Чешским национальным советом договор о создании общего государства обоих народов, в которое Чехия и Словакия должны были войти как самостоятельные, автономные единицы, по образцу отдельных штатов США. В 1918 г. этот план был разработан более конкретно в так называемом Питсбургском договоре. Таким образом, американские словаки сами решили судьбу своей родины.

Одновременно началось большое движение в толще словацкого народа. Словацкие солдаты австро-венгерской армии массами сдавались в плен и, попадая в Россию, вступали там в общие чехословацкие легионы. В стране также начало пробуждаться сопротивление масс. После Октябрьской социалистической революции, в январе 1918 г., в Словакии, Чехии и других славянских землях начались забастовки под лозунгами «Долой войну!», «Хлеб и мир!», «Да здравствует русский пролетариат!» Руководителями движения были пленные, вернувшиеся из Советской России. Через несколько месяцев восстали словацкие солдаты в австрийском 71-м пехотном полку, находившемся в югославском городе Крагуеваце. В этом восстании участвовало 2 тыс. словацких солдат, которые, отказываясь идти на фронт, обстреливали станции, опустошали магазины.

Таким подъемом массового движения отмечен для словаков конец первой мировой войны. Результатом этого подъема было политическое осознание словаками своей национальной самостоятельности и требование полной национальной независимости. Вопрос был только в том, как это осуществить. Старая традиция связывала словаков с чехами. Эта традиция была широко распространена в словацких народных массах. В то же время была сделана и другая попытка связать судьбу словаков с новой Венгрией. Когда возникла Венгерская советская республика, создана была и Словацкая советская республика. Но когда пала Венгерская советская республика, пала и Словацкая советская республика.

Словакия вместе с Чехией, Моравией и Силезией стала частью новой, Чехословацкой республики. Это решение было принято на собрании словаков в Турчанском Святом Мартине — национальной столице Словакии — 30 октября 1918 г., т. е. через два дня после переворота в Праге 28 октября. «Тысячелетний брак с венгерцами оказался неудачным, надо его разорвать», — говорил Андрей Глинка еще в мае 1917 г. на собрании в Липтовском Святом Микулаше. Действительно, словаки отказались остаться в Венгрии и вступили в качестве второго, но равноправного и самостоятельного народа в Чехословацкую республику.

Здесь они получили и последние атрибуты самостоятельного и политически организованного народа. Во-первых, Словакия получила свою точную государственную границу. Северная и западная границы остались те, которые были словацкими границами еще во время венгерского государства. Но теперь были определены и восточная и южная границы Словакии: на востоке — против закарпатских украинцев, в так называе-

мой Подкарпатской Руси (третьей части Чехословацкой республики), а на юге — против новой, уже только национальной Венгрии. Вторым атрибутом — словацкий язык стал государственным языком и словаки — государственным народом. Итак, завершилось политическое объединение словацкого народа.

В итоге длительного процесса своего формирования словацкий народ вступил в Чехословацкую республику как вполне развитой, политически осознавший себя народ, со своими старинными традициями и своими современными стремлениями. Его развитие после 1918 г. шло на этой основе, и словаки в Чехословацкой республике создали свою самостоятельную национальную культуру на основе новых богато развитых словацких школ всех типов, а также научных, художественных и культурных учреждений и организаций; свою политическую ориентацию они также создали на основе своей тысячелетней истории. Недопустимо было унижать словаков, считать их каким-то второстепенным народом или даже частью другого, чешского народа. И если некоторые чешские круги все же пытались это делать, то это было с их стороны большой политической ошибкой.

С другой стороны, несомненно и то, что изложенные выше особые условия политического развития словаков оказали свое действие на их политику в Чехословацкой республике и оказывают это действие и теперь в так называемой самостоятельной Словацкой республике. Власть предателей Тука и Тисо в Словакии, полное подчинение Словакии Гитлеру, рост католической клерикальной реакции внутри Словакии — все эти факты станут понятными в свете вышеизложенной истории словаков. Мы находим в ней корень почти всех столь отталкивающих явлений у столь достойного народа.

Тем не менее история учит нас тому, что следует верить в творческие силы словацкого народа. Сколько трудностей должен был преодолеть словацкий народ за время своего существования, сколько препятствий он преодолел! И словацкий народ не только не погиб, но и не потерял свою национальную индивидуальность. Поэтому словаки, несомненно, и теперь найдут свой путь. Массы народа и интеллигенция все более остро ощущают гнет гитлеровских оккупантов и насильников. Нет сомнения, что они вновь найдут путь, как преодолеть этот гнет и добиться вполне свободного национального, культурного и политического существования.

ГЕРМАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

А. Губер

В конце XIX в. германский империализм едва лишь расправлял свои хищные когти. Но уже с 80-х гг. не было на земном шаре такого места, куда не устремлялись бы алчные взоры германских захватчиков. Планы колониальных захватов германские империалисты принялись осуществлять с невиданной ранее жестокостью, не гнушаясь самыми вероломными средствами.

Еще не подчиненные европейцам отсталые страны превратились в арену разбойничьей деятельности германских захватчиков, принимавшей различные формы в зависимости от обстановки. Германские разведчики устремились и на необъятный континент Африки, и в Турцию, и в Иран. Привлекал их аппетиты и Дальний Восток. Здесь, между Азией, Австралией и Америкой, было еще много островов, населенных экономически отсталыми и слабыми народами. Эти острова Тихого океана сулили заманчивые возможности для организации плантаций, добычи ископаемых и т. д. Вместе с тем, завладев этими островами, Германия рассчитывала укрепиться в самом сердце Тихого океана и облегчить себе проникновение в Китай с его многомиллионным населением.

К моменту, когда Германия смогла решительно вступить на путь колониальных захватов и борьбы за рынки, другие страны, особенно Англия, уже занимали в Китае крепкие позиции. Немецкие империалисты с завистью смотрели на успехи других стран в Китае и всячески стремились их вытеснить оттуда. В конце XIX в. германские империалисты пытались прикрыть свои грабительские вождедения лицемерными рассуждениями о высокой, цивилизаторской «арийской» миссии Германии. Уже в это время гнусные аргументы «расовой теории», разработанной впоследствии фашистскими каннибалами, были пущены в ход не только в отношении восточных народов, но и в отношении европейских соперников Германии. Так, например, немец д-р Шпильман писал об Англии следующее: «Никогда это незаконнорожденное от четырех наций торговецкое государство не выступит представителем идеальных и национальных арийских интересов»¹. Вскоре германские разбойники сумели наглядно показать, как они себе мыслят это «идеальное» представительство «арийских» интересов.

К концу XIX в. Германия уже заняла в торговле Китая большее место, чем Россия и Франция. По своей численности немцы стояли на втором месте среди иностранцев, живущих в Китае, а в некоторых важных районах они преобладали. В 1888 г. был основан крупный Немецко-Азиатский банк с капиталом в 12 млн. марок (6 млн. руб.). В Гонконге, Амоэ, Тяньцзине и других городах открывались бесчисленные немецкие

¹ Д-р Шпильман «Восстание тайпинов», стр. 120. М. 1925.

торговые конторы. Росли пароходные линии. Но «арийские» хищники не желали довольствоваться «мирным» экономическим проникновением, германские империалисты мечтали о большем: они хотели отхватить кусок китайской территории и превратить его в плацдарм для дальнейшего наступления на Китай. Удобный момент наступил после японо-китайской войны 1894—1895 годов. В этой войне отсталый Китай со своей плохо вооруженной армией был разбит Японией наголову. По условиям заключенного после этой войны тяжелого для Китая мирного договора в Симоносеки, Китай отдавал Японии остров Формоза, Пескадорские острова и часть Южной Манчжурии (Ляодунский полуостров), помимо колоссальной контрибуции.

Германские хищники, видя поражение Китая, стремились использовать его слабость в своих интересах. Император Вильгельм II — самолюбленный маниак — подобно нынешнему фашистскому «фюреру» Гитлеру носился с бредовыми идеями о великой миссии германского народа, якобы предназначенного для того, чтобы править миром. Еще до окончания японо-китайской войны он настаивал на захвате Вей-ха-вея¹. Сам кайзер и его дипломаты подбивали русское царское правительство приступить к расчленению Китая. Но, подготавливая планы захвата китайской территории, они лицемерно выступали в качестве «защитников» Китая от непомерных требований Японии. Германия вместе с царской Россией и Францией обратилась даже к Японии с «дружеским» советом отказаться от захваченного ею, по Симоносекскому договору, Ляодунского полуострова. Японии пришлось пойти на уступку. Захваченную часть китайской территории она возвратила Китаю, получив взамен дополнительную денежную контрибуцию. «Защитники» Китая, отстаивая территорию Китая, мечтали ее захватить для себя. Первыми ринулись на Китай германские империалисты. Весь 1896 г. они отыскивали наиболее выгодное и удобное место для высадки на китайском побережье. Их выбор пал на Шаньдунский полуостров, где их в первую очередь привлекал район Цзяо-Чжоу с прекрасным портом Циндао. Уже в 1896 г. германская канонерка «Илтис» была тайно послана для занятия Цзяо-Чжоу, но по пути она налетела на подводные рифы, и захват был отложен².

1 ноября 1897 г. в Шаньдуне были убиты два германских католических миссионера. Повод для разбойничьего нападения был найден. «Сейчас или никогда», — телеграфировал 6 ноября 1897 г. Вильгельм II, лишь только известие об убийстве миссионеров достигло Берлина³. И уже 14 ноября немецкий адмирал Дидерих без всякого предупреждения высадил десант и занял побережье бухты Цзяо-Чжоу. Ослабленное войной с Японией, пекинское правительство не смело сопротивляться. Местные власти получили распоряжение из столицы оставить занятые немцами районы⁴. Между тем из Германии в помощь Дидериху были посланы новые корабли во главе с родственником Вильгельма — принцем Генрихом. Провожая эскадру, кайзер Вильгельм с откровенной наглостью заявил, что если кто-либо помешает ему защищать свои права, то он «заедет тому бронированным кулаком»⁵.

Захватив бухту Цзяо-Чжоу и прилегающий район, германские империалисты вынудили Китай признать этот захват в форме «аренды». Заключенное 6 марта 1898 г. соглашение с китайским правительством предусматривало передачу бухты Цзяо-Чжоу в аренду на 99 лет Германии, получавшей здесь на этот срок все права юрисдикции.

¹ См. Hamman O. «Deutsche Weltpolitik 1890—1912», S. 44.

² См. Cordier «Histoire de la Chine». Vol. IV, p. 204.

³ См. Hamman O. Op. cit., S. 45.

⁴ См. Boulger «The history of China». Vol. II, p. 541.

⁵ См. Cordier. Op. cit. Vol. IV, p. 215.

В прилежавших к арендованной территории районах устанавливалась нейтральная полоса шириной в 50 км, где Германия имела право свободно проводить свои войска и где Китай должен был все мероприятия согласовывать с Германией. Германии предоставлялось право сооружения двух железных дорог и преимущественное на Шаньдунском полуострове участие во всех предприятиях, поставках, во всех тех случаях, когда будут привлечены иностранные капиталы¹. Соглашение делало германских империалистов полными хозяевами арендованной территории и соседних районов Шаньдуня, и здесь они очень скоро продемонстрировали свой «арийский идеализм».

Жизнь китайского населения на «арендованной» немцами территории сделалась сущим адом. Китайские крестьяне и рыбаки превратились в бесправных рабов немцев-колонизаторов. Их изгоняли из родных деревень в специально отведенный район, они были обречены на голод и вымирание. У крестьян силой и угрозой отбирали землю, обещая за нее заплатить, но обычно крестьяне не получали и обещанных жалких грошей. Захваченную землю передавали немецким колонистам или продавали по высокой цене китайским ростовщикам и богачам. Для китайского населения в городах отторгнутой территории были отведены специальные кварталы, создано своего рода гетто. Бесплатно или за гроши громадные участки земли были переданы немецким миссионерам и Шаньдунской железнодорожной компании².

Немецкие миссионеры, католические или протестантские — безразлично, своей жестокостью часто превосходили официальных представителей германской колониальной власти. Немецкие миссионеры организовали, например, разбойничьи шайки из одураченных, разоренных крестьян и с их помощью грабили китайские деревни, не щадя мирное население. Католические миссионеры при этом, не смущаясь, разоряли и протестантские церкви и уносили всю утварь и имущество. Протестантские миссионеры платили своим же, немецким «религиозным конкурентам» той же монетой. Малейший протест населения жестоко подавлялся. На «арендованной» территории действовали немецкие судьи, щедро рассыпавшие безжалостные приговоры к сотням палочных ударов, пожизненной каторге, смертной казни. Эти лютые законы колонизаторов распространялись даже и на детей. За оскорбление трех немецких инженеров были сожжены дотла и сравнены с землей две деревни, из которых якобы происходили обидчики.

Несколько лет хозяйничания германских угнетателей в Шаньдуне было достаточно, чтобы вызвать к ним жгучую ненависть среди местного китайского населения. Кровожадная политика немецких колонизаторов была причиной особенно широкого движения против иностранцев именно в Шаньдунской провинции. Лишившиеся земли крестьяне, разоренные ввозом европейских товаров ремесленники, лодочники, носильщики и кули, потерявшие свой прежний заработок, — все они видели причину своих несчастий в «заморских дьяволах». Народная ненависть к иностранным угнетателям проявлялась в 1898—1899 гг. в стихийных бунтах и выступлениях против иностранцев, в убийстве отдельных «заморских дьяволов»: миссионеров, европейских служащих, солдат. Часто народными выступлениями руководили старинные китайские тайные общества и братства, издревле выражавшие протест народных масс против феодальной эксплуатации. В новых условиях иностранного проникновения в Китай многие из этих братств свою главную задачу видели

¹ См. Bau M. «The foreign relations of China», p. 122. London. 1929: Текст соглашения см. Hertslet's China treaties Vol. I, p. 350—354. L. 1908.

² Teng Dien Djang «The diplomatic relations between China and Germany Since», p. 67. 1898.

в уничтожении всего иноземного, в изгнании «иноземных дьяволов». Особенного развития это народное движение достигло в Шаньдуне, где хозяйничали немецкие хищники. Здесь действовали общества: «Кулак во имя справедливости», «Большой кулак», «Общество больших мечей» и др. Слово «кулак» фигурировало в названии многих из тайных обществ. Европейцы поэтому и все движение прозвали движением «боксеров».

В 1899 г. выступления в Шаньдуне приняли широкий характер. Никакие репрессии не помогали. Движение перебросилось на соседние провинции. Многочисленные отряды повстанцев в мае 1900 г. двинулись к столице Китая — Пекину. Часть манчжурской знати, ненавидевшая европейцев и опасавшаяся разлагающего влияния европейских идей на старинные китайские порядки и устои, настаивала на поддержке народного антииностранный движения. Особенно энергично отстаивал эту политику реакционный манчжурский принц Дуань — отец незадолго до того назначенного наследника престола. С другой стороны, некоторые представители господствующих манчжурских слоев боялись, что народная борьба в конце концов направится не только против иностранцев, но и против местных феодальных угнетателей.

Сторонникам поддержки народного движения против иноземцев удалось склонить к этому и императрицу-регентшу Цы-Си несмотря на все предупреждения наиболее дальновидных сановников¹. Когда отряды повстанцев подошли к столице, их впустили в Пекин, расквартировали и дали им обмундирование.

Напуганные народным движением и в особенности появлением «повстанцев» в столице, европейские посольства не могли покинуть Пекин, так как железная дорога к морю была во многих местах перерезана и разрушена. Им пришлось остаться в посольском квартале, который был вскоре осажден повстанцами. Иностранным представителям, привыкшим чувствовать себя в Китае на особо привилегированном положении, пришлось на время забыть свою гордость. Они старались не показываться вне пределов своих миссий и избегали всяких конфликтов с местным населением. Но германской посол барон фон Кеттелер продолжал вести себя нагло и вызывающе. Он еще раньше заслужил справедливую ненависть китайского населения. Он был вдохновителем жестоких репрессий против народного движения в Шаньдуне как на «арендованной» территории, так и за ее пределами. Немецкие матросы, охранявшие его посольство, грабили и убивали мирное население; сам Кеттелер собственноручно избивал китайцев и бросал их в подвалы посольства². На совещании дипломатического корпуса в мае 1900 г. он с циничной откровенностью доказывал, что «наступило время делить Китай».

20 июня 1900 г. Кеттелер направился в роскошном паланкине в Пекинскую палату, ведавшую сношениями с иностранцами. Его слуги разгоняли толпу палками. Провокационное поведение посла вызвало возмущение, в посольский паланкин полетели камни, и один солдат-манчжур выстрелом из ружья убил Кеттелера. Кроме немецкого посла из всех иностранцев посольского квартала был убит еще советник японского посольства.

Иностранные державы ответили на народное восстание и осаду посольства в Пекине посылкой 60-тысячной карательной армии. В интервенции приняли участие 7 европейских держав и США. Германские империалисты претендовали на руководящую роль в этой экспедиции, и германские палачи запятнали себя особыми зверствами и бесчинствами в Китае.

¹ «Memoirs of Li-Hung Chang», p. 222—223.

² Teng Djen Dj'ng. Op. cit., p. 69.

Кровавый кайзер Вильгельм II, провожая отправлявшиеся из Бремена в Китай германские войска, произнес свою знаменитую напутственную речь, вызвавшую гнев и возмущение всего передового человечества. В этой «гуннской» речи Вильгельм призывал немецких солдат к беспощадной жестокости. Он говорил: «Так же как гунны под предводительством Аттилы тысячу лет тому назад завоевали свою репутацию, живущую в исторических преданиях, так пусть сейчас имя Германии станет в Китае настолько известным, чтобы и через тысячу лет ни один китаец не осмелился даже косо взглянуть на немца... Никакой пощады, никаких пленных, каждый, кто попадет вам в руки, пусть будет вашей жертвой... Раз навсегда расчистите путь для цивилизации»¹.

И покорные указаниям кайзера германские «цивилизаторы» превзошли всех других иностранцев своими бесчинствами. Безжалостное истребление мирного населения, уничтожение целых деревень приводили в ужас даже рядовых исполнителей этих зверств. Многие немецкие солдаты писали домой, что они сходят с ума от моря крови. Один немецкий солдат писал товарищу: «Скажу тебе одно: ты понятия не имеешь, что у нас происходит. Ты должен был бы видеть, как мы вошли в город, когда выиграли первое сражение. Перебиты были все, кого мы только встретили на пути: мужчины, женщины, дети. О, как кричали женщины! Но приказ императора гласит: не давать пощады!»

Прибывший с 30-тысячным войском личный друг Вильгельма немецкий генерал граф Вальдерзее был назначен главнокомандующим объединенной армии интервентов. Назначение Вальдерзее вызвало дипломатические осложнения, но в конечном итоге он был признан в этом звании всеми странами, кроме США². Под непосредственным руководством Вальдерзее проходила вся эта чудовищная оргия казней и разрушений. Прибыв в Пекин 17 октября, уже после того как посольства были освобождены от осады, Вальдерзее поселился в зимнем императорском дворце. Не довольствуясь грабежом дворцового имущества, он велел перерывать весь дворцовый сад и поднимать полы в поисках зарытых сокровищ. По его распоряжению делалось все, чем можно было оскорбить и унижить национальное и религиозное чувства китайцев. По его личному указанию были осквернены в конце ноября 1900 г. императорские гробницы³. Старинные инструменты и оборудование китайской императорской обсерватории были захвачены и отправлены в Германию. Они были возвращены Китаю лишь после первой мировой войны и Версальского договора.

Уже после того как в декабре 1900 г. начались мирные переговоры с представителями бежавшей из Пекина манчжурской династии, Вальдерзее организовал 46 военных карательных экспедиций в различные районы. В 35 из них участвовали только германские солдаты⁴. Всюду они несли смерть и разрушение.

Вильгельм из Берлина вдохновлял своего верного слугу. Он даже советовал захватить китайского представителя и держать его в качестве заложника до тех пор, пока Китай не согласится удовлетворить претензии Германии. Спекулируя на убийстве немецкого посла, немецкие представители не только требовали непомерную контрибуцию, но и стремились большую ее часть захватить себе. Кайзер открыто при этом заявлял, что деньги нужны Германии для постройки военных кораблей. Вильгельм и Вальдерзее мечтали о новых территориальных захватах. «Для нас важно занять Чифу и часть Шаньдуня», — писал Вильгельм. Когда наконец 7 сентября 1900 г. был подписан так называемый «заключительный боксерский протокол», Китай вынужден был согласиться

¹ «Germany's war mania», p. 75, London, 1914.

² См. Bau M. Op. cit., p. 124.

³ См. Teng Djen Djang. Op. cit., p. 138.

⁴ См. Ibidem, p. 140.

на колоссальную контрибуцию в 450 млн. таэлей. На долю Германии пришлось от этого грабежа 20%.

Не довольствуясь материальным вознаграждением и сооружением на китайский счет памятника Кеттелеру, Вильгельм выдвинул исключительно унижительные требования: он потребовал, чтобы брат китайского императора и вся специальная китайская делегация на коленях просили прощения у германского кайзера, восседающего на троне¹. Лишь после долгих дипломатических переговоров удалось убедить Вильгельма отказаться от этого удовлетворения его тщеславия.

Проявляя исключительную варварскую жестокость в подавлении народного восстания в Северном Китае, направленного против национального, экономического и политического гнета, германские империалисты добивались для себя наилучших условий для дальнейшего закабаления Китая. Империалистическая Германия, в целях закрепления своих позиций на Дальнем Востоке и отвлечения царской России от европейских и ближневосточных дел, развивала бешеную активность, провоцируя войну между Японией и Россией в 1904—1905 годах. Это было ей тем более удобно, что Германия еще со времени буржуазной революции в Японии в 1864 г. устремилась в Японию. Немецкие инструкторы принимали деятельное участие в реорганизации и европеизации японской армии и т. д. Особенно старался разжечь войну сам кайзер Вильгельм II, действуя зачастую даже без ведома своего министерства иностранных дел, стремившегося избежать осложнений с Англией. Вильгельм всячески использовал свои личные связи с Николаем II. В письмах к русскому царю он писал, например: «Для всякого непредубежденного человека ясно, что Корея должна быть и будет русской. Когда и как,—до этого никому нет дела и касается только тебя и твоей страны»².

Достигнув известного ослабления царской России после русско-японской войны, Германия не пропускала ни одного благоприятного случая для дальнейшего проникновения в Китай. Немцы действовали как самостоятельно, так и добиваясь участия в тех займах и предприятиях, которые осуществлялись в Китае международными финансовыми компаниями.

Германская торговля с Китаем возрастала с особенной быстротой, оттесняя товары других стран. За период с 1902 по 1911 г. германский ввоз в Китай увеличился больше чем в десять раз (с 11 млн. до 114,9 млн. марок), а экспорт из Китая в Германию — почти в 20 раз (с 4,8 млн. до 80 млн. марок)³. До 20% всего импорта в Китай при этом проходило через руки немецких купцов, хотя, по официальной статистике, немецкие товары составляли всего 7% китайского ввоза⁴. Вложения германских капиталов в Китае к 1914 г. достигали солидной суммы в 263,5 млн. долларов. Из них 127,5 млн. были вложены в государственные облигации⁵.

Первая мировая война в основном была войной за передел колоний. Однако германским империалистам пришлось испытать крах всех своих широчайших планов колониальных захватов. Поражение Германии в войне лишило ее и тех колониальных владений, которые она приобрела в конце XIX и в начале XX века. Еще во время войны ее «арендованные» территории в Китае были захвачены Японией (1914 г.). Колонии на Новой Гвинее были заняты австралийскими войсками.

¹ См. Teng Djen Djang. Op. cit., p. 160—161.

² Переписка Вильгельма II с Николаем II, стр. 52. М. Центроархив. 1923.

³ См. Bau M. Op. cit., p. 128.

⁴ См. Dewall W. «Die wirtschaftlichen Aufgaben Deutschlands in China», S. 88. В. 1911.

⁵ См. Remer C. «Foreign investments in China», p. 642. New York. 1933.

Версальский договор оформил потерю Германией колоний в Африке и на Востоке. Тихоокеанские острова к северу от экватора стали японской подмандатной территорией, острова, расположенные к югу от экватора, отошли к Новой Зеландии и Австралии. Германские «арендованные» владения в Шаньдуне были закреплены за Японией. Вместе с тем Германия должна была отказаться от еще причитавшейся ей части «боксерской» контрибуции, от всех привилегий, полученных по неравноправным договорам с Китаем. Она лишилась своих концессий в Ханькоу и Тяньцзине, складов, верфей и т. д.

Однако этот удар по захватническим планам германских империалистов отнюдь не заставил их отказаться от надежд на возвращение старых колоний и на приобретение новых. Первые послевоенные годы германские империалисты не были в состоянии активно вступить в эту борьбу за колонии.

Как меланхолично отмечало официальное издание Германского колониального союза, «до 1924 г. колонии были для нас закрыты, и о немецкой колониальной деятельности едва ли приходилось говорить»¹. Однако уже в эти годы Германское колониальное общество начинает объединение связанных с колониями сил и ставит перед собою задачу возвращения германских колоний. В своей деятельности оно опирается на многочисленные колониальные союзы и объединения, возникающие в первые же годы после Версаля. В 1922 г. создается Германский колониальный союз во главе с ген. Малкером. В том же году стараниями Малкера и председателя Германского колониального общества, бывшего колониального губернатора Зейца, различные колониальные союзы объединяются под руководством Колониального общества. «Этим был создан боевой фронт для борьбы за колонии»².

Усиливается не только пропаганда, но и практическая деятельность в колониях. Ведется планомерная борьба за восстановление прежнего германского влияния в колониальных и полуколониальных странах. Усиленно поощряется германская эмиграция в колонии, восстанавливаются немецкие школы. Особенное внимание уделяется организации немецких духовных миссий. Число немцев-миссионеров в короткий срок далеко перешагнуло довоенный уровень. На Новой Гвинее количество немецких миссий с 15 в довоенные годы возросло до 105 в 1933 году. В них числилось свыше 150 миссионеров. В странах южной части Тихого океана число немецких миссионеров в том же году составляло 280 человек против 149 в 1913 году. В центре деятельности стояли бывшие германские колонии в Африке, но и Дальнему Востоку и Тихому океану уделялось большое внимание.

Внутри Германии колониальные вождедения германских империалистов облекались в форму борьбы за возврат «несправедливо отторгнутых» германских колоний. Это давало возможность включать колониальные вопросы в шовинистическую пропаганду, подогреваемую идеей реванша.

В действительности же на Дальнем Востоке Германию в гораздо большей мере привлекали богатые колониальные владения других стран, нежели ее бывшие колонии. Усилиями Колониального общества при прямой денежной поддержке государства восстанавливалась и даже росла по сравнению с довоенным уровнем хозяйственная деятельность немцев на Новой Гвинее, в частности расширилась добыча золота (в 1913 г. было добыто всего лишь 65 гран золота, в 1933 г. стоимость вывезенного золота уже равнялась 13 млн. марок). На Новой Гвинее росло число немецких колонистов, достигшее к 1939 г. 400 человек. Но германские империалисты помнили, что в довоенное время эти колонии

¹ «Das Buch der Deutschen Kolonien», S. 247. Reichskolonialbund. Berlin. 1936.

² ibidem, S. 278.

были убыточны и их администрация требовала постоянных дотаций. На отошедших к Японии бывших германских островах японское освоение экономических ресурсов и японская иммиграция (число японцев с 8 тыс. в 1924 г. возросло до 36 тыс. к 1934 г.) шли такими темпами, что Германии трудно было мечтать о возвращении прежнего положения. Все это еще больше направляло германские вождедения к Китаю, Индии и другим странам.

В Китае германские империалисты искусно использовали то обстоятельство, что первая мировая война лишила их тех привилегий, которыми обладали иностранные державы. Спекулируя на своих вынужденно равноправных договорах и соглашениях с Китаем, Германия могла рядиться в тогу друга Китая, подготавливая экономическое и политическое проникновение в эту страну.

Уже во время китайской революции 1925—1927 гг. Германия ловко использовала борьбу китайского народа против империалистических держав, так же как она использовала национально-освободительное движение и в других восточных странах и колониях (Иран, Афганистан, Индия). При этом германские агенты в не меньшей мере, чем японские, разжигали борьбу внутри Китая, натравливая друг на друга различные китайские милитаристские группировки, снабжая их оружием и другим военным снаряжением.

Особое внимание они уделяли разжиганию борьбы Гоминдана против китайских коммунистов и советских районов. Уже в 1930 г. на службе нанкинской армии числилось 46 германских военных советников; из них многие занимали руководящие посты. Во главе их стоял полковник Макс Бауэр, в свое время ближайший помощник ген. Людендорфа. Результатом его первой поездки в Пекин зимой 1927—1928 г. явился визит в Германию китайской военной миссии во главе с ген. Чен-и, впоследствии военным министром нанкинского правительства. В ноябре 1928 г. Бауэр вернулся в Нанкин, и вслед за ним последовал целый штаб немецких военных специалистов¹. Снабженные дипломатическими паспортами, эти военные агенты германского империализма первое время действовали под видом членов торговых и экономических миссий.

Характерно, что многие из этих военных специалистов уже тогда были связаны с фашистскими кругами и являлись участниками путчей, направленных против Веймарской республики.

Однако несмотря на все утверждения германского посольства в Китае и министерства иностранных дел об отсутствии какой-либо связи между германскими правительственными органами и «безработными отставными военными, ищущими своего применения в Китае», Бауэр являлся прямым агентом германских империалистов. После его смерти от оспы летом 1929 г. обнаружились его тесные и регулярные связи с германским военным министерством².

Организованное Бауэром официально для обслуживания нанкинского правительства Военное информационное бюро вело самую интенсивную шпионскую работу в интересах германских империалистов. После смерти Бауэра его функции перешли к полковнику графу Крибелю. Направленная на разжигание междоусобной борьбы в Китае деятельность германских специалистов приводила к тому, что наряду с германскими советниками в Нанкине имелись также германские эксперты и у Фын Юсяна. В широком масштабе шло снабжение германским оружием и снаряжением как Нанкина, так и боровшихся против него группировок. Всеми средствами германские империалисты стремились подавить народное движение в советских районах.

¹ См. Hallett A. «Tortured China», p. 180. New York. 1930.

² См. Ibidem. p. 183.

Вся подготовка третьего похода против советов и руководство операциями летом и осенью 1931 г. осуществлялись немецкими советниками. План пятого похода, провалившегося как и все предыдущие, был разработан известным немецким генералом фон Сектом, в этот период игравшим руководящую роль среди множества немецких специалистов.

Свое положение советников германские агенты использовали для сбыта Китаю изделий германской военной промышленности, включая отравляющие вещества, применение которых немецкие варвары упорно стремились навязать китайским армиям. Германские специалисты, руководившие арсеналом в Шанхае, пытались и здесь, на месте, организовать производство бомб с удушливыми газами¹.

Появление в 1930 г. немецкой экономической миссии Гецмана, в состав которой входили инженеры-эксперты, железнодорожные специалисты, представители стального картеля и различных промышленных фирм, было подготовлено также военными экспертами.

В колониях других стран в западной части Тихого океана, главным образом в Голландской Индии, германские империалисты энергично восстанавливали довоенный уровень своих торговых оборотов, организовав немецкую колонию, вели пропаганду немецких интересов через немецкую прессу («Deutsche Wacht»), клубы и объединения.

Захват в Германии власти Гитлером и его фашистской бандой сразу же придал новый размах колониальной деятельности германских империалистов. Почти немедленно все существовавшие колониальные союзы и общества были объединены в Германский колониальный союз, поставленный под бдительный контроль нацистов. Во главе этого централизованного союза над бывшими руководителями Колониального общества — герцогом Мекленбургским, д-ром Шнее и другими — был поставлен ген. Франц фон Эпп. Он был близок к Гитлеру, возглавлял колониальный отдел фашистской партии, и его прочили главой будущего министерства колоний.

Создание Германского колониального союза и широкая поддержка его деятельности за счет государственных средств немедленно отразились на колониальной пропаганде и практических мерах, рассчитанных на захват колоний в самое ближайшее время. Был проведен тщательный учет всех немецких колониальных кадров; созданы специальные курсы для изучения африканских и восточных языков и диалектов. Главное внимание было обращено на подготовку администраторов и военно-политического аппарата для колоний, которые фашистские хищники рассчитывали получить в недалеком будущем.

Постепенно вопрос о поощрении германской эмиграции в колонии отходил на второй план. Окрыленные успехом своей политики в Европе, фашисты со страниц официальных нацистских органов доказывали, что немцам-колонистам не за чем направляться в колонии, что туда нужно будет направлять лишь администрацию для управления и обеспечения поставок колониального сырья. Зато подготовке жандармско-полицейских сил уделялось все больше внимания. Владея колониями пока лишь в мечтах, германские фашисты прибегали к помощи своих итальянских подручных и направляли обученных колониальных палачей для практической работы в итальянские колонии в Абиссинию. Впоследствии этот накопленный в итальянских колониях опыт был реализован в стонущих под пятой фашистской Германии оккупированных странах Европы.

Захват власти фашистами придал новый размах их проникновению в Китай и колониальные страны юговосточной Азии. К прежним методам германских империалистов прибавились интриги фашистов, действовавших при помощи самых реакционных сил в метрополии и колониях.

¹ См. Hallett A. Op. cit., p. 192.

Из колониальных стран юговосточной Азии наибольшую активность фашистские агенты и шпионы проявляли в Голландской Индии. Уже в 1934—1935 гг. Геринг обращает особое внимание на Индонезию. Путем покупки местных газет он широко поставил нацистскую пропаганду. Бесчисленные агенты и шпионы Германии проникают в различные слои колониального общества. Они используют и наиболее реакционных представителей голландской буржуазии и местные феодальные элементы, пытаются привлечь на свою сторону и некоторых представителей национального движения. Особенно благоприятным для гитлеровских планов моментом являлось примиренческое, почти благожелательное отношение некоторых представителей голландского правительства к фашистскому подголоску в Голландии — «фюреру» голландских национал-социалистов Мюссерту.

Используя попустительство голландских властей, Мюссерт перенес свою деятельность в голландскую колонию. Уже в 1933 г. в Индонезии был открыт филиал голландской фашистской организации. Но одновременно возникли еще и другие боровшиеся между собой фашистские организации: Нидерландская индийская фашистская организация (НИФО), фашистская уния и т. д. Все эти организации вели между собой ожесточенную борьбу. Каждая из них претендовала на то, что она является «истинной» представительницей фашистских идей. В 1935 г. Мюссерт получил возможность лично появиться на Яве, был принят вице-королем и свободно вел свою пропаганду по объединению фашистских сил. Германский фашизм через своих официальных консульских чиновников и других агентов всячески стремился использовать реакционные голландские объединения в своих интересах.

Германские фашисты при этом использовали настроения определенной части голландской буржуазии. По мере укрепления фашизма в Германии и роста его агрессии в Европе часть голландской буржуазии готова была идти заранее на капитуляцию перед германским фашизмом. Допуская возможность победы германского фашизма, эта часть голландской буржуазии заранее готова была сговориться с ним для того, чтобы сохранить возможность участия в эксплуатации Индонезии.

Готовясь к захватнической войне в Европе, германские фашисты все больше сближались с восточным агрессором — Японией. Фашисты понимали, что у них нет достаточных военных и особенно морских сил для самостоятельного захвата стран Дальнего Востока и Океании. Они нуждались в помощи и поддержке Японии и стремились японскими руками обеспечить себе приобретение здесь новых колоний.

Мечтой Гитлера было превратить Японию на Дальнем Востоке в такое же орудие фашистских захватнических планов, каким в Европе стала Италия. Однако здесь германские планы наталкивались на агрессивные замыслы самой Японии, отнюдь не намеревавшейся в действительности делиться с Германией своей предполагаемой добычей. Дружба с Германией Японии нужна была для ее собственных захватнических целей.

Отсюда проистекали внутренние противоречия между партнерами «оси», находившие свое отражение и в политике германского фашизма, в первую очередь в Китае. Здесь фашистская Германия, продолжая тактику, начатую до прихода нацистов к власти, сумела к 1935 г. занять третье место в китайской торговле, оттеснив Англию и следуя непосредственно за США и Японией. Несмотря на сближение с Японией германские представители в Китае продолжали двойную игру, вероломно выдавая себя за друзей китайского народа.

Особенно энергично проводил эту политику германский посол в Китае Оскар Трантман. В апреле 1936 г. Германия заключила торговое и расчетное соглашение с Японией и Манчжоу-Го, явно направленное против интересов Китая; через полгода последовал антикоминтернов-

ский пакт — следующий шаг японо-германского сближения. Но немедленно вслед за этим весьма авторитетная миссия во главе с ген. фон Рейхенау и Клейном — председателем крупного промышленного концерна «Хапро», связанного с германским военным министерством, — направилась в Нанкин. Она привезла с собой не только заем Китаю и торгово-расчетное соглашение, но и широкие планы сотрудничества с китайским правительством. Даже жертвуя интересами отдельных германских фирм в Китае, фашистские эмиссары заключили контракт, по которому учреждалось специальное контролируемое правительством германо-китайское бюро по закупке германского вооружения. Создавались три крупных германских промышленных предприятия и предусматривалась обширная программа дальнейших германских вложений¹.

Фашистская политика достигала своих целей. Летом 1937 г. представитель Нанкина д-р Кунь заявил в интервью в Берлине, что «Китай считает Германию своим лучшим другом». Даже после начала открытой захватнической войны Японии против Китая в июле 1937 г. фашистская Германия продолжала свою двойную игру. Предоставляя в ноябре 1937 г. заем Манчжоу-Го, фашисты почти одновременно направили в Нанкин упомянутого уже Клейна в качестве советника в деле реорганизации китайских финансов. При нанкинском китайском правительстве оставались многочисленные германские военные советники.

В конце декабря 1934 г. неутомимый агент германского фашизма — посол при нанкинском правительстве Трантман — пытался выступить в качестве посредника между японскими агрессорами и Китаем. В этой его деятельности сказывается стремление не только добиться капитуляции Китая, но и извлечь из этого максимальные выгоды для фашистской Германии. Посредническая миссия Трантмана натолкнулась на крепнувший единый антияпонский фронт китайского народа и кончилась полным провалом.

20 февраля 1938 г. Гитлер сделал в рейхстате официальное заявление о признании Манчжоу-Го. В мае был заключен договор о дружбе между Германией и Манчжоу-Го, и из Чунцина были отозваны германский посол и военные советники. Но даже и после этой, казалось бы, решительной демонстрации солидарности с японскими захватчиками их европейские партнеры по «оси» не отказываются от попыток заигрывания с Чунцином.

Основная линия фашистской политики заключалась в одновременном использовании в своих интересах японской грабительской войны в Китае и освободительной борьбы китайского народа.

Фашисты не желали видеть Китай свободной, сильной, демократической страной, но полное его подчинение Японии их также не устраивало. Поэтому, заключая выгодное для Германии соглашение с марионеточным «Северным правительством» Китая, предоставляя займы Манчжоу-Го, заручаясь японскими обещаниями о преимущественном режиме для Германии в Китае и используя в своих интересах оккупированные Японией китайские районы², фашизм в 1939 г. вновь возвращается в Чунцин и возобновляет торговые и экономические связи с национальным китайским правительством.

Лишь развитие войны в Европе и сближение между Англией и США приводят германский фашизм к отказу от самостоятельной политики в Китае. Заинтересованные в выступлении Японии на Тихом океане против англо-саксонских демократических держав, готовя втайне вероломное нападение на СССР, германские фашисты в ноябре 1940 г. заключают военный союз с Японией. Чтобы заставить Японию начать войну, фашистской Германии пришлось, вряд ли искренне, отказаться от своих притязаний на Дальний Восток и Океанию, признать японское «право»

¹ См. Helden P. «Hitler's Game in the Pacific». «Asia», May. 1941.

² См. «Amerasia», February. 1940, p. 519—520.

на организацию «нового порядка» в Азии, на создание «великой азиатской сферы взаимного процветания», предполагающей порабощение Китая, Филиппин, Индонезии, Индокитая, Малайи, Австралии и, возможно, многих других стран.

Этим путем Гитлер надеялся облегчить реализацию своих бредовых планов установления «нового порядка» в Европе, порабощения фашизмом европейских и ближневосточных народов.

Договор агрессоров, пытающихся разделить между собой весь земной шар, отнюдь, однако, не означает отказа германского фашизма от его захватнических целей на Дальнем Востоке. Не случайно, что даже в 1940 г. германский журнал «Geopolitik» не без злорадства отмечал трудности, возникшие перед Японией в Манчжурии и Северном Китае, и иронически писал: «Хризантемы не прививаются на северных степных почвах, как бы всесторонне ни хотела бы развить свою автаркию новая Восточная Азия»¹.

Сейчас в руках дальневосточного партнера «оси» оказались, хотя бы временно, обширные территории Южных морей с их важнейшими продовольственными ресурсами. Японская схема «взаимного процветания Восточной Азии» наглядно показывает, что японские хозяева вовсе не намерены делать фашистскую Германию участником их эксплуатации. Между тем первоначальные тайные планы «раздела» юговосточной Азии, как упорно указывала международная пресса, предусматривали переход к фашистской Германии хотя бы двух важнейших островов Индонезии: Явы и Суматры. Сейчас германским фашистам приходится временно «мириться» с нераздельным контролем Японии, но это лишь увеличивает противоречия внутри фашистской коалиции. Германский фашизм до тех пор, пока он существует, никогда не откажется от мысли наложить свою лапу на Дальний Восток и Тихий океан. Планы германского фашизма могут, таким образом, исчезнуть лишь вместе с ним.

¹ «Geopolitik», № 8 за 1940 год.

РУМЯНЦЕВ И ОФОРМЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЕННОГО ИСКУССТВА

Н. Коробков

I

Среди творцов русской военной стратегии нет второго, кто был бы так несправедливо забыт, как фельдмаршал Петр Александрович Румянцев. За последнюю четверть века его имя встречается разве только в общих курсах истории военного искусства; кроме того в 1940 году были опубликованы касающиеся его документы, а вслед за ними статья в «Военно-историческом журнале»¹. И это — все.

Имя Румянцева обратилось в пустой звук не только для широких кругов; даже люди, для которых знание русской военной истории казалось бы обязательным, часто имеют о Румянцеве самое туманное и притом искаженное представление, как это можно, например, видеть на примере некоторых авторов новых книг о Суворове².

Между тем знакомство с Румянцевым необходимо для правильного понимания военной и общей истории эпохи, в которую он жил: «По своему значению Румянцев больше всех приблизился к Петру Великому», — основательно утверждал один из виднейших военных историков³. «Non solus armis» («Не только оружием») — гласил девиз Румянцева. Он одинаково значительно проявил себя и как «главный командир Малороссии» и как дипломат, как виднейший реорганизатор и воспитатель русской армии и как замечательный полководец. Своими победами он стяжал себе мировую известность.

Румянцева чаще всего представляют себе екатерининским вельможей, черты которого с таким мастерством передал в красках Левицкий и в мраморе — Шубин; при этом забывают, что среди войск он пользовался славой любимого фельдмаршала и «прямо-

го солдата», как звали его рядовые⁴; Суворов считал его своим учителем, а для передовой части русского командования того времени Румянцев был «знаменитый муж, известный всему свету знанием ремесла нашего, разумом, великостью и неустрашимостью...»⁵.

Нелюбимый императрицей, далекий от двора, Румянцев умер в одиночестве в своем ташанском дворце. В тот период общественное внимание было приковано к реформам царствования Павла. Потом в Европе разыгрались великие события. Триумфы Суворова, военная слава Наполеона, борьба с ним, Кутузов и Отечественная война — все это заслонило недавнее военное прошлое и фигуру Румянцева.

Тем не менее уже в 1803 г. появилась книга, заключавшая в себе попытку дать биографию и характеристику фельдмаршала⁶, а в 1811 г. был опубликован сборник документов и воспоминаний о нем. Оба издания долгое время служили главным источником сведений для последующих биографов Румянцева (например Бантыш-Каменского, Чичагова и других⁷), пользовавшихся кроме того опубликованной в первом десятилетии XIX в. его перепиской с Екатериной II⁸. Важным материалом для

⁴ Центральный военно-исторический архив (ЦВИА), фонд Военно-ученого архива (ВУА) № 1820. Ч. 1-я, л. 90.

⁵ Хрущев А. «Размышление, в каком состоянии армия была в 1764 г. и проч.». Сборник Главного управления генерального штаба. Вып. 3-й, стр. 63—64. 1909.

⁶ Сазонов И. «Жизнь гр. П. А. Румянцева-Задунайского. В 4-х частях». М. 1803.

⁷ Анекдоты, объясняющие дух фельдмаршала гр. П. А. Румянцева-Задунайского. СПб. 1811.

⁸ Бантыш-Каменский Д. «Словарь достопамятных людей русских». Т. IV. М. 1836; его же «Биографии российских генерал-фельдмаршалов». СПб. 1840. Чичагов Н. «Жизнь ген.-фельдмаршала и генералиссимуса гр. П. А. Румянцева-Задунайского». СПб. 1849; «Переписка имп. Екатерины II с разными особами». М. 1807; «Письма Екатерины II к гр. П. А. Румянцеву-Задунайскому». «Сын отечества». Т. 64 за 1834 год.

¹ Коробков Н. «Ларга и Кагул». «Красный архив» № 6 за 1940 год; его же «Фельдмаршал П. А. Румянцев-Задунайский». «Военно-исторический журнал» № 1 за 1941 год.

² Григорьев С. «Александр Суворов». 1940. Осипов К. «Суворов». М. 1941.

³ Масловский Д. «Записки по истории военного искусства в России». Вып. 2-й, стр. 3. СПб. 1894.

изучения военной деятельности Румянцева были да и остаются «Журналы о военных действиях» за соответствующие годы.

Огромный архив Румянцева, хранившийся в его последней резиденции — Ташани, долго оставался недоступным. Позднее он был вывезен в Чернигов, где большая часть погибла, а остатки его, доставленные в Киев, были разобраны историками Судненко и Саковичем и позже опубликованы¹.

Во второй половине XIX в. интерес к Румянцеву оживляется. Ряд касающихся его материалов появляется в «Сборниках» Русского исторического общества, Харьковского историко-филологического общества, в «Чтениях» Общества Нестора-летописца, в «Записках» Одесского общества истории и древностей, а также в таких изданиях, как «Русская старина», «Русский архив», «Старина и новизна», «Северный архив», «Киевская старина» и др.² Чрезвычайно важные документы были опубликованы в «Сборниках военно-исторических материалов»³.

¹ Архив военно-походной канцелярии гр. П. А. Румянцева. Сообщил М. О. Судненко. «Чтения общества истории и древностей российских». («Чтения...»). Т. I. Кн. 1-я за 1865 год; т. II. Кн. 2-я; т. III. Кн. 1-я; т. IV. Кн. 4-я за 1866 год; кн. 1—2-я за 1876 год; «Бумаги, до управления Малороссиею гр. П. А. Румянцева-Задунайского относящиеся». Сообщил М. Судненко. «Чтения...» за 1861 год. Кн. 1-я. В разное время издано также значительное количество записок, проектов, реляций, донесений, докладов Румянцева, на описании которых здесь не останавливаемся.

² Как наиболее важные из них отметим: Багалей Д. «Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и др. областей». «Сборник Харьк. ист.-фил. общ.». Т. II. Харьков. 1890; Барсуков А. «Письма к гр. Румянцеву от его родителей 1735—1768 гг.». «Старина и новизна». Кн. 3-я; Барсуков Н. «Дневник А. В. Храповицкого». «Русский архив». М. 1901 с отд. изд.; Бычков А. «Гр. П. А. Румянцева-Задунайский». «Его письма». «Русская старина». 1873. Т. VII; «Донесения о болезни и смерти П. А. Румянцева-Задунайского». «Чтения...» за 1859 год. Т. III; Майков П. «Письма А. А. Безбородка к гр. П. А. Румянцеву». «Старина и новизна» за 1901 год. Кн. 4-я; «Письма братьев Орловых к гр. П. А. Румянцеву». «Старина и новизна» за 1897 год. Кн. 1-я; «Письма Екатерины II к гр. П. А. Румянцеву-Задунайскому». «Северный архив» за 1822 год. Ч. 1-я и 2-я; «Письма Екатерины II к гр. Румянцеву». «Сын отечества» за 1834 год. Т. 164; «Материалы для биографии П. А. Румянцева-Задунайского». «Киевская старина» за 1895 год. Т. VIII и X. Сборники Русского исторического общества. Тт. V, VI, XV.

³ Сборник военно-исторических материалов под редакцией акад. Н. Дубровина. Вып. III, IV, VI, VIII. СПб. 1893—1895.

Поскольку Румянецв играл крупную роль в самых различных областях государственной жизни своего времени, немало относящихся к нему сведений и материалов рассыпано в общих публикациях документов⁴, в публикациях писем разных лиц, записок и воспоминаний (например Храповицкого, Эрнста, Миниха, Энгельгардта, Каульбарса, Болотова, Лопухина, Вигеля и др.). Его переписка с сестрой — гр. Брюс — и письма его жены, изданные гр. Д. Л. Толстым, содержат очень красочные материалы для характеристики семейной и интимной жизни фельдмаршала.

Обширные материалы о Румянцеве хранятся в Центральном военно-историческом архиве⁵ и в Архиве древних актов.

Появление новых документов повлекло за собой издание значительного количества работ, имеющих прямое или косвенное отношение к Румянцеву и опубликованных большей частью в вышеперечисленных периодических органах (особенно в «Киевской старине»), «Журнале министерства народного просвещения», «Москвитянине», «Военных сборниках», «Журнале военно-исторического общества» и других⁶. Из более крупных работ должны быть отмечены труды Бутурлина, Богдановича, Саковича, Петрова⁷. Из более новых изданий надо особо выделить труды Д. Мас-

⁴ См., например, «Архив Государственного Совета» за 1880 год. Т. I—II; «Архив кн. Воронцова» (в ряде томов) и т. п.

⁵ Из опубликованных описей надо указать каталог Московского отделения общего архива главного штаба. Вып. 3-й, прил. XIV, и Опись дел фельдмаршалов гр. Румянцева-Задунайского и кн. Потемкина-Таврического, под ред. Д. Ф. Масловского. СПб. 1892.

⁶ Лазаревский А. «По поводу столетия от смерти гр. П. А. Румянцева». «Киевская старина» за 1896 год. Т. 55; «Материалы для биографии гр. П. А. Румянцева-Задунайского». «Киевская старина» за 1895 год. Т. 48; Шанков А. «К биографии гр. П. А. Румянцева-Задунайского». «Исторический вестник» за 1902 год. Т. 89; Чихачов К. «Жизнь гр. П. А. Румянцева-Задунайского». «Москвитянин» за 1850 год. Ч. IV; Масловский Д. «Ларгокагульская операция гр. П. А. Румянцева». «Киевская старина» за 1895 год. Т. 48; его же, с тем же названием. «Военный сборник» №№ 8—9 за 1893 год; Стороженко Н. «Реформы в Малороссии при гр. Румянцеве». «Киевская старина» №№ 8—9 за 1891 год; Багалей Д. «Генеральная опись Малороссии». Эпизод из деятельности гр. П. А. Румянцева-Задунайского. «Киевская старина» № 11 за 1883 год и пр.

⁷ Бутурлин Д. «Картина войн России с Турцией в царствование имп. Екатерины II и имп. Александра I». СПб. 1829; Богданович М. «Русская армия в век Екатерины». «Военный сборник» № 12 за 1873 год; его же «Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турцию». СПб. 1852; Сакович П. «Исторический обзор деятельности гр. Румянцева-Задунайского и

ловского и Н. Дубровина¹, отчетливо и объективно вскрывших историческое значение Румянцева как преобразователя русской армии и выдающегося полководца, а также монографию Максимовича², осветившего деятельность Румянцева как правителя Украины. Ряд посвященных Румянцеву страниц находим и в общих трудах по истории России, русской военной истории, в энциклопедических словарях и в многочисленных монографиях по отдельным вопросам общей и военной истории XVIII в., перечислять которые в настоящем обзоре не представляется возможным.

II

Граф Петр Александрович Румянцев, впоследствии фельдмаршал Румянцев-Задунайский, родился 4 января 1725 г. в Москве. Первоначальная карьера его благодаря связям отца была головокружительна. В 18 лет он уже был пожалован чином полковника; в 30 лет его произвели в генерал-майоры. В это время он, резко изменив образ жизни, со всем пылом свойственного ему темперамента занимается глубоким изучением военного дела, накоплением знаний в этой области. В период подготовки войны с Пруссией Румянцев выделялся из среды остальных генералов не только острым умом и энергией, но и глубиной военных знаний.

С того же времени в деятельности Румянцева ярко отразилась его глубокая принципиальность в вопросах, важных для армии. Не соглашаясь во многом с установленными воззрениями, он упрямо отстаивал собственную точку зрения, невзирая на то что это вызывало озлобление у высшего начальства и, следовательно, препятствовало его продвижению на высокие посты.

Со вступлением России в Семилетнюю войну (1756) деятельность Румянцева стала особенно заметной. Под Гросс-Егерсдорфом 19 августа 1757 г.³ два полка бригады Румянцева и вновь собранные им рассеянные в лесу солдаты решили исход

его сотрудников с 1775 по 1780 гг.». «Русская беседа» за 1858 год. Тт. II, III, IV; Петров А. «Влияние турецких войн с половины прошлого столетия на развитие русского военного искусства». СПб. 1893; его же «Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 гг.». СПб. 1866—1874; его же «Вторая турецкая война, 1787—1791 гг.». Тт. I—II. СПб. 1880.

¹ Масловский Д. «Записки по истории военного искусства в России». Вып. 2-й. СПб. 1894; его же «Примечания и приложения к запискам по истории военного искусства в России». Вып. 2-й. СПб. 1894; его же Предисловие к сборнику «Письма и бумаги Суворова, Потемкина, Румянцева 1787—1789 гг.». М. 1889; Дубровин Н. «Суворов среди преобразователей екатерининской армии». М. 1876.

² Максимович Г. «Деятельность Румянцева-Задунайского по управлению Малороссией». Т. I. Нежин. 1913.

³ Даты приводятся по старому стилю.

сражения: «продравшись» через болотистый лес, они подкрепили полуразбитый русский фронт и штыковым ударом решительно отбросили пруссаков, потерпевших затем полное поражение.

Зимой 1757—1758 г. Румянцев обучал подчиненные ему кавалерийские полки и проявил себя как прекрасный военный воспитатель. Во главе этих частей Румянцев зимой 1758 г. занял Тильзит; вместе с войсками Ивана Салтыкова он вступил в Лабиау, Кенигсберг, Эльбинг, а после завоевания Восточной Пруссии продолжал работу по реорганизации кавалерии.

Во время сражения под Цорндорфом дивизия Румянцева в результате неправильных распоряжений главнокомандующего ген. Фермора оказалась отрезанной от главной армии и, не получая верных сведений о ходе дел, не приняла участия в битве. Впоследствии Фермор, стараясь реабилитировать себя, объяснял неудачный исход дела пассивностью Румянцева. Крупный конфликт между обоими генералами возник зимой 1758—1759 г. из-за решительного протеста молодого Румянцева против принятой главнокомандующим кордонной системы расположения войск на зимние квартиры. Система эта была типичным продуктом западноевропейской военной мысли, вытекала из универсальной практики наемных армий с ее обязательным линейным строем, маневренной тактикой и стратегией истощения противника. В этом конфликте Румянцев выступал как носитель идей национальной армии, свойства которой позже получили свое отражение в стратегии и тактике как самого Румянцева, так и его младших современников — Суворова, Кутузова и других военных деятелей.

В результате ссоры с Фермором Румянцев был устранен из действующей армии: его назначили начальником тылового корпуса. Однако и в этой должности он действовал не обычно, а вопреки установленным западной доктриной принципам. Вместо того чтобы растянуть расположение войск, назначенных для охраны течения Нижней Вислы, он сосредоточил свои силы в центре оборонительной линии. Главное командование отсылало из армии «за ненадобностью» значительную часть легких конных частей, а Румянцев всячески старался расширить состав своей кавалерии и организовал в своих частях прекрасную разведовательную службу, отсутствие которой так вредно отзывалось на операциях армии в 1757—1758 годах. В то время когда западная теория рассматривала армию как инородное тело, изолированное от общегосударственной и хозяйственной организации, Румянцев требовал подчинения ему всех тыловых хозяйственных учреждений, деятельность которых он хотел видеть вполне скоординированной и направляемой в соответствии с задачами войска.

Все эти принципы, продиктованные условиями войны, находили сторонников и среди других генералов, таких, как З. Чернышев, П. Панин, позднее и П. Салтыков; еще более живой отклик они вызвали в армейской массе. Скованная и обессиленная чуждыми ей западными порядками, армия

медленно и с трудом освобождалась от них, постепенно развивая собственную тактику «русского боя», русскую стратегию. Контуры этой стратегии наметились уже в кампаниях 1757—1761 гг., но получили более конкретное, законченное выражение только в последнем ее этапе: в блестящей «Кольбергской экспедиции», операции, вполне самостоятельно проведенной Румянцевым¹.

III

По плану, составленному в Петербурге Конференцией при высочайшем дворе на основе неполных и неверных сведений, корпус, предназначенный для осады Кольберга, сведен был из частей, разбросанных в разных местах; дополнительное подкрепление он должен был получить на месте в виде десанта.

Готовясь к осаде, Румянцев переформировал свои части: создал гренадерские трехротные батальоны с хорошо организованной артиллерией; мушкетерские полки пополнил особыми запасными ротами; для несения караульной службы образовал «штабной» батальон и эскадрон, установил обязательное выделение резерва. Впервые в русской армии были сформированы из охотников легкие батальоны—прообраз будущих егерей—и введено обучение действиям в рассыпном строю.

Весь подготовительный период, длительность которого вызывалась главным образом задержкой десанта, Румянцев использовал для энергичного обучения войск, в частности не применявшемуся ранее боевому действию колоннами. Были организованы правильные, хорошо охраняемые сообщения, налажено бесперебойное снабжение, причем транспортные средства в значительной мере были мобилизованы у окрестного населения. На всем протяжении операции образцово действовала разведка.

Система сильнейших естественных и искусственных укреплений Кольберга при численности сил обороны, лишь немного уступавшей силам нападающего, делала задачу исключительно трудной. Тем не менее Румянцев быстро и решительно продвинулся вперед обоими своими флангами и развернул действия против отдельных фортов. Крепость посредством флота была заперта с моря и изолирована от Штеттина.

Чрезвычайно интересным эпизодом военных действий на левом фланге явилось взятие города Трептова. Вследствие прекрасно поставленной разведки Румянцев имел точные сведения о передвижениях неприятеля и, захватив ночью окрестные деревни, окружил город. Впервые в русской военной истории гренадеры пошли в атаку батальонными колоннами. Удар был так неожидан и силен, что вызвал полную растерянность противника. Пруссак гнали до Грейфенберга. Была уничтожена большая часть их сил и взято 500 пленных во главе с Вернером, считавшимся одним из лучших прусских генералов².

Действия против Кольберга вскоре осложнились, однако, неожиданной угрозой с тыла. Сильный отряд ген. Платена, отправленный в обход главной русской армии, быстрым налетом разрушая русские коммуникации и магазины, поставил под угрозу сообщения Румянцева с Вислой, Лабесом и Регенвальде³. Румянцев послал главнокомандующему Бутурлину просьбу о подкреплении, усилил свои позиции окопами и, продолжая блокаду крепости подвижными отрядами, энергично подготавливал атаку ее самого сильного форта, в то время как флот бомбардировал Кольберг с моря. Охрану коммуникаций с Шифельбейном и Драмбургом несли кавалерийские отряды, внимательно следившие за каждым движением Платена.

Созванный Румянцевым военный совет ввиду сложности положения предложил отступить к Нетце для борьбы с Платеном. Румянцев не согласился. Он решил продолжать операции под крепостью, надеясь успешно осуществлять охрану своих сообщений при помощи конницы Берга и дивизии Долгорукого, на которых он возлагал и задачу дать отпор Платену. Тот между тем приближался, тревожимый с тыла летучими русскими отрядами, среди которых особенно выделялся отряд подполковника А. В. Суворова.

У Кеслина Румянцев пытался окружить пруссаков, но силы его были для этого недостаточны, и Платену удалось прорваться к Шифельбейну и Регенвальде, а затем и к Кеслину. Несмотря на энергичные атаки русских он продвинулся еще дальше и установил связь с гарнизоном осажденной крепости.

Положение осаждающих стало критическим. Надеяться на успех казалось невозможным. Военный совет вновь предложил Румянцеву отступить, тем более что снабжение продовольствием нарушилось, наступили морозы, а флот по климатическим условиям вынужден был уйти в Ревель, оставив у устья Персанти лишь два корабля. Учитывая создавшуюся обстановку, Конференция также разрешила снять осаду и уйти на зимние квартиры.

Вопреки всему Румянцев продолжал операции; отказавшись от блокады, он направил всю энергию на разрушение коммуникаций противника. Русским удалось захватить ряд транспортов врага, взять Наугард и нанести крупное поражение прусским отрядам под Вейсенштейном («Вейсентином») и у деревни Бельц.

Встревоженное этими операциями, прусское командование отправило войска Платена на восстановление коммуникаций и заняло Трептов отрядом ген. Кноблоха, поставив перед ним задачу—отвлечь внимание русских от передвижения сюда Платена, опиравшегося на выдвинутый к Гольнову отряд Корбьера. Но Корбьер сразу же был атакован русскими, разбит и взят

¹ На освещении самой операции подробнее не останавливаемся. Общее описание ее дано нами в работе «Семилетняя война», стр. 303—315. М. 1940.

² ЦВИА, ВУА, № 1690, л. 71.

³ Schaefer «Geschichte des Siebenjährigen Kriegs». Bd. II. Abt. 2, S. 242 ff. Berlin. 1867—1874.

в плен вместе с тысячью солдат и офицеров¹. Вслед за тем, Румянцев и Берг, получив сведения об отступлении Платена к Трептову, поспешили сюда. Платен уже успел пройти, но Кноблах, разгромленный артиллерией атакующих, был вынужден сдаться с 1600 людьми, 15 знаменами и 7 орудиями².

Преследование Платена было поручено специально выделенной фельдмаршалом Бутурлиным дивизии ген. Фермора, который, однако, не сумел справиться со своей задачей и отошел к Наугарду; только отряд Суворова гнался за отступающими до Дамма. У Пирица и Стеница наконец удалось окружить Платена, но из-за нерешительности Берга, вопреки приказанию Румянцева отложившего атаку, пруссакам удалось отойти к Бернштейну, где они получили сильное подкрепление и возможность взять под угрозу пути сообщений преследовавших их русских частей. Последние, обороняя переправы на р. Инне, закрепились в Регенвальде и Грейфенберге.

В Кольберге между тем начался голод. Дезертирство приобрело массовый характер. Прусское командование применяло к дезертирам свирепые меры: пойманным обрезами носы и уши. Это не остановило бегства солдат, и они, изуродованными, нередко добивались до расположения русских войск. Чтобы облегчить побег, Румянцев продвинул свои аванпосты «к самым неприятельским»³.

В начале ноября Платен стал сосредотачиваться у Регенвальде, но, будучи атакован русскими и понеся крупные потери убитыми и пленными, вынужден был поспешно отступить⁴. Принц Вюртембергский, командовавший войсками примыкавшего к Кольбергу укрепленного лагеря, под прикрытием тумана покинул свои позиции и через Трептов, временно оставленный Бергом, отошел к Плате, где соединился с войсками Платена. Преследуемые Бергом, они отступили к Наугарду. Русские войска, заняв брошенный лагерь, повели интенсивную осаду крепости, взяли укрепление Вольфсберг, на следующий день заняли устье Персанти, подошли к самому городу и атакой захватили одно из его предместий. Начались траншейные работы и подготовка к штурму.

Король Фридрих, стремясь удержать Кольберг, приказал Платену и принцу Вюртембергскому собрать все силы, пробиться к крепости и доставить провиант ее защитникам. Попытка оказалась неудачной.

Наступила суровая зима. Румянцев разместил свои войска по зимним квартирам и все более сжимал кольцо осады. Под влия-

нием голода, ожидания штурма и уверенности в неизбежной гибели Кольберг наконец сдался на условиях, предписанных Румянцевым. Были взяты более 3 тыс. пленных, 146 крепостных орудий, знамен, огромные запасы вооружения, снарядов, амуниции.

Взятие Кольберга — последний акт войны 1756—1762 годов. Он был исполнен Румянцевым образцово. На всем протяжении операции командующий с безукоризненной четкостью устанавливал цели и методы их осуществления в строгом соответствии с условиями момента и с конечной целью.

В действиях русских войск не было ничего лишнего. Не было того бесполезного маневрирования, которое так печально характеризует деятельность Бутурлина, Фермора и даже Салтыкова за его вторую кампанию. Нельзя не отметить и большой решительности Румянцева, действовавшего вполне самостоятельно, нередко вопреки решениям военного совета и даже указаниям Конференции.

Русская конница, реорганизованная и обученная Румянцевым, не только успешно бросалась с лучшей в мире кавалерией Фридриха, но проявила необыкновенную подвижность, выносливость и сыграла огромную роль в успехе операции.

Впервые применив боевое построение в колонны и этим заложив основу для развития глубокого порядка, Румянцев вместе с тем явился и творцом рассыпного строя, создав «легкие батальоны» стрелков, предшествовавшие введенным затем гр. П. И. Паниным егерским батальонам.

Ни на минуту не выпуская инициативы из своих рук, Румянцев во все время операции держался активной тактики, обращая большое внимание на поражение живой силы противника. Этот совершенно необычный для XVIII в. принцип Румянцев сочетал с характерным для его времени, но вполне целесообразным маневрированием.

Необходимо отметить огромное значение упорядочения Румянцевым ранее столь несовершенной службы снабжения. Правильная организация подвоза из тыловых магазинов, опиравшаяся на образцовое устройство баз и коммуникационных линий, являлась необходимым условием успеха операции. Принятая Румянцевым система реквизиций и разумное применение натуральных повинностей населения были возможны лишь при правильном устройстве тыла.

«Кольбергская экспедиция» открыла новый период в истории русского военного искусства, а полководческое искусство Румянцева было оценено не только в России: когда положение его (после вступления на престол Екатерины) пошатнулось, Фридрих усиленно старался привлечь этого генерала на службу в прусской армии.

IV

В феврале 1762 г. Румянцев, произведенный в генерал-аншефы,¹ был назначен командующим войсками в готовившейся войне против Дании. Он выступил к Анкламу и Штеттину, но на пути был задержан манифестом о вступлении на престол

¹ Очень яркий рассказ об этих событиях дает участник сражения А. В. Суворов (Алексеев В. «Письма и бумаги Суворова». Т. I, стр. 10. Пгг. 1916).

² ЦВИА, ВУА, № 1690, лл. 105—122 об.; 123—126; № 1638, лл. 10—11.

³ ЦВИА, ВУА, № 1690, л. 44.

⁴ ЦВИА, ВУА, № 1688, лл. 155—156. Рассказ об этом сражении см. у Суворова (цит. «Письма и бумаги Суворова», стр. 10—12).

Екатерины II и приказом сдать команду гр. П. И. Панину и явиться в Петербург.

Зная враждебное отношение новой императрицы к сотрудникам ее убитого мужа и считая свою карьеру оконченной, Румянцев подал прошение об отставке «по болезни» — мотив, которым ему часто приходилось пользоваться позднее. Он поселился в Данциге и лишь после длительных настояний императрицы, родственников и друзей приехал в Петербург, где был «ласково принят». Прусский посланник Сольмс по этому поводу писал: «Румянцев с его надменным нравом и решительным тоном едва ли долго удержится благодаря только своим достоинствам». Но в Румянцеве еще нуждались тогда, хотя бы в связи с работой, созданной в 1763 г. «Воинской комиссии», которой было поручено переустройство русской армии на основе опыта войны. Работа началась с реорганизации генерального штаба; далее, упорядочено положение командного состава; полки приведены к численному единообразию, и в составе их установлено по две мушкетерских роты, предназначенных служить запасом для укомплектования полков в военное время. Был учрежден егерский корпус. Егерей вооружили нарезными ружьями и стали учить «прикладываться совершенным прицеливанием», быстро перестраивать фронт, действовать в рассыпном строю, «наступать и отступать с пальбою»¹. Усилили артиллерию. При значительном расширении состава армии резко выросла численность конницы. Все это напоминало принципы переустройства войск, проведенные Румянцевым под Кольбергом.

Комиссия ввела более удобное обмундирование, новый пехотный и кавалерийский уставы, являвшиеся шагом вперед.

Так как уставы не были общеобязательны, Румянцев в 1770 г. выработал для своей армии новый устав — «Обряд службы», вносящий много улучшений и позднее принятый для всех русских войск. Из румянцевского «Обряда», в частности, исходил в своих порядках и Суворов. Румянцев одним из первых старался ввести полное единообразие в подчиненных ему войсках, как в обучении их, так и в несении полевой и гарнизонной службы. Поддерживая крепкую дисциплину, он вместе с тем резко сократил практику телесных наказаний, затруднил перевод солдат из строя в обоз, на полевые работы и для услуг офицерам, чем последние очень злоупотребляли.

Еще важнее было установление совершенно необычного для западных армий принципа оценки солдата как сознательно-защитника отечества. «Если положение военного человека в государстве считается сравнительно с другими людьми беспокойным, трудным и опасным, — писал ученик Румянцева гр. Воронцов в «Инструкции ротным командирам», — то в то же время оно отличается от них неоспоримой честью и славой, ибо воин превозмогает

труды часто несносные и, не щадя своей жизни, обеспечивает сограждан, защищает их от врагов, обороняет отечество».

Инструкция требовала уважения к рядовым, повышения их чувства собственного достоинства, с тем чтобы «честь, заслуженную полком... каждый солдат на себя переносил»². Забота о солдате, его физическом здоровье, благоустройстве его быта, госпитальном обслуживании, выдвигалась как первый долг командира³. Во всем этом звучат мотивы, совпадающие со взглядами и наставлениями Суворова, который не без основания называл Румянцева своим учителем.

Румянцев предлагал распределять рекрутов по частям войск и родам оружия в соответствии с индивидуальными качествами людей; например в кавалерию зачислять преимущественно украинцев, казаков и вообще людей, привыкших к верховой езде, в егерские части — рекрутов из районов, где распространен охотничий промысел, и т. п.

Придавая огромное значение подвижности армии, Румянцев требовал для нее постоянных упражнений в учебных занятиях, маневрах, маршах в колоннах и линиях, перестроениях из развернутого строя в колонны, фуражировках, переправах через реки, атаках и обороне учебных укреплений. При этом он настаивал, чтобы «каждое с войсками предприятие на глазах главного командира происходило бы и было им искусно вразумляемо и объясняемо»⁴.

Войска обучались только тому, что нужно на войне. Обращено было большое внимание на индивидуальную подготовку солдат, сокращены и упрощены ружейные приемы. Наряду с двухшереножным строем и колоннами было введено действие мелкими «кареями», явившимися связующим звеном между порядками линейной и глубокой тактики.

Работа артиллерии была значительно усовершенствована приданием ей «пионеров» (саперов), введением единообразия калибров и установлением новых правил обучения и действия. Считая парадную тяжелую кавалерию бесполезной, Румянцев добился ее упразднения и сделал конницу подвижной и приспособленной к реальным целям войны.

V

Как правильно предсказал Сольмс, Румянцев недолго пользовался милостями императрицы и в 1764 г. был по собственному ходатайству уволен «для лечения». Но еще неукрепившееся екатерининское правительство обладало достаточным умом, чтобы не отбрасывать от себя таких людей, как Румянцев. Вскоре, в связи с упразднением гетманства, Румянцева назначили генерал-губернатором и командующим войсками («главным командиром») Украины. Этот пост, на котором он вел огром-

² «Военный сборник» № 11 за 1871 год, стр. 33.

³ ЦВИА, ВУА, № 1833.

⁴ Каталог М. О. Архива главного штаба. Вып. 2-й, прил. 3-е.

¹ Полное собрание законов Российской империи, № 12494.

ную и многообразную работу, за ним так и остался, несмотря на последующие изменения в его придворном положении и военные назначения.

В начале 1769 г., в связи с объявлением Турцией войны России, Румянцева назначили командующим Второй (вспомогательной) армией, предназначенной для действий против Крыма, но осенью того же года его пришлось перевести на место командовавшего Первой армией кн. Голицына, пассивность которого вызывала общее осуждение. Вторую армию дали гр. Панину, которому снова, в обход Румянцева, поручали выполнение главной части операционного плана — овладение крепостью Бендеры. Армия Румянцева предназначалась лишь для прикрытия этих операций. Не имея возможности отказаться от выполнения петербургского плана, Румянцев внес в него корректив, радикально изменивший направление действий: он решил начать наступление между Прутом и Серетом с тем, чтобы не позволить неприятелю перейти на левый берег Дуная. Этим не только облегчалась осада Бендер, но и освобождалась часть сил Второй армии для активных операций на Дунае.

Румянцев вступил в командование 18 сентября 1770 года. 26-го он взял Яссы и развернул широкие операции передовых частей в Молдавии, где им было создано контролируемое Россией правительство. В ноябре был взят Галац, затем — Бухарест. Это повлекло за собой большую разброску сил, и Румянцев, опасаясь удара главной турецкой армии, сосредоточившейся у Исаки, не колеблясь очистил занятую им Валахию и даже часть Молдавии в целях концентрации своих войск.

Наступление началось в апреле. Часть войск была оставлена у Хотина для обеспечения операций армии Панина; особые корпуса охраняли тыл со стороны Польши и занимали Молдавию. Главные же силы под командой Румянцева выступили на Липчаны и после труднейшего перехода по бездорожной и пораженной чумой местности в конце мая двинулись навстречу врагу, обладавшему громадным численным превосходством.

Успех этого опасного предприятия строился на психологическом расчете: противник не должен был подозревать о незначительности сил наступающих. С другой стороны, были приняты тщательные меры к прикрытию операционной линии, чему Румянцев придавал особенное значение. «Не обеспечивая надежно оставляемого за собою, большими шагами нельзя ступить вперед»¹, — писал он.

На пути к Рябой Могиле передовой корпус под командованием кн. Репнина столкнулся с подавляющими силами противника; они были отражены при помощи корпуса ген. Баура, подошедшего по левому берегу Прута, в то время как Румянцев двигался по правому берегу Дуная. 11 июня вся армия сосредоточилась — это был первый в русской военной истории пример

наступления частями и сосредоточения их перед боем.

15 июня враг сделал неудачную попытку напасть на передовые корпуса Репнина и Баура, а в ночь с 16-го на 17-е Румянцев атаковал вражеский лагерь. Репнин с 14 тыс. чел. (и полученным позднее конным подкреплением) был брошен на правый фланг противника. Потемкин с 4 тыс. направлялся с запада в его тыл, а главные силы и авангард Баура (до 23 тыс. чел.) наносили решающий удар с севера. Несмотря на то что отряд Потемкина вступил в действие со значительным опозданием, противник был разгромлен наголову и бежал, преследуемый на 20 верст русской кавалерией. Пленные показали, что в атакованном лагере «почиталось турецкой пехоты 11 000 и конницы 11 000 же да татар 50 000. Они намеревались перейти Прут и разбить корпус кн. Репнина, почитая его в силах слабейших против своих, но увидев армию, которой они только скоро приближения не чаяли и ужаснувшись от всех сторон их окружающих войск, которых считали они не менее полутора тысяч, принуждены были с трепетом бежать»².

Сражение при Рябой Могиле — этот первый большой бой после Семилетней войны — интересно своей специфической тактикой, построенной на учете организационных особенностей, методов действия и психологии противника. Сложные, образцово проведенные и согласованные передвижения были осуществлены глубокой ночью. Атака велась одновременно всеми силами, но не сплошной массой, а пятью группами. Авангард Баура одновременно обеспечивал успех фронтальной атаки и служил резервом.

Полководец позднейшего времени нашел бы возможным иначе скомпоновать и расположить свои силы и нанести более сосредоточенный удар в решающую точку. Однако то, что сделано Румянцевым, является огромным прогрессом, если сравнить с тактикой русской армии в предыдущую войну и с оперативным искусством даже такого военного мастера XVIII в., как Фридрих II.

После сражения при Рябой Могиле Румянцев отправил отряд Потемкина для наблюдения за отступающим противником, выделив несколько отрядов для охраны важнейших направлений (медлительность движения Второй армии оставляла его фланг незащищенным), он сам двинулся к нижнему течению Дуная. Армия Панина в это время только что переправилась через Днестр и направилась к Бендерам.

Вскоре между течением Прута и р. Ларгой был обнаружен лагерь ханских войск, численность которых вместе с подошедшим отрядом молдавского сераскира достигала 80 тысяч. Хан ждал здесь соединения с главной армией визиря, готовившейся к переправе через Дунай у Исаки. Чтобы не допустить этого соединения, Румянцев решил незамедлительно атаковать противника. Для осуществления этой операции он

¹ «Чтения...» за 1865 год. Кн. 2-я, стр. 47—48.

² ЦВИА, ВУА, № 1888. Ч. 1-я, л. 172.

сосредоточил все свои силы, выделив лишь двухтысячный отряд для охраны мостов у Фальги. Исходя из особенностей местности, расположения и укреплений противника, он решил, переправившись через р. Ларгу, обойти противника и нанести ему главный удар со стороны правого фланга. Во время обходного движения дивизия Племянникова (до 6 тыс. чел.) должна была демонстрировать перед фронтом вражеского расположения, а затем, когда бой на правом фланге развернется, перейти в атаку. Наступающие части были выстроены в «тонкие», почти линейные каре¹.

Операция началась ночью и завершилась около 12 час. дня захватом лагеря. Противник бежал, потеряв при этом более тысячи чел., 30 орудий, 3 мортиры, знамена, массу имущества. Русских выбыло из строя не более 100 человек. Турки и татары отступали беспорядочно, в разных направлениях.

Весть о разгроме при Ларге была получена визирем в то время, когда он приступил к переправе своих войск через Дунай с намерением воспрепятствовать операциям армии Панина против Бендер. Перейдя на левый берег и установив там связь с отступившими за оз. Ялпук войсками хана, визирь подошел к оз. Кагул, присоединил к себе бежавшие от Рябой Могилы турецкие части и остановился здесь лагерем. Численность его войск достигла 150 тыс. человек. Хан, получив крупные подкрепления, вновь располагал почти 80 тысячами. Визирь поручил ему разрушить тыл русских, а затем идти на соединение. Положение Румянцева осложнялась острым недостатком продовольствия; к тому же татарская конница угрожала перерезать коммуникации и вовсе прекратить движение транспортов.

Оставив в своем тылу одиннадцатитысячный отряд, который ценой опромного напряжения сдерживал натиск татар, Румянцева все остальные силы — до 27 тыс. чел. — сосредоточил недалеко от Кагула, у деревни Гричени. 20 июля масса турок появилась в нескольких верстах южнее русского расположения и остановилась лагерем среди четырех веерообразно расходившихся высот, ограниченных с севера Траяновым валом. Эта позиция, удобная для наступательных действий конницы, заключала в себе, однако, ряд крупных недостатков, и Румянцева тотчас учел их.

Составленный им план атаки сходен с планом сражения при Ларге, но проще, и идея главного удара в нем более выражена. Основные усилия направлялись на левый фланг. Сюда разными путями должны были подойти авангард Баура, дивизия Племянникова и дивизия Олица. Репнин и Брюс имели задание: атаковать в это время правое крыло противника, а если понадобится, подкрепить атаку левого фланга.

Таким образом, из общего числа 27 тыс. солдат, которыми располагал Румянцева, против левого фланга предназначалось 15—20 тысяч. Они и решили дело.

Наступление началось ночью, а бой завязался около 5 час. утра и носил исключительно яростный характер. До 8 час. положение атакующих было весьма трудным и опасным, потом оно выправилось благодаря распорядительности Румянцева. Общая атака натолкнулась на ряд новых трудностей. Тем не менее около 9½ час. утра «неприятель, видя свой великий урон, бросил весь обоз и побежал толпами во все ноги к стороне Дуная». Русские овладели «турецким полным лагерем, получили в добычу всю артиллерию во ста сорока хороших орудиев на лафетах и со всеми к тому артиллерийскими запасами и великим багажом»².

Турок, бежавших в сторону Измаила, преследовал отряд ген. Игельстрома, в направлении к Исакии — корпус Баура. Последний нагнал разбитые войска в то время, когда они на 300 судах переправлялись через Дунай. Часть кораблей была тут же затоплена артиллерией; остальные вместе с войсками, оставшимися на берегу, сдались. «И овладели наши войска весь берег покрывавшими обозами, турецкими экипажами, верблюдами, мулами, бесчисленным множеством скота и взяли последний парк турецкой артиллерии тут находившейся в двадцати шести орудиях»³.

Турки потеряли более 20 тыс. чел., урон русских не превышал тысячи человек. Отряд Игельстрома, преследовавший бежавших к Измаилу, захватил мосты у устья Ялпуха, разбил арьергардные части противника и получил в добычу его обоз. Вслед за Игельстромом Румянцева отправил Репнина, подкрепив его отрядом Потемкина. 26 июля русские овладели Измаилом и продолжали наступление. 10 августа взята была Килия, 28-го — Аккерман, 16 сентября Панин штурмом взял Браилов. Пространство между Дунаем, Прутом и Днестром было очищено, и кампания закончилась. Румянцева получил фельдмаршальский жезл.

Кампания 1770 г. достойно увенчала решительную и последовательную стратегию Румянцева, проявившего себя замечательным тактиком и неподражаемым мастером фланговых ударов. Без колебаний осуществляя свой план наступления, Румянцева ставил своей основной целью сокрушение живой силы противника. Правильно решив атаковать у Кагула визиря до его соединения с войсками хана, Румянцева вел действия осторожно, но с полной решительностью. Правильно выбрано время атаки: ночное наступление дало ту выгоду, что позволило беспрепятственно перейти Траянов вал, где в другое время противник мог бы оказать сильное сопротивление. Концентрация сил к моменту удара была максимальной. Только необходимость защиты тыла, куда уже прорывались крупные та-

¹ Текст диспозиции и подробное описание хода сражения см. в нашей публикации «Ларга и Кагул по бумагам Румянцева». «Красный архив» № 6 за 1940 год.

² ЦВИА, ВУА, № 1820. Ч. 1-я, лл. 85—86.

³ Там же, л. 92 об.

тарские отряды, вынудила Румянцева выделить сюда значительные части. Ослабленный этим обстоятельством, он не мог рассчитывать на самостоятельное значение кавалерии, остававшейся в его распоряжении, и потому совершенно правильно разместил ее в интервалах между «кареями», хотя конница на левом фланге боевого построения была слишком слаба; если бы противник заметил это, он мог бы добиться здесь значительного успеха.

Боевой порядок Румянцева был приспособлен к борьбе с конницей, но непригоден для активных действий против пехоты. Поскольку было известно, что турки располагают до 50 тыс. пехоты, решение Румянцева надо признать очень смелым. Он принял его, исходя из знания психологии и навыков противника, действовавшего в поле лишь конницей и оставлявшего пехоту под защитой укреплений. Несмотря на смелость и даже рискованность наступления, ход событий полностью подтвердил правильность соображения Румянцева и привел его к победе, остающейся одной из самых ярких страниц русской военной истории.

В основу плана сражения при Кагуле был положен решающий удар в направлении, обеспечивавшем возможность удобного отступления в случае неудачи. Действия Репнина и Брюса преследовали подсобную цель: отвлечь и сковать силы противника, а затем развивать успех главного удара. Конкретная обстановка сражения потребовала некоторого изменения плана, и Румянцев, державший в своих руках все управление боем, успешно осуществил это. Должны быть отмечены слаженность действий всех родов оружия и умелое пользование резервом — обстоятельство, совершенно необычное для западных армий XVIII века.

VI

Весной 1774 г. Румянцев переправил через Дунай восьмитысячный корпус ген. Каменского, который занял Карасу. 2 июня он соединился в Вадарджике с шеститысячным отрядом Суворова. Высланный на встречу русским сорокатысячный корпус противника был разгромлен при Козлудже. Созванный Каменским военный совет постановил сделать шестидневную остановку и, приведя в порядок материальную часть, пополнив продовольственные запасы, занять позицию, угрожающую коммуникациям неприятеля.

Этот план вызвал резкую отповедь Румянцева, который уже переправлялся с главными силами у Гуробала. Вследствие задержки в развитии успеха, писал фельдмаршал Каменскому, «неприятель может собрать и ободрить разбитые войски и уредить свою оборону в укреплениях... Не дни, да часы и моменты в таких положениях дороги и потеряны невозвратно». Поэтому он приказал Каменскому немедленно подступить к Шумле (где были сосредоточены главные силы визиря) и попытаться овладеть ею «по удару» и лишь в крайнем случае «поставить корпуса в такое поло-

жение, чтобы стеснить всеместно неприятеля, запершегося в укреплениях»¹.

17 июня передовые корпуса приблизились к крепости, угрожая ее сообщениям с Адрианополем. В то же время главные силы начали обходное движение, а отряд ген. Заборовского открыл военные действия в Болгарии. В запертом турецком лагере поднялась паника. Визирь обратился с предложением о перемирии. Румянцев отклонил это, так же как и предложение созвать конгресс. Он занял сильным отрядом деревню Кучук-Кайнарджи и демонстрировал намерение двинуться на соединение с Каменским. Снова явились турецкие парламентарии. Убедившись в решительности намерений Румянцева, визирь вынужден был «отдалить все противности и согласиться с уполномоченным ген.-поручиком кн. Репниным заключить без отлагательства вечный мир»².

10 июня был подписан мирный трактат на исключительно выгодных для России условиях. Впереди оставались трудности по ратификации его. Румянцев, больной эпидемической лихорадкой, свирепствовавшей в войсках, из Фокшан руководил всеми деталями переговоров в Константинополе. Благодаря его дипломатическому такту, ловкости и твердости султан 5 ноября утвердил, наконец, договор без всяких изменений.

Румянцев был щедро награжден, назначен начальником всей русской кавалерии, но, как он чувствовал это и во время войны, его роль в военной и политической жизни все более ограничивалась: недавно служивший под его начальством ген. Г. А. Потемкин, став «любимцем счастья», поднялся над всем и всеми. Он хотел стать единственным, и императрица поддерживала его в этом. Сознавая невозможность борьбы с всемогущим временщиком, Румянцев уехал на Украину. Потом он сопровождал великого князя Павла в Берлин и опять вернулся к делам по управлению «Малороссией». За ним еще оставалась работа по закреплению за Россией Крыма, но главная роль и в этом деле постепенно перешла к Потемкину, ставшему вскоре светлейшим князем Таврическим.

В 1787 г. началась новая война с Турцией. Командующим главной армией назначили Потемкина. Румянцеву дали вторую, «резервную» армию. Поставленный в фактическую зависимость от Потемкина и союзного австрийского командования, старый фельдмаршал долго не выезжал к войскам, отсиживаясь в своих имениях. Операции развивались не так, как того хотел Румянцев. Его заставили действовать по «кордонной системе», которую он постоянно высмеивал. Он получал указания от Потемкина, настойчивые советы и требования принца Кобурга, упреки из Петербурга.

Но и в эту, столь тяжелую для него кампанию Румянцев все же сумел проявить

¹ ЦВИА, ВУА, № 2010, лл. 9 об.—10.

² Там же, лл. 194 и об.

исключительное мастерство и показал образцы маневренных действий, которые могут быть поставлены наряду с лучшими примерами аналогичных операций Фридриха II, фельдмаршала Дауна и других выдающихся западных полководцев XVIII века. В эту маневренную тактику Румянцев внес существенную поправку: в противоположность австрийцам, оперировавшим отдельными, слабо связанными между собою отрядами, Румянцев в нужный момент стягивал свои силы, быстро сосредоточивая их в нужном направлении.

Полное расхождение с Потемкиным в понимании целей кампании сделало невозможной совместную деятельность обоих главнокомандующих: Румянцеву пришлось уйти. Он очень тяжело переживал это, упрямо оставаясь в Яссах, несмотря на повеление выехать из зоны действий армии. Лишь в конце 1790 г. он отправился на Украину и заперся сначала в своих Вишняхках, потом — в Ташани. Его полководческий путь казался законченным.

Но вот в 1794 г. вспыхнула война в Польше, потребовавшая опытного и авторитетного руководства, и Екатерине пришлось поставить старого фельдмаршала во главе войск, расположенных от пределов Мясинской губернии до устья Днепра. Это была последняя война Румянцева, издавека руководившего действиями войск, которые он фактически вверил Суворову.

Вскоре умерла Екатерина. Павел I произвел Румянцева в полковники конной гвардии, поручил ему Украинскую дивизию и вызвал в Петербург. Но фельдмаршал не успел выехать: его разбил паралич. Старания врачей «не были в состоянии исторгнуть его из челюстей смерти». 8 декабря 1796 г. «по полуночи в 9 часов и три четверти скончался он спокойно»¹. Его похоронили в Киеве, в Печерской лавре.

VII

С середины XVIII в. прусская наемная армия и выработанная на ее основе линейная тактика и стратегия истощения противника сделались образцом для всех европейских войск. Западная военная доктрина безраздельно владела умами и русских генералов. На опыте Семилетней войны Румянцев мог убедиться в тех преимуществах, которые давали полководцу хорошая выучка, дисциплинированность и подвижность вражеской армии, но наряду с этим он правильно оценил огромное значение и силу тех внутренних национальных особенностей русской армии, которые могли явиться основой для стратегии и тактики, совершенно отличных от прусского военного искусства.

Русских солдат не было необходимости держать под постоянным надзором; можно было допускать их действия небольшими группами; они проявляли живую инициативу, чувство товарищеской поддержки и готовность к самопожертвованию — каче-

ства, которых не ждал и не мог ждать от своих солдат полководец наемной армии.

Исходя из этих вполне понятных и близких ему особенностей армии, Румянцев уже во время Семилетней войны наметил веки нового, национального пути развития военного искусства и итоги этого опыта подвел под Кольбергом.

Период после Семилетней войны до первой турецкой войны не остановил развития стратегических и тактических принципов Румянцева. Ввиду назревавшей войны с Турцией он думал и работал над методами борьбы с ее вооруженной силой. Основным он попрежнему считал сохранение инициативы и активности. При этом первую задачу он видел не в захвате позиций, крепостей, территорий, а в поражении живой силы противника. «Никто не берет города, не раздвигаясь прежде с силами, его защищающими», — говорил Румянцев, критикуя неудачные действия русского командования в начале первой турецкой войны.

Эта мысль, имеющая прецедент в стратегии Петра I, многократно повторялась затем русскими полководцами. Являясь основой стратегической догмы Румянцева, она послужила краеугольным камнем стратегии и тактики Суворова.

Но решительный удар может быть нанесен противнику лишь сосредоточенными силами. Этот принцип Румянцев применял последовательно и постоянно. Лишь во вторую турецкую войну, по требованию союзников-австрийцев, он вынужден был допустить применение в своей армии кордонной системы, что, впрочем, полностью шло вразрез с его личными желаниями. Опротестовывая план австрийского фельдмаршала Ласси разместить сорокатысячную армию Румянцева мелкими отрядами на пространстве около 400 верст длины, Румянцев писал: «Какой конец будет иметь сие дальновидное предположение? Если мысль была, чтобы неприятеля лучше тем растянуть, то тоже трудно и самим соединенно действовать... Ласси, если то был его план, не имеет причины им утешаться»².

Выступая в кампании 1770 г., Румянцев исходил из стратегических принципов, выработанных им ранее; он не замкнулся, однако, в них и не ограничился их общим применением, а уточнил, развил и конкретизировал применительно к специфике противника. Основной принцип наступления и сокрушения живой силы врага оставался прежним. «Я того мнения был и буду, — говорил Румянцев, — что нападающий до самого конца все думает выиграть, а обороняющийся оставляет в себе страх соразмерно сделанному на него стремлению. Не полагаю я отнюдь быть и правилом, чтобы всегда надобно равное противу равного употреблять оружие, а держусь того, чтоб своим превозмогать над

¹ «Чтения...» за 1859 год. Кн. 3-я, стр. 120.

² «Сборник военно-исторических материалов». Вып. 4-й, стр. 343.

противником»¹. «С малым числом разбить великие силы, тут есть искусство и сугубая слава, а быть побежденным от превосходного в силах дело не есть чрезвычайное»².

Подобное положение в войне с турками было совершенной новостью. Огромное численное превосходство конницы неприятеля, его действие массовым ударом приводили к тому, что обычный, линейный строй в борьбе с ним оказывался непригодным. Часто уже первым мощным натиском турки прорывали линии врага и затем, окружив, уничтожали его с помощью своего сильного резерва. Этот опыт был особенно хорошо известен австрийцам, не догадавшимся, однако, изменить свои боевые порядки.

Многочисленная турецкая конница легко производила обходы неприятеля. Поэтому европейцы, в частности русские, во избежание окружения и одновременного удара с фронта, флангов и тыла стали применять построения в каре. То был огромный четырехугольник, составленный из трех рядов пехоты, усиленной батареями по углам и фасам каре; внутри последнего укрывались обозы и небольшой резерв, иногда выделявшийся в особое каре, стоявшее позади главного расположения. Для лучшей защиты от нападения каре окружалось цепью из соединенных петлями и крючьями рогаток с острыми пиками.

При таком порядке возможность активных действий исключалась. Он был чрезвычайно невыгоден и потому, что прорыв одного из фасов каре грозил гибелью всей армии, и потому, что в отражении натиска могла участвовать лишь непосредственно атакованная часть войска, тогда как остальные оставались на своих местах бездействующими. Чтобы избежать этих невыгод, Миних (в войне 1735—1739 гг.) стал строить войска в несколько каре — обычно одно большое и в два—три меньших.

Выдвигая наступление как основной принцип победы, Румянцев должен был найти новые формы строя, которые обеспечивали бы подвижность и маневренность армии. Он добился этого, применив построение в многочисленные каре различной величины, вплоть до мелких — батальонных и даже ротных. Фронт и фланги обеспечивались артиллерией и егерями, а кавалерия размещалась в интервалах. В наступление двигалась вся система «кареев», причем к самостоятельному действию было способно и каждое каре в отдельности. Связывавшие подвижность рогатки были отменены, а это позволило сильно сократить обоз, который при наступательных операциях оставался позади.

Румянцев тщательно следил за координированным действием всех частей и родов оружия, придавая одинаково важное значение работе артиллерии и кавалерии,

хотя основной и решающей силой считал пехоту. Артиллерия и егеря, двигавшиеся впереди колонн или «кареев», наносили огромный урон неприятелю и подготавливали штыковой удар пехоты, решавший исход сражения.

Огромное значение Румянцев придавал правильной организации разведки. Располагая хорошей легкой конницей, он посредством войсковой разведки и рекогносцировки всегда имел правильные сведения о противнике. «Для восприятия,— писал он,— в потребном случае супротивных мер против своего неприятеля есть в том одна из главных должностей военачальников, чтоб стараться узнать его положение, силы и способы к действиям»³.

Румянцев высоко ценил инициативу своих командиров, и надо сказать, что под его начальством ряд генералов, не говоря уже о Суворове и Голенищеве-Кутузове, оказался на высоте своего положения. Требуя, чтобы командиры служили примером своим подчиненным, Румянцев сам проявлял личную доблесть, вызывавшую уважение солдат и увлекавшую их к победам.

Румянцев не следовал рабски своим диспозициям и не требовал этого от своих подчиненных: он ждал от них прежде всего умения приспособляться к условиям и особенностям боя и находить правильные самостоятельные решения. Обладая способностью мгновенной ориентации в обстановке, он сам в условиях боя принимал быстрые и точные решения и осуществлял их без каких бы то ни было колебаний. Человек ясного ума и широких знаний, он был чрезвычайно далек от того узко механического познания вещей и сухой приверженности к установленной системе, которая создавала узких и ограниченных теоретиков австрийского и прусского штабов. Он отличался, однако, методичностью и последовательностью в работе. Таким был он и в своих частных делах и в служебных отношениях.

Румянцев отличался исключительной памятью и быстротой восприятия. «Быстрейший имел бег мыслей и дар слова пространнейший,— рассказывает о нем его бывший правитель дел Н. Лесницкий.— Читал одним взглядом не строки, но периоды и целые страницы»⁴. Он был прекрасным юристом не только в области писаных законов, но и обычного права; в его памяти хранились разнообразнейшие сведения о всяком человеке, с которым ему когда-либо приходилось встретиться. Его работоспособность и физическая выносливость достойны удивления⁵. С высокоразвитым чувством собственного достоинства, доходившим до надменности, вызывавшей враждебность к нему наиболее влиятель-

¹ Дубровин Н. «Присоединение Крыма к России». Сборник документов. Т. I, № 832.

² «Журнал военных действий 1770 г.». СПб. 1770 (пагинация отсутствует).

³ Дубровин Н. «Суворов среди преобразователей екатерининской армии», стр. 44. СПб. 1886.

⁴ «Киевская старина» за 1895 год. Март. Т. 48, стр. 402.

⁵ Записки Л. М. Энгельгардта. Изд. «Русского архива», стр. 79. М. 1863.

ных представителей двора, он сочетал сдержанность, граничившую со скромностью. «Несчастьем моему причина токмо та,—писал он графу Орлову,—что я не умею себя рекомендовать»¹.

В условиях русской армии выработанный Румянцевым тезис о сокрушении живой силы противника как главной оперативной цели войны и наступательном действии сосредоточенными силами как основном методе осуществления этой цели не был, да и не мог быть явлением исключительным и изолированным: предпосылки «стратегии сокрушения» всегда жили в русской армии и проявлялись даже в периоды ее

¹ «Чтения...» за 1865 год. Кн. 2-я, стр. 278.

упадка, когда ее зараженное западной доктриной командование усиленно навязывало ей совершенно противоположные принципы. До Румянцева, однако, никто не сумел достаточно ярко и отчетливо осознать положение, сформулировать его, определить и осуществить правильное тактическое и стратегическое применение русских вооруженных сил.

Первым это сделал Румянцев, с именем которого по справедливости связывается оформление русского военного искусства, законченную разработку которого дали два великих ученика Румянцева — Суворов и Кутузов. И если их имена теперь более чем когда бы то ни было живы и близки нам, то рядом с ними должно стоять и третье имя — Румянцев.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ХОРВАТСКОГО НАРОДА

Д. Густинчич

Хорваты заняли современную свою территорию в V—VII вв., переселившись сюда с северо-востока Европы. В IX в. хорваты делились на два княжества: Далматинскую Хорватию и Паннонскую. В начале X в., при первом хорватском короле Томиславе (910—928), эти два княжества были объединены в «королевство Хорватий». Первым коронованным хорватским королем был Степан Держислав, принявший титул «короля Далмации и Хорватий».

В 1102 г. национальная династия прекратилась, и хорваты, избрав своим королем венгерского короля Коломана, объединились на началах персональной унии с Венгрией. На всем протяжении своей истории, с 1102 по 1918 г., Хорватия оставалась особой политической территорией с особыми правами для хорватского населения.

На протяжении почти всего феодального периода Хорватия и Венгрия сохраняли дружеские отношения: между этими народами не было сколько-нибудь крупных национальных столкновений. Это объясняется тем, что властвовавшие в этих странах хорватские и венгерские феодалы находились всегда перед лицом общих внешних врагов и опасностей и прежде всего перед опасностью завоевания их стран Византией, Венецией, турками и Габсбургами. После битвы у Могача (1526) хорватских и венгерских феодалов объединяла общая политическая борьба с Габсбургами, занимавшими с этого времени королевский престол Венгрии и Хорватии и постоянно пытавшимися превратить Хорватию и Венгрию в обыкновенные австрийские провинции.

Хорватских и венгерских феодалов объединяли также общие экономические интересы и прежде всего их антагонизм в отно-

шении к крестьянству. С начала XVI в. в Хорватии и Словении учащаются крестьянские восстания. Самое крупное из них произошло в 1575 г., когда поднялась против феодального гнета 20-тысячная крестьянская масса хорватов и словенцев под руководством хорватского крестьянского революционера Матии Губеца.

Дружеские отношения между хорватами и венграми в период феодализма характеризует тот факт, что в народных песнях, как венгерских, так и хорватских, воспеваются и венгерские и хорватские национальные герои. Например «Сибинянин Янко» (он же Иван Хуняди) встречается в венгерской, хорватской, сербской и болгарской народной поэзии. В Венгрии и Хорватии государственным языком в это время был латинский язык, который являлся официальным языком феодальных сословий европейского Запада.

Национальные отношения между хорватами и венграми начинают коренным образом изменяться с началом развития в Венгрии и Хорватии капиталистических элементов, буржуазии. На этом новом этапе венгерская молодая буржуазия и венгерское мелкое дворянство начинают мечтать о полной независимости от Австрии и о расширении своего государства до Адриатического моря, чтобы таким образом получить возможность независимого развития для своей капиталистической экономики. Во время французской революции в 1790 г. в общем венгро-хорватском сейме в Братиславе было выдвинуто требование заменить в сейме латинский язык венгерским. В этом же сейме выдвигается требование ввести венгерский язык в учебную программу хорватских школ, сделать венгерский язык официальным языком государственных сношений

между венгерским и хорватским государствами. По этим вопросам произошли первые национальные столкновения между венграми и хорватами, и с этого времени их национальная борьба все время обостряется, пока, наконец, в 1918 г. хорватский народ не освобождается от господства старой, империалистической Австро-Венгрии.

Надо иметь в виду, что в Хорватии капиталистические элементы развивались гораздо медленнее, чем в Венгрии, и что хорватскими представителями в общем венгро-хорватском сейме являлись лишь хорватские дворяне. Поэтому на первом этапе, до 30-х гг. XIX в., национальное движение в Хорватии развивалось также замедленным темпом. Хорватское дворянство, напуганное французской революцией конца XVIII в., дает лишь очень робкий отпор дерзким притязаниям венгерских националистов. Боясь революции в своей стране и разрыва с Венгрией, хорватское дворянство в хорватском сейме в 1790 г. даже само принимает решение об объединении Хорватии с Венгрией при общем сенате и вводит по собственной инициативе венгерский язык в хорватские школы.

Войны эпохи французской революции и наполеоновской империи и последовавшая за ними реакционная австрийская реставрация приостановили национальную борьбу между венграми и хорватами почти на четыре десятилетия. Но за это время в Хорватии уже несколько более продвинулось вперед развитие капиталистических элементов. Кроме того в 1805 г. Далмация попала под власть Наполеона, и в 1809 г. было создано «королевство Иллирия», объединившее главные словенские области, часть Хорватии и Далмацию в одно государство. Хотя «королевство Иллирия» не охватывало всех словенцев и хорватов, оно все-таки немало способствовало развитию национального сознания как у словенской, так и у хорватской буржуазии. Когда в 1830 г. венгры вновь подняли вопрос о введении венгерского языка в общем венгро-хорватском сейме, венгерские претензии натолкнулись на энергичное сопротивление молодой хорватской буржуазии при полной пассивности хорватского дворянства. В ответ на венгерские притязания сделать венгерский язык официальным в стране и урезать некоторые другие национальные права хорватского народа, в Хорватии на политической сцене появляется национальное течение, известное под названием «иллиризма».

Окруженная сильными и коварными национальными врагами—венгерской националистической буржуазией и националистическим мелким дворянством на севере и пробуждающейся итальянской буржуазией на юге и югозападе (в Далмации и Истрии), молодая хорватская буржуазная интеллигенция понимала, что одна официальная Хорватия, насчитывавшая тогда меньше чем 900 тыс. человек населения, слишком слаба, чтобы дать Венгрии и итальянцам достаточно сильный отпор. Чтобы противостоять националистическому нажиму венгров и итальянцев, она стремится объеди-

нить, во-первых, весь хорватский народ¹ и, во-вторых, всех остальных южных славян, говорящих на общем с хорватами языке. Иллирийцы требовали создания «Большой Иллирии», в которой были бы объединены области: Хорватия и Славония, Военная граница, город Река (Фиуме), Далмация, словенские провинции, Босния и Герцеговина, венгерские хорваты и сербы, Черногория, Сербия, Македония и Болгария. Для всех этих народов, которых они называли «иллирийцами», они требовали введения общего литературного языка, называя его «иллирийским» языком (боснийско-черногорский диалект). Главным идеологом этого национального течения явился хорватский писатель и журналист Людевик Гай.

В дальнейшем иллиризм развивался по реформистскому пути, стремясь использовать в своих целях политические разногласия между венграми и Габсбургами: имелось в виду то, что Габсбурги в собственных интересах пойдут на объединение южных славян для того, чтобы легче противостоять революционной Венгрии. Коварная габсбургская камарилья, видя эти реформистские тенденции, поддерживала иллиризм, и в революционном, 1848 году ей удалось своими кознями привлечь иллирийское течение на свою сторону и использовать его против восставших венгров.

Разгромив венгерскую революцию, габсбургская Австрия жестоко обманула хорватов. В 1849 г. император Франц-Иосиф I восстановил во всем государстве абсолютистский централизм. Подчинив и Венгрию и Хорватию своей центральной власти, он разбил мечты хорватов об объединении всех южных славян в одно государство, а вместе с тем и надежды на объединение Военной границы и Далмации с королевством Хорватии и Словении. Разочарование хорватского народа достигло высшего предела, когда старая Австрия после войны с Италией и Пруссией заключила в 1867 г. с Венгрией соглашение, оставляя хорватов на полный произвол.

Хорватия, требовавшая в 1848 г. полной независимости от Венгрии, при которой единственная связь между ними выражалась бы только в наличии общего короля, под давлением Вены должна была заключить в 1868 г. соглашение с Венгрией, по которому Хорватия получила автономию лишь во внутренней администрации, судопроизводстве и в вопросах культуры (просвещение, религия). Этому соглашению австрийская камарилья смогла добиться, лишь применив меры жесточайшего террора. В мае 1867 г. император Франц-Иосиф I рескриптом распустил хорватский сейм, который отказался участвовать в церемонии его коронации венгерским и хорватским королем.

¹ Хорваты были тогда разбиты на королевство Хорватию и Славонию, Военную границу, Далмацию, Истрию, Боснию и Герцеговину, Меджимурие. Кроме того хорваты жили также в некоторых южновенгерских комитатах.

При помощи нового королевского рескрипта, октроировавшего карикатуру избирательного закона для хорватского сейма, умножившего число депутатов от дворянства и помещиков, сочувствующих Венгрии, габсбургская Австрия могла сломить волю представителей хорватского народа и подчинить Хорватию Венгрии.

Крах иллиризма в 1848 г. отнюдь не означал краха южнославянских национальных стремлений у хорватов. Капиталистические элементы в Средней Европе крепили, крепили они у хорватов и у остальных южных славян. Параллельно с ними росли также тенденции к национальному объединению раздробленного на разные провинции и государства (Австрию, Венгрию) хорватского народа и всех остальных южных славян. Кроме того в 1848 г. было раскрепощено хорватское крестьянство, и вместе с новыми политическими порядками, хотя и очень несправедливыми для хорватов, на политическую сцену в Хорватии выступает также и хорватское крестьянство. В 60-х гг. среди хорватов появляются два новых национальных течения: «югославянское», идеологами которого являются архиепископ Иосиф Штроссмайер и его друг священник Рачкий—известный хорватский историк,—и «панхорватское», идеологом которого являлись хорватский политик и философ Анте Старчевич и адвокат Евгений Кватерник.

Национальная идеология югославянства—это, по существу, идеология старого иллиризма. Она требовала объединения всех южных славян в одно югославянское государство, но не в интересах габсбургской монархии. Объединение южных славян должно было последовать в результате их культурного развития и сближения, поэтому Штроссмайер создает в Загребе «югославянскую Академию наук и искусств», которая должна была культурно объединять всех южных славян. «Югославизм» не мечтает больше о создании для всех южных славян единого югославянского языка. По идеологии Штроссмайера и Рачкого, основу государства составляет «народное национальное сознание». Исторические права, на которых основывалась до тех пор вся хорватская политика, для Штроссмайера и Рачкого имеют лишь историческое, а не политическое значение, ибо «всякое время,—говорит Рачкий,—имеет то право, которое проистекает из его народного сознания. Кто не слеп, тот должен видеть, что в настоящее время национальный вопрос во всех своих политических комбинациях имеет такое огромное значение, что ни один государственный деятель не должен его игнорировать. Этот вопрос преобразил сердце Европы, т. е. разбитую Германию и Италию, и потому он обязательно преобразует также Балканский полуостров»¹.

Идеология «югославянства»—это национальная идеология хорватской городской буржуазии. В 60-х гг. в Хорватии ее восприняла «Хорватская народная партия», партия передовой хорватской городской бур-

жуазии, к которой принадлежали также Штроссмайер и Рачкий.

Идеология «панхорватства» базировалась на идеологии и исторической традиции широких хорватских крестьянских масс. Главный поборник «панхорватства» Старчевич сам происходил из крестьянской семьи, и учение его было рассчитано на широкие народные и крестьянские массы. Это национально-политическое направление было объяснено своим происхождением также глубокому разочарованию хорватского народа в австрофильской политике хорватского дворянства в годы австрийской и венгерской революции. «Панхорватство» на своем первом этапе требует полной эмансипации от габсбургской Австрии и Венгрии. Но оно обособляется также и от современной хорватской буржуазии с ее югославянской идеологией. Старчевич во всех своих требованиях базируется на историческом праве хорватского государства, поэтому это течение и называется «правашкое»; оно требует объединения всех хорватов в одно государство. Но для Старчевича (и позже для всех «правашей») хорватами являются также словенцы, сербы и болгары. Вообще все южные славяне—только хорваты; из них словенцы—«полонинские хорваты», а сербы—самое «лучшее» племя хорватов, ибо они первые создали национальное государство. Итак, кроме хорватов, среди южных славян нет никакой другой национальности.

Эта националистическая хорватская теория возникла не вследствие политических козней австрийских правящих кругов, как это часто представляют, а в борьбе против них. Но по своему существу она очень опасна: при дальнейшем политическом развитии южнославянских национальностей коварной Австрии совсем не трудно было использовать это националистическое течение для возбуждения национальной розни среди южных славян, в первую очередь между хорватским и сербским народами. После нескольких расколов в «Хорватской партии права», создавшейся в конце 60-х гг. XIX в., ультрамонтанские католические элементы, среди которых было также несколько хорватских генералов, получили в этой партии значительный перевес. Таким образом в начале XX в. она стала опасным орудием в руках Вены. Самым реакционным крылом «правашей» до первой мировой войны была группа адвоката Франка. Активным деятелем этой группы являлся также теперешний хорватский «фюрер» Анте Павелич.

Самой старой политической партией в Хорватии была «Унионистская партия», созданная уже в 40-х гг. XIX века. Это была партия хорватского дворянства, смешанного с венгерскими и немецкими дворянами-помещиками. Эта партия проводила венгерскую политику в Хорватии, вследствие чего ее и прозвали «мадьярской» (венгрофильской).

«Хорватская народная партия», как настоящая буржуазная партия, вскоре пошла на компромисс с хорватскими помещиками и уже в 1873 г. приняла в свои ряды часть «унионистов». Это вызвало в Народной партии раскол: 22 депутата сейма вышли из партии и создали «Независимую народную

¹ Ш м и ч Ф. «Югославская мысль», стр. 121. Белград. 1937.

партию». В дальнейшем к этой партии принадлежали также Штройсмайер и Рачкий.

В противовес «унионистам» «Независимая народная партия» начинает проводить политику объединения Хорватии с Австрией. Со времени соглашения с венграми (1867) политика старой Австрии шла по двум направлениям. С одной стороны, она пыталась использовать политические течения для того, чтобы Хорватию разбить национально, то есть чтобы раздуть в ней несогласия между хорватами и сербами; с другой стороны, она стремилась использовать недовольство хорватов для своей политики против Венгрии. С этой целью Вена опиралась сначала на «Независимую народную партию», требовавшую объединения Хорватии с Австрией; с 90-х же гг. XIX в. Австрия проводила свою политику в Хорватии через «правшей».

В 1873 г. при помощи Габсбургской династии баном в Хорватии становится первый недворянин — шеф «Независимой народной партии» Мажуранич. Но, проводя австрийскую политику, он вскоре столкнулся с большими затруднениями. Когда в 1876 г. в Боснии и Герцеговине вспыхнуло восстание, а Сербия и Черногория вступили в войну с Турцией, все сербы в Хорватии сочувствовали этому восстанию и войне и помогали повстанцам подарками и оружием. Австрия, готовясь к захвату Боснии и Герцеговины, требовала от Мажуранича преследования сербов. «Плебейский бан» Мажуранич бросил в тюрьму несколько сербских патриотов, запретил всякую дальнейшую помощь повстанцам, ликвидировал сербские конфессиональные школы в Хорватии. Это означало полный разрыв между хорватами и сербами, и с этого времени начинает развиваться жестокая национальная вражда между этими двумя братскими народами. Но поскольку эта коварная политика Мажуранича казалась опасной и Венгрии, то венгры в 1880 г. путем интриг добились его отставки и посадили на его место униониста графа Пеячевича.

С начала 80-х гг. Венгрия проводила в Хорватии шовинистическую политику. В 1883 г. попытки национального угнетения хорватов со стороны венгерских властей в Загребе привели хорватский народ во всей Хорватии почти к восстанию. На место бана сначала был назначен австро-венгерский генерал, а вскоре после «усмирения» хорватского народа — пресловутый граф Куен-Хедервари, проводивший крайне беззастенчивую, шовинистическую венгерскую политику в Хорватии. Граф Куен-Хедервари находился в Хорватии до 1903 г., затем, в результате новых серьезных волнений по всей Хорватии, венгерское правительство должно было его удалить с поста бана.

Конец XIX и начало XX в. ознаменованы быстрым развитием империализма как в Германии, так и в Австро-Венгрии. Под давлением Германии и своего собственного империализма Австро-Венгрия направляет все усилия на подготовку вторжения на Балканы. При этом, конечно, угнетение южнославянского населения не могло не возра-

сти. Чтобы легче властвовать над южными славянскими народами и привлечь хорватов на свою сторону, Австро-Венгрия пыталась применять свои старые, излюбленные методы возбуждения национальной розни среди них. Но на этот раз она ошиблась. В годы террора графа Куен-Хедервари в хорватской буржуазной политике появилось новое течение; в политической жизни начало активно участвовать также хорватское крестьянство.

Под руководством братьев Степана и Антона Радичей была создана в 1904 г. «Хорватская крестьянская партия». Почти одновременно с ней организуются «Хорватская прогрессивная партия» и «Сербская самостоятельная партия», объединяющая сербские городские элементы и сербское крестьянство в Хорватии. В 1905 г. под руководством молодых хорватских политиков в городе Реке созывается политическая конференция, давшая хорватской и южнославянской национальной политике совершенно новое направление.

Между Австрией и Венгрией в то время шла ожесточенная борьба по вопросу об армии. Венгерская буржуазная оппозиция, известная под именем «Венгерской коалиции», требовала введения венгерского языка в командование венгерскими частями, что на деле означало разделение австро-венгерской армии на две — австрийскую и венгерскую — и, в конечном счете, полное отделение Венгрии от Австрии. Речская конференция решила поддерживать «Венгерскую коалицию» в ее борьбе с Австрией, при единственном условии, чтобы «Венгерская коалиция» выполнила хорватско-венгерское соглашение 1868 г. и создала сносную политическую атмосферу в Хорватии.

Эту резолюцию Речской конференции приняли «Сербская самостоятельная партия» в Хорватии и «Итальянская партия» в Далмации. Между хорватами и сербами было достигнуто соглашение, по которому хорваты признали сербскую национальность в Хорватии. На этой основе была создана «Хорватско-сербская коалиция». На выборах в хорватский сейм в следующем году «Хорватско-сербская коалиция» получила опротивленное большинство депутатских мест и стала правящей партией в Хорватии. Итак, Речская конференция явилась сигналом к общей борьбе не только хорватов, но всех южных славян против Австрии.

Новая политическая ориентировка в Хорватии была встречена восторженно в кругах венгерской коалиции, но этот восторг продолжался недолго. Реакционная Вена испугалась сближения южных славян с венграми и приложила все усилия к тому, чтобы сорвать это сближение, чего с успехом и достигла. В 1907 г. депутат «Венгерской коалиции» Франц Кошут, сын известного венгерского революционера Людовика Кошута, внес по предложению военной камарилы в венгерский сейм так называемую железнодорожную «прагматику», требующую введения на всех хорватских железных дорогах венгерского языка в качестве официального. С внесением этого законопроекта в венгерский сейм между

венграми и хорватами открывается новая фаза национальных битв.

Но империалистская Вена не удовлетворилась провоцированием раздора между венграми и хорватами. Когда Австро-Венгрия в 1908 г. приступила к аннексии Боснии и Герцеговины, а «Хорватская коалиция», находившаяся тогда у власти в Хорватии, не дала ясного одобрения этому насильственному акту, хорватский бан Раух приступил к репрессиям против сторонников «Хорватско-сербской коалиции». На основании ложных документов и донесений «франковцев» он посадил в тюрьму 53 сербских патриота, обвиняя их в государственной измене. С помощью венского профессора Фридьонга, оперировавшего подложными документами, австро-венгерский министр иностранных дел попытался обвинить и самую «Хорватско-сербскую коалицию» в государственной измене.

Но коалиция подняла процесс против Фридьонга. Этот процесс и бурные столкновения в венгерском сейме по поводу дебатов о железнодорожной «прагматике» в 1909 г. вызвал возмущение во всей Европе. Процесс Фридьонга стал европейским скандалом, и южнославянский вопрос выступил на авансцену европейской политики.

Аннексия Боснии и Герцеговины и другие политические события в 1908—1909 гг. подняли хорватский народ, именно хорватские крестьянские массы, на борьбу с империалистической Австро-Венгрией. В 1912 г., когда возникла балканская война, а Австро-Венгрия начала применять все усилия, чтобы помешать успехам сербского оружия, симпатии хорватского народа были всецело на стороне Сербии. В мировой войне хорватский народ доказал свою ненависть к Австро-Венгрии и свою приверженность идее объединения всех южных славян в одно югославянское государство тем, что хорватские солдаты и офицеры целыми ротами и батальонами переходили на сторону сербов и русских и создавали как в России, так и в Сербии добровольческие отряды.

Накануне и во время первой мировой войны в хорватском народе было два главных национально-политических течения: течение, требующее объединения хорватов со всеми остальными южнославянскими народами в самостоятельное южнославянское государство — Югославию, и австрофильское или же габсбургфильское течение, покровительствуемое габсбургской камарильей и выдвигавшее в противовес первому лозунг объединения всех южных славян и создания Югославии как третьего государства, в рамках австро-венгерской монархии, — лозунг «триализма».

Первое течение предполагало объединение всех южных славян с Сербией и включало в это объединение Болгарию, хотя после второй балканской войны надежда на объединение с Болгарией была мало реальной. Это было подлинное национально-революционное течение — течение широчайших крестьянских и городских масс. Во время первой мировой войны это течение возглавлял так называемый Лондонский югославянский комитет, организаторами и вождями кото-

рого являлись эмигрировавшие хорватские политические деятели, принадлежавшие к коалиции или являвшиеся сторонниками ее. Главой этого комитета был далматинский политический деятель д-р Анте Трумбич.

Второе «триалистское» течение возглавляла в Хорватии «Хорватская партия права» под руководством д-ра Миле Старчевича, родственника Анте Старчевича, объединявшая тогда также партию д-ра Франка и другие хорватские ультрамонтанские католические элементы и кооперировавшаяся с реакционной габсбургфильской католической «Словенской народной партией». Это течение стремилось облегчить Австро-Венгрии ее империалистское продвижение на Балканы.

Хорватский народ пошел за Лондонским югославянским комитетом, и после разгрома Германии и Австро-Венгрии в мировой войне и в результате национальной борьбы южнославянских народов в 1918 г. было создано государство сербов, хорватов и словенцев, переименованное в 1929 г. в Югославию.

Но хорватский народ никогда добровольно не отказывался от своих государственных прав, от своей национальной свободы. Хорватский крестьянин с понятием национальной свободы связывал также понятие о разрешении аграрного и других крестьянских вопросов. Поэтому в конце первой мировой войны хорватские крестьяне бежали из австро-венгерской армии в леса и создавали там вместе со славонскими и боснийскими крестьянами так называемый «зеленый кадр». После перемирия в ноябре 1918 г. среди хорватского народа (как и сербского в Хорватии и Славонии, Боснии и Герцеговине) возникает огромное, стихийное революционное движение. Хорватская буржуазия, напуганная этим революционным движением, забыла все свои национальные требования и провела 1 декабря 1918 г. объединение с Сербией, не сохранив за Хорватией никаких автономных прав. Впоследствии, после разгона 56 коммунистических депутатов в белградской скупщине (сейм), в государстве сербов, хорватов и словенцев была установлена жестокая централистская конституция, на основании которой Хорватия разбивалась на несколько административных областей, а в 1930 г. — на несколько «бановин», границы которых не считались с хорватской национальностью. С этим, конечно, не могло согласиться хорватское крестьянство, которое не получило возможности непосредственного, активного участия в разрешении своих экономических и социальных вопросов. «Хорватская республиканская крестьянская партия», получившая на выборах в югославскую конституанту в 1920 г. 60 депутатских мандатов и ставшая самой сильной партией среди хорватов, боролась под руководством своего вождя Степана Радича за федералистическую программу и требовала «крестьянской гуманной республики» и разрешения аграрного вопроса. На выборах в сейм в 1923 г. «Хорватская республиканская партия» получила 462 тыс. голо-

сов и 70 депутатских мест. В ее лагере тогда стоял почти весь хорватский народ.

В 1920—1924 гг. «Хорватская республиканская партия» была левой буржуазно-реформистской партией. В 1924 г. Степан Радич, преследуемый тогдашним белградским правительством, находился в эмиграции. Он даже приезжал в Москву, где заявил о своем вступлении в крестьянский интернационал. Вернувшись в Хорватию после одной поездки в Лондон, Радич был арестован белградским правительством, пытавшимся всячески дискредитировать его перед массами хорватского народа, но это не удалось. На новых выборах в 1925 г. «Хорватская республиканская крестьянская партия» получила 550 тыс. голосов — почти на 100 тыс. больше, чем в 1923 году, — и 67 депутатских мандатов (хотя все ее руководство находилось в тюрьме). Она действительно стала бы несокрушимой, если бы пошла по революционному пути.

Однако в начале 1925 г. «Хорватская республиканская крестьянская партия» отказалась от республиканского принципа, признала монархию и обещала искренне сотрудничать с централистскими сербскими партиями в направлении политической и экономической консолидации государства; она вступила в состав правительства, не добившись никакого улучшения в положении хорватского крестьянства. Это была капитуляция.

Но хорватский народ не капитулировал. В «Хорватской республиканской крестьянской партии» «началось брожение», и ей угрожал раскол. В конце 1926 г. под нажимом народных масс «Хорватская республиканская крестьянская партия» вынуждена была выйти из состава правительства. Вместе с другими хорватскими оппозиционными партиями и «Самостоятельной демократической партией» сербов в Хорватии она в 1927 г. образовала «Крестьянско-демократическую коалицию», сопротивлявшуюся централизму руководящих сербских партий.

Новый подъем хорватских крестьянских масс, которые шли навстречу рабочему классу, выдвинувшему лозунг единого фронта рабочих и крестьян, все больше беспокоил некоторые сербские реакционные элементы, находившиеся под влиянием французских реакционных кругов. В июне 1928 г. дело дошло до убийства в белградской скупщине Степана Радича и двух депутатов его партии.

Преемником Степана Радича явился его ученик и помощник Владко Мачек. В 1929 г. при смене режима в Югославии часть руководства «Хорватской крестьянской партии», как она называлась в 1925 г., эмигрировала. В 1932 г. «Крестьянско-демократическая коалиция» выработала так называемые «пунктации», по которым требовалось удаление сербских войск с занятых в 1918 г. территорий. За эти «пунктации» Мачек был осужден в 1933 г. к трем годам заточения, но был выпущен на свободу в 1934 г., после убийства короля Александра. В результате длительной борьбы и переговоров с белградскими правительствами в 1939 г. хорватская территория была объединена в од-

ну бановину—«Бановину хорватскую»—и получила некоторую автономию.

Хорватская социал-демократия не поняла национального и крестьянского вопросов хорватского народа. До первой мировой войны она стояла на позициях австрийской социал-демократии. По национальному вопросу она требовала национально-культурной автономии. Накануне и во время первой мировой войны она перешла на позиции своей буржуазии. В Югославии ее вожди стали министрами в самых реакционных югославских правительствах. Колебания в национальном вопросе встречались после первой мировой войны также и среди хорватских коммунистов. Но, ликвидировав троцкистские элементы, коммунистическая партия с 1925 г. стала на правильную, марксистскую точку зрения в национальном и крестьянском вопросах, признавая за всеми национальностями Югославии (в том числе и за хорватским народом) полное право самоопределения—вплоть до отделения от государства.

Достигнутое в 1939 г. между Мачеком и бывшим югославским премьером Цветковичем соглашение насчет хорватского национального вопроса не удовлетворило полностью хорватский народ. Передовые партии в Хорватии рассматривали это решение лишь как первый этап на пути к окончательному разрешению хорватского вопроса.

Гитлер и Муссолини, рассчитывая на это неполное удовлетворение хорватов в разрешении хорватской национальной проблемы, пытались в настоящей мировой войне внести замешательство в среду хорватского народа. Создав какой-то призрак «свободного хорватского народа» под кнутом своего фашистского ставленника Анте Павелича, они полагали, что хорватский народ поможет им разбить югославское государство.

Гордый и ревниво относящийся к своей государственности хорватский народ всегда готов был с оружием в руках защищать свое государство. Но в этой мировой войне он видит, что то, что ему предлагает кровавый фашизм под фальшивым и ложным лозунгом «независимого хорватского государства»,—лишь карикатура на независимое хорватское государство, лишь коварный фашистский обман.

Хорватский народ, живущий веками на берегах Адриатического моря, в жестокой борьбе за свою национальность с итальянским купечеством и помещиками, страстно ненавидит итальянское господство и не примирится с королем из их династии, предлагаемым ему фашистами, в лице савойского герцога Сполетто. Гитлер и Муссолини разорвали хорватскую территорию и отрезали ее от Адриатического моря. Италия, державшая уже до войны в своих руках хорватскую Истру и города Реку и Задар, забрала теперь все хорватское побережье и все далматинские порты, так что Хорватия экономически полностью зависит от фашистской Италии. Бедные хорватские крестьяне, живущие в засушливых динарских районах, после изоляции от моря обречены на

голодную смерть или на выселение из своей родной страны.

Значительную часть Хорватии Гитлер и Муссолини отдали исконному врагу хорватского народа—фашистской Венгрии. Хорватский народ не может мириться с судьбой, создаваемой ему кровавым Гитлером и его приказчиком Муссолини.

Все известия, получаемые из Хорватии, говорят о жесткой борьбе хорватского

народа с фашизмом. Хорватский народ, создававший во время первой мировой войны «зеленые кадры», создает и теперь по всей стране партизанские отряды, которые причиняют итальянским оккупантам большой урон и создают головорезу Павеличу весьма большие затруднения.

Так готовит хорватский народ, защищая свою родину—Югославию,—окончательную национальную победу.

НАРОДНАЯ БОРЬБА ПРОТИВ ИНОЗЕМНЫХ ЗАХВАТЧИКОВ В СЕВЕРНОЙ ВОЙНЕ

Б. Тельпуховский

В великой Северной войне (1700—1721 гг.), которую Россия вела со Швецией в продолжение 21 года, должен был окончательно решиться вопрос, будет ли русское государство независимой страной, займет ли его народ надлежащее место в семье европейских народов или Россия потеряет свою самостоятельность и будет подчинена своим более передовым соседям.

В начале Северной войны русское правительство не имело еще достаточно сильной, хорошо вооруженной и обученной армии. Ее приходилось создавать в ходе самой войны.

Строя фабрики и заводы, Петр сумел в кратчайший срок создать необходимые условия для вооружения и снабжения армии, для усиления обороны страны. В то же время царствование Петра I, укреплявшего государство помещиков и купцов, было временем возросшего угнетения и эксплуатации широких народных масс. Нечего и говорить, что все издержки, связанные с нуждами войны, тяжелым бременем легли на плечи крестьянства. Но русский народ и дружественные ему другие народы нашей страны не только выдержали это суровое испытание, но сами выступили как активнейшая сила в войне. Шведская армия, вторгшаяся в пределы русского государства, натолкнулась на сопротивление не только со стороны русской армии, но и всего народа. И на этот раз произошло то, что происходило всегда, когда русское государство находилось под угрозой завоевания иноземными захватчиками, и о чем замечательно сказал великий поэт:

«Сила народная, сила могучая —
Совесть спокойная, правда живучая!..
Русь не шелохнется, Русь — как убитая!
А загорелась в ней искра сокрытая,...
Рать подымается — неисчислимая!
Сила в ней скажется несокрушимая!»
(Некрасов.)

Всенародным характером войны и был в значительной степени обусловлен успех русского правительства и его армии в войне против шведских интервентов. Эта сторона великой Северной войны почти не

освещена в нашей исторической литературе. Большой и интересный материал по этому вопросу еще мало изучен.

Русская дворянская и буржуазная историография, по вполне понятным причинам, почти не уделяла внимания той исключительно большой роли, которую играли народные массы в войне против шведских захватчиков. Выдвигая на первый план генералитет, буржуазные и дворянские историки умышленно игнорировали роль народных масс. Обязанность историков-марксистов — восполнить этот крупнейший пробел в истории Северной войны.

I

Когда шведы вторглись на территорию России, одной из важнейших задач было лишить их продовольственной базы, и русское правительство приняло ряд мер в этом направлении. Население было заранее оповещено о необходимости «хлеб спрятать в ямы в лесах, также себе и скоту место в лесах и в крепких местах приготовить, дабы с неприятельским приходом... ничего не мог к пропитанию получить»¹. Население призывалось выступить на борьбу против шведов, чтобы, «которые к службе годны, оставались с ружьем и с конями для супротивленья неприятелю»². Этот призыв встретил живой отклик среди населения. Оно отнеслось к шведским захватчикам крайне враждебно: укрывало свои запасы хлеба в ямах, скот уводило в леса. Крестьяне организовывали партизанские отряды и устраивали нападения на шведские отряды.

Французский посланник при шведском короле — де Безенваль — писал 25 августа 1708 г., что по призыву Петра I местные жители выступили на борьбу против шведов, вооружились косами и другими орудиями, чтобы защитить проходы, под-

¹ Центральный военно-исторический архив (ЦВИА), ВУА, д. № 25, ч. 1-я, л. 5.

² «Красный архив» № 4(95) за 1939 г., стр. 158.

ступы, делать засеки и рыть окопы¹. То же сообщает и моголевский игумен Орест. «В 1707 г., — писал он, — под городом... Копысю... делаемы были... великие окопы, для копания оных дано крестьянского народа с заступами, секирами и топорами из всего повета Оршанского по несколько сот в неделю, также из экономии Моголевской и из самого города Могилева на неделю выслано по 200 человек для копания батарей»².

Петр I высоко ценил ту помощь, которую оказало русской армии, например, население Моголевщины в борьбе против иноземных захватчиков. Специальной грамотой он предоставил моголевцам ряд льгот: «Объявляем через сие всем, кому о том ведать надлежит, особливо начальникам войск наших и конных и пехотных, которые ныне в Литве или впредь будут: понеже просили города Могилева жители, дабы дозволили им строиться в том городе дворами своими без препятия и податей никаких для их скудости и разорения не брать, того ради повелеваем всем, дабы им, моголевским жителям, в том дворовом строении никакой помешки или препятия обид и налогов отнюд не чинили, также провианту и никаких поборов на войско наше и подвод для разорения не брали»³. В грамоте гетману Скоропадскому Петр I указывал, «дабы из моголевских жителей... пропускали везде без задержания и торговлю им исправлять велели с платежом достойные пошлыны, без препятствия, и никаких им обид чинить не допускали»⁴.

Но население не только укрывало продовольствие и копало укрепления: оно организовало и партизанские отряды. Особенно доставалось от них шведским фуражирским отрядам, которые рыскали по деревням и селам в поисках продовольствия. В тех случаях, когда крестьянские партизанские отряды были не в состоянии вступить в бой с вражеским отрядом, они наносили ему значительный урон, стреляя из-за деревьев и кустов. Однажды сам шведский король чуть не был подстрелен таким образом.

Как только шведская армия тремя колоннами вошла в полосу мазурских лесов, она встретила на своем пути сопротивление не только со стороны русской армии, но и белорусских крестьян. Последние, узнав о приближении шведов, оставляли свои жилища, зарывали в землю или увозили с собой в лес хлеб и другие съестные припасы, а на пути следования шведских колонн устраивали засады и засеки. Сами партизаны, неуловимые как тени, исчезали в лесах от преследования противника.

В мазурских лесах шведы потеряли не только большое количество людей, но и значительную часть артиллерии, захваченной крестьянскими партизанскими отрядами.

«Король двинулся в эту болотистую и пустынную лесную Мазурскую полосу, где кроме того на каждом шагу приходилось иметь дело с мятежными крестьянскими бандами», — замечает с неудовольствием шведский историк Стилле⁵.

В 1702 г., в самом начале войны, жители несвижского магистрата подали заявление кн. К. Радзивиллу с просьбой привлечь их к сооружению оборонительных укреплений, в частности к строительству крепости в Несвиже⁶.

О каждом шаге шведов с момента вступления их на территорию Белоруссии белорусские крестьяне сообщали русскому командованию. Донесения и переписка между командирами русской армии различных степеней пестрят этими сведениями. Фельдмаршал-лейтенант Гольц 23 июня 1708 г. доносил главному командованию: «Господин полковник Комбель... ко мне крестьянина прислал, который сказал, что... он четыре неприятельских шквадронов по ту сторону Друца видел: которая же без сумления — партия или передовые войска от неприятельской армии есть»⁷.

Жители городов Белоруссии также оказывали большую помощь в разведательной работе русского командования. Ржевский писал Шереметеву: «Сего числа послал проходца с письмами полоцкого мещанина благочестивого, а в тех письмах посланы расписные речи язовицких, и тот мещанин до вашей милости отписал и мои письма тебе государь подал»⁸. И дальше сообщается, что, по донесению полоцких жителей, «в Витебске, в Бешенковичах везде полно самых шведов и от Риги будто идет пехота, и я о том послал доведаться мещанина полоцкого».

Во время продвижения шведов к Днепру местные жители сообщили русскому командованию о группировке шведских войск. Полковник Огарев писал Меншикову: «Посылали мы в Ворколобовской монастырь быховского мещанина, и он пришел назад и про неприятеля сказал, что стоят под Ворколобовским монастырем и делают на Днепре плоты и хотят наводить мост»⁹.

Крестьяне проявляли всегда особый интерес к исходу боя между шведами и русскими. После боя они тотчас же направлялись на место боя и доносили русскому командованию как о дальнейшем движении шведов, так и о захваченных нашими войсками трофеях. Так, после боя у Быхова Воронцов сообщал Меншикову: «Получили мы ведомость от мужиков, что в том бою их (шведов. — Б. Т.) побито и

⁵ Стилле А. «Операционные планы Карла XII в 1707—1709 гг.», стр. 21 (перевод со шведского).

⁶ Археологический сборник документов, относящихся к истории Северозападной Руси. Т. VII, стр. 166.

⁷ Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ). «Шведские дела 1708 г.» № 8, л. 122.

⁸ ТИРВИО. Т. I, стр. 120.

⁹ Там же, стр. 116.

¹ Труды Императорского русского военно-исторического общества (ТИРВИО). Т. I, стр. 217.

² «Записки игумена Ореста», стр. XVI.

³ Белорусский архив древних грамот № 51, стр. 132.

⁴ Там же.

в реке потонуло ротмистров и товарищей 200 человек слишком»¹.

Большую разведывательную работу для русского командования проводило и еврейское население Белоруссии и Украины. Головкин писал 23 августа 1708 г. Петру: «Сего числа явились здесь мстиславские (еврей. — Б. Т.), которые посылаемы из Мстислава в Могилев для проводывания о Левенгаупте, а что оные... сказали в допросе своем, о том изволите... известен быть из приложенного при сем с того допросу списка»². Дрыбинские евреи сообщали генерал-майору Ифлянту о движении шведов к Кричеву. Боур 21 сентября писал Меншикову, что он получил сведения в дер. Пучки на р. Проне от евреев, которые были 19 сентября в неприятельском обозе под Кричевом. Через них Боур узнал, что противник у Кричева «чрез реку сделал мост и перешел вчерашнего дня»³.

Враждебное отношение жителей к шведам давало возможность русскому командованию быстро установить направление движения шведов. Большую роль в этом отношении играли убегающие от шведов проводники, от которых русское командование получало ценные сведения о противнике. Полковник Яковлев доносил 20 сентября 1708 г. генерал-поручику: «Которые у них проводники были, сказывают, что спрашивают (швед. — Б. Т.) дороги до Стародуба... Шведский король перебирается через реку Сожу... а который хлоп их провожал за реку Сожу, и я послал его до вашего превосходительства, и посланный мой, который до вашей милости донесет, именно сам при том был»⁴.

Проводники проявляли исключительную самоотверженность. Они нарочно уводили шведов от того района, в который хотели попасть шведы. Так например, передовой отряд, посланный Карлом XII от русской границы с задачей занять Стародуб, не выполнил поставленной ему задачи, потому что генерал «Лагеркрон доверился крестьянину, взявшемуся провести шведское войско кратчайшим путем. Этот крестьянин, будучи подослан полк. Скоропадским, обманул шведского начальника и повел его совсем не туда, куда нужно. Так что в то время генерал Ифлянт (руководивший передовым отрядом. — Б. Т.) успел войти в Стародуб»⁵.

Шведские захватчики проявляли к населению, так дружно поднявшемуся против них, большую жестокость. Там, где им удавалось захватить населенные пункты, они в бессильной ярости расправлялись с населением: грабили и убивали беззащитных жителей, не щадя ни женщин, ни детей. Шведский король отдал приказ вешать всех попадающихся в той местности,

где хотя бы в малейшей степени будет оказано сопротивление шведам.

Однажды шведами было захвачено 50 жителей, заподозренных во враждебном отношении к интервентам. Шведы подвергли пойманных нечеловеческим мучениям: они заставили безвинных крестьян убивать друг друга после того, как на их глазах был сожжен весь принадлежащий им скарб.

О грабежах, разорении и об исключительно жестоком отношении шведских захватчиков к мирному населению свидетельствует ряд документов. В заявлении ловчего витебского воеводства Бялиницкого-Бирюли указывается, что при движении шведов через Литву и Белоруссию они чинили местным жителям «невыносимые опустошения, не щадя даже и храмов божьих»⁶.

Меншиков, хорошо информированный об отношении шведов к населению в районе Минска, писал Головкину: «Мучат, вешают и жгут мужиков (как прежде никогда не бывало), дабы ямы хлебные показывали... Утеснение убогих людей невозможно довольно описать»⁷.

В народной памяти надолго сохранились тяжелые воспоминания о нечеловеческих мучениях, которым подвергали зарвавшиеся захватчики местное население. В «Записках» могилевского игумена Ореста (первая половина XIX в.) говорится, что, «по указу шведского короля, мещан досточнейших экзековано: в склепы, погреба сажали шведы, мучали голодом, в холодную воду нагих сажали, на балках под потолками завешивали и разными иными мучениями, как разбойники, мучали».

На жителей оккупированной территории шведы накладывали под угрозой смерти непосильные налоги. Так, жителям села Липова было приказано: «Абы каждый человек от своего дому давали б провиант: муки витпол осмачку, алыбо жита осмачку, солоду осмачку, або чотири бочки пива, и до каждой осмачки солоду по чтири фунта хмелю, пол осмачки гороху, албо круп ячных колбек (мерка. — Б. Т.), вола едного, албо десятеро овец, масла чотири камене, пуд каменя соли, тютюну чотири папуши, два гарце горелки, три вози сена, две осмачки овса, три вози соломи, чтире вози дров»⁸. За непослушание жителям угрожали, что они «огнем и мечом каранни будут»⁹.

Меншиков в письме к гетману Скоропадскому 16 февраля 1708 г. рассказывает, как бесчеловечно шведские захватчики издевались над украинским населением: «Неприятель после учинившагося ему под Городнею безсчастия и не возмогши против того воинским образом учинить нам оплаты, починя здешним жителям многия разорения, а именно — место Красный Куть, Коломак и иные попаля, пошел назад к

¹ ТИРВИО. Т. I, стр. 110.

² Там же, стр. 54—55.

³ Там же, стр. 92.

⁴ Там же, стр. 125—126.

⁵ Костомаров Н. «Исторические монографии и исследования». Кн. 6-я. Т. XVI, стр. 614; Норберг. Соч. Т. II, стр. 42.

⁶ Историко-юридические материалы. Т. XVIII, стр. 191.

⁷ Сборник военно-исторических материалов. Т. I, стр. 20.

⁸ «Красный архив» № 4 (95) за 1939 г., стр. 163.

⁹ Там же.

Опошше и вышеупомянутых мест жителей мужеска и женска полу в неволю побрал, невинных младенцев живых в снег и в воду побросал, и инныя многие злы чинил»¹.

Но никакие угрозы и зверства не могли остановить борьбу населения против ненавистных ему шведских захватчиков.

II

Достигнув Могилева, шведская армия вынуждена была остановиться в ожидании корпуса Левенгаупта. Продовольственное положение шведской армии становилось все более и более затруднительным, так как все продовольствие местным населением было спрятано, а то, что не удавалось укрыть, уничтожалось: «...деревни, которые были кругом неприятеля, все обожены, только неприятелю [для] покормления хлеба много на полях и в ямах берут»².

Пленный поляк так охарактеризовал положение с продовольствием шведской армии: «Довольства великого ни в чем не имеют, потому что люди из сел и деревень все уходят в леса, а на продажу ничего к ним не везут, а питаются тем, что где сыщут в ямах». Отсутствие продовольствия порождало массовые заболевания шведских солдат, сопровождавшиеся большой смертностью: «...а во время бытия шведскаго в Могилеве померло их шведов с голоду и от мыту с четыре тысячи»³. Шведский пленный в своем показании говорил: «Как пошли они из Саксонии, то было их в то время в роте 125 человек, а ныне у них в остатке человек с 80, а в других полках в ротах которые были на боях, вряд человек по 40 или по 30 сыскати»⁴.

Эти сведения, может быть, несколько преувеличены, но они близки к истине, так как подтверждаются и русскими источниками. Генерал-майор Ифлянт писал Меншикову 6 июля 1708 г.: «Которым трактом шел швед и тем трактом везде пометано больных живых много число, такожде и мертвых пометано многое ж число»⁵. При таких обстоятельствах шведский король не мог дожидаться Левенгаупта, так как снабжение армии местным продовольствием становилось все затруднительнее и шведские войска постоянно подвергались нападению со стороны русских партизан. Вот что писал 28 июля прусский обер-лейтенант Зильтман, который находился при главной шведской квартире в качестве атташе: «Карл XII, несомненно, хотел бы обождать прибытия Левенгаупта, но... это вероятно будет невозможно ввиду постоянных набегов русских из Шклова и Быхова».

Шведский король решил двинуться на Москву через центральные русские районы по Смоленской дороге, имея в виду, что

здесь русские не захотят опустошать свою страну. Руководимая талантливыми полководцами Шереметевым и Меншиковым, русская армия успешно отошла к г. Горки и заняла там удобные оборонительные позиции. Шведский король, по опыту боя при Головчине, не решался лобовой атакой штурмовать позиции русских у г. Горки, а предпринял обход на Чаусы и Чериков. Но русские очень быстро разгадали этот маневр, и русская армия была переведена в район Мстиславля и Кричева и заняла оборонительную линию на р. Сож. Карл XII вынужден был повернуть от Черикова на север, на с. Доброе, имея в виду общее направление на Смоленск. Но у с. Доброго отрядом князя Голицына шведский авангард был разбит наголову. Командование русской армии, снова разгадавшее оперативный замысел Карла XII, заняло оборонительные позиции по рекам Вихре и Городне. Русские возвели здесь сильные оборонительные укрепления. Путь продвижения на Смоленск был прикрыт.

Попытки шведов прорвать линию обороны не увенчались успехом. Дольше на этой дороге шведам оставаться было невозможно. Русские все опустошали на своем пути. Партизаны оказывали решительное сопротивление и вносили существенные поправки в оперативные планы Карла XII. Это вынужден был признать и шведский историк Стилле. Он писал: «После совещания с Пипером, Реншельдом и Мейерфельдом Карл XII решает этот вопрос в пользу пути через Северскую область. Причину последнего решения следует, по всей вероятности, искать лишь в трудности добывать провиант на Смоленской дороге, выжженной русскими, а не в каких-либо чисто стратегических препятствиях, которые невозможно было бы преодолеть во время марша; принималось, пожалуй, во внимание и то, что, избирая путь через Северщину, можно было обойти укрепления, воздвигнутые русскими на Смоленской дороге»⁶.

То, что король задумал обход на Стародуб, Брянск, а потом на Москву, подтверждается и донесениями русских генералов. По достижении Мглина, Почапа, Стародуба они сообщали, что «с тремя дивизиями инфантерии и десятью regimentами драгун в Украину пришли и неприятеля тако упредили, что он не много пользы от такого трудного своего маршу, который он денно и нощно с разорением своего войска отправлял, ожидать может и будем мы ему и здесь також как и при Смоленску сопротивление чинить и в Украину в глубокость вступать возбранять»⁷.

Русское командование придавало большое значение Стародубу как стратегическому пункту и беспокоилось о его укреплении. Когда шведы находились еще в Могилеве, Головкин писал стародубскому полковнику: «Вели город укрепить и около оногo и внутри строения»⁸.

¹ Судненко М. Материалы для отечественной истории. Т. II, стр. 277. Киев. 1855.

² ТИРВИО. Т. I, стр. 241.

³ Там же, стр. 148—149.

⁴ Там же, стр. 149.

⁵ Там же, стр. 79.

⁶ Стилле А. Указ. соч., стр. 73.

⁷ ГАФКЭ. Шведские дела за 1708 г. № 8, л. 183.

⁸ ЦВИА, ВУА, д. № 25, ч. 1-я, л. 5.

Как только Карл XII повернул от русской границы на юг, Шереметев немедленно двинул в Стародуб батальон во главе с полковником Астафьевым: «...и велено идти с поспешением и для устройства тамошней фортеции майор-инженер Брыль с ним послан»¹. По достижении Почепа Шереметев, узнав, что его указания выполнены, с удовлетворением писал Меншикову, что «место Стародуба уполясировали и прочее утверждение к неприятельскому отпору учинили»².

Такое большое внимание укреплению Стародуба показывает, что русское командование опасалось возможности прорыва шведов в этом районе с целью обходного движения на Москву. Что у шведов были такие намерения, подтверждается и показаниями шведских пленных. Из опроса пленного шведского трубача Каспра, пойманного на мельнице, где он насильно заставлял работника мельницы молоть рожь для шведов, видно, что шведский король заготовлял продовольствие для обходного марша на Москву, минуя Смоленск. Пленный показал, что «слышал де он, что к походу ежечаство готовятца и провиант досталой уже вготове; о походе переговаривают де, что хотят идти к Москве, не зйма Смоленска»³. Показания пленного шведа подтверждаются работником мельницы Иваном Волоским, который «в распросе сказал: служил де он... у маркетанта полгода, а слышал де он от швецких офицеров, что сказывают, они хотят идти просто на столицу не занимая Смоленска»⁴.

Направляясь от русской границы на юг, шведский король взял для сопровождения своих колонн нескольких проводников из местных жителей. Однако враждебно настроенные к шведским захватчикам, проводники умышленно вели шведов по болотам и непроходимым лесам, чтобы замедлить движение шведской армии, а иногда даже уводили ее в сторону от тех пунктов, куда намечалось движение. Не случайно, что авангард шведской армии под командованием генерала Лагеркрона удалился далеко вправо от Мглина и Почеп. Ему была поставлена задача двигаться, для того чтобы овладеть переправами через р. Судость. Проводники при первой возможности убегали от шведов и доносили русскому командованию о планах шведской армии.

Вот показание одного из проводников, убежавшего от шведов из Кричева: «1708 г. сентября 20 дня шляхтич Григорий Жеркевич сказал: в прошлую неделю во вторник взяли его шведы за проводника из двора его из деревни Подерни, которая к Мигновичам в миле (Мигнович расположен на р. Городня. — Б. Т.), и слышал он, что король шведский с войском своим идет к Украине в Черкасские города и в четверток отправил партии шведов и волохов конных 5000 человек к

Украине за черкасами, которые приехали было к Кричеву с рыбою и горелкою и послыща шведов побежали, а у других черкас, которые были в Кричеве, взяли они, шведы, 50 куф горелки и самих черкас забрали, да и сам король шведский с войском своим немедленно к Украине до Ливны и до Кракова идти хотел и против Кричева на реке Соже сделан был мост, а другой доделывали; да еще слышал он, что неприятельских людей отправлено в правую руку к Пропойску восемь тысяч человек»⁵. Эти данные представляли большую ценность для русского командования и давали ему возможность быстро принимать меры, чтобы разрушить планы шведского короля. Шведскому королю несмотря на быстро совершенный им марш от Стариши до Костенич не удалось захватить переправы через реки Судость и Десну, так как русские опередили его и заняли предполагаемые места прорыва: Почеп, Стародуб, Погар и Новгород-Северский.

У города Мглина шведы натолкнулись на небольшой русский передовой отряд, прикрывавший подступы к Почепу, где Карл намеревался переправиться через р. Судость. Небольшой гарнизон города совместно с жителями и сбежавшими сюда северскими крестьянами дали шведам решительный отпор. Сначала «русские были отброшены и шведы дошли до города. Он оказался укрепленным, хотя и очень слабо, и занятым гарнизоном из 300 русских солдат и значительного количества вооруженных северских крестьян. Коскуль со своими всадниками немедленно атаковал город, но был отбит»⁶.

Между тем русские войска уничтожили переправы через р. Судость и сами, прикрываясь ею, заняли сильно укрепленные оборонительные позиции. Кроме того усиленный гарнизон был введен в Стародуб. Об этом передовые части шведов донесли королю. Таким образом, Карлу снова был прегражден путь движения на Москву (через Брянск). Король вынужден был сделать остановку в Костеничах в ожидании прибытия Левенгаупта. Однако своего генерала с большим обозом боеприпасов и продовольствия король ждал напрасно.

Русское командование проявило исключительную предусмотрительность и организовало специальный отряд для разрома корпуса Левенгаупта. Во главе этого отряда стоял сам Петр, и под его руководством русские войска 28 сентября, когда Карл XII находился на стоянке у Костенича, разгромили при дер. Лесной 16-тысячный корпус Левенгаупта, забрав при этом весь обоз и большую половину людей. Сам Левенгаупт, сбросив все, едва спасся с остатками разбитого корпуса.

Петр I дал впоследствии следующую оценку этой операции: «Сия у нас победа может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не быва-

¹ ТИРВИО. Т. I, стр. 15.

² Там же, стр. 45.

³ Там же, стр. 152.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 152.

⁶ Стилле А. «Карл XII как стратег и тактик в 1707—1709 гг.», стр. 32—33. СПб. 1912.

лю; к тому же еще гораздо меньшим числом будучи перед неприятелем. И постижение оная виною всех благополучных последований России, понеже тут первая проба солдатская была, и людей конечно ободрила, и мать Полтавской баталии, как ободрением людей, так и временем, ибо до девяти месячном времени оное младенца счастье принесла»¹.

Весть о разгроме корпуса Левенгаупта сильно повлияла на падение престижа «непобедимой» шведской армии. Планы Карла XII о прорыве оборонительной линии и о продвижении на Москву потерпели крах. Они были сорваны могучим сопротивлением русской армии и решительной борьбой северских крестьян и горожан против иноземных захватчиков. Свободолюбивый северский народ поднялся на борьбу против шведских интервентов. Шереметев писал царю, что с приближением шведов к населенным пунктам жители уходили: «Из местечка Мглина черкасы (так называли северских крестьян. — Б. Г.) выбежали вон»².

Напрасно Карл XII писал воззвания к крестьянам Северщины, чтобы они оставались на своих местах, и призывал их встречать его хлебом-солью. Население Северщины было не таким, какое приходилось видеть Карлу при его вступлении в Польшу и Саксонию, где еще за несколько переходов шведов встречали польские паны и немецкие бюргеры хлебом-солью.

Один из командиров, А. Ушаков, доносил государю, что от «здешних народов» шведам помощи не видать, несмотря на то что «неприятель до приходу нашего прислал письмо прелестное стародубским жителям, чтоб жили в домах своих и никуда не выходили. Також и чтоб были к ним для встречи из Стародуба были с бурмистр и чтоб везли продавать хлеб и здесь с помощью божиею народ застает великой и крепкой надежде. Как пришли драгуны к Стародубу и мужики из деревень все убежали по лесам також и в городу»³.

III

После провала второй попытки прорыва шведы большие надежды возлагали на продвижение своих войск на Украину, чтобы оттуда, собравшись с силами, при содействии гетмана Мазепы предпринять движение на Москву.

Появление шведов в Северской области ускорило переход гетмана Мазепы на сторону Карла XII⁴.

«Еще раньше между королем и гетманом,— писал шведский историк Стилле,— уже велись переговоры, и одним из звеньев плана Карла XII являлся расчет на то, что Мазепа примет участие в войне против царя. И вот теперь, в начале похода в Украину, необходимо было осуществить предполагавшийся и подготовленный союз с гет-

маном. Хитрый Мазепа до сих пор держался политики выжидания и хотел продолжать ее, дабы посмотреть, какая из воюющих сторон одержит верх; но когда Карл XII явился в Северскую область, гетману уже трудно было оставаться в своей выжидательной позиции: он должен был объявить себя стоящим на той или другой стороне и действовать соответствующим образом»⁵.

24 октября, утром, Мазепа с 4-тысячным отрядом казаков — своей личной «гвардией» — перешел через р. Сейм, а на следующий день у местечка Оболонье переправился на правый берег р. Десны. Там он объявил казакам, что ведет их не против шведского короля, а против русского царя. Гробовым молчанием, с ужасом и удивлением встретили казаки эту речь Мазепы. Многие, даже из верхушки казачества, не почувствовали измене, но, предполагая, что у гетмана есть много сторонников, боялись оказать немедленное противодействие его изменническому плану. Они решили временно примириться с совершившимся фактом, имея в виду воспользоваться первым же удобным случаем, чтобы уйти от изменника.

Украинский свободолюбивый народ не пошел, однако, за изменником Мазепой: население Украины вместе с русской армией выступило на защиту своей родины от шведских захватчиков. Крестьяне ненавидели захватчиков, они скрывали от них продовольственные запасы и вылавливали агентов короля и Мазепы, уговаривавших их перейти на сторону шведов.

26 ноября 1708 г. канцлер Головкин от имени Петра I с удовлетворением писал жителям Кателвы, Опошны и Груни: «Вы ни на какие прелестные письма изменника богоотступного Мазепы не смотря, пребываете к нему великому государю по должности своей подданической верно и постепенно»⁶. И дальше Головкин объявлял, что «того ради его царское величество вас старшину и всех жителей города Кателвы за вашу непоколебную к его величеству верность милостиво похваляет»⁷.

Жители Новгород-Северского 5 ноября 1708 г., собравшись в церкви, дали «клятвенное обещание» упорно бороться против шведских захватчиков и быть верными русскому правительству. В обещании говорилось: «Мы, верные подданные, града Новгорода Северскаго обыватели, яко от чина духовного, тако от мирского сословия, все единостаине и единомудно, так товариство войсковое... за милую малороссийского всего краю [на]шего отчизну, без жадной нашей зрады и измены, еден на другом, даже и до смерти противо неприятелей наших... от года в годы быти присно готовыми обезуям[ся]»⁸.

Такие клятвенные обещания принимались и в ряде других городов и сел Украины.

¹ ГАФКЭ. Журнал Петра I. Каб. 1, д. № 8, л. 185.

² ТИРВИО. Т. I, стр. 23.

³ Там же, стр. 101.

⁴ Костомаров Н. «Мазепа», стр. 435. М. 1883.

⁵ Стилле А. «Операционные планы Карла XII в 1707—1709 гг.», стр. 92.

⁶ «Красный архив» № 4 (95) за 1939 г., стр. 159.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 160.

Всем известно клятвенное обещание полтавчан. Клятвенное обещание дали и жители г. Лубны, которые «били челом» Петру «отеческою ревностию прикрыти нас от нашествия враждующих неприятелей... и вторично при доземном нашем челомбитии у вашего царского величества жебраем (просим.—Б. Т.) милости и его ж отдаемся благодетелю, будучи всегдашними верствующими подданными»¹.

Никакими уловками шведскому королю и изменнику Мазепе не удалось противопоставить украинский народ русскому правительству. Народ дружелюбно встречал русскую армию. Один из командиров Петра I, Ушаков, писал ему, что «тутошние народы обрадовались приходу нашему»². Другой командир, Брюс, извещал Петра I из Глухова: «Как гарнизон наш сюды вступил, то вся чернь (так генерал называет основную массу украинского населения.—Б. Т.) зело обрадовалась. Токмо не гораздо приятен их приход был старшине здешнему, а наипаче здешнему сотнику... сказывают многие здешние жители, что он весьма... Мазепиной партии, который у него всегда детей крестил»³. Население само помогало выявлять сторонников Мазепы и устранять их с административных должностей.

Враждебное отношение украинского народа к шведским захватчикам отмечает и французский посол при Карле XII—Безенваль. Он писал министру иностранных дел Франции 28 ноября (н. ст.): «Скажу прямо: если украинский народ не поддержит шведского короля, я не вижу никакой возможности для него закончить счастливо войну». Эти слова оказались пророческими: украинский народ в решительный момент борьбы со шведами пошел вместе с братским ему русским народом и встал грудью на защиту своей родины от зарвавшихся чужеземных завоевателей.

Правительство Петра I, со своей стороны, приняло все меры к тому, чтобы взять под свою защиту единокровные белорусский и украинский народы, подвергавшиеся разорению со стороны шведских захватчиков. Русское правительство приняло также ряд мер для установления правильных отношений с украинским народом. Шереметев от имени Петра I в октябре обратился к населению Украины с призывом, в котором указывалось: «...объявляетца чрез сие всем малороссийского народу жителем, дабы из городов, сел и деревень, на которые пойдет войско его царского величества, никто не выбегал, понеже жителем никаких обид и разорений и грабительств и прочего своеволия чинено не будет, и заказано о том в войске под смертною казнию»⁴.

Украинцы, так же как и белоруссы, объединялись в партизанские отряды. Один из отрядов на р. Десне «порубил и в плен взял 150 шведов». Некоторые из крестьян-

ских партизанских отрядов посылались в разведку. Рожков доносил ген. Крестьяновичу, что он «жуковских жителей человек с тридцать отправил за реку с ружьем, и они двух шведов убили да польскова хлопца... привезли ко мне... Да выше писанные посыльные, Жуковские жители сказывали, что за рекою... подстрелили в лицо швецкого офицера»⁵.

Партизанские отряды вступали в бой и с крупными шведскими частями. Об этом рассказывает в своем показании священник Александров: «Вчерашнего ноября 30 дня перед вечернею в Недрыгайлову приехали волохов шведских в 50 конях и говорили жителям, чтоб их в город пустили, и они им в том отказали...» Тогда, «помешкав с полчаса, пришли к Недрыгайлову шведы конницею в 1500 человек и под городом спешили, и шли в строю к городу с ружьем». На отказ жителей впустить их шведы «стали ворота (города.—Б. Т.) рубить, потом по ним в город залп дали, а по ним, шведов, из города также стреляли и убили шведов 10 человек. И они, шведы от замка отступили и стали на подворках и церкви [и] дворы все сожгли»⁶. Что произошло далее,—неизвестно. Одно ясно, что жители оказали решительное сопротивление шведским захватчикам.

О всех передвижениях шведов на Украине местные жители доносили русским военачальникам. Волконский писал Меншикову, что, «сказывали Конотопские жители... хочет неприятель итти к селу Казадкому и к Сумам»⁷.

Шведский король, продвигаясь на Украину, имел в виду, как это пишет в своем письме 10 ноября 1708 г. Зедергольм, «пойти в Украину и войти в нее близь Макошина несколько ниже слияния Десны с Сеймом, но... он по настоянию Мазепы отказался от подобного плана и направился к Новгород-Северскому»⁸.

Шведские историки считают большой ошибкой Карла XII, что он послушался Мазепу и бесполезно убил время при попытках прорваться у Новгород-Северского в центральные районы России и этим дал возможность русским разрушить гетманскую столицу Батурин. Стилле писал: «Если бы сношения между Карлом XII и Мазепой были начаты более счастливым образом, то шведам удалось бы воспользоваться столицей гетмана в качестве опорного пункта и казаки могли бы участвовать в борьбе против царя совершенно иначе, чем это оказалось в действительности. Вышло, что непосредственно за изменой Мазепы, можно сказать с быстротой молнии, последовало возмездие со стороны русских»⁹.

Дело, конечно, не в дурных советах, которыми объясняют шведские историки неудачи Карла на Украине, а в том, что шведы не в состоянии были прорвать оборону-

¹ «Красный архив» № 4(95) за 1939 г., стр. 160.

² ТИРВИО. Т. III, стр. 54.

³ «Красный архив» № 4(95) за 1939 г., стр. 158.

⁴ Там же.

⁵ ТИРВИО. Т. III, стр. 183.

⁶ Там же, стр. 40.

⁷ Там же, стр. 17.

⁸ Стилле А. «Операционные планы Карла XII в 1707—1709 гг.», стр. 93.

⁹ Там же, стр. 100.

тельные линии русских у Новгород-Северского, и после этой неудачи они вынуждены были двинуться вниз по правому берегу р. Десны, и только у Мезина 30 ноября им удалось переправиться через Десну.

Население ряда городов организовало отпор шведам даже там, где не было гарнизонов. При приближении шведов жители Тернова засели в замок и отстреливались в течение двух часов, но затем противник штурмовал замок превосходными силами и овладел им, потеряв около двадцати человек¹.

Враждебное отношение русской армии и народа к шведским захватчикам, героическое их сопротивление вместе с армией — вот что сорвало планы Карла.

Оказавшись на Украине, шведский король никак не хотел расстаться с мыслью о движении оттуда на Москву. Он начал операции по курско-тульской дороге, представлявшей собою путь с юга в Центральную Россию. Между тем путь и в этом направлении оказался препращденным. Русская армия оттеснила шведов в район Ромны — Прилуки — Гадяч, где они остановились на зимние квартиры. Русские заняли оборонительную линию по р. Пселу, прикрывая возможность прорыва шведов на Курск и Белгород.

Шведам пришлось провести целую зиму на Украине в бесплодных стычках с русскими войсками и местным населением. Им никак не удавалось достигнуть положительного успеха в их неоднократных попытках прорваться за линию р. Ворсклы, чтобы открыть путь на Москву. Предпринятый ими штурм Веприка, небольшого населенного пункта на левом берегу р. Псела, около Гадяча, стоил им огромных жертв и дал ничтожные результаты. При приближении шведов Веприк, по просьбе местных жителей, был занят русским гарнизоном в 300 человек. Для того чтобы взять этот небольшой укрепленный пункт, шведы вынуждены были направить против него силы, в десять раз превышающие силы гарнизона, но штурмом Веприк взять не удалось. Находившиеся в окружении солдаты и крестьяне оказали мужественное сопротивление: они сдались только тогда, когда израсходовали все боеприпасы «за тем, что не имели уже порошу ничего»². Сам король руководил штурмом Веприка. Во время штурма шведы потеряли тысячу человек убитыми и много раненых, в особенности среди офицерства. Стилле писал: «Потери при штурме Веприка можно сравнить с потерями в большом сражении. Особенно печально для шведов было, что они потеряли при этом цвет своего офицерства. Между тем, после опустошений, произведенных в армии морозами, теперь еще меньше, чем прежде, допустима была напрасная трата людей»³.

После штурма Веприка шведы стали осторожнее, так как увидели, что и на Украи-

не против них вела войну не только русская армия, а весь украинский народ. О героической борьбе украинского народа свидетельствует еще и такой факт: чтобы взять небольшой населенный пункт Олешню на правом берегу р. Ворсклы, шведы вынуждены были двинуть туда генерал-майора Гамильтона с четырьмя кавалерийскими полками, которые и штурмовали Олешню, в то время как оборона в этом селении была организована только местными жителями.

Шведы с исключительной жестокостью расправлялись с населением Украины, мстя ему за то сопротивление, которое оно им оказывало, и за его помощь русской армии. Захваченный русскими в плен шведский полковник Альфентель откровенно сознавался, что он «от здешних обывателей никакой склонности не видел, понеже и во время нынешней атаки в Рашевке жители тамошние не малое число перед ним от войск их побили; и провианту ни откуда не привозят, токмо они довольствуются провиантом, где стоят. О наступлении войск московских не ведали, токмо рассуждали, что к ним идет легкая партия»⁴.

Зимовка Карла на Украине не дала ему тех результатов, на которые он рассчитывал. Силы его армии во время этой зимовки не только не увеличились, а, наоборот, с каждым днем падали, вследствие систематического истребления его солдат не только русской армией, но и местным населением.

Не увенчалась успехом надежда короля и на помощь со стороны Мазепы. Король рассчитывал, что Мазепа доставит ему не менее 40 тыс. солдат. Получилось же совсем не то: только небольшая группа казацкой верхушки во главе с гетманом Мазепой и кошевым атаманом Запорожской Сечи Гордиенко, изменив своей родине, перешла на сторону шведов. Основная масса населения не пошла за предателями. Казаки Полтавского полка Семен Васильев и Григорий Савин после своего возвращения из Запорожской Сечи рассказывали, что на кругу в ответ на призыв кошевого атамана Гордиенко выступить против Москвы все запорожцы заявили, что они «повинны служить царскому величеству яко единоподержавному государю, того что и отцы и сродники при его величестве обретаются»⁵. Только незначительную часть запорожцев удалось Гордиенко склонить на свою сторону. Взятие русскими Запорожской Сечи окончательно подорвало шансы короля получить поддержку со стороны казачества. «И вся эта измена тем рушилась»⁶, — писал современник этих событий князь Ф. А. Куракин.

Политика Петра, направленная на борьбу с сепаратистски настроенной верхушкой казачества с гетманом Мазепой и Гордиенко во главе, объективно ослабляла эксплуатацию основных масс украинского крестьянства со стороны этой продажной верхуш-

¹ ТИРВИО. Т. IV, стр. 13.

² ЦВИА, ВУА, д. № 25, ч. 2-я, л. 19.

³ Стилле А. «Карл XII как стратег и тактик», стр. 65.

⁴ ТИРВИО. Т. III, стр. 102.

⁵ ЦВИА, ВУА, д. № 25, ч. 1-я, л. 29.

⁶ Архив кн. Куракина. Т. I, стр. 373.

ки и была наименьшим злом для украинского народа. Расчленение же Украины и присоединение ее к Польше и Швеции неизбежно привели бы к еще большему угнетению трудящихся масс под игом иноземных захватчиков.

V

С наступлением весны Карл XII поставил себе цель — во что бы то ни стало овладеть операционной линией р. Ворсклы и открыть своей армии путь для движения через Харьков и Белгород на Москву. Но на этом пути был ряд укрепленных пунктов, одним из которых являлась Полтава. Она его прельщала потому, что, по сведениям Мазепы, там находились большие запасы продовольствия и боеприпасов. Кроме того Полтава была пунктом, который, по мнению короля и Мазепы, был удобен для связи с подкреплением, ожидавшимся от крымского хана, турецкого султана и польского короля Станислава Лещинского (ставленника шведского короля). Карл рассчитывал, что Полтаву он возьмет с одного пушечного выстрела.

Однако находившиеся в этой «ничтожной», как говорил Карл, крепости четырехтысячный гарнизон и около двух тысяч вооруженных жителей под руководством храброго полковника Келина оказали такое сопротивление, что шведам к осаде этой крепости пришлось приковать свои силы на целых три месяца, и все же крепость они не смогли взять. Между тем осадой полтавской крепости руководили лучшие генералы шведской армии, и сам король неоднократно командовал во время штурмов Полтавы, хотя и безуспешно. Мужественные защитники Полтавы — ее гарнизон и население — покрыли себя неувядаемой славой, отразив в исключительно тяжелых условиях больше двух десятков неприятельских штурмов. В особенно критическом положении находился гарнизон во время последних двух штурмов: «Все жители города приняли участие в отражении штурмов 21 и 22 июня; и даже женщины и дети по-сильно помогали сражавшимся, поднося им снаряды, бревна и камни»¹. Исключительные героизм и отвагу проявил в этой борьбе бригадир Головин: через вражескую линию окопов он провел 1200 солдат, применив для этого военную хитрость².

При осаде Полтавы шведы понесли большие потери. По подсчетам Голикова, они потеряли убитыми и умершими от ран 6176 человек, а осажденные — 1186 человек военных и граждан. Русские солдаты и офицеры, даже находясь в плену, оказывали мужественное сопротивление противнику, проявляя образцы храбрости и героизма. Известен следующий беспримерный в военной истории факт. На военном неприятельском корабле перевозили из одной тюрьмы в другую русских военнопленных. Этим переездом решил воспользоваться пленный

русский генерал А. Ф. Долгоруков, чтобы вернуться на родину. С этой целью он организовал против шведов восстание военнопленных, о котором рассказывается так: «Он объявил о своем намерении товарищам своего несчастья, которые с таким великим человеком согласились отважиться на все. Исполнение предприятия отложено до следующей субботы, а именно до той минуты, в которую при вечернем служении надлежало запеть: «Дерзайте убо людие божии». Это послужило сигналом. Россияне бросились на шведов, нимало того не ожидавших, обезоружили их и, перевязав, заключили под палубу, кроме одного только шкипера, которому князь, приставив к груди шпагу, сказал: «Если хочешь быть жив, то вези нас к Кронштадту или Ревелю, но берегись изменить». Шкипер повиновался и привел фрегат в российскую гавань, куда прибыл он с пушечной пальбою»³. Таким образом, русские солдаты и офицеры возвратились на родину на военном неприятельском корабле.

Под Полтавою шведская армия была наголову разбита армией Петра.

Ф. Энгельс, оценивая военную политику шведского короля, писал: «Карл XII сделал попытку проникнуть внутрь России; этим он погубил Швецию и показал всем неуязвимость России»⁴.

Сто лет спустя Наполеон, сделав попытку проникнуть внутрь России, погубил свою армию, а затем сам лишился престола. Из полумиллионной армии французов к границам успело отойти не более 30 тыс. солдат. Вся конница и артиллерия французов погибли в России. Наполеон был разгромлен в те времена, когда, по меткому замечанию современника — Давыдова, — «народ еще не подымался во весь исполинский рост свой, и горе его неприятелям, если он когда-нибудь подыметься».

И действительно, партизанское движение в нашей стране, имеющее такую славную историю, широко развернулось в отечественной войне 1918—1920 гг. против иностранных интервентов и русской контрреволюции. Кайзеровская армия под мощными ударами Красной Армии и героических партизан была надломлена и вышиблена из пределов нашей страны, а затем понесла окончательное поражение от англо-французских войск.

Еще более позорная участь ждет и гитлеровскую армию. Она уже понесла и несет тяжелые потери под мощными ударами Красной Армии и советских партизан. Широкой волной развернулось грозное партизанское движение в оккупированных нем-

¹ ТИРВИО. Т. IV, стр. 152.

² ЦВИА, ВУА, д. № 25, ч. 1-я, л. 62.

³ Бантыш-Каменский Д. «Деяния знаменитых полководцев Петра Великого». Ч. 2-я, стр. 13.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 9.

цами районах. Весь народ воюет с фашистскими захватчиками. Началась настоящая народная война, война за великие завоевания Октябрьской революции, война за существование первого в мире государства рабочих и крестьян. Народы нашей страны

верны традициям своих предков. Они никогда не склонят голову перед захватчиками. Недалек тот час, когда Красная Армия, опираясь на весь советский народ, полностью разгромит армии гитлеровской Германии.

ГЕРМАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ В АФРИКЕ

В. Голант

Германия вышла на колониальную арену позднее других держав—в последнем двадцатилетии XIX века.

В 1882 г., после воззвания «Германского колониального союза», уполномоченный бременского купца Людерица — Фогельзанг — высадился в бухте Ангера Пекена (Югозападная Африка) и «приобрел» у вождя готтентотов Фридрихса территорию площадью в 380 квадратных километров. За эти земли он «уплатил» Фридрихсу 200 винтовок, 2000 марок и... некоторое количество оловянных солдатиков¹.

Позднее Людериц, прибыв сам в Югозападную Африку, аналогичными «покупками» расширил свои владения. Поскольку его притязания оспаривались английскими колонистами, он обратился за помощью в Берлин. После некоторых колебаний Бисмарк послал в Югозападную Африку эскадру, которая летом 1884 г. объехала побережье между Оранжевой рекой и Анголой и в важнейших пунктах водрузила германский флаг. Так возникла первая германская колония.

Примеру Людерица последовали другие купцы, давно занимавшиеся меновой торговлей у гвинейского берега: спаивая туземцев, они за бесценок приобретали слоновую кость, пальмовые продукты и каучук. Уступая просьбам купцов «обезопасить» Камерун и Того от «губительного для нашей торговли захвата другими державами», германское правительство в том же, 1884 г. объявило свой протекторат над этими землями. Германский представитель Нахтигаль выхватил Камерун буквально из-под носа у направлявшейся туда английской миссии. За Нахтигалем последовали военные суда, которые подвергли бомбардировке селения, отказавшиеся признать германское господство.

Тем временем группа капиталистов и военных основала в Берлине «Общество германской колонизации» во главе с воинствующим империалистом Карлом Петерсом, которого немецкий писатель-антифашист Халльгартен справедливо считает одним из прародителей современного фашизма. В 1885 г. Петерс тайно высадился в Восточ-

ной Африке, во владениях занзибарского султана, находившегося под покровительством англичан. Пробравшись в глубь страны, Петерс с помощью подкупа склонил туземных вождей отдаться под покровительство Германии. Запротестовавший было занзибарский султан уступил, когда Бисмарк послал в Африку эскадру.

Петерс и его подручные развернули лихорадочную деятельность: зверски подавляя всякое недовольство ограбляемого населения, они захватывали новые земли, мечтая о создании второй германской империи — от Нила до мыса Гвардафуй и Лимпопо.

Осторожный Бисмарк и его преемник Каприви боялись восстановить против Германии одновременно Францию и Англию. Эти опасения привели к ряду соглашений с Англией, остановивших расширение Германской Восточной Африки.

Однако в девяностых годах германский империализм окончательно оперился, а «переход капитализма к ступени монополистического капитализма, к финансовому капиталу связан с обострением борьбы за раздел мира»².

Правительство Вильгельма II бросилось в бой за мировое владычество. Это сказалось и в грандиозном военно-морском строительстве и в проведении агрессивной политики во всех частях света.

Наряду с захватами в Азии и Океании Вильгельм стремился расширить германские владения в Африке. Воспользовавшись затруднениями Англии в войне с бурами, он даже добился ее согласия на раздел португальских колоний. Впрочем, англичане вскоре передумали и отказались от этой сделки. Тогда Вильгельм решил утвердиться в Марокко. Для этого он пустил в ход все средства: дипломатические интриги, организацию мятежей, провокационную посылку военных судов. Однако упорное сопротивление Англии и Франции вынудило Вильгельма отступить и признать в 1912 г. французский протекторат над Марокко, — правда, за уступку части Французского Конго, граничившего с Камеруном.

К началу мировой войны Германия владела в Африке территорией в 2700 тыс. кв. км с населением около 10,5 млн. человек.

Природные условия в германских колониях были неблагоприятны для европей-

¹ Townsend «Rise and Fall of German colonial Empire», p. 128.

² Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 133.

цев. Исключением являлась Югозападная Африка. В ее внутренней части, представляющей собой плоскогорье с почти умеренным климатом, негритянское племя гереро (или дамара)—из группы банту—занималось разведением в огромном количестве крупного рогатого скота, овец и коз. В северной части страны, населенной племенем овамбо, успешно развивалось земледелие.

Однако несмотря на широкие возможности для развития сельского хозяйства и богатые залежи полезных ископаемых (особенно меди) Югозападная Африка не сделалась колонией переселенческого типа.

Колонизаторы предпочли заняться более простым и прибыльным делом—грабежом и хищнической эксплуатацией коренного населения. В этом деле они достигли исключительных успехов: процесс разграбления земель и истребления коренного населения, тянувшийся в колониях других капиталистических стран целые столетия, в Германской Югозападной Африке занял всего два десятилетия.

Чтобы проникнуть к землям гереро с их богатыми стадами, колонизаторам нужно было прежде подчинить на юге воинственных готтентотов. Когда готтентоты отказались распродать свои земли, на сцену выступили военные силы (после смерти Людерица Югозападная Африка была официально объявлена под германским протекторатом и туда были введены германские войска). Командующий войсками майор Франсуа предательски напал на лагерь вождя готтентотского племени Виттбой-Гендрика и в кровавом побоище истребил больше женщин и детей, чем воинов.

Мотивы этого преступления Виттбой-Гендрик разоблачил в письме к Франсуа, написанном после этого погрома:

«Да, именно потому, что земля моя и что вы ее не можете получить другим путем, вы и решились захватить ее силой.. Франсуа начал против меня войну потому, что я не хотел отдать свое имущество»¹.

Несколько лет готтентоты мужественно оборонялись, но в 1894 г. были разгромлены.

За готтентотами пришел черед гереро. В их страну слетелись сотни немецких торговцев. Гереро, не имевшие никакого представления о кредите, сделались неплатными должниками спаивавших их спекулянтов.

«Купцы... не давали нам жить своей торговлей. Когда мы покупали у них в долг, это было несчастьем; не покупать в долг тоже было несчастьем»,—сказал один гереро миссионеру Кульману.

«Кредиторы в сопровождении вооруженных наемников врывались в деревушки туземцев и забирали скот, причем надевали на себя красные пояса чиновников и разыгрывали возмутительные пародии на аукционы. Прибавляют еще, что они при этом позволяли себе жестоко истязать туземцев. Оценка захваченного силой скота произво-

дилась самым произвольным образом: один и тот же долг взыскивался по три и четыре раза»².

Экспроприировав имущество гереро, колонизаторы, чтобы превратить туземцев в рабочую силу для помещичьих хозяйств и медных рудников, решили отнять у них и землю.

«Гереро и овамбо,—говорилось в отчете «Компании Югозападной Африки»,—достаточно умны, чтобы производить подземные работы, и обладают также достаточной физической силой. Для работ на поверхности земли мы можем употреблять бушменов, которые слабее физически и более подвижны. Горные же дамара и готтентоты могут служить вполне надежными кучерами, пастухами и т. д.».

Однако заставить гереро продать землю нельзя было, ибо у них не было индивидуальной собственности на землю.

«Весь народ имеет коллективное право на занятую им территорию, к которой все относятся с трогательной любовью. В области Дамара (земля племени гереро) исключена всякая возможность приобретать землю в личную собственность»³.

Германские власти назначили верховным вождем племени гереро одного из сыновей их умершего вождя—Самуила Магареро,—игнорируя туземное наследственное право, по которому вождем должен был стать другой сын умершего—Никодим.

Гереро не признали Самуила вождем, но это мало беспокоило немцев, которым их ставленник «уступил» за водку огромные пространства не принадлежавших ему земель.

Этих фактов не отрицал и губернатор колонии Лейтвейн. Он прямо указывает в своей книге, что «мы (т. е. колониальные власти.—В. Г.) распределяли и утверждали концессии на области, которые нам не принадлежали». При помощи такой политики немецкие колониальные общества захватили свыше 32% земель. Это были лучшие земли. Легкость, с которой эти общества получили землю, объясняется просто: как сообщил в рейхстаге депутат Эрцбергер, из 65 млн. марок акционерного капитала различных земельных обществ, действовавших в Югозападной Африке, в наличии имелось только 14 млн., а 51 млн. был представлен «учредительскими акциями, бесплатно розданными нужным людям»⁴.

Социал-демократический депутат Зюдекум огласил в рейхстаге интересные данные о тесном сращении высшей бюрократии с заинтересованными в эксплуатации колоний капиталистами. В правлениях колониальных обществ заседали «столпы общества»: экс-министр Гофман, бывший посол Брандт, товарищ государственного секретаря Фишер, который «запускал руки в каждый горшок, гревшийся на колониальном огне».

² M e g e r «Wirtschaft und Recht der Herereos».

³ Irle «Die Hereros».

⁴ «Verhandlungen des deutschen Reichstags, 1905—1906». Bd. V, S. 4031.

¹ Z e u t w e i n «Elf Jahre Gouverneur in SW Afrika», S. 32—33.

Колониальная администрация предоставляла этим компаниям полную свободу действий и полную возможность грабить не только туземцев, но и казну, которая гарантировала концессиям, монополиям и т. п. прибыль в размере до 6%. Германское колониальное общество Южной Африки нажило 7 млн. марок на продаже отобранных у туземцев и безвозмездно переданных ей земель. Фирма Типпельскирх, одним из директоров которой был прусский министр внутренних дел реакционер Подбельский, в течение ряда лет наживала на поставках сапог колониальной армии по 30, 40 и даже по 100% прибыли.

Блестяще шли дела и у пароходной линии Вурман, которая за перевозку грузов из Германии в Югозападную Африку брала с казны в полтора раза дороже, чем за перевозку из Гамбурга во Владивосток. Эта фирма, в операциях которой были заинтересованы крупнейшие германские банки — Учетное общество и Северогерманский банк, — содержала в Югозападной Африке множество кабаков. Казнокрадство и спайвание туземцев обеспечивали выплату 70% дивиденда.

Разбой и грабеж колоний сопровождались неистовой жестокостью в отношении к местному населению. пытки и издевательства над несчастными неграми напоминают ужасы средневековых застенков.

Любой немецкий чиновник мог подвергнуть порке не угодившего ему туземца. Депутат партии центра Ререн дал в рейхстаге следующее описание этой процедуры:

«Туземца раздевают и привязывают к козлам или к закрепленной бочке руками вперед, а ногами назад, так, чтобы он не мог двинуться. После этого самый сильный солдат со всего размаху наносит ему удары бичом, который он держит в вытянутых руках; если бич не свистит в воздухе, то удар нередко не засчитывается».

Обычно наказуемый получал до 25 ударов. Многие не выдерживали и умирали. Другие после порки в течение месяцев, а то и лет пребывали в сильнейшем нервном возбуждении: стоило кому-нибудь приблизиться, как они начинали кричать, боясь, что подошедший может коснуться ран¹.

Характерные подробности сообщил Ререн о состоянии колониальных тюрем.

«Это, — заявил он, — темные, душные помещения, в которых заключенных приковывают друг к другу цепями и железными ошейниками, вне зависимости от того, осуждены ли они за мелкие проступки или за тяжелые преступления.

Туземец может быть заключен в тюрьму без всякого суда или следствия — по простому распоряжению начальника поста или его помощника»².

В тюрьме в описанных условиях сидели и дети в возрасте 4—6 лет.

В феврале 1900 г. Август Бебель обратил внимание рейхстага на преступление германского офицера — принца Аренберга. Этот

«аристократ» как-то разгневался на старшину гереро, не проявившего расторопности в доставке ему женщин.

«По этому поводу, — рассказывал Бебель, — возник спор, и принц велел одному солдату выстрелить в туземца. Солдат, однако, уклонился. Принц повторил приказ, и солдат выстрелил туземцу в ногу. Тогда принц сам застрелил этого человека и, не удовлетвовавшись этим, пробил ему палкой голову»³.

В январе 1905 г. Бебель сообщил о другом преступлении. Холодной западноафриканской ночью унтер-офицер Коссак приказал вывести из находившейся в его ведении тюрьмы одного заключенного. Негра, который был уже крайне истощен в результате дурного обращения заставили лечь на землю; затем Коссак велел тюремщикам разрыть вокруг него землю и заполнить образовавшуюся яму водой, которая вскоре замерзла; вместе с ней замерз и негр.

Садист Коссак не понес наказания, а колонист Греневельде, сообщивший властям об этом преступлении, был по ложному обвинению приговорен к заключению в тюрьму, а впоследствии подвергнут бойкоту.

Злодеяния Аренберга и Коссака не представляли чего-либо исключительного.

По свидетельству одного католического миссионера, «каждый шаг германских войск в глубь Африки означал шаг вперед для распространения сифилиса»⁴.

В таких условиях восстание негров являлось лишь вопросом времени.

О значении этого события можно судить по тому, что В. И. Ленин включил его в свой «Опыт сводки главных данных всемирной истории»⁵.

Примечание Ленина к конспекту книги Эгельгафа «История новейшего времени» дает ключ к пониманию сущности германской колониальной политики и причин, вызвавших восстание.

К сообщению Эгельгафа о том, что солдаты германской колониальной армии решили по окончании службы остаться в Югозападной Африке в качестве «крестьян и скотоводов», Ленин сделал следующую негодующую пометку на полях: «Грабить земли и превращаться в помещиков!»⁶.

Восстание гереро было спровоцировано организацией специальных заповедников (резерватов), за пределы которых им было запрещено отлучаться без разрешения властей. Отведенная территория была столь незначительна, что существовать без заработков на стороне было невозможно. Эта мера ставила гереро в полную зависимость от произвола колонизаторов и вынуждала искать работы на медных рудниках и в алмазных коях (последние были открыты незадолго до восстания).

Создание резерватов являлось нарушением прав и гарантий туземцев, признанных за ними договором. Из переговоров

³ «Verhandlungen des deutschen Reichstags, 1903—1905». Bd. I, S. 4089.

⁴ Ibidem, Bd. VI, S. 4100.

⁵ См. Ленинский сборник XXIX, стр. 300.

⁶ Ленинский сборник XXIX, стр. 277.

¹ «Verhandlungen des deutschen Reichstags, 1905—1906». Bd. V, S. 4022.

² Ibidem, S. 4088.

они поняли, что их хотят оттеснить в безводную область, которую немцы называли песчаными полями.

В октябре 1903 г. бондельцварты (племя, родственное племени готтентотов, жившее на крайнем юге колонии) осадили немецкий гарнизон в Вармбаде. Чтобы подавить волнения, губернатор Югозападной Африки Лейтвейн стянул на юг почти все имевшиеся в его распоряжении военные силы.

Этим воспользовались гереро, в стране которых осталась всего рота германских солдат.

Восстание подготовлялось исподволь, и 12 января 1904 г. фермы германских колонистов подверглись нападению вооруженных гереро. Повстанцы расправлялись с ненавистными торговцами и помещиками, сжигали дома, уводили скот. Застигнутые врасплох немцы не смогли организовать сопротивления.

Восставшие проявили большую организованность и сознательность. «Дикари» оказались гуманнее германских культуртрегеров: «Гереро щадили жен и детей германских колонистов, не нападали ни на англичан, ни на буров»¹.

О целях восстания говорит песня женщин, воодушевлявших мужчин, отправлявшихся в бой: «Кому принадлежит земля Гереро?» — и припев: «Нам принадлежит земля Гереро»².

При известии о восстании метрополия немедленно отправила в Югозападную Африку подкрепления с артиллерией и пулеметами.

Постепенно количество немецкого войска было доведено до 17 тыс. человек. Вначале развитие операций против гереро тормозили трудности высадки войск: за 20 лет своего владычества колонизаторы не создали в Югозападной Африке сносно-го порта, и войска из Германии ожидали высадки неделями.

К середине февраля немцы заняли важнейшие из захваченных повстанцами пунктов и железнодорожную линию Свакопмунд — Виндхук.

Однако гереро сохранили свою живую силу и 13 марта разбили отряд майора Глазенапа. Та же участь едва не постигла самого губернатора Лейтвейна.

Как признает официальный отчет германского генштаба, «бои показали, что противник не только многочисленен, но и опытен в военном деле»³.

Недовольное Лейтвейном, германское правительство поручило командование войсками генералу фон Троту.

Подтянув новые войска, 30 орудий и 12 пулеметов, фон Трота назначил на 11 августа штурм твердыни гереро в горах Ватерберг, где находились главные силы повстанцев.

Превосходство в вооружении решило исход сражения. Однако окружить противника фон Троту не удалось: большая часть воинов гереро с женщинами, детьми и частью скота прорвалась к юговостоку, в безводную песчаную пустыню Омахеке.

Начался наиболее трагический этап многострадальной истории этого народа. «Ужасы, выпавшие на долю гереро, не поддаются описанию. Только ничтожная их часть достигла британской границы. Остальные вместе со своими стадами нашли ужасную смерть в безводной пустыне. Голод и жажда уничтожали обезумевших людей и животных», — писал миссионер Ирле⁴. Рассказ миссионера подтверждает отчет германского генштаба.

«Немецкий патруль, — говорится в этом отчете, — наткнулся на следы гереро, бежавших в августе из-под Ватерберга. Трупы валялись сотнями — вповалку. Во многих местах были найдены ямы глубиной в 15—20 метров, в которых туземцы безуспешно пытались найти воду. Все говорит о том, что отступление было походом смерти»⁵.

Германские войска совершали систематические вылазки в пустыню, истребляя попадавшихся гереро.

Отчет генштаба содержит следующую репликацию о «победе» над толпой умирающих от жажды негров:

«В сентябре все оккупационные войска, находившиеся в земле гереро, предприняли совместную планомерную акцию. Достигнуты следующие результаты: 260 гереро убито, захвачено 86 винтовок и несколько сот голов мелкого скота»⁶.

Тем временем на юге страны началось восстание готтентотов под руководством старого Гендрика Виттбой.

Виттбой, который первоначально оказал немецким захватчикам решительное сопротивление, впоследствии польстился на посулы колонизаторов, признал власть германского императора и даже принял немецкий орден.

Однако безжалостное истребление гереро раскрыло ему глаза. Виттбой и племенная верхушка готтентотов поняли беспочвенность своих надежд на возможность мирного сожительства с немецкими хищниками и, хотя и не без колебаний, выступили против них с оружием в руках. Этому способствовало и давление рядовых воинов, которые, по словам одного миссионера, недвусмысленно угрожали расправой сторонникам компромисса с немцами.

Многие из готтентотов были вооружены огнестрельным оружием, которое алчные немецкие поселенцы продавали коренному

⁴ Irle «Was soll aus den Hereros werden».

⁵ «Verhandlungen des deutschen Reichstags». Bd. II, S. 933.

⁶ «Verhandlungen des deutschen Reichstags». Bd. II, S. 933.

¹ Dawson «The german Empire», p. 316.

² См. Ленинский сборник XXIX, стр. 277.

³ «Verhandlungen des deutschen Reichstags. 1903—1905». Bd. VII. S. 3559.

населению, не считаясь ни с какими административными запретами.

Поэтому выступление готтентотов представляло довольно серьезную угрозу германскому владычеству, и реакционному правительству князя Бюлова пришлось испросить у рейхстага новые кредиты на продолжение колониальной войны.

Однако на сей раз Бюлов встретил сильное сопротивление как в рейхстаге, так и за его стенами.

Зверства германской военщины в Юго-западной Африке, разоблачение проделок коронованных и некоронованных мошенников, наживавшихся на эксплуатации колоний, требование новых жертв для продолжения грабительской войны вызвали бурю возмущения в германском народе. По стране прокатилась волна демонстраций и митингов протеста. Это сказалось прежде всего на позиции социал-демократической партии. Откровенные оппортунисты типа Бернштейна, прямо пропагандировавшего необходимость и полезность колониальных захватов, на время были вынуждены ступать. Руководитель партии центрист Бебель занимал в колониальном вопросе колеблющуюся позицию, допуская возможность «честной» и «культурной» колониальной политики. Однако гнусности, творимые колонизаторами, всегда находили в нем страстного обличителя, и его выступления навеки пригвоздили к позорному столбу цивилизованных дикарей.

Народное движение, направленное против колониального разбоя, отразилось и на политике партии центра, дотоле поддерживавшей правительство Бюлова. Эта крайне разношерстная партия объединяла в своих рядах наряду с католическими церковниками и буржуазией большое количество верующих трудящихся, а потому ее заправилы были вынуждены в известной мере считаться с настроением народных масс.

К тому же католическое духовенство, заинтересованное в «уловлении душ чернокожих», справедливо усматривало в деятельности наиболее ретивых истребителей негров угрозу своим профессиональным и материальным интересам. На этой почве между колониальной администрацией и миссионерами нередко возникали конфликты, обострявшие отношения между партией центра и правительством Бюлова. Поводом для открытого разрыва послужило дело колониального чиновника — католика Вистубы. Вистубу, сообщившего депутатам центра о безобразиях, свидетелем которых он был, лишили места и предали суду. Дело Вистубы явилось поводом к открытому конфликту между фракцией центра и правительством.

13 декабря 1906 г. на заседании рейхстага социал-демократы и партия центра отклонили правительственный законопроект о дополнительных ассигнованиях на содержание войск в Югозападной Африке. После голосования канцлер Бюлов огласил заранее приготовленный императорский декрет о роспуске рейхстага.

В начале 1907 г. состоялись выборы нового рейхстага.

Напуганная русской революцией и успехами рабочего движения в Германии, буржуазия сплотилась вокруг правительства Бюлова. В так называемый готтентотский блок вошли все буржуазные партии, в том числе и либеральные, за исключением партии центра.

Впрочем, борьба между этим блоком и центром носила призрачный характер: свыше 800 представителей католической аристократии и плутократии подписало воззвание, призывавшее к поддержке правительства.

Правительство использовало для агитации за своих кандидатов секретные фонды и пожертвования капиталистов. Бюлов заявил князю Сальму, что его расходы по выборам будут покрыты из подобных «частных источников».

Кандидаты готтентотского блока спекулировали на шовинистических инстинктах обывателя. Правительство прибегло и к иным методам обеспечения большинства. Трактирщики были повсеместно предупреждены, что потеряют клиентуру, если предоставят помещения для избирательных собраний социал-демократам. В некоторых избирательных участках, в кабинках для «тайного» голосования, были повешены зеркала, так что заполнение бюллетеней фактически происходило на глазах у чиновников, сидевших за столом избирательной комиссии.

Готтентотский блок одержал победу голосами напуганных им мелких буржуа, обычно не участвовавших в голосовании. У социал-демократов абсолютное количество голосов не снизилось по сравнению с прошлыми выборами, но увеличение числа голосовавших и избирательное мошенничество привели к уменьшению количества их мандатов почти вдвое.

Новый рейхстаг послушно вотировал испрошенные кредиты, и кампания против повстанцев продолжалась. Вскоре вождь готтентотов погиб в этой неравной борьбе.

Отдельные отряды готтентотов продолжали борьбу до 1908 г., но в конце концов были побеждены.

Участь побежденных не отличалась от судьбы гереро.

Так, «две тысячи пленных готтентотов, привыкших к сухому климату плоского-рий, были поселены на маленьком островке в бухте Людерица. Не удивительно, что, по заключению врача, все они должны в течение двух лет погибнуть в этом сыром климате»¹.

Используя свое организационно-техническое превосходство и недостаток единства в действиях негритянских племен (овамбо так и не участвовали в восстании), германский империализм утвердил свое господство в Югозападной Африке.

Это было господство над кладбищем. В результате колониальной войны 1903—1908 гг. население Югозападной Африки уменьшилось вдвое: с 200 до 100 тыс.;

¹ «Verhandlungen des deutschen Reichstags. 1905—1906». Bd. V, S. 4367.

германские потери составили 5 тыс. человек.

Даже буржуазный историк Эгельгаф скорбит по поводу того, что «народ гереро не только лишился своего скота, своей радости и гордости, но в значительной своей части уничтожен. Это тяжелый урон как для них, так и для нас, — продолжает Эгельгаф, — поскольку эксплуатация медных рудников и возможности, имеющиеся для развития животноводства, при отсутствии необходимой туземной рабочей силы должны натолкнуться на величайшие трудности».

Широковещательные планы колонизации Югозападной Африки с треском провалились. В 1913 г. здесь жило всего 12 292 немца, из них военных и полицейских — 1831, а большинство остальных — торговцы и помещики.

Торговый оборот Германии с Югозападной Африкой в том же году составил 113 млн. марок — сумму, ничтожную по срав-

нению с общим внешнеторговым оборотом в 21 млрд. марок.

Расходы германского государства на африканские колонии за период 1894 — 1913 гг. превысили доходы от них на 30 млн. марок. Подавление восстания гереро обошлось в 300 млн. марок.

Недаром говорили, что «для германского рабочего стакан молока, произведенный на африканской ферме, обходится дороже стакана шампанского».

Германский рабочий оплатил, в конечном счете, и чудовищные прибыли фирмы Вурманн, нажившей на колониальной войне в Африке 40 млн. марок, и те 100 тыс. марок, которые нажил поставщик колониальных войск кулак-колонист Шлеттейн.

Ради этих чудовищных прибылей кучки капиталистов, юнкеров и титулованных мошенников кайзеровская военщина истребила население целой страны. Германскому же народу этот разбойничий колониальный поход принес лишь новые тяготы.

ИЗ ИСТОРИИ АЛБАНИИ (1918—1923)*

П. Осипова

Готовясь к участию в «большой войне», фашистская Италия вслед за оккупацией Абиссинии и интервенцией в Испании захватила в апреле 1939 г. Албанию. Фашистский агрессор стремился этим путем укрепить свои военно-стратегические позиции в восточной части Средиземного моря и создать угрозу Суэцкому каналу на северных его подступах. Оккупировав Албанию, Муссолини усилил нажим на Балканы и, в частности, на Турцию, которую Италия и Германия стремятся привязать к фашистской «оси».

В течение нескольких десятилетий маленькая Албания, самая отсталая из всех балканских стран, является объектом настоячивых домогательств и сложных интриг со стороны всех заинтересованных в адриатическом споре держав. Это объясняется не столько богатыми сырьевыми ресурсами Албании (леса, пастбища, почти не эксплуатируемые минеральные богатства, асфальт, руда, нефть и т. д.), сколько ее исключительным стратегическим положением. «Кто владеет Албанией, тот владеет доступом к морю» — так вкратце формулировались империалистические вождедения соперничавших в Албании держав.

Население Албании, уединенного и до самого последнего времени мало известно-

го уголка Европы, насчитывает свыше 830 тыс. человек и отличается сложным национальным и религиозным составом. Примерно две трети албанцев — мусульмане (сунниты и бекташиты), а одна треть — православные и католики. Река Шкумби делит Албанию на две части, и в соответствии с этим население Албании исторически разделилось на две основные ветви: к северу от реки Шкумби — геги, к югу — тоски.

Отделенные от соседей труднопроходимыми горами, геги сохранили почти в нетронутом виде общественные отношения, существующие столетиями, и значительно уступают тоскам и по развитию своей промышленности и в культурном отношении.

Несмотря на общность языка геги и тоски из-за значительного различия в диалектах с трудом понимают друг друга. Албанцы отличаются большой религиозной терпимостью. Нередко члены одной и той же семьи исповедуют различные религии; бывают случаи перехода целых деревень из одной веры в другую, вызываемые самыми незначительными поводами. Почти не прекращающаяся борьба между многочисленными отдельными племенами редко возникает на религиозной почве.

До самого последнего времени в Албании был широко распространен обычай кровной мести, в результате которой погибало в среднем до 20%, а в некоторых местах — больше 40% взрослого мужского населения. Кровная месть являлась настолько серьезным фактором в жизни албанцев, что для созыва национального со-

* Статья представляет собой часть главы на ту же тему из подготавливаемого Институтом истории Академии наук СССР очередного тома «Всемирной истории».

брания в Лушния в 1920 г. понадобилось объявление бессы (перемирие) — обычай, до известной степени умиротворяющий взаимоотношения между враждующими племенами.

Промышленность в Албании ничтожна, пролетариата почти нет, земледелие развито слабо. Основной источник существования — скотоводство. Торговля ведется главным образом с Италией, затем — с Грецией и Югославией. Главные предметы вывоза — кожа, скот, шерсть, оливковое масло, сыр, табак. Вследствие крайней отсталости экономического развития Албания всегда имела пассивный торговый баланс.

Острое соперничество в Албании между ее соседями: Австро-Венгрией, Италией и Сербией, — выразившееся, в частности, во взаимном противодействии австрийским и сербским планам строительства железных дорог, привело к тому, что Албания оказалась единственной страной в Европе, где до сих пор нет железных дорог нормальной колеи; в Албании имеется лишь несколько небольших узкоколейных дорог, построенных Италией во время первой мировой войны со стратегическими целями.

Общественные отношения в Албании носят ярко выраженный феодальный характер: за аренду земли крестьяне платят натурой от трети до половины урожая. В начале нынешнего столетия Албанией управляло около двенадцати семей. В течение почти 500 лет (с 1479 до 1913 г.) Албания находилась под турецким владычеством. Младотурецкая революция 1908 г. послужила мощным толчком для развития национально-освободительной борьбы в Албании. После установления младотурецкого режима обещанные албанцам реформы (широкое самоуправление, открытие школ, клубов, разрешение печатания книг, газет и т. д.) не были осуществлены. Это обстоятельство, а также суровые репрессии против Албанской лиги, ставшей центром национального движения, вызвали ряд восстаний по всей стране. Во время первой балканской войны Сербия, лишенная решением Берлинского конгресса выхода к морю, поспешила с реализацией своих старых планов получения доступа к морю через Албанию. В расчете на поддержку царской России Сербия оккупировала северную часть Албании. Боясь, что последняя может оказаться втянутой таким образом в войну, албанские националисты, возглавляемые Измаилом Кемальбеем, на конгрессе в Валоне провозгласили 28 ноября 1912 г. полную независимость Албании от Османской империи.

Балканские войны положили конец турецкому господству в Албании, но именно поэтому резко усилилась борьба соседних с Албанией балканских стран за полный ее раздел. Вокруг албанского вопроса происходило ускоренное размежевание империалистических сил в преддверии мировой войны. Угроза установления на Балканах гегемонии России побуждала Австро-Венгрию и Италию защищать идею независимости Албании, в то время как Россия и Франция поддерживали претензии Сербии и Черно-

гории. Со стороны Австро-Венгрии последовало даже заявление, что предоставление Сербии доступа к морю она будет рассматривать как *casus belli*. Резкое столкновение противоречий, вызванных балканскими войнами, было временно предотвращено решением конференции послов в Лондоне (декабрь 1912 г. — июль 1913 г.).

Лондонская конференция признала Албанию автономным государством под иностранным контролем, потребовала эвакуации сербских войск и выбрала интернациональную комиссию, которая в течение десяти лет должна была контролировать финансы Албании. Самые большие разногласия на конференции вызвал вопрос об определении границ нового государства. Новые границы Албании были установлены в результате компромисса между требованиями Сербии, Черногории и Греции, с одной стороны, и настояниями Австро-Венгрии и Италии — с другой. По решению конференции, Албанией должен был управлять европейский принц. Таким принцем после серьезных споров между Италией и Австро-Венгрией был избран никому прежде не известный германский князь Вильгельм Вид.

Правление Вида было, однако, чисто номинальным: его влияние ограничивалось лишь пределами Дураццо. Фактическая власть принадлежала стоявшему за спиной Вида Эссад-паше, состоявшему на службе у Италии. «Независимая» Албания просуществовала очень недолго: 4 сентября 1914 г., после начала мировой войны, когда организованные Портой повстанцы двинулись на Дураццо, принц Вид бежал из страны.

Албанский вопрос играл значительную роль в переговорах обеих воюющих коалиций с Италией о ее вступлении в империалистическую войну. Австро-Венгрия прилагала все усилия, чтобы удержать Италию в состоянии нейтралитета (австро-итальянское соглашение было в свою очередь направлено к поддержанию нейтралитета Албании).

Накануне первой мировой империалистической войны австро-итальянские противоречия в Албании были очень сильны. Оба союзника ревниво следили друг за другом, и между дипломатическими представителями обеих стран в Албании возникали частые трения. Северная Албания, первоклассная стратегическая позиция в отношении Сербии, была объектом особого внимания Австро-Венгрии, упрекавшей итальянское правительство в нелояльной политике, противоречащей взятым Италией на Лондонской конференции обязательствам.

Еще в сентябре 1914 г. итальянское правительство в переговорах с Австро-Венгрией обязалось склонить общественное мнение Италии в пользу Тройственного союза при условии, если Австро-Венгрия даст согласие на оккупацию Италией острова Сасено. Но в конечном счете сумма испрашиваемых Италией гарантий — признание полного суверенитета Италии над Валонией и Сасено и отказ Австро-Венгрии от каких бы

то ни было претензий в Албании — показала двуединой монархии чрезмерной.

Во время первой мировой империалистической войны территория Албании была оккупирована армиями воюющих держав. Союзники создали здесь базу для военной и продовольственной помощи Сербии. Иностранные державы действовали в Албании всеми доступными им средствами — щедрым подкупом правящей феодальной клики, раздуванием интриг среди отдельных племен и т. д. Вторгнувшиеся иностранные армии безжалостно опустошали страну. Так, в 1914 г. греческие части сожгли триста албанских деревень.

В 1916 г., сразу же после вступления в войну Италии, итальянское правительство высадило на албанский берег 30 тыс. солдат, оккупировало всю Южную Албанию, за исключением Корицы, занятой французами, и изгнало из Северного Эпира греческие войска. Французы объявили Корицу албанской территорией под протекторатом Франции, что вызвало острое недовольство со стороны Италии, обусловившей свое вступление в войну на стороне Антанты рядом территориальных компенсаций, дававших ей по окончании войны абсолютное превосходство на Адриатическом море.

Лондонский секретный договор от 26 апреля 1915 г. предусматривал по окончании войны раздел Албании между Сербией, Черногорией, Грецией и Италией. По этому договору, Италия получала полный суверенитет над Валонией с глубоким хинтерландом и островом Сасено, который господствует над входом в Валонскую бухту. Кроме того Италии было обещано руководство внешними сношениями Албании.

Заинтересованные в поддержке Сербии и Греции, Франция и Англия пытались обещаниями компенсаций в Малой Азии за счет Турции добиться от Италии отказа от претензий на Албанию. Но с потерей перспектив на Тунис итальянский империализм решительно устремился на Балканы. 3 июня 1917 г. итальянский генерал Ферреро объявил независимость всей Албании под итальянским протекторатом. Поскольку Франция и Англия не соглашались на этот протекторат, Италия фактически порывала с Лондонским договором 1915 года.

После того как было заключено перемирие, в Албании продолжали хозяйничать четыре различных военных командования: французы оставались в Корице, итальянцы — на всем протяжении от Валоны до Дрина, югославские войска — вдоль северо-восточной границы, межсоюзное командование под руководством французского генерала — в Скутари.

Война и пребывание в Албании оккупационных армий сильно способствовали росту национального самосознания албанцев. Итальянский империализм не замедлил использовать в своих целях стремление албанцев к восстановлению независимости. Собравшийся в декабре 1918 г. национальный конгресс в Дураццо образовал временное правительство во главе с Турханпашой, находившимся под сильным влиянием Италии.

В своем обращении к стране 24 января 1919 г. новое правительство среди других требований выставило требование занятия итальянскими войсками северных районов Албании, оккупированных сербами. Правительство настаивало на оставлении итальянских войск в этих районах до тех пор, пока не будут полностью эвакуированы оттуда сербы и не будет заключен мир. В декларации содержалось также обращение к Италии с просьбой о помощи специалистами для внутреннего управления, для руководства финансами, требование о присылке итальянских офицеров для реорганизации жандармерии и т. д. Новое правительство решило также послать делегатов на мирную конференцию в Париж.

С мирной конференцией, собравшейся в Париже в январе 1919 г., связывали свои империалистические замыслы все соперничавшие в Албании державы. Наибольшую трудность представлял итало-югославский спор из-за невозможности примирить притязания Югославии и Италии на Истрию, Далмацию, Фиуме и т. д.

Созданная в результате империалистического передела юговостока Европы Югославия была тесно связана со странами-победительницами, в особенности с Францией, и являлась преданнейшим проводником французского влияния на Балканах. С возникновением Югославии значительно усилилось военно-стратегическое значение Албании как опорного пункта итальянского империализма в его борьбе также и с Францией.

Ко времени мирной конференции, на которой Италия выступила с требованием выполнения Лондонского договора, она довольно прочно обосновалась в ряде пунктов Албании. Итальянские оккупационные отряды находились на севере Албании, в Скутари, в центре Албании — в Дураццо. На юге Италия владела Валонией. Кроме того она имела в Албании своего верховного комиссара. Тем не менее общий баланс сил складывался не в пользу Италии. Сильно ослабленная в мировой войне, Италия не только не сумела установить свое господство в Албании, но вследствие роста национально-освободительного движения среди албанцев не смогла удержать даже захваченные ею ранее позиции.

На мирной конференции Греция претендовала на Корицу и Аргирокастрон. Опасаясь быть запертой Италией в глубине Адриатики, Югославия добивалась исправления северной границы Албании, но, учитывая шансы Италии и опасаясь ее усиления на Балканах в случае раздела Албании, Югославия предпочла отказаться от немедленного раздела и на конференции выступила в защиту независимости Албании.

Вначале конференция под давлением Англии, Франции и Италии склонялась к предложению о разделе Албании между Югославией, Грецией и Италией. Югославия при этом получила бы Северную Албанию до Дрина. Италия — Фиуме, Валону и мандат на Центральную Албанию, а Греция — Корицу и Аргирокастрон. Согласно Англии и Франции на расчленение Албании объяснялось специальными инте-

ресами Франции в Югославии и Англии в отношении Греции. Против этого предложения резко выступил президент Соединенных штатов Америки Вильсон. Располагая огромными материальными и финансовыми ресурсами, США были заинтересованы в создании устойчивого мира и стремились отодвинуть столкновение держав, а раздел Албании мог вызвать острейшие конфликты между государствами. Кроме того Америке было далеко не безразлично, какая из держав в конечном счете выиграет за счет Албании. Свой отказ признать действительность Лондонского договора, в котором США не участвовали, Вильсон объяснял необходимостью защиты малых государств, которые вступили в войну после Италии и не могли знать о существовании этого секретного договора¹. Вильсон доказывал, что вместе с исчезновением Австро-Венгрии исчезла и самая необходимость в получении Италией ряда пунктов на восточном побережье Адриатики для защиты от морской агрессии не существующей больше Австро-Венгрии.

В своем обращении к «картепапу мира» — мирной конференции — Албания возлагала особые надежды на Соединенные штаты главным образом потому, что последние не имели никаких обязательств в албанском вопросе. Делегация паналбанской федерации в Америке предлагала дать правительству США временный (на год — два) мандат на оккупацию и управление спорной территорией с последующим плебисцитом.

Италия воспользовалась затянувшейся дипломатической дискуссией, чтобы втайне заручиться поддержкой Греции. 29 июля 1919 г. между Италией и Грецией был заключен секретный договор о взаимной поддержке в территориальных притязаниях, известный под названием договора Титтони — Венизелоса. В обмен на поддержку Грецией требования о передаче Италии Валлоны с хинтерландом и мандата на Албанию Италия обязалась поддержать греческие претензии на Южную Албанию. Соглашение это завершало собой целую полосу острых разногласий между Грецией и Италией, упорно сопротивлявшейся экспансии Греции в северном направлении.

Известие о соглашении Титтони — Венизелоса вызвало в Албании мощное движение протеста против Италии и против правительства Турхан-паши. Национальный подъем достиг небывалой силы. 21 января 1920 г. делегаты от всей Албании собрались на конгресс в маленьком приморском городке Лушница. Город находился в руках итальянцев, и конгресс заседал под защитой армии добровольцев. Конгресс объявил Албанию независимой и избрал столицей Тирану. Был избран регентский совет из четырех представителей от каждой из больших религиозных групп. Новый парламент принял резолюцию протеста против секретного Лондонского договора и решительно отвергал какой бы то ни было ино-

странный протекторат над Албанией. Вся страна была охвачена сильным партизанским движением. Войска Югославии и Греции были изгнаны из страны. Оставались одни лишь итальянцы. В начале июня в Балци собрался конгресс делегатов от всех районов Южной Албании. Все члены конгресса дали клятву умереть за освобождение Валлоны. Население Валлоны предъявило правителю Валлоны — итальянскому генералу — ультиматум с требованием оставить город.

Вспыхнувшее против Италии восстание превратилось в настоящую войну. Неудачи итальянцев в Албании вызвали даже смену кабинета в Италии. 24 июня новый итальянский премьер, Джиолити, поспешил заявить в парламенте, что «правительство не сочувствует идее протектората над Албанией и желает независимости для этой страны».

Итальянскому правительству, вступившему в переговоры с регентским советом, ничего, кроме капитуляции, не оставалось. 2 августа 1920 г. в Тиране был подписан итало-албанский договор — первый дипломатический пакт Албании с иностранными державами. Итальянское правительство признавало независимость Албании, ее новое правительство и отказывалось от договора Титтони — Венизелоса, а 3 сентября итальянские войска покинули Валлоны, которую Италия не оставляла начиная с декабря 1914 года. Последний итальянский отряд покинул Албанию (Скутари) в мае 1921 года. По договору 2 августа 1920 г., остров Сасено оставался за Италией еще на 10 лет с правом организации там военной базы. Италия получила также право эксплуатации всех рудников и богатейших недр Албании.

На протяжении 1920 г. итальянское правительство делало ряд неудачных попыток вызвать в стране беспорядки, используя для этой цели Эссад-пашу. Пыталась продвинуться по направлению к Тиране и Югославия, но после вмешательства союзников ее войска отошли за демаркационную линию, установленную в момент перемирия. На попытку Греции оккупировать Корицу албанцы ответили организацией семитысячной армии, и греки вынуждены были отступить, подписав 15 мая в Капистике соглашение, временно урегулировавшее вопрос о южной границе Албании.

17 декабря 1920 г. несмотря на протесты Италии, предлагавшей отсрочить решение до тех пор, пока определится международное положение Албании, и ссылки на ее политическую незрелость последняя была принята в члены Лиги наций. Разрешение албанского вопроса на мирной конференции было ускорено событиями на югославской границе. Югославия предприняла еще одну попытку проникнуть в Албанию. Она использовала недовольство среди мирдитов (католики), обвинявших албанское правительство в исключительно мусульманской политике и в том, что оно намерено возвратить Албанию под турецкое владычество. В июле 1921 г. среди мирдитов вспыхнуло восстание под лозунгом объединения с сербами. После провозглашения

¹ Лондонский договор 1915 г. был опубликован лишь после Октябрьской революции.

в сентябре 1921 г. в Призрене независимой республики мирдитов президент этой республики Марко Джиони во главе 1300 человек, состоявших частью из коссовских албанцев, частью из эмигрантов, вступил в Албанию. Югославия ввела в Албанию в помощь восставшим свои войска, в числе которых находилась интернированная врангелевская армия. Этим войскам удалось продвинуться до Скутари и Алессию.

Албано-югославский конфликт был ликвидирован решением конференции послов по албанскому вопросу 9 ноября 1921 года. Этим решением Албания признавалась в пределах границ 1913 г., за исключением нескольких небольших изменений на севере в пользу Югославии. Уточнение южных границ Албании было поручено специальной комиссии произвести на месте. Одновременно было решено, что разногласия между Италией и Югославией будут урегулированы путем непосредственных переговоров.

Однако вместе с этим было принято и другое решение, опубликованное лишь через год. Суть этого решения заключалась в признании интересов Италии на восточном берегу Адриатики преобладающими. Державы постановили, что «восстановление территориальных границ Албании», в случае если нарушение этих границ затрагивает стратегические интересы Италии, «должно быть доверено Италии». Италия получала, таким образом, право вмешательства в албанские дела.

Конец 1921 г. и последующие годы в Албании были отмечены ожесточенной борьбой между правительством, поддержанным земельной аристократией — беями, — и оппозицией либералов во главе с епископом фан-Ноли. Фан-Ноли возглавлял демократические элементы в стране, боровшиеся за проведение социальных реформ. Он был представителем Vatra (родина) — крупнейшей эмигрантской организации албанцев в Америке. Албанские организации за границей (в Румынии, Болгарии, Египте, Константинополе), и в особенности в США, играли значительную роль в борьбе за независимость своей родины. Особенно много албанцев эмигрировало после младотурецкой революции в Америку. Основанная ими в 1909 г. паналбанская федерация имела в 1919 г. уже 72 филиала. Они имели свою печать, которая горячо отстаивала требование независимости Албании, и оказывали албанским националистам существенную материальную помощь. В период с 1919 по 1925 г. огромное количество албанцев — от 20 до 30 тыс. — вернулось в Албанию.

Напуганные быстрым ростом демократических сил, угрожавших покончить с эксплуатацией крестьянства, реакционные элементы объединились вокруг виднейшего представителя реакционно-феодальной касты беев — Ахмед-Зогу, сторонника сербской ориентации. Организованное им в декабре 1921 г. восстание свергло правительство Хасан-бея. Но новое правительство во главе с Джафер-Упи, в котором Ахмед-Зогу играл руководящую роль (министр

внутренних дел и фактический руководитель внешней политики), встретило сильную оппозицию со стороны фан-Ноли (министр иностранных дел).

В феврале 1922 г. в Албании вспыхнуло восстание. Все члены правительства, за исключением Ахмед-Зогу, бежали в Эльбасан. Путем ряда интриг Ахмед-Зогу удалось достигнуть соглашения с некоторыми руководителями восстания и с их помощью разбить одного из главных своих противников — Гамид-бей-Топтани. Оппозиция против Ахмед-Зогу была далеко не едина. Наряду с недовольными албанцами, как Байрам-Тзури, Зиа-Дибра и другими, выступавшими без какой-либо определенной программы, в оппозиции были широко представлены демократические элементы, в большинстве своем тоски (христиане), связывавшие с борьбой за аграрную реформу свои национальные стремления. Аграрная реформа была направлена против феодально-реакционной касты беев — сильнейшей опоры ислама. В декабре 1922 г. кабинет Джафер-Упи ушел в отставку, Ахмед-Зогу стал премьером, и через несколько дней, 8 декабря 1922 г., была принята конституция.

Недовольные политикой Ахмед-Зогу элементы сгруппировались вокруг фан-Ноли, потребовавшего созыва нового, конституционного собрания. Желая предупредить события, правящая клика беев объявила 27 февраля 1923 г. о созыве национального собрания для окончательного определения формы государственного устройства Албании.

Известие о созыве национального собрания всколыхнуло самые различные слои населения в стране. Католическое духовенство Северной Албании впервые открыто претендовало на участие во внутренней политике. Папский делегат в Скутари обратился к католикам с призывом использовать выборы для антиправительственной демонстрации с целью уничтожения господства магометан. Выборы происходили с 26 ноября по 27 декабря 1923 года. И в первой и во второй баллотировках либералы одержали верх. Однако путем объединения всех антилиберальных партий Ахмед-Зогу удалось получить незначительное большинство и сохранить власть.

В феврале 1924 г. Ахмед-Зогу подписал итало-албанский торговый договор, а через несколько дней он был ранен покушавшимся на него представителем национальной юношеской организации. Тогда консервативные элементы в стране решили пойти на уступки. Ахмед-Зогу ушел в отставку и вскоре после прихода к власти фан-Ноли бежал в Югославию. Новый кабинет, во главе с фан-Ноли, объявил программу из 20 пунктов, важнейшей частью которой являлась аграрная реформа. В своей внешней политике фан-Ноли, возглавлявший революционно-прогрессивные элементы страны, ориентировался на СССР.

Последующие годы являли собой картину систематического проникновения фа-

шистской Италии во все поры страны. Особенно усилилось итальянское влияние в Албании со времени заключения итало-албанского финансового соглашения в 1925 году. Рекомендованная итальянским правительством финансовая группа учредила в Тиране албанский национальный банк, управляемый из Рима. Экономическая зависимость Албании от Италии продолжала все время возрастать. К 1938 г. Албания получила от Италии в общей сложности уже около 280 млн. золотых франков. Значение этой «помощи» становится тем более ясным, если учесть, что годовой бюджет этой нищенской страны составляет 18 млн. золотых франков.

В 1931 г. итальянское правительство заключило с Албанией новое соглашение — о ежегодных авансах в 10 млн. лир. Займы эти были обусловлены приглашением в Албанию рекомендованных итальянским правительством советников в министерства финансов и хозяйства. В 1926 г. Италия и Албания подписали в Тиране пакт, по которому Италия обязывалась поддерживать в Албании статус кво. Через год маленькая Албания, насчитывая едва лишь один с лишним миллион жителей, заключила с империалистической Италией, имевшей свыше 40 млн. населения, оборонительный союз сроком на 20 лет. Италия получала, по этому договору, право прохода через Отрантский пролив. Известие об этом возбудило серьезную тревогу в Югославии, незадолго до этого подписавшей с Италией договор о дружбе. 22 ноября 1927 г., через одиннадцать дней после подписания Францией и Югославией договора о дружбе, был подписан в Тиране второй итало-албанский оборонительный договор. Муссолини заявил, что Италия ищет в этом договоре «необходимые условия для свободы ее торговли и безопасности ее побережья, являющихся основами равновесия, свободы и безопасности ее в других морях».

Начиная с 1930 г. проникновение Италии в Албанию стало осуществляться еще более усиленными темпами. В Албанию была послана итальянская военная миссия во главе с итальянским генералом и 80 офицерами для реорганизации и инструкторования албанской армии. В открытые итальянцами военные школы стали направляться итальянские инструкторы. Италия снабжала албанцев ружьями, артиллерией и другими военными материалами. Одновременно было послано до 300 итальянских инженеров, техников и других специалистов, которые принялись за строительство мостов, устройство дорог и т. д. За период с 1921 до 1928 г. количество мостов в Албании увеличилось с 360 до 800, а в 1933 г. их уже было более 2600.

23 июня 1934 г., накануне визита Барту в Белград, эскадра итальянского адриатического флота без всякого предупреждения вступила в Дураццо. В ответ на протесты албанского правительства последовало бессвязное объяснение этого акта «задержкой телеграммы». Несмотря на протесты албанского правительства итальянские корабли не покинули порт до 2 июля. Негодование, вызванное этим наглым нарушением прав «дружественной» страной, на время ослабило активность итальянского агрессора в Албании. Но уже в феврале 1935 г. итальянское правительство объявило о предоставлении в распоряжение албанцев в доказательство искренней дружбы, существующей между обеими странами, 3 млн. золотых франков, а через месяц «щедрый» итальянский друг поспешил компенсировать себя: итальянская воздушная компания «Ala Littoria» получила монополию на эксплуатацию в течение 10 лет всех воздушных линий Албании. Был укреплен Кораборн, находящийся вблизи Валоны и господствующий над островом Сасено. Албания получила новый заем для дальнейшего улучшения порта Дураццо. Рядом займов итальянский фашизм добился превращения Дураццо в превосходную, глубоководную стоянку, из которой итальянский адриатический флот получает широкие возможности для действий против югославских портов на севере. В 1937 г., во время своего посещения Тираны, итальянский министр иностранных дел Чиано обсуждал с албанским правительством вопрос об итальянских вложениях в оборонительные сооружения, которые должны быть воздвигнуты на югославской границе.

Бандитский налет в апреле 1939 г. завершил давно подготовлявшийся итальянским фашизмом захват Албании.

УРОКИ ВОСТОЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НАПОЛЕОНА

В. Линецкий

В истории наполеоновских войн экспедиция французской армии в Египет и Сирию занимает особое место. Ошибочность самой стратегической ее идеи, грубейшие просчеты в замысле и выполнении приближают ее к роковой для Наполеона кампании 1812 года.

Уроки Восточной экспедиции Наполеона сохранили все свое значение и для той борьбы, которая развернулась в наши дни на Средиземном море. Египетская авантюра Германии и Италии вызвана теми же побуждениями и теми же ошибочными стратегическими расчетами, которые приве-

ли французскую армию в страну пирамид. Неудачи этой авантюры обусловлены многими из тех причин, которые привели к крушению и французскую армию.

Вступление «Римской империи» Бенито Муссолини в войну по указке фашистской Германии не случайно произошло в тот самый момент, когда командование немецкой армии, увлеченной в глубь Франции, получило наглядную возможность убедиться в том, что Ла-Манш все еще сохранил свое значение трудно преодолимого барьера между континентальной Европой и Британскими островами. Наступление Италии на Египет, ее попытки раздвинуть рамки своих владений в Восточной Африке и должны были нанести Британской империи удар на ближневосточном фланге, который казался менее защищенным и потому легче доступным, чем центр. Этот удар, как тешила себя надеждой клика Гитлера и Муссолини, должен был разрушить Британскую империю, стратегическое положение которой после капитуляции Франции маршала Петэна ухудшилось, передать державам оси ключи Суэца, всю Африку, весь Ближний Восток и открыть триумфальную дорогу в Индию. В выполнении этого плана особая роль стводилась Мальте, Корфу, Ионическим островам, которые должны были послужить мостом через Средиземное море к Египту. Особое внимание было уделено Сирии, не раз уже служившей плацдармом для вторжения в Египет. Определенные расчеты были возложены и на ту позицию, которую, как предполагали в Берлине и Риме, должен будет занять Египет.

Действительность показала несостоятельность этого плана. Кратковременные успехи римского воинства в Западной пустыне и в Восточной Африке, обусловленные внезапностью нападения, сменились полным разгромом итальянских армий. Армия генерала Роммеля, попытавшаяся спасти Киренаику, была с большими потерями отогнана на большое расстояние от границы Египта. Жемчужина Восточной Африки выпала из итальянской короны. Мальта оказалась недоступной для итальянских войск, а использование оперативных возможностей, открывшихся после захвата Корфу, Ионических островов, Крита, пришлось не по плечу командованию держав оси. Вылазки агентуры этих держав в Ираке и Сирии были отбиты. Правительство и население Египта заняли позицию, далеко не благоприятную для итало-германской авантюры.

Все расчеты, которые были положены в основу этой авантюры, почти полностью, как мы увидим, воспроизводили расчеты Наполеона. И опрокинули их те же кружины. Это — британский военно-морской флот, сумевший завоевать и сохранить свое господство в Средиземном море; специфические условия войны в пустыне, к которой противники Наполеона были подготовлены лучше, чем его экспедиционная армия; моральное разложение, которое под

влиянием трудностей и неудач начало охватывать эту армию.

И поход Наполеона и африканская авантюра Гитлера и Муссолини были попытками добиться большой цели негодными средствами.

Имеется и отличие в ходе этих двух войн. Заключается оно в том, что наполеоновской армии все же удалось проникнуть в древнюю страну фараонов и продержаться там три года. Гитлер же и Муссолини с первых дней поломали свои зубы об египетский барьер. Известно, впрочем, что «Гитлер походит на Наполеона не больше, чем котенок на льва...» (Сталин).

17 октября 1797 г. Наполеон Бонапарт от имени Французской республики и граф Меервельдт и барон Дегельман от имени Австрии заключили в Кампо-Формио договор, провозглашавший «вечный, прочный и неразрывный мир» между обеими сторонами. Этот договор укреплял положение Франции в Средиземном море, обеспечивал на некоторое время ее тыл от вылазок беспокойной австрийской соседки и позволял направить все усилия на борьбу против главного врага — Англии.

Стратегическое положение Франции, казалось, вполне благоприятствовало успешному для нее разворачиванию этой борьбы. Северный фланг Франции обеспечивала союзная Голландия, южный ее фланг был укреплен союзной Испанией, и французский флот, действующий совместно с флотом голландским и испанским, получал больший, чем когда-либо, простор для своих операций. Французский флот мог спираться на порты Голландии, на Кадикс и Картахену, а это открывало перед ним широкие возможности инициативы и выбора направления для удара против Англии. Эти возможности возрастали еще и потому, что система английской обороны была подорвана на самых решающих участках. В Ирландии происходили восстания, колебавшие здание империи у самого его фундамента, а британские военно-морские силы должны были покинуть Средиземное море, оставив без защиты интересы Англии, связанные с Ближним Востоком и Египтом.

Из этого положения Франция сделала свои выводы. Она попыталась ворваться в Англию через ирландскую дверь. Она попыталась стать крепкой ногой на Ближнем Востоке, чтобы превратить Средиземное море во «французское озеро» и выйти к берегам Индийского океана. Такими попытками и были экспедиции в Ирландию Гоша, Эмбера и Бомпара и поход Бонапарта в Египет и Сирию.

Выбрав два направления для разворачивания военных действий против Англии — и северное и восточное, — Франция расплыла свои силы. Борьба против Англии на два фронта пришлось ей не по плечу. В результате Директория не добилась в Ирландии даже части тех успехов, которые некогда выпали на долю Людовика XIV.

Египетская экспедиция только отвлекла ее силы, средства и внимание в сторону от ирландского плацдарма, на котором в те годы сложилась особо благоприятная для Франции обстановка.

Наполеон в своих ранних планах войны с Англией тесно переплетал борьбу за ирландский плацдарм с непосредственной высадкой на английском острове. Он предполагал одновременно с переправой через Ла-Манш произвести крупную диверсию на севере Ирландии, направив в бухту Лох-Суилли 18-тысячный корпус маршала Ожеро. Но и с этим глубоким заходом в тыл неприятеля успех перенесения войны на территорию Англии не казался ему обеспеченным. Он отчетливо представлял те трудности, а возможно, и тяжелые последствия, которые сулила Франции эта экспедиция. Через несколько лет, уже после египетской катастрофы, Наполеон вернулся к этому плану, придав ему особый размах. На французском берегу Ла-Манша была сосредоточена огромная для того времени армия, предназначенная для высадки в Англии. Но в 1798 г., уже получив титул главнокомандующего «Английской армией» — «громкий, но пустой, мечтательный титул», как иронизирует Жомини¹ — и осмотрев приготовления на французском берегу Ла-Манша, Наполеон решительно заявил Директории, что он не может поставить судьбу Франции на такую рискованную карту, как экспедиция на Британские острова.

«Бонапарт никогда не считал высадку в Англии серьезною, — пишет Ланфре. — Он знал недостаточность средств, предоставляемых в его распоряжение. Он знал... что если было нелегко проникнуть на этот знаменитый остров, о который разбивались столько раз наши усилия, то выйти из него еще труднее. Поэтому он не хотел рисковать своей славой в таком неверном предприятии»².

Более верным предприятием казался Наполеону поход на Восток, в Египет. Он думал, что именно на Востоке удастся добиться успеха скорее и легче и с затратой меньших сил, чем на Севере, что именно на Востоке удастся нанести тяжелый удар английской торговле и английским колониям. Англо-французская война была перенесена в бассейн Средиземного моря и на Ближний Восток.

Этот новый театр военных действий образовался под давлением многих стратегических и экономических причин, среди которых главное место занимали стремление дать Англии, неприступной на островах, бой на ее открытом восточном фланге и стремление французской торговой буржуазии к новым колониальным владениям, которые могли бы с лихвой возместить по-

тери и неудачи в Индии и на Антильских островах.

Эти вождения торговой буржуазии с предельной откровенностью сформулировал вождь так называемой колониальной партии генерал Мену — диктатор Египта после убийства Клебера. Через два месяца после высадки французской армии под Александрией он писал Наполеону из Розетты в Каир: «Я думаю, что Египет должен заменить нам Антильские острова... Здесь сахар, хлопчатая бумага, кофе, индиго. Из Египта вывезен сахарный тростник... Красное море делается нашей собственностью, оттуда до Индии расстояние не слишком велико; торговля восточного берега Африки может некогда достаться в наши руки; мы можем завести сношения с Центральной Африкой посредством караванов и, может быть, найдем средства к соединению Нила с Нигером в Сенегалии»³.

В этой «африканской программе» французской буржуазии не случайно упоминается Индия. Стремление поразить Англию в Индии и являлось основной стратегической идеей Восточного похода Наполеона. Именно в Индии рассчитывал он найти ключи к своей победе над Англией. Ближний Восток представлялся Наполеону только первым этапом на пути к этой победе. Ланфре называет этот замысел плодом «необузданного воображения». Он даже уверяет, что «Наполеон не мог иметь серьезного намерения осуществить этот проект». Однако переписка Наполеона, его приказы, «Комментарии», продиктованные на острове Св. Елены, мемуары его современников, наконец, основная, хотя отдаленная цель, которую преследовал поход в Сирию, — разрушение Оттоманской империи и выход к границам Месопотамии — все это не оставляет сомнения в том, что именно Индии предназначалось увенчать Восточный поход.

«Чтобы начать войну на столь отдаленном театре и рассчитывать при этом на успех, — писал Наполеон, — нужно было иметь в своем распоряжении какую-нибудь промежуточную позицию, которая могла бы служить плацдармом. Египет, находящийся на расстоянии 600 лье от Тулона и 1500 лье от Малабара, является таким плацдармом. Прочно обосновавшись в этой стране, Франция рано или поздно станет хозяйкой Индии. Богатая торговля Востока снова пойдет прежним путем — через Красное и Средиземное моря. Таким образом, Египет заменит, с одной стороны, Сен-Доминго и Антильские острова, а с другой — будет дорогой к завоеванию Индии»⁴.

Мы еще увидим, действительно ли время и средства, необходимые для повторения Индийского похода Александра Македонского, были рассчитаны так точно, как

¹ Жомини «Политическая и военная жизнь Наполеона». Ч. 1-я, стр. 96. СПб. 1844.

² Ланфре П. «История Наполеона». Т. I, стр. 291. СПб. 1870.

³ «Исторический журнал» № 7.

³ «Записки Бурьена о Наполеоне». Т. II. Ч. 4-я, стр. 271—272. СПб. 1834.

⁴ «Commentaires de Napoléon Premier». Т. III, p. 20 éd. Paris. 1838.

писал об этом. Наполеон в своем изгнании, и не объяснялась ли неудача его экспедиции на Восток именно неточным расчетом времени и средств. Но в «Комментариях», написанных много лет спустя после этой неудачи, Наполеон все еще уверял, что армия его могла пройти через Басру и Шираз в Индию и что, выступив из Египта в ноябре, она в марте следующего года уже достигла бы своей цели.

Как угрозу, направленную в сторону Индийского океана, восприняла Восточный поход Наполеона и Англия Питта. Неслучайно адмирал Нельсон, преследуя Наполеона, направился к Александрии, а затем к берегам Леванта; именно здесь, на окраине Турецкой империи, в стратегическом узле, связывающем Африку с Азией, Англия еще задолго до прорытия Суэцкого канала видела область своих жизненных интересов. А после Абукирского боя Нельсон направил весть о своей победе в первую очередь в Индию, губернатору Бомбея.

12 апреля 1798 г. Директория подписала тайный указ об экспедиции в Египет. Бонапарт был уполномочен «взять с собой столько войска, сколько он найдет нужным», включить в экспедиционный корпус дивизии, находящиеся в Генуе, Чивита-Веккии и Корфу, овладеть Мальтой и Египтом, изгнать англичан из их владений на Востоке. 3 мая Бонапарт выехал из Парижа в Тулон, а 10 мая из Тулона в Париж было сообщено о том, что «генерал Бонапарт прибыл сюда вчера около 8 часов вечера и предполагает выступить через два дня» и что «посадка войск на корабли почти закончена, а лошади будут погружены на суда сегодня»¹. Вместе с Наполеоном в поход отправились лучшие генералы республики. Это были Дезе, Клебер, Даву, Рейнье, Каффарели, Беньяр и прежние ближайшие помощники Наполеона: Мюрат, Ланн, Мармон, Бертье, Андрасси и Жюно.

В состав французского флота, эскортировавшего экспедицию, входило 13 линейных кораблей и 7 фрегатов. Линейному флоту были приданы 3 вооруженных торговых корабля, 6 канонерок, 6 посыльных бригов и 36 одномачтовых судов-тартанов. Часть сухопутных войск, нестроевой состав, огромное количество военного снаряжения и других запасов были размещены на 125 транспортных судах. Всего на кораблях находилось 12 907 матросов и 20 080 солдат и офицеров.

Из Тулона экспедиция вышла 19 мая и направилась в Генуэзский залив, где к ней присоединился отряд из Генуи, а затем — к южному берегу Корсики, где произошла встреча с корсиканским отрядом. 9 июня французские корабли подошли к Мальте, у берегов которой их поджидал отряд из Чивита-Веккии. 12 мая мальтийские рыца-

ри сдались после слабых попыток к сопротивлению, и наполеоновский флот в составе уже 300 кораблей вошел в гавань Ла-Валетты.

Мальте в планах похода на Восток Наполеон отводил крупную роль. Он понимал, какое значение имел этот остров в борьбе за Средиземное море и как важна эта опора в центральной части Средиземного моря для осуществления его дальнейших планов. Еще в сентябре 1797 г. он писал министру иностранных дел: «Остров Св. Петра, уступленный нам королем Сардинии, Мальта, Корфу делают нас хозяевами Средиземного моря»².

Нельсон знал о грозных приготовлениях в Тулонском порту, но выяснить что-либо о назначении их он не смог. Буря заставила его отойти от Тулона к Сардинии, и ему не удалось выполнить предписание С.-Винченца — «отыскивать экспедицию, приготовлявшуюся в Тулоне и Генуе», целью которой, как полагал лорд адмиралтейства, было «нападение на Неаполь или Сицилию. переправа армии в Испанию, чтобы послать ее против Португалии, или проход через пролив с намерением высадить десант в Ирландии»³. О направлении, взятом французским флотом, Нельсону удалось узнать только 14 июня, в то время, когда он находился у северного берега Сицилии, а французский флот уже стоял на якоре у Ла-Валетты. С этого дня и началась та знаменитая погоня английской эскадры за наполеоновской флотилией, которая привела к Абукирскому финалу — неизбежной встрече двух флотов, один из которых имел талантливый и смелый адмирала и лучшую в те годы судовую артиллерию, а другой — слабое вооружение, плохо обученную команду и адмиралов, не веривших в свои силы. Только игра случая позволила французскому флоту избежать встречи с Нельсоном в открытом море. Эта встреча привела бы к полной катастрофе египетской экспедиции в самом ее начале.

Неполнота состава английской эскадры — отсутствие посыльных судов, — безусловно, способствовала тому, что Нельсон не обнаружил французской флотилии, проходя мимо нее почти параллельным курсом на расстоянии всего лишь 60 миль. Это тоже была случайность, на которую Наполеон, предпринимая свой рискованный переход через Средиземное море, конечно, не мог рассчитывать. Ни на этой, ни на других случайностях нельзя было основывать столь сложного предприятия, как переправа в Египет большого войска и огромного количества припасов. Все исследователи наполеоновских войн отмечают, что ни соотношение сил на море в 1798 г., ни состояние французского флота не свидетельствовали о том, что переход через Сре-

² «Correspondance de Napoléon». Т. III, p. 492. Paris. 1858—1870.

³ Джеймс Д. «История Великобританского флота». Т. II, стр. 173, г. Николаев. 1845.

¹ Jurien de la Gravière «Guerres maritimes sous la République et l'Empire». Т. I, p. 236—237.

диземное море был солидно обоснованным предприятием.

Наполеону не удалось обеспечить безопасность на Средиземном море, а без этой безопасности весь его Восточный поход заранее был обречен на неудачу. Мальта, Корфу, Кефаллиния не оправдали тех надежд, которые Наполеон на них возлагал. После того как средиземноморский флот Франции очутился на дне Абукирской бухты, обладание этими опорными пунктами уже теряло свой прежний смысл. Французский флот, доставив армию в Египет и выполнив этим благодаря цепи счастливых случайностей первую часть своей задачи, не имел никаких шансов на успешное выполнение второй части своей задачи — охраны путей сообщения между Египтом и Францией. В Абукирском бою он потерял 11 линейных кораблей из 13. Только двум кораблям — «Вильгельму Теллю» и «Женере» — удалось спастись бегством. На одном из них и находился адмирал Вильнев, которому суждено было пережить через несколько лет еще одну катастрофу на море — под Трафальгаром. Французы потеряли 3500 человек убитыми и ранеными. Среди убитых находился и адмирал Брюйес. Потери англичан составили 896 убитыми и ранеными. Это была одна из самых решительных побед, которые знала морская война, и последствия ее были неисчислимы.

«Наш флот,— пишет Гравьер,— уже не мог оправиться от тяжелого удара, нанесенного его значению и его силе. Это сражение на два года передало Средиземное море в руки англичан. В результате наша армия была отрезана от своей родины, а Порта обрела решимость подняться на нас. Индия сделалась недостижимой для наших предприятий. Франция очутилась на краю гибели, так как в результате этой битвы вновь разожглась недавно окончившаяся война с Австрией, а войска Суворова подступили к самым нашим границам...»¹.

Средиземное море очутилось во власти англичан. Были потеряны Ионические острова, Корфу, Минорка, а затем и Мальта. Лорд С.-Винцент перенес свою штаб-квартиру в Гибралтар — как бы в знак того, что Англия теперь крепко держит в своих руках ключ от Средиземного моря. Наполеоновская армия одерживала в Египте победы, на которые с изумлением взирали «сорок веков с высоты пирамид», но, отрезанная от Франции, окруженная враждебным населением, имея в тылу море, на котором полностью господствовал неприятельский флот, она шла дорогой этих побед к неизбежному финалу — к гибели или капитуляции.

Абукирская битва произошла в августе 1798 года. Французские войска высадились у мыса Марабу, к западу от Александрии, за месяц до этой битвы. Высадка была на-

чата вечером, а ночью, не дожидаясь ее окончания, Бонапарт двинулся по пустынному берегу с тремя колоннами к Александрии. После непродолжительного, но ожесточенного боя Александрия была взята. В порт вошли транспортные суда. Наполеон, избрав кратчайшее направление на Каир, направился через пустыню в Даманхуру. Дождавшись в Даманхуре генерала Мену и своей нильской флотилии, он выступил дальше на юг, одержал победу над мамелюками Мурад-бея у деревни Хебрейса, а 21 июля — победу в знаменитой битве у пирамид, открывшей двери в Каир. На 25-й день после высадки у мыса Марабу Бонапарт перенес свою квартиру в Каир.

Но эти его успехи были обеспечены не столько стратегией стремительного и неожиданного удара, сколько превосходством французского оружия и незнакомством мамелюков с новой европейской тактикой. И первое и второе его столкновения с войсками Мурад-бея походили больше на избиение плохо вооруженных партизанских отрядов, храбрость и отвага которых были бессильны перед картечью и оградой штыков наполеоновских карре. В битве у Эмбабега, происходившей на грандиозном фоне тысячелетних пирамид и развалин древнего Мемфиса, мамелюки потеряли 2 тыс. человек, часть которых утонула в Ниле, а французы — только 10 убитых и 30 раненых.

Но победа у Эмбабега и падение Каира не завершили кампании. Мамелюки продолжали сопротивление, разделившись на два отряда. Один из них — под начальством Мурад-бея — отступал по дороге в Верхний Египет, теснимый генералом Дезе, а другой — под командой Ибрагим-бея — к Суэцу, преследуемый самим Наполеоном. В середине августа Ибрагим-бей, выбитый из укрепленного лагеря у деревни Селех, оставил Суэц и, совершив девятидневный переход через пустыню Синайского полуострова, укрылся в Газе, где был благосклонно принят акрским пашой Ахмед Джеззаром. Здесь, в Суэце, Наполеон и узнал из письма Клебера о катастрофе у Абукирского мыса. Эта катастрофа резко изменила ход событий в Египте. Она как бы вдохнула новые силы в мамелюков, которые уже готовы были сложить оружие, подкрепила позиции Джеззар-паши, который теперь решительно отверг сделанные ему мирные предложения, а главное — вывела на арену борьбы за Египет новую силу. Этой силой была Турция.

Наполеон знал о той опасности, которая могла грозить ему со стороны Константинополя. Он сделал все, что было доступно его дипломатическому искусству, чтобы эту опасность предотвратить. Еще осенью 1797 г. он просил Талейрана выяснить, какое впечатление может произвести в Константинополе экспедиция в Египет, и убедить Порту в том, что армия Французской республики не является угрозой для магометанства. С оглядкой на Константинополь готовился Наполеон и к походу из

¹ Jurien de la Gravière. Op. cit. T. I, p. 227—228.

Египта в Сирию. Посол Директории Бошамбо, отправленный из Александрии в Константинополь, должен был уверить Порту в том, что и поход в Сирию, являясь только карательной экспедицией против Джеззар-паши, приютившего у себя «беспокойных» мамелюков, отнюдь не угрожает интересам султанской империи.

Пока французская эскадра находилась в Тулоне, а затем под Александрией, эти дипломатические аргументы могли пользоваться весом в Константинополе. Но как только средиземноморский флот Франции был уничтожен, Турция почувствовала себя свободной. В сентябре 1798 г., через полтора месяца после Абукира, она формально объявила войну Франции. Таким образом, опасения Бонапарта оправдались. Французской армии, запертой в Египте, угрожал теперь удар не только с моря, но и со стороны Сирии. И Наполеон решил, воспользовавшись своей центральной позицией, ударить по Сирии, чтобы разбить врага еще до того, как он соберет все свои силы, обезопасить этим восточный фланг обороны Египта, а затем уже обратить все внимание на защиту побережья. Пока за это побережье Наполеон был спокоен: зимою высадка в Египте считалась предприятием неосуществимым. Наполеон рассчитывал и на то, что захват Сирии укрепит оборону морской границы Египта, поскольку он лишит англо-турецкий флот сирийских портов — этой опоры для морских операций против Египта.

В начале 1799 г. главнокомандующий прибыл в Суэц. Перейдя пустыню Синайского полуострова, французские войска захватили укрепленный лагерь Эль-Ариша, где находился передовой отряд Джеззар-паши, а в начале марта подступили к Яффе. После нескольких дней осады крепость пала, не выдержав ожесточенного штурма, и Наполеон, оставив в разрушенном городе гарнизон, двинулся дальше на север. Хайфа была занята без боя. Но под стенами Акры дальнейшее продвижение победоносной армии, не знавшей еще преград, приостановилось.

Акра явилась переломным пунктом в Восточной кампании Наполеона. Это произошло потому, что она получала энергичную поддержку с моря. Эскадра сэра Сиднея Смита сыграла решающую роль в этой операции на берегу Сирии. Под ее прикрытием турецкие суда доставляли осажденным из Родоса подкрепления, боевые припасы и продовольствие. Британские корабли прервали связь наполеоновской армии с Александрией. Они поддерживали своим фланговым огнем оборону Акры. Английские моряки находились во главе колонн, производивших вылазки из крепости. Английские офицеры руководили фортификационными работами. «Батареями в крепости также управляли канонеры этого народа», — отмечал в своих записках маршал Бертье¹.

¹ «Записки маршала Бертье, князя Невшательского и Ваграмского», стр. 115. М. 1848.

Значительный ущерб наносили осаждающей армии вылазки экипажа британских кораблей на берег. «Наши канонерки, — сообщал Сидней Смит Нельсону 23 марта 1799 г., — хорошо вооружены, снабжены огнестрельными припасами и успешно атакуют армию Бонапарта под Акрой»².

Сирийская кампания показала, какую огромную роль в береговой войне может сыграть крепость, получающая поддержку с моря. «Этот человек помешал моему счастью», — говорил впоследствии Бонапарт о Сиднее Смите. «Это убеждение вполне понятно, — добавляет английский исследователь египетского похода, — Сидней Смит был настоящим героем осажденной Акры»³.

20 мая 1799 г., после 62 дней бесплодных усилий, осада Акры была снята. Дальнейшее пребывание французской армии в Сирии становилось бессмысленным и опасным. Армия понесла большие потери. Вокруг нее и в ее глубоком тылу происходили восстания. Наполеоновские войска начали отступление на юг, вдоль линии берега, оставляя за собой пепелища арабских деревень и разрушенные склады продовольствия. Это отступление далеко не походило на триумфальное возвращение победоносной армии. Армия оставляла артиллерию, раненых, больных. Были покинуты Хайфа, Яффа, Газа. Задачи, поставленные перед сирийской кампанией, не были выполнены. Наоборот, положение французской армии в Египте после сирийского похода стало еще более тяжелым. Единственным ее приобретением явился оставшийся в ее руках Эль-Ариш — этот аванпост, выдвинутый в Восточную пустыню.

Официальная история Восточного похода дает совершенно искаженную картину сирийской кампании. «Главная цель была достигнута, — уверяет Бертье. — Бонапарт уничтожил грозную армию, назначенную для похода в Египет»⁴. В донесении Директории от 28 июня 1799 г. Бонапарт писал: «Кампания в Сирии дала большие результаты: мы стали хозяевами всей пустыни, и мы привели в замешательство на этот год все проекты наших врагов... Наше положение весьма благоприятно. Александрия, Розетта, Дамietta, Эль-Ариш сильно укреплены... Если мы получим 15 тыс. солдат, мы пройдем всюду, в тот же Константинополь»⁵.

Дальнейшие события показали, однако, насколько далеки были от истины утверждения о разгроме неприятельской армии, вторгшейся в Египет, и об окрепшей обороноспособности Египта. Не прошло и месяца после того, как было написано это письмо, а турецкий военный флот уже подошел к Абукиру в сопровождении 74 транспортов, на которых находилась армия в

² «Life and Correspondence of Admiral sir Sidney Smith», p. 118. Lond. 1850.

³ Elgood P. «Bonaparte's adventure in Egypt», p. 213. London 1931.

⁴ «Записки маршала Бертье...», стр. 160—161.

⁵ «Correspondance de Napoléon». T. V, p. 484—485.

18 тыс. человек под командованием Саида Мустафа-паши. Правда, высадка турецких войск окончилась неудачей: в сражении на Абукирском полуострове 25 июля они были опрокинуты в море, — но уже одно появление у берегов Египта турецкого флота и армии говорило о том, что Наполеону далеко не удалось «привести в замешательство» проекты врагов.

Бонапарт знал и видел, в каком тяжелом положении очутились его войска, которым Франция ничем не могла помочь: ни людскими пополнениями, ни оружием, ни медикаментами. Он прибегал к чрезвычайным усилиям, чтобы расширить в Египте экономическую базу войны, создать новые источники снабжения армии и пополнить ее состав за счет местного населения. Но он все отчетливее убеждался в том, как трудна и бесперспективна будет дальнейшая война. Приведенное выше письмо Наполеона, содержащее победные реляции, заканчивалось подробным перечнем снаряжения, необходимого армии, и указанием, что если эту помощь оказать невозможно, то следует заключить мир. Через три недели после этого письма, так и не дошедшего до Парижа, Наполеон уже официально предлагал Порте начать мирные переговоры. А через несколько дней, покидая и армию и Египет, он оставил Клеберу полномочие «заключить с Портою мир, хотя бы главным условием и была эвакуация Египта»¹.

9 октября 1799 г., после долгого блуждания по Средиземному морю, фрегаты адмирала Гантома доставили во Фрежу, на французский берег, главнокомандующего английской армией и находившихся вместе с ним Бертье, Ланна, Мюрата, Мармона и Бурьена. Наполеона ждала впереди победа под Маренго и слава великого полководца, но ничто уже не могло вернуть Египта ни ему, ни Франции.

«Блестящий период» оккупации Египта, связываемый некоторыми историками с именем Клебера, был началом агонии французской армии. В распоряжении Клебера находилась лишь 20-тысячная армия, занимающая территорию, ограниченную Нильскими порогами на юге, Эль-Аришем на востоке и Александрией на западе. Армия испытывала острый недостаток в оружии и амуниции. Тяжелой артиллерии не было. Между тем неприятель все ближе подступал к границам Египта. В Верхнем Египте все еще находились отряды Мурад-бея. В конце октября турецкие войска под прикрытием эскадры Сиднея Смита вновь высадились на египетском берегу, у Дамьетты. Их удалось отбить и на этот раз. Но на востоке гарнизон Эль-Ариша, охранявшего подступы к Египту со стороны пустыни, сложил оружие. Это произошло в конце декабря 1799 года. 24 января 1800 г. в том же Эль-Арише уполномоченные Сиднея Смита и Клебера подписали соглашение о возвращении Египта султанской Турции и о почетной капитуляции французских войск.

¹ «Correspondance de Napoléon». Т. V, p. 573

² «Mémoires militaires du colonel Vigo-

Адмирал Кейс отказался ратифицировать Эль-Аришское соглашение и потребовал сдачи французских войск в качестве военнопленных. Клебер ответил на это требование призывом к оружию, и битва за Египет возобновилась. Но утомленная и плохо снаряженная французская армия не имела сил для продолжительного сопротивления. Фронт начал приближаться к Каиру. В самом Каире вспыхнуло восстание. 14 июня Клебер был убит в парке своего каирского дворца.

«Клебер пользовался всеобщими симпатиями, и единодушное сожаление провожало его в могилу, — вспоминал впоследствии один из участников египетского похода. — Но заменивший его Мену был мало известен и не пользовался уважением. Над ним подсмеивались за то, что он перешел в мусульманство»². Но Мену был старейшим дивизионным генералом и первым «патриотом» французской колонии на берегах Нила. Ему и пришлось вынести на своих плечах всю тяжесть ответственности за события заключительного акта Восточного похода Наполеона.

Эти события развернулись именно так, как опасался Наполеон в своих «Заметках об обороне Египта».

«Египет, — писал он, — может быть атакован: 1) армией, которая сосредоточится в Сирии, выступит из Газа, пройдет пустыней Суэцкого перешейка и выйдет в долину Нила; 2) армией, которая высадится на побережье Средиземного моря; 3) комбинированной операцией обеих армий, из которых та, что выступит из Газа, проникнет в страну через пустыню, а другая высадится на побережье Средиземного моря. Турецкая армия предпочтет воспользоваться первым способом, английская — вторым, а если возникнет вопрос о применении третьего способа, то турки будут действовать со стороны пустыни, а англичане — со стороны моря»³.

Так и произошло. В ночь с 7 на 8 марта 1801 г. 18-тысячная английская армия высадилась под прикрытием линейного флота и канонерок в Абукирской бухте, а 15-тысячная турецкая армия Юсуф-паши начала наступление с востока. К этому времени строевой состав французской армии уже не превышал 15 тыс. человек. Но и эти силы были рассеяны по границам оккупированной территории. 30 августа 1801 г. Мену капитулировал в Александрии на условиях Эль-Аришского соглашения. Каир находился уже в руках англо-турецких войск. Кампания была закончена. По мирному договору, заключенному в Амьене 27 марта 1802 г., Египет был возвращен Турции. К этому времени последний французский солдат из «Английской армии» Наполеона уже покинул Египет.

Наполеон сделал все, что было в его силах, чтобы выручить эту «Английскую армию». Но все его попытки были обречены

Roussillon». См. Chéla met A. «Guerres de Napoléon», p. 83. Paris. 1869.

³ «Commentaires de Napoléon Premier». Т. III, p. 139.

на неудачу. Британский флот прочно завладел Средиземным морем, и хотя британские корабли и были рассеяны на всем пространстве от Гибралтара до Александрии, прорыв к Александрии был предприятием невыполнимым.

План Восточного похода Наполеона содержал в себе просчет, касавшийся не только Средиземного моря. В этом плане было немало и других изъянов. Главнейшие из них касались неподготовленности французской армии к войне в пустыне или в полупустынной местности, в недооценке силы сопротивления мамелюков и турецкой армии и в совершенно неправильном представлении о настроениях жителей Египта и Сирии.

На первом же переходе из Александрии в Даманхур французским войскам пришлось встретиться с тяжелым своеобразием нового для них театра военных действий. Перед ними простиралась пустыня, раскаленная июльским солнцем, лишенная малейшей растительности и годной для питья воды. Пешком, с тяжелой ношей на спине, без обоза, без запасов воды солдаты должны были пересечь негостеприимную пустыню.

«Солдаты с первого перехода начали ощущать нестерпимую жажду, очень плохо утоляемую соленой, мутной и испорченной водою,— пишет Бурьен.— Колодцы, однажды исчерпанные, наполнялись не иначе, как через долгое время. Войска часто обнаруживали свои страдания пропотом и унынием»¹. С самого же начала армию охватила тревога, больше того — отвращение к этой непривычной войне. И это чувство росло по мере продвижения в глубь страны и переходило уже в частые случаи нарушения дисциплины.

Большую тревогу возбуждали и партизанские отряды арабской конницы, которые преследовали французские войска во время самых тяжелых переходов, жестоко расправляясь со всеми отставшими. Бурьен приводит следующую красноречивую выдержку из письма, написанного одним из участников экспедиции: «Неприятель у нас повсюду: впереди, позади и по сторонам,— точно как в Вандее... В армии царствует всеобщее неудовольствие... Несколько солдат закололось в присутствии главнокомандующего, сказав ему: «Вот твое дело». Солдаты говорят, видя проходящих генералов: «Вот палачи французов»².

Пустыня вызвала и транспортные затруднения, с которыми за все время оккупации Египта французская армия так и не смогла справиться. Снабжение продовольствием происходило главным образом за счет местных ресурсов и складов, покинутых неприятелем. Но эти ресурсы были ограничены, а в неприятельских складах находили обычно лишь сухари, рис и ячмень. В результате армия терпела большие лишения. Весь путь от Каира до Хайфы, включая и изнурительный 12-дневный переход через пустыню, она совершила без хлеба.

¹ «Записки Бурьена...» Т. I. Ч. 2-я, стр. 93—94.

² Там же, стр. 128.

Все это заставило Наполеона прийти впоследствии к тому выводу, что пустыня «может погубить армию или ослабить ее физически и морально выше всякой меры», что «из всех препятствий, которые могут прикрывать границы государства, пустыня, неоспоримо, самое большое». Горным хребтам, как Альпы, Наполеон отводил второе место в ряде этих препятствий, а рекам — третье. «Потому что,—добавлял он,—если вообще трудно перевозить продовольствие для армии, то в 20 раз труднее, когда нужно еще брать с собою воду, фураж, дрова — три предмета большой тяжести». И на основании своего опыта Наполеон приходил к следующему выводу о тактике войны в пустыне: «Теперешняя армия должна переправляться через пустыню постепенно, оставляя гарнизоны и магазины»³. Именно так и протекали после похода Наполеона все войны в пустыне.

Большим просчетом в плане Восточного похода было и неправильное представление о мамелюках и турецких войсках и о той встрече, которая ожидает французскую армию со стороны населения Египта и Сирии. Несмотря на несколько серьезных поражений мамелюки не сложили оружия и боролись с оккупационной армией в течение всех трех лет ее пребывания в Египте — боролись с редким мужеством и упорством. Расчеты Наполеона на то, что Египет встретит французскую армию как избавительницу от ига мамелюков, не оправдались. Его попытки найти среди населения Египта социальную опору не увенчались благоприятным результатом. Его прокламации, уверявшие, что французы являются «истинными мусульманами», потому что они «уничтожили папу» и «истребили мальтийских рыцарей», не имели успеха. Мятежи в Каире, в которых принимало участие население окрестных деревень, участие феллахов в партизанских отрядах мамелюков, наконец, даманхурское восстание Эль-Мади, называвшего себя ангелом, обещанным кораном,— явились красноречивым ответом на эти прокламации.

Внимательные исследователи единодушно осудили и замысел Восточного похода и средства его выполнения, указывая на то, что эти средства были несоразмерно малы по сравнению с объемом поставленной задачи и что успех экспедиции не мог быть обеспечен при существовавшем тогда соотношении сил на море и состоянии французского флота.

Суровую оценку дает наполеоновскому предприятию Н. Голицын. «С политической и военной точки зрения,— пишет он,— всю эту новейшего времени французскую Илиаду можно рассматривать не иначе, как одно из самых неразумных и несбыточных предприятий в истории, которое могло иметь успех вначале, но, несомненно, должно было кончиться неудачей... После первых двух подлинно блистательных походов Бонапарта в 1796—97 гг. в Италию,

³ «Commentaires de Napoléon». Т. III, p. 15—17.

два следующие за ними — в Египте и Сирии — едва ли можно даже поставить наряду с первыми, едва ли не следует назвать их обманчивым увлечением и великою ошибкою»¹.

Авторы истории наполеоновских войн указывают на то, что основной ошибкой Наполеона было отвлечение сил от главного театра войны на второстепенный. Восток не был тем местом, где Наполеон мог добиться разрешения своего спора с Англией.

П. Ланфре пишет: «Мысль увлечь из Франции в отдаленную и мало известную страну, сообщения с которой должны были быть насильно прерваны, цвет наших солдат, генералов, ученых в минуту, когда мир не был еще подписан, когда нам еще угрожала вооруженная Европа, мысль эта была почти столь же неразумная, как и внушившая впоследствии войну с Россией»².

¹ Г о л и ц ы н Н. «Всеобщая военная история новейших времен». Т. II, стр. 194 и 484. СПб. 1874

² Л а н ф р е П. Цит. соч. Т. I, стр. 293.

Интересна оценка, которую дает стратегической идее Восточного похода адмирал Мэхэн. «Была одна радикальная ошибка, — пишет он, — в конечной цели Египетской, или, скорее, Восточной, экспедиции Наполеона, потому что его мысль витала далеко за пределами долины Нила, — и эта ошибка заключалась в расчете его воздействовать этою экспедицией на Великобританию решительным образом... Если бы мечты Бонапарта осуществились и он действительно завладел Индией, Великобритания все-таки не была бы побеждена... Британцы обеспечены своим могущественным флотом, и пока эта броневая защита их не пробита над сердцем британского организма, над самыми Британскими островами, до тех пор Великобритания, хотя и не неуязвима, но непобедима...»³.

Наполеон потерял Египет. Двери на Восток уже ни разу не открылись перед ним. Аккра так и осталась последним, крайним на Востоке пунктом, до которого ему удалось дойти.

³ М э х э н А. «Влияние морской силы на французскую революцию и империю», стр. 359, 360. СПб. 1897.

ДОКУМЕНТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

БОРЬБА НАРОДОВ ПРОТИВ ФАШИЗМА

ВТОРОЙ АНТИФАШИСТСКИЙ МИТИНГ МОЛОДЕЖИ В МОСКВЕ

ПИСЬМО ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ ОТ УЧАСТНИКОВ АНТИФАШИСТСКОГО МИТИНГА МОЛОДЕЖИ

Дорогой товарищ Сталин!

Вам, отцу, учителю и другу нашему, молодые воины, партизаны, молодые рабочие, колхозники, представители интеллигенции шлют от имени всей советской молодежи пламенный боевой привет!

Одиннадцать месяцев отечественной войны с гитлеровскими бандитами были для нас суровой школой. Мы прошли тяжелые испытания. Но в самые трудные минуты мы не падали духом. Мы уверенно смотрели вперед, шли в бой, презирая смерть. Наша любовь к советской родине, к большевистской партии, к Вам, товарищ Сталин, взрастившему нас, сильнее смерти.

Сейчас, в суровые дни войны, не словами — каждой каплей крови, подвигами в бою, самоотверженностью в труде — отвечает советская молодежь своей родине, своему народу

Как ненавидим мы презренных фашистских убийц!

Смерть немецким оккупантам! — говорим мы, потому что любим свободу и жизнь.

Мы должны, мы хотим изгнать, мы изгоним во что бы то ни стало озверелых гитлеровских псов из наших городов и сел.

Мы должны, мы хотим отомстить, и мы отомстим фашистам за все их мерзости и злодеяния, за пролитую ими народную кровь.

Товарищ Сталин, Вы приказали в 1942 году окончательно разгромить немецко-фашистские войска и освободить советскую землю от гитлеровских мерзавцев.

Светлой памятью великого Ленина Вам, товарищ Сталин, клянемся мы выполнить этот приказ.

Вы приказали всем бойцам стать мастерами своего оружия, бить врага без промаха.

Мы, молодые сыны и дочери Советского Союза, будем мастерами своего оружия, чтобы бить врага наверняка в самое его черное, поганое сердце.

На фабриках, заводах, в колхозах мы изучим станок, трактор, как боец винтовку. Не покладая рук, будем трудиться в цехах, на полях, бить Гитлера металлом, нефтью, хлебом, сырьем, тысячами новых снарядов, бомб, торпед, самолетов, танков, пушек, винтовок, минометов.

Вы приказали партизанам и партизанкам усилить партизанскую войну в тылу немецких захватчиков, не жалеть патронов против угнетателей нашей родины.

Клянемся Вам, товарищ Сталин, — новые тысячи молодых народных мстителей будут в лесах и оврагах бить вражьи войска и обозы, взрывать мосты и дороги, пускать под откос поезда. Не пожалеет партизанская молодежь патронов для гибели гитлеровских злодеев.

Наша клятва священна для каждого молодого патриота родины. Она скреплена жаждой мести немецко-фашистским душегубам, неугасимой ненавистью к подлым врагам человеческого счастья, любовью к советской родине и к Вам, дорогой товарищ Сталин.

Смерть фашизму!

Да здравствует наша грядущая победа!

Да здравствует товарищ Сталин!

К МОЛОДЕЖИ ВСЕГО МИРА

Боевые друзья!

Сверстники наши!

В час жестоких битв, которые решают судьбу нашего поколения, мы призываем вас собрать все силы, чтобы могучим ударом сокрушить ненавистный фашизм.

Когда мы обращались к вам в сентябре 1941 года с трибуны первого антифашистского митинга, на стороне Гитлера были преимущества внезапности нападения и перевес в количестве техники. Мы поклялись тогда преградить путь врагу, и он был остановлен и отброшен на Запад.

Зверства, грабежи и насилия, чинимые немецко-фашистскими захватчиками над стариками, женщинами и детьми, вызвали у нас еще большую ненависть к врагу. Мы стали злее и беспощаднее. Мы научились по-настоящему ненавидеть гитлеровских захватчиков и поняли, что нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души. В упорных боях Красная Армия перемолола лучшие дивизии Гитлера. Сейчас его армия не та, какой она была год назад. Фашистская армия стала слабее, людские и материальные резервы гитлеровской Германии на исходе.

В тылу гитлеровской армии все ярче разгорается пламя освободительной войны против фашистов. Каждый день и каждую ночь раздаются выстрелы. Это патриоты расправляются с гитлеровскими палачами. Все больше поездов с гитлеровцами и их вооружением сбрасывается под откос. Все чаще выводится из строя оборудование заводов, производящих вооружение для гитлеровской армии. Это патриоты разрушают гитлеровскую машину смерти.

Нам еще предстоят упорные, тяжелые бои. Но мы с вами твердо верим в свои силы, в свою победу. Свободолюбивые народы мира имеют все необходимое, чтобы окончательно разгромить врага в 1942 году. Сейчас должен действовать каждый, кто любит свою родину, кому дороги интересы своего народа!

Сыны и дочери советской отчизны!

Мы воодушевлены одним чувством, одним желанием — выполнить приказ товарища Сталина: «добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев!».

Каждый час нашей жизни посвятим выполнению боевого приказа вождя!

Молодые бойцы Красной Армии! В совершенстве изучайте оружие, вверенное вам родиной. Станьте мастерами своего дела, учитесь искусству побеждать врага, бить его без промаха.

Молодые партизаны! Расширяйте борьбу в тылу немецких захватчиков! Не жалейте патронов против угнетателей нашей родины!

Молодые рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, вся советская молодежь! Будем в первых рядах всенародного социалистического соревнования, обеспечим выполнение и перевыполнение плана.

Устроим количество двухсотников. Обучим молодых рабочих, поможем им овладеть техникой, выполнять и перевыполнять нормы.

Образцово завершим сев, сохраним наши поля от сорняков, отлично подготовимся к уборке. Ни один колос, ни одно зерно не должно пропасть.

Подготовим в подразделениях Всеобуча отличные резервы, способные выполнить приказ товарища Сталина на поле боя.

Все для фронта, все для победы!

Молодежь Великобритании и Америки!

На крыльях английских и американских самолетов мужественные летчики Великобритании несут врагу возмездие за его кровавые преступления. Мы уверены, что эти массовые удары — только начало.

Пусть славные танкисты, пехотинцы, артиллеристы английской армии последуют примеру Королевских воздушных сил Великобритании. Только сокрушительные, смертельные удары по фашистам на поле брани принесут народам скорую и желанную победу!

Молодые патриоты оккупированных стран!

Героическими делами русских, украинских, белорусских, прибалтийских, югославских партизан доказано: немцев можно крепко бить в их тылу.

Не миритесь с участью рабов! Идите на бой, презирая опасность и смерть. Превращайте ослабленный тыл Гитлера в поля сражения. Добывайте оружие. Расширяйте ряды партизан—авангарда поднимающихся армий народных мстителей голодающей, истерзанной Европы!

Поджигайте фабрики, работающие на немцев, разрушайте железные дороги, мосты. Сжигайте склады и казармы. Саботируйте все мероприятия гитлеровцев. Не давайте немцам продовольствия. Беспощадно мстите фашистам за поруганную родину, за кровь и страдания народов!

Молодежь Финляндии, Венгрии, Румынии, Италии!

За что вы проливаете свою кровь? Наемники Гитлера — Маннергейм и Муссолини, Хорти и Антонеску болтают, что вы служите интересам своих стран. Ложь! Вы сами видите, что ваши народы от этой войны испытывают только страдания и муки, ввергнуты в голод и нищету.

Воюя на стороне Германии, вы куете цепи рабства для своего народа. Перестаньте прислуживать палачу. Поворачивайте штыки против Гитлера. Отказывайтесь работать на немцев. Сопротивляйтесь отправке на фронт. Если попали на фронт, — сдавайтесь в плен, переходите с оружием в руках на сторону Красной Армии.

Немецкая молодежь!

Красная Армия борется не против немецкого народа, а против немецких оккупантов. Но до тех пор, пока вы разбойничаете на нашей земле, пока вы связываете свою судьбу с Гитлером, — вас ждет смерть.

Судьба Гитлера и его клики решена — они будут уничтожены. Стоит ли вам погибать вместе с ними? Вы можете спастись. Но для того, чтобы спасти себя и Германию, у вас только один путь — беспощадная борьба против фашистской своры. Отказывайтесь выполнять приказы Гитлера и его генералов. Сдавайтесь в плен Красной Армии.

Молодые немцы, оставшиеся в тылу! Следуйте примеру патриотов, которые борются против фашизма. Саботируйте военное производство. Боритесь против преступной войны, затеянной Гитлером. Только в этом ваше спасение!

Молодежь мира!

Пройдет немного времени, и победа над фашизмом будет завоевана. И тогда народы спросят каждого:

— Ты был молод и силен. Где ты был в час суровых битв? Что сделал для нашей победы?

И многие с гордостью ответят:

— Я был в великой армии бойцов — против фашизма, с оружием в руках разил врага.

— Я был в партизанском отряде, уничтожал захватчиков, пускал под откос поезда, взрывал мосты и склады оккупантов.

И многие заявят:

— Меня немцы силой заставляли работать. Но я работал не на них, а против них. Я делал нарочно брак, выводил из строя оборудование, организовывал диверсии.

— Меня немцы силой заставляли обрабатывать поля. Но я прятал зерно и продовольствие, морил немцев голодом. Я укрывал и кормил партизан, патриотов, борцов за свободу родины.

Тогда народы скажут:

— Слава вам, воины!

Друзья и товарищи! Наша борьба тяжела. Но только мужественная, смелая борьба с врагом принесет свободу. Другого пути нет.

Кто сегодня сдаст, отступит перед трудностями, растеряется, поддастся на удочку коварного врага, тот завтра горько раскается. Но будет уже поздно. Предательство, трусость, бездействие народ никогда не забудет, никогда не простит!

Молодежь мира!

В наших силах в этом году окончательно разбить гитлеровскую армию. Для этого нужно одно: собрать все силы и нанести решающий удар по немецко-фашистским войскам!

Вперед, в наступление!

Вперед, к победе!

Смерть фашизму!

Владимир Пчелинцев — лейтенант, снайпер, студент Ленинградского горного института, Герой Советского Союза; **Екатерина Новикова** — медсестра, орденосец; **Александр Яковлев** — Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии; **Георгий Коцеба** — капитан-летчик, Герой Советского Союза; **Надежда Замиралова** — стахановка-пятисотница авиазавода; **Илья Кузин** — секретарь Волоколамского горкома ВЛКСМ, Герой Советского Союза; **Николай Кушенко** — старшина 1-й статьи Черноморского флота; **Николай Михайлов** — секретарь ЦК ВЛКСМ; **Кирилл Чирков** — мастер-сталевар завода «Серп и молот», член антифашистского комитета советской молодежи; **Нина** — партизанка Украины, орденосец; **Михаил Светлов** — поэт; **Велимир Влахович** — от югославской молодежи; **Константин Симонов** — поэт-орденосец, лауреат Сталинской премии; **Николай Осипов** — учащийся ремесленного училища № 5 гор. Москвы, орденосец; **Сергей Притыцкий** — депутат Верховного Совета СССР; **Анастасия Терентьева** — пионервожатая дружины № 4 Сталинского района гор. Москвы; **Иван Панащатенко** — забойщик шахты «Сталино», Донбасс; **Дмитрий Ларченко** — гвардии старший политрук, танкист, орденосец; **Сеймура Везиров** — инженер, заведующий промыслом «Сталиннефти», Баку; **Петр Варивода** — боец-парашютист десантных войск, орденосец; **Анна Сизимова** — трактористка-стахановка Ухтомской МТС, Московской области; **Евгений Федоров** — бригадир-инженер, Герой Советского Союза, доктор географических наук, председатель антифашист-

ского комитета советской молодежи; Золтан Вайнбергер — от венгерской молодежи; Павел Нилин — писатель, лауреат Сталинской премии; Анна Ряхина — врач, член антифашистского комитета советской молодежи; Иван — партизан Смоленской области; Нина Горбачева — помощник машиниста бронепоезда; Муталиб Зейнал Оглы Бабаев — секретарь ЦК ЛКСМ Азербайджана, орденоносец; Фернанде Хосе Мария Браво — от испанской молодежи; Александра Калистратова — начальник штаба МПВО фабрики «Красная оборона», член антифашистского комитета советской молодежи; Иван Видюков — бригадный комиссар, орденоносец; Ольга Лепешинская — артистка, лауреат Сталинской премии, орденоносец, секретарь антифашистского комитета советской молодежи; Василий — партизан Брянских лесов; Зинаида Арефьева — продавщица-стахановка, трехсотница; Леонид Берегов — гвардии старший политрук, дважды орденоносец; Валентина Деменина — стахановка Амурстальстроя, орденоносец; Александр Шишкин — мастер Кировского завода; Борис Бурков — член редколлегии газеты «Комсомольская правда»; Владимир — партизан Ленинградской области; Искян Садвакасов — навалоотбойщик шахты им. Горбачева, Караганда, орденоносец; Ганс Мале — от антифашистской немецкой молодежи; Сусанна Мосчан — студентка МГУ, медсестра; Иван Шумилов — старший лейтенант, летчик, Герой Советского Союза; Анатолий Пегов — секретарь МК ВЛКСМ, орденоносец; Арнольд Мэри — зам. политрука, Герой Советского Союза; Николай Королев — партизан, чемпион СССР по боксу, орденоносец; Николай Янин — сталевар завода «Серп и молот»; Анатолий Болотский — гвардии сержант, орденоносец; Наталия Бусе — секретарь ЦК ЛКСМ Латвии; Николай Лелюх — забойщик шахты «Сталино», Кузбасс, орденоносец; Феликсас Беляускас — депутат Верховного Совета СССР; Елена Бочарова — педагог Фрунзенского района гор. Москвы; Николай Шматко — лейтенант-танкист, награжден четырьмя орденами; Борис Троицкий — старший машинист Ленинской железной дороги; Андрей Хорсун — капитан-кавалерист, дважды орденоносец; Геда Сыикова — от молодежи Чехословакии; Николай Селиверстов — курсант, отличник школы инструкторов-снайперов; Иван Голубин — старший лейтенант, Герой Советского Союза; Лидия Воинова — секретарь антифашистского комитета советской молодежи; Дмитрий Постников — редактор журнала «Смена»; Владимир — партизан Смоленской области, член антифашистского комитета советской молодежи; Евгений Степанов — подполковник, Герой Советского Союза; Иосиф Маковский — майор, Герой Советского Союза; Калашян Вруир — преподаватель спецшколы ВВС; Шавгулидзе Шота — лейтенант, заслуженный мастер спорта.

«Правда» от 9 июня 1942 года.

ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИТАЛЬЯНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

К солдатам итальянского экспедиционного корпуса в России, ко всем солдатам итальянской армии, ко всем итальянцам:

Мы, солдаты итальянского экспедиционного корпуса в России, взятые в плен Красной Армией, обращаемся к товарищам по экспедиционному корпусу и к армии в целом, а также ко всем нашим итальянским согражданам.

Два десятка лет мы, итальянцы, жили, как в тюрьме, отделенные от внешнего мира глухой стеной фашистской цензуры. Мы думали мыслями фашистской пропаганды, мы говорили словами фашистских заправил. Только здесь, в Советской России, мы впервые столкнулись с другим миром, с другими людьми, с другими воззрениями. Нас потрясла железная стойкость русского солдата, несокрушимая вера советского народа в справедливость и победу своего дела.

Десятки тысяч итальянских солдат погибли под ударами Красной Армии и неуловимых партизан, замерзли в снежных сугробах России. Разъедаемые вшами, оставаясь без пищи по нескольку дней, мы ставили перед собой вопрос: во имя чего мы терпим эти муки, за кого мы воюем, за что мы воюем, против кого мы воюем? И чем больше мы думали, тем яснее становилось нам, что мы проливаем свою кровь за чуждые нам интересы.

Советский Союз не нападал на Италию. Гитлер и Муссолини вероломно напали на советский народ. Италия была связана с Советским Союзом пактом о ненападении, который Муссолини нарушил.

Пока Италия жила в мире с Советским Союзом, оттуда к нам шло продовольствие для наших городов, сырье для нашей промышленности. Италия не голодала тогда. Она не вымаливала жалких крох промышленного сырья у Германии. Италия была самостоятельной и независимой страной. Муссолини ныне сделал ее служанкой немцев и перевел итальянский народ на положение «низшей расы», вынужденной

довольствоваться обедами со стола хозяина. В этом ли состоит величие Италии, о котором нам прожужжала уши фашистская пропаганда?

Из года в год Муссолини твердил нам, что мы — нация бедняков, что мы должны воевать против власти «золотого мешка». Но в советской стране нет власти золотого мешка, мы не нашли здесь ни крупных банкиров, ни биржевых воротил, ни спекулянтов, наживающихся на войне или на ограблении колоний. Здесь нет финансовой династии, подобной семейству Муссолини — Чиано, держащему в своих руках акции крупнейших итальянских банков и трестов. Здесь земля и заводы принадлежат трудящимся, и у власти стоят простые люди из рабочих и крестьян. Почему же мы, итальянцы, должны завоевывать советский народ для немцев и навязывать ему силой наши фашистские порядки?

Нам говорили, что мы должны защищать европейскую цивилизацию от большевиков. Но теперь на собственном опыте мы знаем, какую «цивилизацию» мы защищаем. Мы видели трупы изнасилованных и растерзанных женщин. Мы видели костры, на которых немцы сжигали захваченных военнопленных. Мы видели школы, превращенные в развалины. Мы видели музеи, чудесные санатории, разграбленные и разрушенные немецкими и итальянскими «защитниками» цивилизации. Мы видели, как немцы сжигали благоустроенные русские города и цветущие селения, выгоняя ограбленное и раздетое ими население, стариков, женщин и детей, в холод и вьюгу на снежные дороги и поля.

В эти минуты мы думали о своей Италии, где царит ужасающая нищета. Перед нашими глазами стояли оборванные, почти полунагие пастухи нашей Сардинии, жалкие хижинки нашей Абруцции, где вместе со скотом ютятся в одном помещении крестьянские семьи. Мы вспоминали о похожих на скелеты, голодающих крестьянах нашей провинции Удине, о толпящихся у городских казарм стариках, женщинах и детях, вымаливающих у солдат корку хлеба и остатки супа.

И у этого народа, разоренного семилетней войной, Муссолини отнимает теперь последнее зерно, рабочий скот, жалкие остатки шерсти, конопля, кукурузы и тем самым обрекает наших жен и детей на голод и вымирание. Муссолини отдает немцам не только наш хлеб, но и нашу кровь. Больше половины солдат нашего экспедиционного корпуса уже погибло в России. Он готовится отдать Германии новые дивизии.

Миллионы итальянцев начинают понимать, как их нагло обманул Муссолини. Он обещал крестьянам землю, благоденствие, уютные и чистые дома. На деле он задушил их непосильными налогами и превратил в нищих. Он обещал рабочим справедливую заработную плату. На деле он снизил наполовину заработок итальянских рабочих и гонит их на принудительные работы в Германию, где немецкие торговцы обращаются с итальянцами, как с рабами. Он обещал возвеличить Италию. На деле он унизил и опозорил ее. Муссолини был побит маленькой Грецией, опозорился в Северной Африке. Бесславно провалившаяся абиссинская авантюра стоила Италии много тысяч жизней итальянских солдат.

В огне войны наш народ увидел всю гниль фашистского режима, бездарность, коррупцию, алчность и корыстность его вождей. Муссолини хватается за Гитлера, ибо он хочет в борьбе против итальянского народа опереться на немецкие штыки. Но Гитлер не спасет Муссолини. Он сам катится в пропасть. Поражение гитлеровской Германии в войне неминуемо. Гитлеру не одолеть могущественной коалиции СССР, Англии и Америки, у которой больше людских резервов, больше оружия, больше экономических ресурсов.

Товарищи по оружию! Сограждане!

Нельзя допустить, чтобы Муссолини окончательно погубил Италию и итальянскую армию. Спасение Италии — в немедленном прекращении войны. Спасение Италии — в низвержении власти Муссолини и создании национального правительства, которое восстановит в Италии демократические свободы, избавит страну от гнета германского империализма, положит конец войне и обеспечит Италии достойное место в семье свободных народов.

Сограждане! Объединяйте свои силы для борьбы против преступной империалистической войны, против фашистского режима Муссолини. Прекращайте платить налоги! Отказывайтесь сдавать продовольствие. Отказывайтесь работать на гитлеровскую войну. Саботируйте военное производство. Уклоняйтесь от мобилизации. Уходите в горы, создавайте партизанские отряды борьбы за свободную Италию! Следуйте славным традициям Гарибальди!

Товарищи солдаты! Добивайтесь немедленного разрыва с гитлеровской Германией! Сговаривайтесь друг с другом, создавайте во всех воинских частях солдатские комитеты для борьбы против преступной войны, требуйте немедленного возвращения домой. Поворачивайте оружие против немцев. Массами переходите на сторону Красной Армии!

Долой империалистическую войну!

Долой фашизм!

Да здравствует свободная Италия!

Далее следует 61 собственноручная подпись делегатов первой конференции итальянских военнопленных.

«Правда» от 25 июня 1942 года.

ЗВЕРСТВА ФАШИЗМА

ПРОТЕСТ НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПРОТИВ ЗВЕРСТВ И НАСИЛИЙ
ГЕРМАНСКИХ ВЛАСТЕЙ В ОККУПИРОВАННЫХ СОВЕТСКИХ РАЙОНАХ

Международному Комитету Красного Креста

ЖЕНЕВА (Швейцария)

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мы, немецкие военнопленные лагеря № 74, ознакомились с нотами Народного Комиссара по Иностранным Делах Советского Правительства господина В. М. Молотова об обращении с военнопленными в Германии и гражданским населением в оккупированных районах Советского Союза.

Мы не поверили бы описанным в нотах зверствам, если бы сами не были свидетелями подобных же зверств. Не желая быть ответственными за эти преступления, мы решили выступить открыто с разоблачениями Гитлера и его клики. Ниже приводим заявления очевидцев преступлений, совершенных в разное время и на различных участках фронта немецкими военными властями.

Ефрейтор 10 роты 312 пехотного полка 206 пехотной дивизии Адольф Кеес из Обершварцах сообщает:

«В конце августа 1941 г. наша дивизия была расположена у реки Двины. Отсюда взвод моей роты под командованием фельдфебеля Кольберга пошел в разведку в деревню, находящуюся на другой стороне реки. Как только было установлено, что деревня эта не занята противником, фельдфебель отдал приказ заняться «организацией» питания. Он отобрал у жителей хлеб, мед и все съестное вообще. Это был настоящий грабёж».

Унтер-офицер 14 роты 303 пехотного полка Ганс Мандельке из Шнейдемюль сообщает:

«С 12 октября до 7 ноября 1941 г. я застрял со своим броневином в гор. Холме. Здесь я имел возможность ознакомиться с жизнью в лагере русских военнопленных. Пленные днем и ночью находились на отгороженном открытом поле. Во время дождя их одежда промокала до нитки, и они дрожали всем телом».

Солдат 1 роты 45 полка 6 танковой дивизии Франц Биронский из Тихау сообщает:

«6 декабря 1941 г. мы вынуждены были под напором русских отступить в деревню Языково. Из штаба полка был получен приказ поджечь деревню. Наш командир роты лейтенант Лёв отдал приказ обыскать все дома и захватить с собою все съестное и кур. Когда мы в полночь оставили деревню, многие солдаты были нагружены мешками. Деревня была ограблена до нитки. После этого приступили к работе саперы. Через короткое время горела вся деревня».

Старший ефрейтор 8 роты 235 полка 102 пехотной дивизии Карл-Гейнц Мейснер из Берлина сообщает:

«8 ноября 1941 г. моя рота находилась в местечке Большая Коша. Здесь мы получили приказ командования дивизии занять и поджечь близлежащие деревни. 12 ноября этот приказ был выполнен. Гражданское население не было предупреждено и поэтому не имело возможности спасти хотя бы самое необходимое».

Старший ефрейтор 13 роты 473 полка 253 пехотной дивизии Артур Франке из Бремена сообщает:

«Во время боев западнее Невеля наше командование через громкоговорители призывало русских сдаться в плен, обещая им сохранить жизнь. При наступлении мы обнаружили на одной просеке несколько русских повозок. Возницы подняли белые платки и давали знаки о том, что они сдаются. Это были крестьяне из близлежащих деревень. Тем не менее они все до единого были расстреляны».

Ст. ефрейтор 12 роты 303 полка 162 пехотной дивизии Ганс Эггерт из Шверина сообщает:

«В ноябре 1941 года неизвестными ночью были убиты два наших солдата, стоявшие на посту. Чтобы добиться выдачи виновника, все мужское население было согнано в один дом и заперто. После многочисленных допросов, которые не дали результатов, командир нашей роты капитан Рунге на третий день дал приказ выбрать наиболее подозрительного из жителей деревни и расстрелять его. Деревня, в которой это произошло, называется Аниково и находится приблизительно в 100 километрах юго-западнее Калинина».

Солдат 10 роты 118 полка 36 пехотной дивизии Эрнст Шейтгауэр из Нейнкирхена сообщает:

«В сентябре 1941 г. в Луге были сооружены виселицы, на которых вешали гражданских лиц. Только после того, как однажды утром рядом с повешенным русским нашли повешенного немецкого солдата, публичные казни на время прекратились».

Солдат разведывательного отряда 31 дивизии Герман Цодер из Вены сообщает:

«В начале ноября 1941 г. я был вызван в Водкино, что лежит в 60 км. восточнее Брянска, к начальнику полевой почты Рейнике. При мне он обыскивал двух гражданских лиц, преступление которых состояло в том, что они мирно шли по дороге. Обыск не дал никаких результатов. У одного из них нашли бритву. За это ему кулаком разбили в кровь лицо. Рейнике приказал чиновнику полевой почты Гейнцу Шмидту и посыльному Бернгарду Винцу отвести этих двух человек в сборный лагерь. Вскоре солдаты вернулись и доложили: «При попытке к бегству пленные застрелены».

Солдат 3 роты 35 пехотной дивизии Эдмунд Беднарик из Верхней Силезии сообщает:

«Когда мы в начале ноября 1941 г. проходили через Волоколамск, мы увидели там 6 повешенных: 4 мужчин и 2 девушек. Лейтенант Шварц приказал остановиться и выстроил нас полукругом возле повешенных. Он сказал нам: эти партизаны будут висеть здесь, пока не сгниют. Унтер-офицер Пельц забавлялся тем, что раскачивал трупы двух девушек, отпуская похабные остроты».

Солдат 3 роты 66 пехотного полка 3 пехотной дивизии Курт Вегенер из Цербста сообщает:

«Командир отделения унтер-офицер Якоб Трирвейлер 18 ноября 1941 г., когда мы были в Калининне, приказал нам разграбить квартиры и магазины и забрать все наличное продовольствие. Все ценное он присвоил себе. Он приказал расстреливать всех пленных. 9 декабря мы встретили недалеко от Клина раненого красноармейца. Унтер-офицер выстрелил в него из пистолета-автомата, а потом размозжил ему голову прикладом».

Старший ефрейтор 3 роты 88 полка 15 пехотной дивизии Гергард Рихтер сообщает:

«Вблизи Глохово 4 декабря 1941 г. к нашей линии обороны подошли двое раненых русских с поднятыми руками. Унтер-офицер Вольфганг Зиберт застрелил их, заявив, что он поступает так по приказу свыше».

В начале января этого года нам в ожесточенном бою удалось занять село Редькино, которое почти полностью было разрушено нашим огнем. При осмотре развалин мы наткнулись на 3-х гражданских лиц, которые, несмотря на все попытки заставить их говорить, отказались дать какие-либо показания. Чтобы покончить с ними быстро, их объявили партизанами и повесили. Приказ о казни их отдал заместитель командира 81 полка Шмидт».

Старший ефрейтор 2 дивизиона 67 арtpолка 10 танковой дивизии Роберт Михаэлис из Гамбурга сообщает:

«В начале сентября 1941 г. моя часть участвовала в боях у Тайцы, что находится недалеко от Ленинграда. Однажды нашим солдатам, сопровождавшим обоз с боеприпасами, сдались в плен 2 заблудившихся русских солдата. Штабной вахмистр отвел их в сторону от дороги и застрелил из пистолета».

Старший ефрейтор 13 роты 62 пехотного полка 7 дивизии Рудольф Латцельсбергер из Ландсгута сообщает:

«В ноябре 1941 г. наш полк проходил через одну деревню. 2 солдата вели 4-х пленных красноармейцев. Наш командир взвода лейтенант Горнбиллер крикнул солдатам: «Зачем вы ведете этих свиней, гоните их в лес и дайте там каждому по свинцовой пилюле». Солдаты повели их в лес, лейтенант поехал за ними. Вскоре мы слышали несколько выстрелов. Когда лейтенант вернулся, он цинично бросил: «Еще на 4 меньше».

Старший ефрейтор 7 роты 240 полка 106 пехотной дивизии Норберт Люг из Дортмунда сообщает:

«Это было 2 октября прошлого года в Орше. Когда наш штаб батальона был расквартирован в здании школы, к нам робко подошли трое совсем еще молодых, видимо, очень испуганных русских парней, вылезших из близлежащего блиндажа. Они были в гражданской одежде, но носили красноармейские пилотки».

Командир батальона старший лейтенант Вонторра велел задержать их и запереть в сарай. Все трое без всякого допроса были расстреляны таким путем: сначала из сарая вызвали самого младшего и послали его по направлению к лесу, за ним следовал унтер-офицер Бринкманн, который с близкого расстояния выстрелил ему в затылок. То же самое было сделано и с двумя другими. Таким образом, каждый из них перед своей смертью был свидетелем расстрела другого».

Солдат 3 роты 29 полка 3 моторизованной дивизии Рихард Райзер из Карлсруэ сообщает:

«В ноябре 1941 г. мы были расположены у реки Нара. Каждый день в обеденное время к нам в дом приходила 60-летняя старуха, которой принадлежал этот дом, и оставалась у нас на несколько часов. Мы давали ей есть и пить. Об этом узнал старший лейтенант Зифге. Он приказал тотчас, без всякого допроса, расстрелять старуху, заявив, что она шпионка».

Ефрейтор 1 батареи 1 дивизиона 268 пехотной дивизии Эрих Шпрунг из Хемница сообщает:

«В течение нескольких дней мы стояли на отдыхе в одной деревне недалеко от Вязьмы. Однажды вечером один солдат привел к нашему лейтенанту старика из деревни и обвинил его в том, что он украл два одеяла. Старик со слезами уверял, что он ни в чем неповинен. Он и в самом деле не был виноват. Тем не менее на другой день по приказу командира батареи старшего лейтенанта Баттерслебен он был расстрелян».

Ефрейтор 4 роты 312 полка 206 пехотной дивизии Эрих Розенгарт из Кенигсберга сообщает:

«Мы вошли в Невель. Гражданское население, находившееся там, старалось спасти свое имущество от свирепствовавшего пожара. Унтер-офицер Никель из моей роты забавлялся тем, что отрезал мужчинам бороды, угрожая при этом расстрелом. Потом он с единомышленниками занялся грабежом. К нему обратился старик, умоляя пощадить его и ничего не уничтожать. В ответ на это унтер-офицер стал бить старика ногами и застрелил его из пистолета».

Ефрейтор 8 роты 11 полка 14 мотодивизии Георг Лейснер из Лейпцига сообщает:

«Это было 4 августа 1941 г. вблизи Велижа. Группа солдат во главе со своим обер-лейтенантом согнала из ближних домов мирных жителей и бросила их в реку. В тех, кто умел плавать, они до тех пор бросали камнями, пока все несчастные не утонули».

Ефрейтор разведывательного отряда 87 пехотной дивизии Фриц Гойзелер из Вайсенфельза сообщает:

«В начале июля мы находились в Августове. Нас заставили производить расстрелы совместно с эсэсовцами и под наблюдением гестапо. Как-то за один день было расстреляно 269 человек. Это были белоруссы, русские, евреи и поляки, в том числе 14 девушек и женщин. Приговоренные к смерти группами в 25 человек подводились ко рву в 50 м. длины, 2 м. ширины и 1,20—1,50 м. глубины и с расстояния в 6—8 метров их по-двое расстреливали в спину. Вторая, третья и т. д. группы видели перед собою расстрелянных до них людей, лежавших в длинном рву. Последними расстреляли 14 девушек и женщин. Перед их глазами прошли все жертвы, подло убитые выстрелами в затылок. Если кто-либо еще оставался жив, то его доканчивали эсэсовцы из автомата или пистолета. Из 269 человек только 2 кричали и плакали».

Можно было бы удлинить этот перечень зверств и преступлений. Но достаточно и приведенных фактов, чтобы видеть, что эти зверства и преступления со стороны германских военных властей являются не единичными случаями, а, как совершенно правильно отметил Народный Комиссар по Иностранным Делам В. М. Молотов в своих нотах, системой, исходящей от руководителей нынешней Германии.

Мы на собственном опыте убедились, что, вопреки утверждениям наших офицеров, а также немецких газет, с нами с момента нашего пленения обращаются в полном соответствии с требованиями международного права. У нас нет основания жаловаться на плохое обращение. Напротив, комиссары обращались с нами всегда особенно вежливо и приветливо, даже тогда, когда некоторые из нас отказывались дать показания по тем или иным пунктам. Мы имеем достаточное и хорошее питание, спим на соломенных матрацах, с чистыми простынями и еженедельно ходим в баню. Врачи и санитары следят за нашим здоровьем.

Для удовлетворения наших культурных запросов в наше распоряжение предоставлены библиотека, читальня и клуб. Кино, концерты нашего собственного оркестра и хора заполняют наш досуг.

Мы, 115 солдат, поднимаем наш голос протеста против зверств, которым подвергаются советские военнопленные и мирное население оккупированных районов.

Мы обвиняем Гитлера и его клику, как вдохновителей совершенных и совершаемых ныне преступлений.

Мы просим Международный Комитет Красного Креста довести наш протест до мирового общественного мнения.

Все вышеуказанное в заявлении подтверждаем.

Вальтер Гейбих, торг. служащий, Берлин, 428 отряд связи.

Гейнц Эггерингхауз, помощник шофера, Эссен, 1 полк СС дивизии «Рейх».

Франц Биронский, сельхоз. техник, Тихау, Верхняя Силезия, 1 рота 45 полка 6 танк. дивизии.

Эдмунд Беднарик, шофер, Гросс Пониав, Верхняя Силезия, 3 рота 35 пех. дивизии.

Карл Ридезель, каменщик, Эверсбах Дилькрайз, 6 рота 181 полка 52 пех. дивизии.

Доктор Герман Цодер, почтовый инспектор, Вена, разведотряд 31 пех. дивизии.

Франц Поппель, сапожник, Ратибор, Верхняя Силезия, 132-й строительный батальон.

Георг Лейснер, инструментальщик, Лейпциг, 8 рота 11 полка 14 мотодивизии.

Ганс Мандельке, шофер, Шнейдемюль, 14 рота 303 полка.

Ефрейтор Эрих Розенгарт, Кенигсберг, монтер, 4 рота 312 полка 206 пех. дивизии.

Вальтер Кейлувейт, Шнекенмоор, с.-х. рабочий, 3 полка 408 пех. дивизии.

Ст. ефрейтор Гергард Рихтер, Пробстау 186, садовник, 3 рота 88 полка 15 пех. дивизии.

Ст. ефрейтор Артур Франке, Бремен, переводчик, 13 рота 473 полка 253 пех. дивизии.

Солдат Герберт Тиме, Франкфурт на Одере, с.-х. рабочий, 2 бат. 85 полка 85 пех. дивизии.

Ст. ефрейтор Вилли Давид, Мюнстер в Вестфалии, столяр, 1 рота 4 стрелкового полка 6 танк. дивизии.

Ефрейтор Альфред Готе, Зеезен в Гарце, старший кельнер, 497 полка 267 пех. дивизии.

Ст. ефрейтор Роберт Михаэлис, Гамбург, служащий, 2 дивизион 67 арт. полка 10 танк. дивизии.

Ст. ефрейтор Норберт Люг, Дортмунд, студент медиц. факультета, 7 рота 240 полка 106 пех. дивизии.

Унтер-офицер Эрнст Германи, Маршендорф, почтовый служащий, 5 рота 85 полка 403 пех. дивизии.

Стрелок Франц Штекль, Вена, литограф, 5 рота 29 полка 3 пех. дивизии.

Ефрейтор Арно Шпильман, Лихтенфельс, полировщик, 8 рота 520 полка 196 пех. дивизии.

Ефрейтор Ганс Вонперер, Миттертейх, бетонщик, 2 рота 205 полка 52 пех. дивизии.

Ст. ефрейтор Вилли Барт, Гера, электромонтер, 2 рота 455 полка 255 пех. дивизии.

Ефрейтор Гейно Бек, Дрезден, маляр, 11 рота 163 полка 52 пех. дивизии.

Ефрейтор Михаэль Гаст, обойщик, Людвигсгафен на Рейне, 7 рота 80 полка 34 пех. дивизии.

Унтер-офицер Гейнц Бледорн, булочник, Берлин, 7 рота 415 полка 123 пех. дивизии.

Унтер-офицер Герман Шольц, стекольник, Ландберг, 83 полка 403 пех. дивизии и другие — ВСЕГО 115 ПОДПИСЕЙ.

Май 1942 г.

«Правда» от 4 июня 1942 года.

ПРОЛОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ О ПРЕДЛЕТОПИСНОЙ РУСИ

М. Слабченко

Долетописная Русь известна чрезвычайно мало. Отрывочные замечания Фахир эд-дина о Руси начала VI в.; отдельные фразы эль-Омари о русских городах задолго до того, как сделалась ведомою Русь летописная; создание греками специально русского монастыря Дексикрата в половине VII в.; рассказ ибн-эль Ассира о захвате русами г. Барды на р. Курс в начале VIII в.; идущее от Абдуль Касима известие о вторжении русов в Аравию для овладения Багдадом; собранная Дорном сводка восточных описаний русских походов на Персию в 744, 850, 864, 880 гг. и др.; отмеченные в житии Георгия Амастридского нападения русов на Пропонтиду между 790 и 806 гг., находящиеся у Симеона Метафраста предания о Черноморской Руси очень отдаленных времен; пока не разъясненные строфы «Песни Роланда», в коих упоминаются русы в качестве арабских союзников в борьбе с Карлом Великим в Испании; географические отметки английского короля Альфреда Великого о малоизвестном Западу в восточной половине Европы целом государстве под названием Рошгаска и еще отнюдь немногочисленные фразы-обмолвки представят, вероятно, всю сумму материалов, принадлежащих поре, какой летописец наш не касался в своем труде.

При таком состоянии документальных данных всякий новый факт, до того не сделавшийся предметом научной обработки, конечно, не может не представлять интереса, если он так или иначе связывается с предлетописной Русью. К числу именно таких фактов принадлежит записанный в Прологе случай нападения русов на остров Эгину. О нападении на Эгину рассказывается в житии преподобной Афанасии. «Афанасия преблаженная, — читаем на л. 99 издания Пролога 1896 г., — бе от острова, нарицаемого Егинеа... Родися от... отца Никиты и матере Ирины, от них же... книгам научена бысть... Родителие ея непрестанно нудиша ю оставити спасительный путь (безбрачия) и нуждею вдаша ю мужу. И по браце мину 16 день, Руси ратию пришедши на страну ту и мужу ея убиену, Афанасия радовашеся, зане хотяше восприяти

монашеское житие. И цареву внезапное прииде повеление вдати велящее юные вдовы за оружники своя. Афанасия же второму браку неволю сочтеша. По некоем же лете увеща мужа своего быти монаха и сама иде в монастырь девичь». Такова нехитрая история Афанасии, в жизни которой русы сыграли некоторую роль.

Откуда попало в Пролог житие Афанасии, там же показано, и это обстоятельство ставит ряд трудностей. Как бы то ни было, но с житием был знаком писавший в X столетии агиограф Метафраст. Очевидно, известное и ему нападение на Эгину имело место до X века. Впрочем, может ли считаться достоверным самый факт нападения? Насколько известно, закон об обязательной выдаче молодых вдов замуж за воинов действительно был опубликован византийским императором Михаилом, в царствование которого в самом деле произошло в 813 г. нападение на Эгину. Какая же Русь действовала при этом? Новгородская, Полоцкая или Донская, кажется, не могли бы по своей географической отдаленности быть заинтересованными в завоевании о. Эгины. Участие Руси Киевской тоже сомнительно: она в 813 г. находилась в довольно тяжелом состоянии, так как попала в зависимость от хозар, при помощи откупщиков жестоко грабивших землю полян. Русь Корсунская и Корчевская Русь пребывали в орбите византийской политики, а к тому же являлись автономными провинциями греческой державы. Следовательно, предположение о нападении Руси Корсунской или Корчевской на о. Эгину отпадает. Остается признать Тмутороканскую Русь напавшей на византийский остров. Подобная линия поведения тмутороканцев совершенно во вкусе VIII—IX вв., когда Тмуторокань выступала то против арабов и действовала в интересах Византии, то против греков, нападая на них по согласованию с арабами, которые в Четых Минеях (т. III, л. 43 об.) именуются маврами. Нападение Руси на Эгину в 813 г. происходило, повидимому, и одновременно и координированно с налетом арабов на греческое государство.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

В. И. Ленин в сибирской ссылке 1897—1900. Красноярск. 1942. 198 стр.

Красноярский краевой комитет ВКП(б) подготовил книгу о жизни и борьбе Владимира Ильича Ленина в сибирской ссылке (1897—1900 гг.), о его многогранной деятельности по разработке теоретических, тактических и организационных принципов большевизма.

В сибирскую ссылку прибыл вождь рабочего класса, образованнейший марксист России. Еще за три года до ссылки В. И. Ленин со всей страстью пролетарского революционера разоблачил и идейно разгромил мелкобуржуазные, реакционные взгляды народников в боевом произведении нелегальной марксистской литературы, в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». В то же время в реферате «Отражение марксизма в буржуазной литературе» Ленин разоблачил временных попутчиков — «легальных марксистов», критиковавших народничество с буржуазных позиций, фальсифицировавших марксизм в угоду буржуазии, вытравливавших его революционную сущность. Направляемые В. И. Лениным петербургские марксисты стали руководителями стачечного рабочего движения в Петербурге. Ленинские листовки о волнениях на Семениковском заводе по поводу забастовки рабочих и работниц на фабрике Торнтон, к работницам табачной фабрики Лаферм и другие учили пролетариат бороться не только против своих хозяев, но и против царского самодержавия.

В книге «В. И. Ленин в сибирской ссылке» использованы документы, характеризующие работу В. И. Ленина в Петербурге в 1893—1895 гг., документы, относящиеся к его поездке за границу для связи с Плехановым и для ознакомления с деятельностью группы «Освобождение труда», а также к его возвращению в Россию; в ней помещены материалы, освещающие большую работу Ленина по руководству рабочим движением Петербурга и последовавший затем (в ночь на 9 декабря 1895 г.) арест Ленина и других деятелей «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

За время 14-месячного пребывания в петербургском «доме предварительного заключения» тюремщики четыре раза вызывали Владимира Ильича на допрос, пыта-

ясь выведать у него сведения о революционной работе петербургских марксистов, о связи Ленина с Плехановым. На их вопросы Владимир Ильич отвечал: «О знакомствах своих говорить не желаю, вследствие опасения компрометировать своим знакомством кого бы то ни было». 29 января 1897 г. последовало распоряжение царского правительства о высылке Владимира Ильича в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции сроком на три года. Мать Владимира Ильича М. А. Ульянова после настоячивых хлопот добилась для Владимира Ильича разрешения ехать к месту ссылки — до Иркутска без конвоя, за свой счет.

В этом первом, вводном разделе книги приведены полицейские документы, показывающие, как царские власти пристально следили за В. И. Лениным на всем его пути следования из Петербурга в Москву, а затем — в Восточную Сибирь.

Описание петербургского периода деятельности В. И. Ленина, его ареста, тюремного заключения, а затем высылки в Восточную Сибирь служит введением к большому и очень интересному разделу, посвященному жизни и борьбе Владимира Ильича в сибирской ссылке.

Вечером 4 марта 1897 г. Владимир Ильич Ленин прибыл в Красноярск. В проходном свидетельстве, по которому следовал Владимир Ильич к месту назначения — в Иркутск, указывалось, что В. И. Ульянов не может проживать нигде, кроме города Иркутска, и не позднее 24 часов со времени приезда в этот город обязан лично предъявить свидетельство в канцелярию иркутского военного генерал-губернатора. Во время пути он не имеет права уклоняться от врученного ему маршрута и останавливаться где бы то ни было, за исключением случаев возникновения каких-либо «непреодолимых препятствий». В этих случаях он обязан немедленно заявить о своей остановке местному полицейскому начальству.

Владимир Ильич остановился в Красноярске вследствие «непреодолимых препятствий» — наступившей весенней распутицы. К тому же он принял твердое решение ходатайствовать об оставлении его в пределах Енисейской губернии. Пользуясь присутст-

нием в Красноярске иркутского военного генерал-губернатора Горемыкина, Владимир Ильич подал прошение с просьбой переменить ему место ссылки и вместо Иркутской губернии назначить Красноярский или Минусинский округ.

Путевая канцелярия иркутского генерал-губернатора зарегистрировала прошение, поставив на нем штемпель «6 марта 1897 г.» и сделав пометку: «Иркутск для доклада». Но главное тюремное управление министерства юстиции, которое следило за поездкой В. И. Ленина в ссылку, настаивало, чтобы он был водворен именно в Иркутской губернии. В отношении главного тюремного управления енисейскому губернатору от 4 марта 1897 г. и енисейского губернатора тюремному инспектору от 22 марта и 31 марта предлагалось поторопиться с высылкой Ленина из Красноярска в Иркутск.

В одном из последующих документов департамента полиции указаны следующие приметы В. И. Ленина: «...рост 2 арш. 5½ вершков, телосложение среднее, наружностью производит впечатление приятное, волосы на голове и бровях русые, прямые, усах и бороде рыжеватые, глаза карие, средней величины, голова круглая, средней величины, лоб высокий, нос обыкновенный, лицо круглое, черты его правильные, рот умеренный, подбородок круглый, уши средней величины».

Владимиру Ильичу все же удалось остаться в пределах Енисейской губернии. Находясь в Красноярске, Ленин беспокоился о своих товарищах по петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса»: А. А. Ванееве, Г. М. Кржижановском, В. В. Старкове и других, — которые следовали в ссылку в тюремных вагонах. Этой группе ссыльных предстояло «открыть» новый способ передвижения арестантов — по Сибирской железной дороге взамен движения этапом по старому Московскому тракту. Особенно тревожило Владимира Ильича здоровье Анатолия Александровича Ванеева, который до приезда в Красноярск, находясь в петербургской тюрьме, болел плевритом. Ему как одному из активных участников революционного движения, члену «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» местом ссылки был назначен северный, отдаленный пункт Енисейской губернии — Туруханск.

Владимир Ильич часто спрашивался в тюремном отделении губернского правления о сроке прибытия этой партии ссыльных, и, наконец, ему удалось узнать, что партия была отправлена из Москвы 25 марта.

Известие о предстоящем прибытии товарищей очень обрадовало Владимира Ильича. «Теперь мы считаем дни, — писал он матери, — и «идем» с почтовым поездом, вышедшим из Москвы 25-го». Партия ссыльных, которую ждал Владимир Ильич, прибыла в Красноярск 4 апреля.

Спустя некоторое время В. И. Ленину удалось побыть несколько дней вместе с А. А. Ванеевым, а Г. М. Кржижановский и В. В. Старков сопровождали Владимира Ильича в поездке на пароходе по Енисею

из Красноярска в Минусинск, к месту его ссылки.

В Красноярске Ленин встретился с одним из пионеров революционного марксизма в России — Николаем Евграфовичем Федосеевым. Будучи образованным марксистом, Николай Евграфович много работал над пополнением своих знаний. Он написал научно-исследовательскую работу «Крестьянское дело в царствование Александра II». В этой работе Н. Е. Федосеев был первым, кто подошел к вопросу о причинах отмены крепостного права с марксистских позиций. Эта работа в рукописи была доставлена в Самару, В. И. Ленину, затем она перешла к одному из участников марксистского кружка в Самаре, И. Лалаянцу, и была у него отобрадена жандармами при аресте.

Н. Е. Федосеев вел активную борьбу с народниками. В открытом письме редактору «Русского богатства» Н. К. Михайловскому, написанном им в 1893 г., он гневно обрушился на народников за их клеветническую кампанию против марксистов.

В. И. Ленин участвовал в одном из марксистских кружков, организованных Н. Е. Федосеевым в Казани в 1887 году. Он много знал о жизни и борьбе этого замечательного революционера, но лично с ним тогда не встречался. В 1893 г., когда Федосеев находился во владимирской тюрьме, Владимир Ильич приезжал во Владимир, чтобы встретиться с ним, но безуспешно. Жандармы и тюремная администрация не смотря на окончание срока не выпустили Федосеева из тюрьмы. Не имея возможности встретиться лично, Владимир Ильич вел переписку с Федосеевым. Благоприятный случай для встречи представился в Красноярске. Ленин узнал, что в красноярскую пересыльную тюрьму прибывает в числе других ссыльных Н. Е. Федосеев. 16 апреля, задолго до прибытия поезда, Владимир Ильич пришел на красноярский вокзал. Наконец подошел долгожданный поезд. Владимир Ильич устремился к арестантскому вагону, окна которого были открыты, и сквозь железную решетку впервые увидел Н. Е. Федосеева. Но личное свидание опять не состоялось. Вся партия, с которой следовал Николай Евграфович, была направлена в пересыльную тюрьму.

После этой неудачи Владимир Ильич решил использовать для свидания с Федосеевым фотографию. Г. Кеппеля, куда приводили из тюрьмы фотографировать пересыльных. Еще в 1879 г. енисейский губернатор заключил контракт с владельцем одной из трех красноярских фотографий — Г. Кеппелем, который, по этому контракту, получил монопольное право фотографировать политических и уголовных заключенных за определенную плату.

По совету политических ссыльных Кеппель завел альбом и коллекционировал фотографические карточки; каждый политический ссыльный, приехавший в Красноярск, имел возможность обратиться в фотографию Кеппеля и, просмотрев альбом, узнать, кто из политических ссыльных и когда проследовал через Красноярск. В альбоме сре-

ди массы портретов, примерно около трех тысяч, были портреты рабочего-ткача Петра Алексеева, организатора знаменитой морозовской стачки Петра Мойсеенко, Михаила Бруснева, пропагандиста и организатора социал-демократических рабочих кружков в Петербурге, и много других.

Н. Е. Федосеев, стремясь скорее встретиться с В. И. Лениным, попросил разрешения сфотографироваться, но получил от губернатора отказ. Из пересыльной тюрьмы в распоряжение красноярского полицмейстера были направлены Анатолий Ванеев и Юлий Цедербаум. Решено было воспользоваться этим обстоятельством для организации свидания В. И. Ленина с Н. Е. Федосеевым.

Ванеев и Цедербаум прибыли в тюремный цейхгауз, погрузив свои вещи на телегу, которую сопровождал Владимир Ильич в качестве ее хозяина. Одетый в большую шубу, Владимир Ильич не вызвал никаких подозрений у часовых и был пропущен ими. В цейхгаузе Ванеев и Цедербаум потребовали у надзирателя вызова Федосеева как «старосты» политических для сдачи имущества. Пока Ванеев и Цедербаум стружали свое имущество, Ленин и Федосеев вели дружескую беседу.

Эта первая встреча Владимира Ильича с Н. Е. Федосеевым в Красноярске оказалась и последней. Уже находясь в селе Шушенском, Владимир Ильич получил известие о трагической гибели Федосеева. По этому поводу В. И. Ленин 15 июля 1898 г. писал своей сестре А. И. Елизаровой: «О Н. Е. (Федосееве) получил вчера письмо доктора (Ляховского). Н. Е. покончил с собой выстрелом из револьвера, 23/VI его похоронили. Оставил письмо Глебу и ему же рукописи, а мне, дескать, велел передать, что умирает «с полной беззаветной верой в жизнь, а не от разочарования». Не ожидал я, что он так грустно кончит. Должно быть, ссыльная «история», поднятая против него одним скандалистом, страшно на него повлияла». Впоследствии Владимир Ильич, находясь в Шушенском, заботился о сборе средств на постройку памятника Н. Е. Федосееву в Верхотенске, Иркутской губернии.

Город Красноярск, будучи распределительным пунктом политической ссылки Восточной Сибири, являлся в то же время и местом, куда водворялись на жительство политические ссыльные по особому на то разрешению департамента полиции или генерал-губернатора. Владимир Ильич нашел здесь небольшую колонию политических ссыльных, находящихся под гласным надзором полиции. Колония состояла преимущественно из народников, было в ней и несколько социал-демократов.

Административно-ссыльные, находившиеся под гласным надзором полиции, были связаны с местной группой интеллигентов — сибирских областников, бывших под негласным надзором полиции.

Народническую группу ссыльных в Красноярске возглавлял Караулов. К народникам примыкала группа областников, в которую входили врач Крутовский, студент томской семинарии Анучин и другие. Во

главе марксистской группы стоял уроженец Красноярска, сосланный под надзор полиции к родителям, студент Петербургского университета Петр Ананьевич Красиков. Вокруг Красикова группировались рабочие и служащие строительства железной дороги. Красиков познакомил Владимира Ильича с политическими настроениями местной интеллигенции города и положением рабочих — строителей железной дороги и моста.

По пути в Красноярск Владимир Ильич узнал, что за городом, на Таракановской даче, у купца-библиофила Г. В. Юдина, имеется большая домашняя библиотека. Когда, после прибытия в Красноярск, Владимир Ильич обратился к Юдину с просьбой о разрешении воспользоваться его замечательной библиотекой, Юдин охотно разрешил и показал ему свои сокровища. О первом посещении библиотеки Владимир Ильич на следующий же день написал своей матери Марии Александровне: «Вчера попал таки в здешнюю знаменитую библиотеку Юдина, который радушно меня встретил и показывал свои книгохранилища. Он разрешил мне и заниматься в ней, и я думаю, что это мне удастся. (Препятствий тут два: во-1-х, его библиотека за городом, но расстояние небольшое, всего версты 2, так что это приятная прогулка. Во-2-х, библиотека не закончена устройством, так что я могу чрезмерно обременить хозяина частым спрашиванием книг). Посмотрим, как это выйдет на деле. Думаю, что и второе препятствие устранится. Ознакомился я с его библиотекой далеко не вполне, но это во всяком случае замечательное собрание книг. Имеются, например, полные подборки журналов (главнейших) с конца XIX века до настоящего времени. Надеюсь, что удастся воспользоваться ими для справок, которые так нужны для моей работы».

С тех пор Владимир Ильич ежедневно совершал прогулки на Таракановскую дачу. «В библиотеку хожу ежедневно,— писал он матери,— и так как она (лежит) находится в 2-х верстах от окраины города, то мне приходится проходить верст 5—около часа пути. Прогулкой такой я очень доволен и гуляю с наслаждением».

Г. В. Юдин нашел в своем новом посетителе весьма прилежного исследователя, серьезно работающего над книгой, и предоставил ему возможные удобства для занятий в библиотеке. Но, к сожалению, всех запросов Владимира Ильича библиотека удовлетворить не могла. После тщательного ознакомления с библиотекой Владимир Ильич в письме к родным 15 марта 1897 г. писал: «В библиотеке оказалось гораздо меньше книг по моему предмету, чем можно было думать судя по общей ее величине, но все-таки есть кое-что для меня полезное, и я очень рад, что могу провести здесь время не совсем зря». В. И. Ленин послал А. И. Елизаровой дополнительный список литературы, которую просил купить у петербургских букинистов или достать в московских библиотеках и прислать ему.

Во время пребывания в Красноярске Ленин написал большую теоретическую работу—«К характеристике экономического

романтизма». В этой работе, разбирая учения швейцарского экономиста начала XIX столетия Сисмонди, Ленин подверг критике экономические взгляды идеологов русского либерального народничества.

Работа эта была написана для легального издания и напечатана в журнале «Новое слово» (кн. 7—10-я, апрель — июль 1897 г.). Часть гонорара за свою статью Ленин предложил использовать на покупку и присылку книг, нужных ему для последующих теоретических работ.

В Красноярске В. И. Ленин ждал ответа на свое ходатайство о замене иркутской ссылки южным районом Енисейской губернии. 22 марта 1897 г. енисейский губернатор распорядился подвергнуть Ленина медицинскому осмотру с целью проверить, действительно ли Владимир Ильич по состоянию здоровья нуждается в поселении в южной части Енисейской губернии. Осмотр состоялся в здании врачебного отделения «особого присутствия» под председательством вице-губернатора, с участием полицмейстера и тюремного инспектора. У Владимира Ильича было найдено заболевание легких.

31 марта 1897 г. иркутский генерал-губернатор прислал енисейскому губернатору телеграмму: «Ульянов подлежит водворению Минусинском округе. Подробности почтой». Енисейскому губернатору тюремному инспектору 10 апреля было подробно сообщено, что местом ссылки В. И. Ульянова назначается село Шушенское, Минусинского округа. Вместе с тем было предписано на все время пребывания В. И. Ленина в Красноярске учредить за ним бдительное полицейское наблюдение.

30 апреля 1897 г. Владимир Ильич вместе с В. В. Старковым и Г. М. Кржижановским выехал из Красноярска на пароходе и 6 мая прибыл в Минусинск. В. И. Ленин побывал в известном краеведческом музее Мартянова. 8 марта 1897 г. Владимир Ильич в сопровождении жандармов выехал в село Шушенское, к месту своей окончательной ссылки.

В село Шушенское водворялись политические ссыльные. Там были поселены декабристы П. И. Феленберг и А. Ф. Фролов, затем известный общественный деятель революционер-утопист Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский, а с 90-х гг. XIX столетия — социал-демократы.

С прибытием Владимира Ильича в Шушенское в канцеляриях Енисейской губернии было заведено шесть дел «о поднадзорном Владимире Ильиче Ульянове». Во всех этих делах отражалось пребывание В. И. Ленина в шушенской ссылке.

В 90-х гг. Шушенское выглядело унылым, нищим и убогим в культурном отношении селом. Сельская «интеллигенция» в Шушенском состояла в то время из двух учителей, попа, волостного писаря и лавочников. По своему образу жизни они мало чем отличались от заправил села — кула-

ков: так же предавались пьянству, карточной игре.

Владимир Ильич поселился на земской квартире у А. Д. Зырянова. На этой квартире Ленин прожил свыше года, до приезда Н. К. Крупской. Из местных крестьян близким знакомым Ленина были Журавлев, бывший писарь, и И. О. Ермолаев. О Журавлеве Владимир Ильич говорил, что он по природе своей революционер, протестант, не мирился ни с какой несправедливостью и смело выступал против богатеев.

И. О. Ермолаев, или, как его просто все называли, «Сосипатыч», происходил из бедных крестьян. Он очень полюбил Владимира Ильича, ходил с ним на охоту и часто приносил ему бесхитростные подарки: то журавля, то кедровых шишек, то букет полевых цветов.

В Шушенском, кроме В. И. Ленина, отбывали ссылку двое рабочих: лодзинский социал-демократ поляк Проминский с женой и шестью ребятами и путиловский рабочий Оскар Энгберг — финн по национальности. Оба часто бывали у Владимира Ильича.

В рецензируемой книге использованы интересные воспоминания старых жителей Шуши, с которыми был близко знаком В. И. Ленин. А. П. Зырянов, хозяин квартиры, в которой Владимир Ильич прожил 14 месяцев, в своих воспоминаниях (апрель 1941 г.) рассказывает: «В ту пору я часто ходил на охоту и всегда приносил много дичи. Когда я приходил с охоты домой, Владимир Ильич, рассматривая убитую мною дичь, расспрашивал, как мне удастся столько много добывать. Я ему говорил, что ничего удивительного в этом нет: дичи в окрестностях Шушенского полно, только, знай, стреляй... Охотились мы попервости по берегу речки Шушь на уток, а когда Владимир Ильич завел себе полуболотные сапоги (до этого он ходил на охоту в ботинках), то стали ходить и на озера.

Владимир Ильич страсть как стал увлекаться охотой. Когда я находился на пашне или был занят по хозяйству, он отправлялся на охоту один. И, надо сказать, часто возвращался с богатой добычей. Потом Владимир Ильич познакомился с местным крестьянином-бедняком Сосипатычем и с ним вместе ходил охотиться. Летом Ильич охотился на уток и дупелей, а зимой — на куропаток.

С охоты Владимир Ильич приходил всегда усталый, но веселый и довольный своей добычей.

Владимир Ильич любил также рыбачить. С. К. Желтовский, в то время крестьянин-бедняк, сейчас колхозник, ездивший с Владимиром Ильичем на рыбалку, рассказывал: «Как-то Владимир Ильич говорит мне, что хочет поехать со мной порыбачить. Я пригласил его. Приехали мы на озеро. Владимир Ильич сел в корыто и поехал в нем по озеру, а корыто-то и перевернулось, он и вывернулся в озеро, но не испугался, не растерялся, — шустрый был такой, — обнял корыто и кричит мне:

— Подай жердь!

Я подал Ильичу жердь и подтащил его к берегу.

— Ну,— говорит Владимир Ильич,— плохое корыто, надо настоящую лодку сделать.

Тогда я взял два бревешка, аршина по три, выдолбил их, спарил и в середину бревешко подпихал. Получилась лодка. Владимир Ильич посмотрел, пошутил над моим изделием и плашкотом мою лодку назвал. На этом плашкоте мы и рыбачили с ним. Владимир Ильич все говорил: «Теперь плашкот у нас хороший, давай, Желтов, морды ставить», а больше удочками рыбу ловил. Много мы рыбы ловили в то время, только Ильич себе мало брал, все мне отдавал».

У себя на квартире В. И. Ленин проводил по воскресным дням бесплатную юридическую консультацию. Ему удавалось в судах выпрыгивать дела бедных крестьян и рабочих. Одному рабочему, выгнанному золотопромышленником, он помог выиграть дело, добившись восстановления его на работе. Весть об этом быстро разнеслась по окружающим селам. Крестьяне за десятки километров приходили к нему за советом. Владимир Ильич слушал внимательно, выискивал во все детали и помогал, чем мог.

И. О. Ермолаев помогал своему приятелю вести в Минусинске судебное дело по поводу незаконных поборов. Дело это было чрезвычайно важное, принципиальное. Аналогичных дел тогда было много у крестьян Минусинского уезда. Выиграй Ермолаев свой процесс—сразу возникли бы десятки и сотни подобных. Царским чиновникам поэтому необходимо было во что бы то ни стало сорвать дело Ермолаева. И в конце концов они своего добились. Дело близилось к благоприятному концу, но администрация обнаружила участие в нем В. И. Ленина, и дело было проиграно. Произошло это так. Получив составленное Владимиром Ильичем прошение, Ермолаев отправился в Минусинск, чтобы подать его в суд. В суде давно уже удивлялись умелому и опытному ведению дела, обоснованным и логическим прошениям и жалобам, которые поступали от Ермолаева. Долго и безуспешно судебские чиновники пытались узнать, кто скрывается за его спиной, но не могли узнать.

Когда Ермолаев подал свое прошение, чиновник сразу задал ему вопрос: «Кто написал прошение?» Подобные вопросы ему задавались и раньше, но он, помня наказ Владимира Ильича, всегда твердил одно и то же:

— Пишу сам, да еще с писарем советуясь.

Но на этот раз он, повидимому, от неожиданности, не подумав, выпалил:

— Да это писал наш Владимир Ильич Ульянов.

Физиономия судебного чиновника моментально побатровела, и он свирепо закричал:

— Да я тебя под суд отдам! Ведь это политический ссыльный, который не имеет права заниматься судебной практикой.

Напуганный Ермолаев, желая оградить Владимира Ильича от возможных неприятных последствий, схватил прошение и убежал. По дороге он изорвал его в клочки,

чтобы уничтожить вещественное доказательство, которое могло бы послужить уликой против Владимира Ильича. Больше Ермолаев прошений не подавал и проиграл дело. Владимир Ильич, узнав о случившемся, вначале сильно рассердился, но потом успокоился и шутливо выругал смущенного Ермолаева, обозвав его «желторотым чалдоном».

В. И. Ленин старался под всевозможными предлогами побывать в Минусинске, куда съезжались ссыльные социал-демократы из окружающих сел. На каждый выезд из Шуши требовалось разрешение минусинского исправника, а так как такое разрешение не всегда можно было получить, то В. И. Ленину временами приходилось отлучаться самовольно. За одну такую отлучку «без разрешения начальства» минусинский окружной исправник сделал В. И. Ленину «внушение».

Осенью 1897 г. Владимир Ильич закончил брошюру «Новый фабричный закон» и приложение к ней. Брошюра эта, предназначенная для нелегальной печати, была издана в Женеве в 1899 г. группой «Освобождение труда», а затем нелегально переслана в Россию.

Идея гегемонии пролетариата, которую Ленин выдвинул в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894), получила свою дальнейшую конкретизацию и обоснование в замечательном тактическом документе революционных социал-демократов—брошюре Ленина «Задачи русских социал-демократов». Брошюра эта была написана в конце 1897 г. и издана в Женеве в 1898 году. В ней В. И. Ленин изложил задачи революционной социал-демократии в России и обосновал необходимость создания революционной партии рабочего класса.

«Кустарная перепись 1894—1895 гг. в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности»—одна из крупных работ, написанных В. И. Лениным в 1897 году. В том же году Ленин написал ряд статей против народников.

В конце 1898 г. вышел из печати сборник экономических статей Ленина, направленных против народников, в котором дан блестящий марксистский анализ русской экономики. Часть этих статей раньше была опубликована в периодической печати. Петербургское охранное отделение доносило 18 ноября 1898 г. департаменту полиции: «Вышло в свет и продается в книжном магазине «Знание» (донесение мое за № 195) новое произведение легальной социал-демократической литературы под заглавием «Экономические этюды и статьи Владимира Ильина». С.-Петербург, типография Лейферта, 1899 г. Названный автор более известен под другим своим псевдонимом—«Тулин». Под таким псевдонимом печатались его статьи в «Новом слове» и в каком-то социал-демократическом сборнике, не пропущенном цензурой. Настоящую его фамилию знают немногие, так как социал-демократы держат ее в большом секрете, оберегая в этом авторе одного из своих вожakov. В

действительности это — политический ссыльный Владимир Ильич Ульянов, родной брат террориста Александра Ульянова, казненного в 1887 году».

На этом документе имеется следующая пометка: «Господин министр желает ознакомиться с этим изданием, просит жандармское управление доставить 1 экз.».

Весною 1898 г. в Шушенское приехала Надежда Константиновна Крупская — один из активных деятелей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». На протяжении полутора лет после ареста В. И. Ленина и других товарищей Н. К. Крупская с большим успехом осуществляла связь между арестованными и оставшимися на свободе товарищами, работавшими нелегально среди рабочих. После всеобщей забастовки петербургских ткачей (август 1896 г.) Н. К. Крупская была арестована по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Она просидела в петербургской тюрьме семь месяцев, затем была освобождена и до решения суда находилась под гласным надзором полиции.

11 марта 1898 г. департамент полиции объявил Н. К. Крупской, что распоряжением царского правительства она высылается на три года в Уфимскую губернию под гласный надзор полиции. Надежда Константиновна настаивала на замене уфимской ссылки шушенской, где находился Владимир Ильич. Министерство внутренних дел разрешило Надежде Константиновне отбывать ссылку в селе Шушенском, но обусловило это разрешение тем, что по прибытии в Шушенское она должна была немедленно вступить с Владимиром Ильичем в законный брак.

От Надежды Константиновны Владимир Ильич получил ценные сведения о революционном движении в России, о состоявшемся в Минске в марте 1898 г. I съезде Российской социал-демократической партии.

Вскоре В. И. Ленин и Н. К. Крупская переехали на новую квартиру, к вдове, крестьянке Петровой, где заняли большую половину дома. Они взяли себе в помощницы по хозяйству четырнадцатилетнюю девочку Пашу Мезину.

Надежда Константиновна помогала Владимиру Ильичу в его большой теоретической работе. Вместе они работали, вместе делили невзгоды ссыльной жизни, вместе строили планы дальнейшей революционной работы. В своих воспоминаниях П. А. Яценко-Мезина о жизни в семье Ульяновых рассказывает: «Около двух лет прожила я в семье Ульяновых. Сам Владимир Ильич приходил нанимать меня помогать управляться по хозяйству Надежде Константиновне. Родители с удовольствием меня отпустили, так как семья у нас была большая и жили мы бедно. Нравилось мне у них жить. Прежде чем дать мне какую-нибудь работу, меня всегда спрашивали, могу ли я это делать, и если я отвечала «нет», меня учили, как это делать. Работа была у них нетяжелая. Скота они не дер-

жали, стирку отдавали на сторону. Моя обязанность заключалась в том, чтобы помочь Надежде Константиновне приготовить обед, подать на стол, убрать со стола, подмести, сходить куда-нибудь — и все. Огород у них был во дворе маленький (росли в нем огурцы, морковь, свекла и другие овощи), так его всей семьей обрабатывали; Владимир Ильич любил в земле повозиться».

Большую научную и революционную работу В. И. Ленин умел сочетать с разумным отдыхом. Весь рабочий день у него был точно распределен. Владимир Ильич летом предпринимал дальние прогулки, ходил на охоту, а зимой любил кататься на коньках. Об этом он рассказывает в письме к М. А. Ульяновой и А. И. Елизаровой: «У нас новостей никаких. Переменилось только развлечение: по случаю наступления зимы я вместо охоты начинаю заниматься коньками: вспомнил старину и оказалось, что не разучился, хотя не катался уже лет с десятков».

Один из жителей села Шушенского, колхозник Н. И. Попков, вспоминает: «Мне в то время было лет 10—11. Никогда у меня не изгладится из памяти, как мы встречались с Владимиром Ильичем на катушке и на катке. Он с нами, ребятами, дружил. Организовал он молодежь и малых ребят и построил катушку на высоком яру. Наладили бревна, утрамбовали снег, залили водой, и с этой катушки ребятки катались на салазках».

Каток Владимир Ильич делал сам, а мы всегда старались, вертелись около него, помогали ему; уж очень нам было любопытно смотреть, как большой политический дядя ловко катается и не падает. Когда бывала пурга и наш каток заносило снегом, мы, как увидим, что Владимир Ильич взялся за его очистку, все повысыпем к нему на помощь, а он шутит с нами, подбадривает нас.

Мне крепко врезалось в память, как Владимир Ильич хорошо катался на коньках, здорово был научен, видно, с детства. Делал прыжки, круги, взад и вперед катался, всякие фигуры выделял ногами. Мы сначала любовались на него, потом пытались догнать, носились как оглашенные, но ни разу не могли догнать. Бывало целой ватагой задумаем его поймать, расставимся шахматным порядком или в цепь, но он всякими вилюшками выйдет из нашего окружения. Но когда захочет сделать нам уважение, то нарочно в цепь зайдет и как будто сдастся. «Ну,— говорит,— поймали»,— а сам улыбается или громко смеется вместе с нами. А мы так гужом за ним ходили, бегали, и, видно, очень он любил ребят, коли они к нему так льнули. И все ребята его звали по имени и отчеству—Владимир Ильич. Как увидим, что он на катке, сейчас же под окном к другим ребятам: айда на каток, Владимир Ильич вышел кататься!»

В. И. Ленин очень увлекался шахматами. Он писал матери: «Пришли мне одну из наших партий шахматов, оказалось, что в Минусинске есть партнеры среди товари-

Шей, и я однажды с большим удовольствием вспомнил старинку. Напрасно я думал, что Восточная Сибирь—такая дикая страна, в которой шахматы не могут понадобиться»

В период шушенской ссылки В. И. Ленин продолжал вести большую теоретическую работу по разоблачению вредных, антинаучных взглядов либерального народничества. Готовя свои печатные труды против народничества, Владимир Ильич вместе с тем выступал на диспутах против народников, защищая и обосновывая позицию революционных марксистов. Народники и народопривцы: Тырков, Тютчев, Яковлев, Мельников, Орочко,—особенно такие ссыльные «старики», как Тютчев и Тырков, искали поводов для нападков на марксистов. Таким поводом явился для них побег ссыльного социал-демократа С. Г. Райчина.

Райчин, тесно связанный с группой «Освобождение труда», решил бежать из ссылки за границу. Свое намерение он осуществил в начале 1898 г., причем, по всем данным, побег был совершен с ведома и одобрения Владимира Ильича. Народники заявили претензию, что их, мол, не предупредили о побеге, могли быть обыски, а они «не почистились». «Старики»-народники использовали этот случай, чтобы затеять склоку, и потребовали товарищеского суда над В. В. Старковым и другими. Ленин выехал в Минусинск и на собрании, где рассматривался этот вопрос, резко выступил против народников. Этим выступлением Владимир Ильич разбил все попытки народников подорвать авторитет социал-демократов среди ссыльных. На этом собрании произошел разрыв между Владимиром Ильичем и старыми ссыльными-народниками.

Летом 1898 г. В. И. Ленин решил поехать в Красноярск, чтобы ознакомиться с деятельностью социал-демократов в этом городе, встретиться с П. А. Красиковым и его товарищами. Заручившись у минусинских врачей необходимыми справками о болезни, он получил необходимое разрешение. На этот раз Владимир Ильич остановился в Красноярске, у ссыльного социал-демократа П. А. Красикова. Последний информировал Владимира Ильича о работе марксистов в Красноярске и познакомил его со студентом Петербургского университета Л. Н. Скорняковым, находившимся под надзором полиции за принадлежность к социал-демократической организации. Полицейские власти тщательно наблюдали за сроком пребывания Ленина в Красноярске. 20 сентября он выехал на пароходе в Минусинск.

О пребывании в Красноярске и встречах с товарищами Владимир Ильич писал матери 16 сентября 1898 г.: «Поездкой своей сюда я очень доволен: вылечил себе зубы и проветрился несколько после полугодового шушенского сидения. Как ни мало в Красноярске публики, а все-таки после Шуши приятно людей поглядеть и поразговаривать не об охоте и не о шушенских «новостях».

В. И. Ленин много работал над книгой «Развитие капитализма в России». Вчерне этот труд был закончен в августе 1898 года. Н. К. Крупская в письме к А. И. Елизаровой 9 августа писала: «Сегодня Володя кончил свои рынки, теперь ему остается только сократить их, и в шляпе дело». Осенью и зимой 1898 г. Владимир Ильич усиленно работал над отделкой книги, используя ряд выписок, сделанных в юдинской библиотеке, а также богатые статистические материалы, собранные и обработанные им.

В октябре—ноябре 1898 г. Владимир Ильич тщательно пересмотрел свой труд, готовя к печати, после чего сообщил А. И. Елизаровой, что работу можно печатать в журналах по главам.

Рукопись была закончена и готова к печати в конце января 1899 года. В марте 1899 г. в № 3 журнала «Начало», который выходил вместо закрытого «Нового слова», были опубликованы первые шесть параграфов III главы ленинской работы «Вытеснение барщинного хозяйства капиталистическим в современном русском земледелии». Редакция журнала сопровождала статью следующим примечанием: «Настоящая статья представляет отрывок из большого исследования автора о развитии капитализма в России».

В апреле 1899 г. книга эта вышла отдельным изданием, подписанная псевдонимом «Владимир Ильин».

Находясь в шушенской ссылке, В. И. Ленин пристально следил за международным и российским рабочим движением. Осенью 1898 г. А. И. Елизарова переслала В. И. Ленину комплект газеты «Франкфуртер цейтунг», в которой был напечатан отчет о Штуттартском съезде германских социал-демократов (октябрь 1898 г.). На этом съезде впервые был поднят вопрос о ревизионизме в германской социал-демократической партии в связи с оглашением заявления отсутствовавшего на съезде Э. Бернштейна.

В. И. Ленин резко выступал против ревизионистов. Получив книгу Э. Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», Ленин пишет матери: «Книгу Бернштейна мы тотчас же приняли с Надей читать и больше половины прочли, и содержание ее все больше нас поражает. Теоретически—невероятно слабо; повторение чужих мыслей. Фразы о критике, и нет даже попытки серьезной и самостоятельной критики. Практически—оппортунизм (фабианизм, вернее: оригинал массы утверждений и идей Бернштейна находится у Вебб'ов в их последних книгах), безразличный оппортунизм и POSSИБИЛИЗМ, и притом все же т р у с л и в ы й оппортунизм, ибо программы Бернштейн прямо трогать не хочет. Вряд ли можно сомневаться в его фиаско. Указания Бернштейна на солидарность с ним многих русских... совсем возмутили нас».

В. И. Ленин ни в какой мере не мог согласиться с беспринципным примиренчеством к Бернштейну, которое проявили

Каутский и другие лидеры германской социал-демократической партии. Ленин требовал беспощадной и принципиальной борьбы с ревизионизмом. По отдельным полученным номерам журналов «Новое слово» и «Начало» Владимир Ильич с негодованием следил за эволюцией русских «критиков» Маркса — «легальных марксистов» (Струве, Туган-Барановского, Булгакова), быстрыми темпами переходящих в лагерь идеализма. Из ссылки Ленин писал: «Насчет «с ног сшибательных открытий» русских учеников и их неокантианства я прихожу все в большее и большее возмущение».

Не случайно в этот период В. И. Ленин уделяет много времени изучению философии. 20 июня 1899 г. Н. К. Крупская в письме к М. А. Ульяновой сообщала: «Володя усиленно читает всякую философию (это теперь его официальное занятие), Гольбаха, Гельвеция и т. п.». 27 июня Ленин писал Потресову: «Теперь именно этим и занимаюсь, начавши с Гольбаха и Гельвеция и собираюсь перейти к Канту. Главнейшие сочинения главнейших классиков философии я достал, но неокантианских книг не имею (выписал только Ланге). Сообщите, пожалуйста, нет ли у вас или ваших товарищей и не могли ли бы вы поделиться ими».

В этот период В. И. Ленин вел оживленную переписку по философским вопросам с Ф. Ленгником.

«Критик» Маркса — Туган-Барановский — подверг буржуазной критике марксову теорию стоимости и прибавочной стоимости. Он писал, что прибавочную стоимость могут создавать не только рабочие, но и скот и машины, что эта теория «потребует еще более глубоких изменений». По поводу этого выступления Ленин писал: «Прочел статью Туган-Барановского в № 5 «Научного Обозрения»... Чорт знает что за глупый и претенциозный вздор!»

В статье «Капитализм в сельском хозяйстве» (о книге Каутского и о статье Булгакова) Ленин выступает против С. Булгакова, который так же, как и ревизионисты на Западе — Давид, Герц и др., — пытался доказать жизнеспособность мелкого хозяйства и его преимущества перед крупным.

В. И. Ленин, негодуя по поводу ревизионистских вылазок Булгакова и ему подобных, 27 апреля 1899 г. писал: «Начну с того, что меня теперь наиболее интересует и волнует — со статьи Булгакова в 1, 2 и 3 книжках «Начала». Если на Вас статья Булгакова произвела «отталкивающее» впечатление и «жалкое», то меня она привела прямо-таки в исступление... Будь у человека сколько-нибудь чувства партийности, сознание ответственности перед всеми Genossen и перед всей их программой и практической деятельностью, — он бы не решился так наезднически «наскакивать»... Он чувствует себя, очевидно, свободным от всяких товарищеских обязанностей и ответственности... но ведь такой журнал, как

«Начало», все же не альманах, допускающий марксизм собственно из моды à la «Мир божий», «Научное обозрение» и пр., а орган направления. Поэтому для такого журнала обязательно бы налагать некоторую узду на ученых наездников и на всех «посторонних» вообще».

В письмах из ссылки Ленин возмущается по поводу того, что Плеханов, который находился за границей и имел возможность выступить против Струве, Булгакова и других, отделывался молчанием. Ленин также возражает против оппортунистической статьи П. Аксельрода «Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России», в которой развивались мысли о примирении рабочих с буржуазией. Ленин с негодованием пишет, что Аксельроду «следовало бы порезче выставить классовый характер движения, о котором говорит автор..., а затем не так благоволить к фрондствующим аграриям».

Таким образом, Ленин из сибирского далека поднимал знамя решительной борьбы против западноевропейского ревизионизма и русских «критиков» Маркса. Он призвал революционных социал-демократов защищать теорию Маркса и вести последовательную, принципиальную марксистскую политику непримиримости к классовым врагам пролетариата.

Весной 1899 г. А. И. Елизарова переслала В. И. Ленину программу русских оппортунистов, написанную Кусковой и Прокоповичем. Как только Ленин получил эту программу русского ревизионизма, он решил немедленно созвать совещание ссыльных марксистов, разбросанных по Минусинскому округу, для того чтобы резко осудить ее. На совещании был заслушан и обсужден составленный В. И. Лениным проект протеста российских социал-демократов против «кредо» «экономистов». Этот ленинский протест, единогласно принятый совещанием, явился манифестом революционных социал-демократов в борьбе за марксизм и пролетарскую партию.

Наряду с этим Ленин выступил против петербургских «экономистов» из «Рабочей мысли» и против манифеста киевских «экономистов» с большой статьей — «Попятное направление в русской социал-демократии».

В ссылке В. И. Ленин написал ряд статей для редакторской группы «Рабочей газеты» № 3 (первые два номера вышли в Киеве в 1897 г., а затем газета должна была выходить, согласно решениям I съезда РСДРП в 1898 г., как центральный орган партии). Ленин призывал русских марксистов к творческому изучению теории Маркса.

В эти годы Владимир Ильич много работал над выработкой боевой программы марксистской партии российского пролетариата. Первый проект программы партии и объяснение к нему были составлены В. И.

Лениным в петербургской тюрьме (по соображениям конспирации, этот проект программы был написан между строк медицинской книги). В сибирской ссылке, продолжая работать над программой марксистской партии российского пролетариата, Ленин в статье «Наша программа» (1899) требует особенно заострить программные формулировки против западноевропейского и русского ревизионизма.

В этот период В. И. Ленин занимался разработкой вопроса об организационных задачах революционной социал-демократии. Он наметил гениальный план создания марксистской партии через общерусскую политическую газету. Ленин считал, что такая газета явится решающим звеном в организации партии. Общерусская газета революционных социал-демократов должна вести беспощадную идейную борьбу со всеми врагами марксизма—ревизионистами всех мастей—и широко пропагандировать программу революционного марксизма.

Не было ни одного вопроса революционной теории, политики международного и российского пролетариата, вопросов организационного строительства марксистской партии, которые бы не разрабатывал В. И. Ленин в годы сибирской ссылки.

В книге «В. И. Ленин в сибирской ссылке» рассказано о замечательных профессиональных революционерах А. А. Ванееве и В. К. Курнатовском, находившихся в сибирской ссылке вместе с В. И. Лениным. В глазах местной жандармерии, А. А. Ванеев считался самым опасным из всех политических ссыльных. По обвинению в содействии побегу ссыльного Акимова-Махновца срок ссылки Ванееву был продлен на два года.

В. И. Ленин и Н. К. Крупская много хлопотали и заботились о здоровье А. А. Ванеева. Только весной 1899 г. Ванееву удалось перевестись из Енисейска в село Ермаковское, отсюда он приезжал к Владимиру Ильичу в Шушенское. В письме от 7 августа Владимир Ильич благодарит мать за исполнение просьбы относительно Ванеева и добавляет: «Я надеюсь позидать его еще на этих днях: говорят, он совсем плох, кровь идет горлом страшно сильно, отхаркиваются даже куски легкого». В следующих письмах Владимир Ильич сообщает: «У нас новостей мало. Анатолию все хуже и хуже». Надломленный тюрьмой и ссылкой, организм Ванеева не мог бороться с болезнью, и 8 сентября Ванеев скончался.

10 сентября 1899 г., в пасмурный осенний день, по узким и глухим переулкам села от дома, где жил Анатолий Александрович, тронулась похоронная процессия. На кладбище, среди основного бора, у свежей могилы, перед тем, как опустить гроб, Владимир Ильич произнес прощальную речь, в которой отметил выдающиеся качества Анатолия Александровича Ванеева, преданного революционера, борца за интересы рабочего класса. На могилу Ванеева заботливыми товарищами была поло-

жена чугунная плита, заказанная В. И. Лениным на Абаканском чугунолитейном заводе, с надписью: «Анатолий Александрович Ванеев. Политический ссыльный. Умер 8 сентября 1899 года. 27 лет от роду. Мир праху твоему. Товарищ».

Виктор Константинович Курнатовский — одна из ярких и героических фигур в революционном рабочем движении России. За принадлежность к «Народной воле» Курнатовский в 1889 г. был сослан в Шенкурск, Архангельской губернии. В октябре 1892 г. ему удалось нелегально выехать за границу. Он поступил в Цюрихский политехнический институт и в 1893 г. вместе с Плехановым участвовал как делегат русских социал-демократов на Цюрихском конгрессе Интернационала. Окончив институт с дипломом инженера-химика, Курнатовский приехал в Россию для продолжения революционной работы, но сразу был арестован и сослан в Восточную Сибирь, в село Курагинское. Там Владимир Ильич и Надежда Константиновна навещали В. К. Курнатовского. Чтобы иметь возможность чаще встречаться с Владимиром Ильичем, Курнатовский исходатайствовал разрешение о переводе его в село Ермаковское.

В. К. Курнатовский был участником совещания 17 социал-демократов и подписал ленинский «Протест русских социал-демократов».

7 августа 1900 г. кончился срок ссылки Курнатовского, и он направился в Красноярск, затем — в Воронеж, в конце 1900 г. уехал в Тифлис, где вместе с товарищем И. В. Сталиным принял активное участие в работе тифлисского социал-демократического комитета. От Курнатовского товарищ Сталин узнал об огромной работе Ленина в сибирской ссылке.

Срок пребывания В. И. Ленина в сибирской ссылке подходил к концу. Три года сибирской ссылки, по словам Н. К. Крупской, были годами «серьезной учебы». Наступал новый период борьбы за создание боевой марксистской партии российского пролетариата, план организации которой Владимир Ильич разработал со всеми подробностями.

Пребывание в ссылке В. И. Ленина и его соратников по петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» оказало влияние на рост революционного движения в Енисейской губернии. До приезда в сибирскую ссылку Ленина и его соратников жандармское управление Енисейской губернии в своих годовых политических отчетах департаменту полиции доносило о полном благополучии: «Настроение населения нормальное, не оставляет желать ничего лучшего». Совсем по-другому стали выглядеть жандармские отчеты за 1897 и последующие годы. Енисейский жандармский ротмистр в своем докладе за 1897 г. с тревогой отмечает, что в округе появились нового типа административно-ссыльные — социал-демократы, которые очень опасны для самодержавия. Они, по мнению ротмистра, сильно отличаются от государ-

ственных преступников из лагеря народничества, которые как бы отказались от прежней деятельности, спокойно занимаются обзаведением своих домов, служат по найму конторщиками у богатых купцов и золотопромышленников.

Пребывание в ссылке В. И. Ленина и его соратников резко отразилось на развитии революционного движения в Сибири. В Томске, Красноярске и других городах в конце 90-х годов заметно усилилась социал-демократическая пропаганда. В Красноярске, по инициативе ссыльного-марксиста П. А. Красикова, при ближайшем руководстве Владимира Ильича, с 1899 г. стали создаваться социал-демократические кружки из рабочих красноярских железнодорожных мастерских, лесозавода, строителей железнодорожного моста и учениц акушерско-фельдшерской школы. Подпольная марксистская литература распространялась и изучалась в рабочих кружках.

В лице В. И. Ленина царское правительство не могло не видеть своего самого опасного врага. Начальник московского охранного отделения Зубатов 27 декабря 1900 г. сообщил в департамент полиции: «Хорошо бы накрыть их собрание, и так как роль Ульянова и других вполне вы-

яснена, то срезать эту голову с революционного тела было бы желательно поскорее особым совещанием, ибо долгое наблюдение, в целях формальных улик, дает им возможность раскачать публику до бомб, беря их последователей, но мелких, мы будем играть лишь им наруку, раздувая настроение и вызывая усиленную агитацию. Смелый шаг относительно главарей даст, по моему мнению, блестящий результат. Ведь крупнее Ульянова сейчас в революции нет никого».

Книга «В. И. Ленин в сибирской ссылке» хорошо оформлена и богато иллюстрирована. В ней помещены оригинальные и впервые публикуемые зарисовки и снимки, относящиеся к шушенскому периоду жизни Владимира Ильича, использованы собранные Шушенским музеем В. И. Ленина воспоминания крестьян, у которых жил, с которыми встречался, ходил на охоту и рыбалку, которым помогал советами Владимир Ильич Ленин.

Книга «В. И. Ленин в сибирской ссылке» вооружает идейно, является большим подспорьем для изучающих историю большевистской партии, партии Ленина—Сталина.

М. Москалев

МАЙРАНОВСКИЙ Л. «Батумская демонстрация 1902—1942». Огиз. Госполитиздат. 1942. 45 стр. Тираж 75 000.

Массовая политическая стачка батумских рабочих в марте 1902 г. была крупным событием в истории российского революционного движения. Организованная товарищем Сталиным и проходившая под его непосредственным руководством, эта демонстрация была ярким проявлением перехода рабочего движения России на новую, высшую ступень, проявлением перерастания стачечной борьбы в политическую демонстрацию и в вооруженную борьбу с царизмом.

Рецензируемая книжка, выпущенная к 40-летию демонстрации, представляет собой популярную брошюру. Она не содержит каких-либо новых фактов и материалов по сравнению с теми, которые были в свое время собраны и опубликованы в специальном большом сборнике, вышедшем к 35-летнему юбилею батумских событий. Но, используя весь этот материал, автор живо и интересно рассказал массовому читателю об одном из ярких эпизодов революционной деятельности товарища Сталина, раскрыл перед ним героическую страницу из истории борьбы батумского пролетариата. В этом и заключается достоинство брошюры.

Хорошо и убедительно показано в книжке, каким значительным поворотом в жизни батумских рабочих было появление среди

них товарища Сталина, его революционная деятельность. Впервые в среду батумских рабочих было внесено революционное, классовое самосознание, и батумские пролетарии, до того лишь стихийно протестовавшие против жестокой эксплуатации, поднялись на организованное, массовое выступление, вызвавшее страх и смятение в господствующих классах.

Батум к тому времени был крупным промышленным и торговым центром. Через батумскую гавань на мировые рынки вывозились нефть, марганец и другие виды сырьевых богатств Закавказья. С 80-х гг. XIX в. здесь выросли крупные нефтеперегонные, керосиноразливочные и бидонные предприятия богачей Ротшильда, Нобеля, Манташевых и др. В Батум из прилежащих к городу местностей — Гурии, Имеретии, Мингрелии, Абхазии — устремились бедняки-крестьяне, нещадно эксплуатируемые помещиками, угнетаемые и разоряемые царскими чиновниками. Они шли в город, надеясь обрести там спасение от нищеты и голода. Но и здесь их ждало горькое разочарование.

В книжке приведены выдержки из произведений поэтов и писателей грузинского народа, отобразивших мрачную, тяжелую

жизнь батумских рабочих в конце XIX века. Поэты и писатели, сочувствуя страданиям народа, не могли указать ему выхода из этого положения, так как сами не знали его. Писатель той эпохи Эгнат Ингорква (Ниношвили), сын гурийского крестьянина-бедняка, сам батумский пролетарий, преждевременно сошедший в могилу от непосильного труда и малярии, прекрасно понимавший, что «меч богатого всегда заострен против бедного», также этого выхода не знал.

В конце 90-х гг. в Батуми образовалась группа из оппортунистического крыла Месаме-даси в составе Исидора Рамишвили и Карло Чхеидзе, которая занималась «культуртрегерством» и чинила всяческие препятствия проникновению в среду рабочих революционной социал-демократической пропаганды. Огромную революционную энергию, накопившуюся в массах, они всеми мерами пытались заглушить. Для создания подлинно революционной социал-демократической организации тифлисский социал-демократический комитет ленинско-искровского направления послал в Батум в ноябре 1901 г. товарища Сталина. С приездом товарища Сталина рабочее движение Батума вступает в новую полосу. Встречи передовых рабочих с товарищем Сталиным стали для них «решающими поворотными вехами, определившими политический смысл их деятельности, давшими единственно верное направление их революционной энергии, усилиям, борьбе» (стр. 15). Только теперь передовики-рабочие Батума получили прямые и ясные ответы на волновавшие их вопросы. Одновременно с пропагандистской и агитаторской деятельностью товарищ Сталин проводил и большую работу по организации масс. На конкретных заданиях он обучал рабочих практике революционных действий, выковывая кадры стойких большевиков-ленинцев. К концу 1901 г. товарищ Сталин руководил одиннадцатью нелегальными кружками, а в ночь под Новый год он создал батумский социал-демократический комитет.

Революционная деятельность товарища Сталина в Батуме вскоре дала свои плоды. С весны 1902 г. пламя забастовочной борьбы, перекидываясь с одного предприятия на другое, охватило Батум. Начавшись на заводе Манташева, где стачка завершилась победой рабочих, она перебросилось на заводы Ротшильда, приняв здесь такой угрожающий характер, что в дело вмешался военный губернатор. Упорство все нараставшего движения, настойчивость рабочих в достижении поставленных целей хорошо показаны в книжке. Автор правильно заме-

чает, что во всем этом чувствовалась рука товарища Сталина. Стачка на заводе Ротшильда переходит в политическую демонстрацию сначала только рабочих этого завода, требующих перед стенами тюрьмы освобождения арестованных, затем, на следующий день, это уже демонстрация всего батумского пролетариата. «Заводские гудки в этот день, как никогда, долго, надсадно гнусавили. Но рабочие не спешили по гудку к своим заводам и фабрикам. Они не стали к станкам» (стр. 31). В этот день рабочие вышли на улицу. «Завод присоединялся к заводу. Рабочие заводов Манташева, Ротшильда, Нобеля, братьев Рыльских, Сидеридиса, Хачатурьяна, Пассека, Каплана, грузчики из порта, дрогали, кузнецы, табачники... Вот дан сигнал, запели боевые песни и сплоченными рядами двинулись по улице. Во главе демонстрации шел товарищ Сталин — Сосо — учитель рабочих» (стр. 32). Товарищ Сталин руководил демонстрацией, был в самой гуще рабочей массы.

Демонстрация закончилась расправой царских опричников с безоружными рабочими. Но похороны жертв расстрела 12 марта превратились, опять-таки под руководством товарища Сталина, в еще более мощную демонстрацию против царских палачей. Вzbешенные царские чиновники сотнями высылали рабочих в деревню, но это привело лишь к тому, что революционное социал-демократическое слово стало проникать в крестьянские массы. «После знаменитой батумской бойни 1902 г. (22) 9 марта,— говорил в своем докладе на III съезде РСДРП тов. Миха Цхакая,— целые сотни рабочих были высланы из Батума на родину... Вот эти-то сосланные в свои деревни, в свси разоренные хозяйства, рабочие, вкусившие от древа социализма и получившие от самодержавия в виде нагаек, тюрьмы и пуль первые уроки политического образования, смело и бодро начали агитацию в среде крестьян» (стр. 38).

Руководимые товарищем Сталиным, батумские рабочие в конце концов добиваются и возвращения высланных. Сила и напор рабочего движения подействовали и на судей: почти все рабочие, отданные под суд по делу о демонстрации, были оправданы.

Сталинское упорство, выдержка, его стальная, непреклонная воля и твердая уверенность в победе получили яркое отражение в ходе всей борьбы батумских рабочих сорок лет назад.

Книжка, несомненно, заслуживает положительной оценки и может быть рекомендована в массовые библиотеки и читальни.

О. Вейланд

БРАГИН М. Полководец Кутузов. Изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 1941. 268 стр. Цена 3 руб.

I

Издательство «Молодая гвардия» выпустило книгу молодого советского писателя М. Брагина «Полководец Кутузов». В этой книге автор описал жизнь талантливого русского полководца, с именем которого связаны великая эпопея Отечественной войны 1812 г. и разгром «непобедимой» армии Наполеона. С большим мастерством и знанием истории автор художественно показывает читателю, как постепенно ковалось полководческое искусство Кутузова, прошедшего суровую боевую школу под руководством великих русских полководцев.

Автор правильно подметил и осветил характерные особенности полководческого искусства Кутузова, который хотя и являлся учеником суворовской школы, но выработал свои собственные приемы ведения войны. По складу своего характера Кутузов был крайне осторожным полководцем, но эта осторожность не являлась следствием его нерешительности или боязни противника, как это утверждали некоторые историки: осторожность Кутузова являлась следствием тщательного изучения противника, умелого определения слабых его мест и вытекающего отсюда стремления действовать на вражеские сообщения. Автор рисует образ волевого полководца, который в нужную минуту со всей решительностью устремляется на врага и громит его. От удачи у него не кружится голова, неуспех не вызывает уныния и упадка духа. В критические минуты Кутузов принимает смелые решения, не боясь брать на себя ответственность. Таким предстанет перед читателем образ замечательного полководца, правдиво данный Михаилом Брагиным.

Кутузов — высокообразованный человек, не выскочка и не паркетный шаркун, которых немало было среди генералов русской армии того времени. На полях сражений под Ларгой, Кагулом и Рябой Могилой получал он боевую закалку, увлекаая за собою солдат в решительный момент сражения. Под Измаилом это уже сложившийся военачальник, на которого Суворов возлагает одну из ответственных задач.

Кутузов был первым русским полководцем, которому пришлось руководить армией в борьбе с Наполеоном, начавшейся в 1805 г. на полях Австрии. Связанный по рукам австрийским гофкригсратом, Кутузов все же нашел в себе силы осуществить свой план войны против Наполеона. В этой войне сказались и особенности полководческого искусства Кутузова — его умение применять хитрость там, где применение силы не сулило успеха.

Наполеон стремился одним решительным ударом разгромить армию своего противника и молниеносно окончить войну. В то время Кутузов являлся единственным пол-

ководцем, который сумел разгадать замыслы Наполеона. В лице Кутузова Наполеон встретил достойного противника.

Австрийская армия генерала Мака капитулировала под Ульмом, русские войска остались одни против грозного противника. Искусно маневрируя, Кутузов выводит свою армию из западни, совершив свой знаменитый марш от Браунау к Кремсу, а затем к Цнайму. Кутузов хотел выиграть время, ослабить армию противника, растянуть его коммуникации и нанести решительный удар в благоприятных условиях для своей армии.

Часть книги, в которой описывается эта операция, особенно удалась автору. С невольным чувством восхищения и национальной гордости читаются страницы, описывающие бой под Шенграбеном, где отряд русских героев во главе с Багратионом выдерживает натиск превосходных сил противника, прикрывая отход русской армии.

Кутузову не удалось осуществить свой план разгрома Наполеона в 1805 г., но в этом не его вина, как правильно подчеркивает автор. Слишком сильна была мертвечина, внедряемая вместе с прусскими методами обучения в русскую армию Павлом, а затем и его преемником — Александром. За эту мертвечину русские солдаты и сам Кутузов расплатились своей кровью на полях Аустерлица. Ответственность за понесенное поражение Александр взвалил на Кутузова. Последний тяжело переживал предвиденную им неудачу. Но предотвратить ее он был бессилён. Как и его учитель, великий Суворов, Кутузов волею Александра был удален из рядов армии.

Наполеон продолжал победно шагать по полям Европы. В течение нескольких дней он разгромил «образцовую» прусскую армию. Завязывался новый узел международных осложнений, порожденный тильзитской «дружбой» Наполеона и Александра; назревала война 1812 года.

Сила русской армии оставалась скованной поборниками «непобедимого» Фридриха. Затянувшаяся война с Турцией показала все отрицательные стороны «прусской» системы России, готовящейся к войне с Наполеоном; было необходимо развязать себе руки на Востоке. Эту задачу был способен разрешить только Кутузов, и Александр, преодолевая свою личную неприязнь к Кутузову, назначает его главнокомандующим. Старый, убеленный сединами полководец снова появляется среди русских солдат.

М. Брагин показывает все своеобразие полководческого таланта Кутузова, проявившегося в войне 1811 г. с Турцией и развернувшегося со всей силой лишь в период великой Отечественной войны 1812 года.

В гениальном плане русицкой операции Кутузов сочетал осторожность с решительностью и смелостью, выжидание — с готовностью обрушиться на врага с целью пол-

ного его уничтожения. М. Брагин ярко показывает, как Кутузов последовательно, решительно и уверенно шел к намеченной цели — выиграть войну, не гонясь за громкими победами. В этом основа стратегии Кутузова. Армия противника, поставленная русским полководцем в безвыходное положение, капитулировала. Россия выиграла войну.

Для Александра надобность в Кутузове миновала. В окружении пфуй и других выходцев из прусской армии, неоднократно битых Наполеоном, Александр лично разрабатывает план предстоящей войны с Наполеоном — план, едва не приведший русскую армию к катастрофе.

В дни напряженных боев с армией Наполеона, вторгшейся в пределы России, народ потребовал от Александра назначения Кутузова главнокомандующим. С большой силой автор доказывает, что стратегия Кутузова в войне 1812 г. является венцом его полководческого искусства. Автор описывает сложную обстановку, в которой Кутузову приходилось командовать армией в 1812 г., и причины, в силу которых Кутузов решился дать сражение зарвавшимся захватчикам на полях Бородин.

История и литература знают много описаний Бородинского сражения. Но никто из историков не дал анализа замысла Кутузова в Бородинском сражении, не вскрыл той цели, которую преследовал Кутузов.

М. Брагин со всей убедительностью историка и художника вскрывает смысл Бородинского сражения, показывает русских солдат и суворовских генералов: Багратиона, Дохтурова, Ермолова и др.; показывает всю русскую армию на полях Бородин, где были воскрешены лучшие традиции русского национального военного искусства.

Армия Наполеона, участвовавшая в Бородинском сражении, на $\frac{1}{3}$ состояла из немцев. Эти недавние «союзники» русских дрались теперь за богатую добычу, обещанную Наполеоном. Они еще раз испытывали силу и мощь русского огня и штыка. Наполеоновские маршалы не жалели этого пушечного мяса, а русские солдаты, яростно сражавшиеся за честь и свободу своей родины, не давали им пощады, уничтожая отборные прусские дивизии.

Кутузов, искусно группируя свои войска, создал на Бородинском поле сильнейшую во всех отношениях позицию; он вынудил Наполеона отказаться от маневрирования «по дорогам, ведущим к Москве», и заставил его атаковать русскую армию в лоб. М. Брагин документально доказывает на стр. 166, что именно в этом и была основа кутузовского замысла.

Отгремели последние выстрелы великой Бородинской битвы. Русская армия покрыла себя неувядаемой славой. Кутузов достиг своей цели. Армия захватчиков, получив могучий отпор, была ослаблена и обескровлена, ее нравственная сила оказалась надломленной. Русские солдаты добились этого ценою немалых жертв. Следует отметить, однако, что М. Брагин, говоря о размерах потерь, допускает ошибку, повто-

ря преувеличенные и ничем не обоснованные цифры, приводившиеся ранее некоторыми историками.

Автор определяет общую цифру потерь русских в Шевардинском бою в 6 тыс. человек (стр. 152). Говоря о потерях в отдельных частях, автор сообщает: «Почти вся 24-я дивизия легла там, где защищалась. В Ширванском полку из 1400 солдат уцелело лишь 92» (стр. 185). Потери 7 сентября исчислены автором в 44 тыс. человек. В действительности же в бою у Шевардинского редута русские потеряли 2796 человек¹. 24-я дивизия потеряла убитыми, ранеными и без вести пропавшими 2853 человека, а Ширванский полк, входивший в состав этой дивизии, — 713 человек. М. Брагин не воспользовался имеющейся у него возможностью привести точные цифры, основанные на документальных данных, по которым общие потери русской армии достигали 42 438 человек, а французской армии — 58 478. Невérно и то, что «6 сентября боев не было...» (стр. 152). В этот день происходили бои на флангах. Этих ошибок автор мог бы избежать при более тщательном изучении документов о Бородинском бое. Однако даже и это не умаляет основной заслуги М. Брагина, сумевшего дать правдивый, исторически обоснованный образ Кутузова.

Сдача Москвы обожгла сознание русского народа, не сломив его воли к борьбе; она до крайности накалила атмосферу вражды между царем и Кутузовым, который твердо проводил свой план войны, сознавая свое превосходство над царем, понимая, что дальнейшие судьбы народа находятся в его руках. Армия Наполеона неуклонно приближалась к концу, начало которого было положено на холмистых полях Бородин.

В 1812 г., в особенности после оставления Москвы, перед русским народом встал вопрос о том, быть ли русскому государству самостоятельным или превратиться в колонию буржуазной Франции. Книга Брагина показывает, как русский народ в этот момент напряг все свои силы в борьбе за родную землю. Усилия русской армии и русского народа слились и привели к разгрому захватчиков. Бессмертная заслуга Кутузова заключается в том, что он правильно понял и оценил роль русского народа в этой борьбе, объединив его усилия с операциями армии.

Под Малоярославцем Кутузов загородил армии Наполеона путь на Калугу. Бой прошел удачно для русских, все настаивали на немедленном переходе в наступление, в том числе и любимец Кутузова — полковник Толь. Но Кутузов остался верен себе и своему способу ведения войны: изматывать противника, наносить ему удар при благоприятной обстановке, уничтожая его живую силу, стремясь к сохранению своей армии. Эту черту Кутузова М. Брагин характеризует одним ярким штрихом,

¹ Центральный военный исторический архив (ЦВИА), сп. 209, св. 11, св. 18, сп. 206, св. 0, д. № 107.

приведя слова Кутузова: «...вы хотите, чтобы я действовал, как заносчивый гусар» (стр. 240).

Кутузов последовательно проводил свою стратегическую линию. Он заставил армию захватчиков отступать по старому, разоренному ими же пути, теряя пушки и людей под ударами смелых партизанских отрядов, под ударами русской армии в процессе параллельного преследования.

Кутузов закончил свой жизненный путь в Пруссии, освобожденной им от наполеоновского ярма. С чувством скорби за тяжелые потери, с чувством национальной гордости за победу русского народа читаются заключительные страницы этой прекрасной книги, повествующей о том, как Кутузов, поднятый на исключительную высоту доверием своего народа, привел его к победе.

Основная ценность книги заключается в том, что автор раскрывает и показывает великую борьбу нашего народа с иноземными захватчиками. В день вторжения фашистских полчищ в пределы нашей родины тов. Молотов напомнил всему миру: «В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу».

Пусть эту книгу прочтут в перерывах между жестокими боями с армией германских фашистов наши бойцы, командиры и политработники. Подвиги русских солдат, предводительствуемых фельдмаршалом Кутузовым, вдохновят их на новые подвиги в борьбе за честь и свободу нашей великой родины до полного разгрома немецко-фашистской армии.

Пусть эту книгу прочтут миллионы наших советских патриотов и патриоток, готовящихся с оружием в руках бороться с фашистскими извергами. Она еще больше укрепит в них уверенность в непобедимости нашего великого народа.

Б. Кац

II

В дни великой отечественной войны, когда так сильно возрос интерес к военной истории нашей страны, когда вновь со всей силой прозвучало напоминание о наших великих предках — Александре Невском, Дмитрии Донском, Минине и Пожарском, Суворове и Кутузове, — каждая книга об этих людях воспринимается как большое событие.

Жизнь Михаила Илларионовича Кутузова настолько неразрывно связана с героической борьбой русского народа за свою независимость, что все личное и индивидуальное в ней неизбежно переплетается с выдающимися военными событиями русской жизни. И глубоко прав автор, нарисовавший биографию великого полководца на широком фоне исторического прошлого.

Сын военного инженера, Кутузов по

окончании «шляхетского корпуса» уклонился от широко открывавшейся перед ним карьеры придворного, предпочтя ей тяготы строевой службы. Он был назначен командиром роты в Астраханский полк, которым тогда командовал Суворов.

«Необычные, невиданные для того времени картины боевой учебы и войскового быта увидел Кутузов в Астраханском полку. Солдат не били, не издевались над ними. Они были одеты, обуты, накормлены. Полк часто поднимали по тревоге, и командир полка вел его вначале по дорогам, потом покидал «битый путь» и шел целиной, сквозь леса, переправлялся через болота и реки. Солдаты приучались к маршам по любой местности, в любую погоду, в любое время суток и года» (стр. 15). Воспитанный отцом, начавшим свою служебную деятельность еще при Петре I, в военных традициях петровского времени, Кутузов вскоре оказался лучшим учеником Суворова.

«Суворов знает Кутузова, а Кутузов Суворова, — сказал гениальный русский полководец своему выдающемуся ученику после штурма турецкой крепости Измаила в 1790 г., — если б крепость не взяли — Суворов умер бы под ее стенами и Кутузов также».

На основании подлинных документов автор наглядно показывает разницу между суровой, но действенной «наукой побеждать» Суворова и Кутузова и бездарными военными уставами «прусской школы» второй половины XVIII в., уделявшими главное внимание шагистике и муштре, а порою просто доходившими до курьезов. Так, например, в кавалерийском уставе 1755 г. предписывалось: «Каждому кирасиру и драгуну надлежит как возможно стараться усы отращивать, которые бы всегда в строях и караулах подчесаны и подчернены были, а у гренадер конных можно усы, как возможно, длинно вырастить, по щекам заворачивать. У кого же по молодым летам натуральных усов еще нет, то употреблять таким образом накладные».

Но былой славе русских войск, так блистательно воскрешенной суворовскими победами на берегах Рымника, у стен Измаила, под Прагой и Варшавой, вновь суждено было померкнуть. Умерла Екатерина II, ее сменил Павел I. Из Гатчины сейчас же прибыли специально обученные им «на прусский манер» солдаты в парадных, но неудобных мундирах, в напудренных париках, с блестящим, но мало пригодным для боя оружием. Начались бесконечные смотры и парады. Раздалась знаменитая команда Павла полку, не угодившему ему маршировкой: «Прямо, в Сибирь марш!»

Суворов впадает в немилость. Только перед смертью еще раз вспыхивает его слава и вновь гремит на весь мир его имя. Идут победоносные бои на Адде, Треббии, при Нови, совершается знаменитый переход через Альпы, но возвращающегося с победой в Россию Суворова ждали новая опала и одинокая смерть.

Автор совершенно справедливо отмечает, что у Кутузова и Суворова одна судьба: «Их травили, преследовали, подвергали опале, о них забывали, когда не было войны. Но о них вспоминали, когда нависала опасность, отворотить которую не в силах были ни монархи, ни их любимые приспешники» (стр. 48). В этом сказывалось, конечно, не только неизменное лицемерие знати, но и сходство личных боевых качеств обоих полководцев.

В жизни Кутузова переломным моментом явилось вторжение полчищ Наполеона в Россию в 1812 году. Недаром событиям этой войны автор посвятил половину своей книги о Кутузове, ее вторую часть. Именно эти события и создали мировую славу Кутузову. Каждому памятна величественная фигура главнокомандующего, запечатленная на бессмертных страницах «Войны и мира», на полотнище верещагинской картины «Военный совет в Филях».

Описывая достаточно известные события 1812 г. и Кутузова, не менее всем известного, главное действующее лицо в них, автор все же сумел найти свежие краски и оттенить интересные моменты, умело пользуясь подлинными документами того времени и разнообразя свой рассказ живой речью диалогов. Вот Наполеон посылает из горящей Москвы в ставку главнокомандующего в Тарутине тонкого дипломата Лористона с двумя письмами: одно на имя Александра I, другое — для самого Кутузова. Последний, положив письма около себя на стол, преспокойно начинает с послом салонный разговор.

«Забыв о выдержке, французский дипломат прямо заявил, что Наполеон предлагает кончить войну.

— Кончить войну? — переспросил Кутузов. — Да ведь мы ее только начинаем».

И действительно, вслед за этим начинается победоносное преследование французской армии Кутузовым вопреки горделивым планам Наполеона, вопреки недоверчивому беспокойству двора, не понимавшего, что заключать мир с Наполеоном будет «русская нация, а не царь».

Кутузову не удалось самому довести до конца триумфальное шествие русских войск: смерть остановила его в тихом прусском городке Бунцлау. Но автор недаром заканчивает свою книгу словами о

русской армии, о ее вступлении в Берлин и взятии Парижа.

Книга о полководце Кутузове является в то же время и книгой о доблестной русской армии в одну из наиболее достопримечательных эпох ее истории. В этом главный интерес книги о полководце Кутузове, и в этом же ее основное достоинство. Кутузов — дипломат, государственный деятель, педагог, достаточно проявивший себя на каждом из этих поприщ, — остался в тени. В книге образ Кутузова раскрыт как олицетворение боевого могущества народа, разбившего в 1812 г. армию, считавшуюся непобедимой.

При популярном и живом изложении событий автор не избегает их серьезной исторической оценки, нередко обращаясь при этом к высказываниям Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Большой интерес представляют помещенные в книгу картосхемы. По ним можно наглядно разобрать театры военных действий в 1805 и 1811 гг., Аустерлицкое и Бородинское поля сражений, вторжение и изгнание из России армии Наполеона.

Хорошо подобраны иллюстрации: современные событиям гравюры и репродукции известных картин Верещагина, Сурикова и др.

Отсутствие необходимых примечаний является большим недостатком книги. Многие имена военных и государственных деятелей, географические названия и даже отдельные слова (например некоторые военные термины), употребляемые как вполне известные читателю, нередко нуждаются в пояснениях.

Естественно также, что книга вызовет у читателя законный интерес ко всей описываемой эпохе: полезно было бы указать для интересующихся несколько книг из числа тех, которыми пользовался автор, далеко не всегда ссылающийся на источники.

В общем книга «Полководец Кутузов» будет с интересом прочитана каждым патриотом. Можно с уверенностью сказать, что перед тем, кто ее прочтет, встанет яркий, мужественный образ одного из наших великих предков, чьи имена вдохновляют нас к новым победам в нынешней отечественной войне с немецко-фашистскими захватчиками.

Г. Гречулевский

Проф. В. ДАНИЛЕВСКИЙ. И. Ползунов. Труды и жизнь первого русского теплотехника. Изд-во Академии наук СССР. М. и Л. 1940. 446 стр. 45 документов.

ЕГО ЖЕ. История гидросиловых установок России до XIX века. Госэнергоиздат. 1940. 208 стр.

Среди опубликованных за последнее время работ по истории техники особое место занимают замечательные монографии В. Данилевского о талантливом русском технике-самородке XVIII столетия Иване Ивановиче Ползунове и по истории гидросиловых установок в России до XIX века.

Эти работы отмечены высокой наградой — им присуждена Сталинская премия по историко-филологическим наукам.

Первая из монографий В. Данилевского освещает интереснейший период истории русской техники. Наряду с подробным описанием уровня развития горнозаводского

дела в 40—70-х гг. XVIII столетия в России автор рисует фигуру талантливого изобретателя паровой машины — И. Ползунова.

Энгельс писал, что «паровая машина была первым действительно интернациональным открытием, и факт этот, в свою очередь, свидетельствует об огромном историческом прогрессе. Паровую машину изобрел француз Папин, но в Германии. Немец Лейбниц... подсказал ему основную идею этой машины — применение цилиндра и поршня. Вскоре после этого англичане Севери и Ньюкомен придумали подобные же машины; наконец, их земляк Уатт, введя отдельный конденсатор, придал паровой машине в принципе ее современный вид»¹.

Среди имен творцов паровой машины, перечисленных Энгельсом, недостает имени великого русского изобретателя И. Ползунова, предвосхитившего на 20 лет идею Уатта о создании универсального парового двигателя. Энгельс и не мог слышать о И. Ползунове, ибо даже в России деятельность Ползунова не получила ни должного признания, ни справедливой оценки. Лишь за последнее десятилетие в трудах В. Данилевского исчерпывающе представлена эта замечательная фигура гениального русского техника-самородка.

В вводной главе «Материалы и документы о жизни и деятельности И. Ползунова» (стр. 6—32) проф. Данилевский показывает, что до последнего времени основная масса документов о жизни и деятельности И. Ползунова пребывала в полной неизвестности в архивах. В Центральном государственном архиве народного хозяйства в Ленинграде (ЦГАНХ) обнаружены многие ценные документы о машине И. Ползунова, в Алтайском краевом архивном управлении в Барнауле и Новосибирске — ряд материалов о жизни и деятельности И. Ползунова.

На основе огромного количества собранных им первоисточников В. Данилевский шаг за шагом прослеживает жизненный и творческий путь первого русского теплотехника — И. Ползунова. В качестве специального приложения к своему труду В. Данилевский дает 44 документа, большая часть которых публикуется впервые. Книга проф. Данилевского — первая советская фундаментальная монография о гениальном русском творце паровой машины.

Маркс писал, что «великий гений Уатта обнаруживается в том, что патент, взятый им в апреле 1784 г., давая описание паровой машины, изображает ее не как изобретение лишь для особых целей, но как универсальный двигатель крупной промышленности»².

За 20 лет до Уатта, в феодально-крепостнической России, отставшей на сотни лет от быстро двигавшейся на путях капиталистического прогресса Англии, И. Ползунов создал самостоятельно универсальную

паровую машину. Он создал паровую машину на Алтае, в одном из крупнейших районов горнозаводской промышленности XVIII века. Горнозаводская промышленность и ряд других отраслей промышленности начали развиваться в России в XVIII в. на Урале, Алтае и в ряде центральных районов страны. Крепостной труд явился на известный период времени основой процветания горнозаводской промышленности России. Строительство металлургических мануфактур обеспечило в XVIII в. быстрый рост производства чугуна, железа, меди, серебра и золота. В этот период Россия вывозила за границу чугун и железо.

Благоприятные условия подъема горнозаводской промышленности России стимулировали творчество таких талантливых изобретателей-самородков, как И. Ползунов, К. Д. Фролов и др. Однако крепостной строй наложил отпечаток на изобретения этих талантливых изобретателей. Совершенствование техники на крепостных металлургических мануфактурах пошло по линии усовершенствования гидравлического привода — водоливных колес. К. Д. Фролов в 80-х гг. XVIII в. создал на Змеиногорском руднике величайшие в мире водоливные колеса для подъема воды и руды, достигавшие 16—17 м в диаметре. Подобные водоливные колеса нашли широкое применение и действовали ряд десятилетий³.

Иная судьба постигла И. Ползунова и его паровую машину. Автор опровергает легенду о И. Ползунове как о каком-то «бедном чиновнике, не знающем даже арифметики». Ползунов, изобретатель, конструктор, технолог, прекрасный знаток руд и строительных материалов, механик, математик и график, по праву является одним из пионеров русской техники.

После паро-атмосферического насоса Севери (1706) и одноцилиндрового паро-атмосферического насоса Ньюкомена (1711) двухцилиндровая паро-атмосферическая машина И. Ползунова, пущенная в 1766 г., была третьей по счету оригинальной паровой машиной, применявшейся на практике.

Гениальность И. Ползунова состояла в том, что он за 20 лет до Уатта предложил применить паровую машину в качестве универсального двигателя промышленности, взамен ранее применявшихся водоливных колес, гидравлического привода. Проф. Данилевский правильно указывает, что «в поданной в апреле 1763 г. пояснительной записке И. Ползунов развил вполне обоснованную, развернутую энергетическую концепцию. Он не просто поставил вопрос о создании паровой машины для каких-либо особых целей, а сразу выступил с предложением создать огнедействующие машины для всех видов заводских нужд. Выдвинув эту идею, Ползунов успел разработать и осуществить на практике одно конкретное решение для частного случая поставленной им самим общей задачи — привод воздуходувных мехов представляв-

³ См. главу VI «Истории гидросиловых установок России».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 570.

² Там же. Т. I, стр. 285.

ших наиболее распространенный и один из наиболее важных механических агрегатов, применявшихся на хорошо известных И. Ползунову горных заводах того времени» (стр. 186).

Но Ползунову не удалось дожить до реализации своей идеи. Он умер за два месяца до пуска огнедействующей машины. 23 июля 1766 г. ученикам умершего в нищете изобретателя пришлось пустить в ход машину. На другой день, 24 июля, скупая выписка «Дневной записки» извещала об «исправном машинном действии». Но паровая машина И. Ползунова ненадолго пережила своего творца. Через тридцать лет обветшавшая огнедействующая машина, сделанная при колыванских заводах механиком И. Ползуновым, была разобрана.

Паровая огнедействующая машина для привода воздуходушных мехов и не могла быть реализована в крепостнической России. Правительство крепостников не могло понять значения этого изобретения. Большую ответственность за пренебрежение к первому паровому двигателю несет и Академия наук, которая знала об изобретении Ползунова, но не оценила его. Так гибли в царской России многие изобретения.

Судьба паровой машины И. Ползунова и самого гениального изобретателя была трагична. И. Ползунов, измученный непосильной работой, борьбой с препятствиями и несправедливостями, погиб на 38-м году своей жизни от скоротечной чахотки. Он умирал никем не признанный, никому не известный, в ужасающей нищете. До самой смерти он так и не получил 400 рублей, пожалованных ему Екатериной II.

Автор рецензируемой книги с большой любовью рисует творческий облик великого русского изобретателя, доподлинно восстанавливая историческую правду о его жизни и замечательной деятельности. И. Ползунов — изобретатель паровых машин, технолог, строитель пильных мельниц, специалист по рудному делу, метеоролог и математик — таким дает его проф. Данилевский в своей работе.

Книга в общем отредактирована хорошо, за исключением отдельных стилистических погрешностей, легко исправимых при следующем издании ее. Несколько излишне растянуто описание периода жизни И. Ползунова, предшествовавшего его великому изобретению; этому периоду отведена половина книги (182 стр.) в ущерб освещению важнейшего периода в деятельности Ползунова и выяснению всемирноисторического значения изобретения этого гениального самоучки. Монография богато иллюстрирована и снабжена подробными чертежами.

В целом монография является очень ценным трудом по истории русской науки и техники. Глубоко историческую, содержательную, любовно написанную книгу проф. Данилевского нужно приветствовать не только как крупную удачу автора, но и как серьезное общественно-научное событие. Книга проф. Данилевского нашла отклик и за пределами нашей родины.

В «Истории гидросиловых установок

России до XIX века» рассказывается о первых попытках создать на реке Волхове плотину. «Невежа Псковитин, Снетногорского мельника человек», пришел в 1524 г. к архиепископу Макарию и предложил: «Мельницу поставить, где искони не бывало, на славной реке, на Волхове». Приведя этот отрывок из псковской летописи, автор говорит: «Первая попытка использовать водную энергию такой большой реки, как Волхов... могла быть сделана только в то время, когда использование малых водотоков для привода в действие водяных колес стало уже самым обыденным явлением» (стр. 9). Так, глазами современника, смотрит автор на открытия гениальных русских людей.

Эта книга замечательна тем, что показывает поистине героические дела забытых русских людей и является лучшим свидетельством того, как много из забытого технического опыта необходимо нам теперь.

Если первая работа автора носила сугубо исторический характер, то вторая имеет и непосредственно практическое значение. В этом характерная особенность и отличие истории техники от других исторических дисциплин. История приходит на службу практическим потребностям в буквальном смысле этого слова. В самом деле, использование энергии малых рек и широкого строительства малых гидроэлектростанций является одной из актуальнейших задач народного хозяйства в условиях отечественной войны. Еще в решениях XVIII съезда ВКП(б) указано было на необходимость «широко развернуть строительство небольших местных гидроэлектростанций, в том числе в районах Урала, на реках Тура, Уфа, Чусовая, Белая, Миас и др.». Как показывает работа проф. Данилевского, возможности в этом отношении неисчерпаемы. Достаточно сказать, что на Урале учтено (далеко не полностью) 66 600 тыс. квт энергии падающей воды — «белого угля», — а получают сейчас гидроэлектростанции только 20 тыс. квт — всего 0,3%.

Историком В. Данилевским проделана большая работа для Наркомата электростанций на предмет использования старых плотин, приспособления старых мельничных установок и т. д.

Десятки тысяч колхозов, многие тысячи предприятий местной промышленности, расположенные вблизи малых рек, кровно заинтересованы в их максимальном, эффективном энергетическом, транспортном и мелиоративном использовании. Но не только на эти узко утилитарные вопросы дает ответ книга Данилевского «История гидросиловых установок России до XIX века»: автор показывает роль передовых деятелей России с новой, необычной стороны. М. В. Ломоносову принадлежит заслуга введения водяного двигателя в такую отрасль промышленности, как стекольное производство. В жизни и деятельности В. Н. Татищева (1686—1750), оказывается, целая эпоха связана с работами по реконструкции энергетической базы уральских заводов и т. д.

И здесь, как и в первой работе, почти полное отсутствие литературы или опубликованных материалов вынудило автора проделать огромную работу по собиранию материалов. Проф. Данилевский обследовал все областные архивы, пересмотрел журналы того времени, познакомился с рядом забытых или малоизвестных произведений (каталоги и т. д.), восстановив буквально по крупицам историю наших гидросиловых установок.

И еще одно важное качество рассмотренных работ В. Данилевского — их подлинный патриотизм. Данилевский разоблачает фашистских фальсификаторов истории техники: Матчоса («Развитие паровой машины»), Бека («История железа») и других, — пытающихся представить только немецких техников родоначальниками техники. Данилевский показывает, далее, консервативную, реакционную роль немцев во времена Бирона и позднее по отношению

к русским пионерам техники. Немецкие администраторы гнушались русских изобретателей. Бирону казались подозрительными действия Татищева, который уже в 1735 г. подавал мнение о переводе немецких названий горных чинов на русский язык. Бирон «так сие за зло принял, что не однажды говаривал, якобы Татищев главный злодей немцев».

Труды проф. Данилевского многогранны: мимо книг его не может пройти ни один историк. И они же могут служить пособием для любого изобретателя-стахановца или многостаночника-тысячника военного времени.

Будем ждать от В. В. Данилевского не только второго тома его последнего труда, но и книг о гениальных представителях крепостной интеллигенции: уральских изобретателях и механиках — Артамонове, Черепановых, Козопасове, Ушкове.

Н. Волков

DAVIS FORREST. *The Atlantic System. The story of Anglo-American control of the seas.* New York 1941. XVI, 363 p.

ДЭВИС ФОРРЕСТ «Атлантическая система. История англо-американского господства над морями».

«Идея этой книги, — признается автор, — родилась из обыкновенного любопытства. Я заметил, что хотя лишь немногие американцы находят слова искренней симпатии в отношении Англии, мы непреодолимо приближались к ней, как это произошло в 1917 году. Я хотел найти ключ к этому противоречию».

Изучение истории англо-американских отношений за последние 50 лет, как это кажется автору, дает ему искомый ключ: взаимная заинтересованность Англии и США в сохранении господства на морях, в первую очередь в Атлантике, их стремление не допустить сюда «посторонних» — вот этот ключ. Англо-американское господство в Атлантическом океане — вот содержание «Атлантической системы», как называет автор это сотрудничество англо-саксонских держав.

Углубившись в анализ факторов, с неодолимой силой влекших Англию и США на сближение, несмотря на вспышки неприязни в обеих странах, автор рассматривает события последних 50 лет, доводя изложение до знаменитой декларации Черчилля — Рузвельта от 14 августа 1941 года. Эта «Атлантическая хартия», как называли газеты декларацию, является практическим оформлением давно сложившегося сотрудничества обеих стран.

Начало 90-х гг. прошлого века — с этого времени начинает автор свое изложение — ознаменовалось обострением отношений между Англией и США. Помимо старой неприязни — наследства войны за независимость и гражданской войны, — помимо ряда давно тянувшихся тяжб и споров, как например споров о границе между США и

Канадой, на англо-американские отношения в этот период сильно повлиял конфликт между Венесуэлой и Англией по вопросу о границе между этой республикой и Британской Гвианой. Сущность конфликта заключалась в вопросе о том, кто будет владеть устьем р. Ориноко: слабая Венесуэла или Англия? Эта дилемма не могла не интересовать США, только что перед этим демонстративно объявившие о своем намерении построить мощный военно-морской флот. В Лондоне подозревали, что интерес США к конфликту в Южной Америке вовсе не бескорыстен: намекали на то, что некая американская компания золотопромышленников, получившая концессию как раз в спорном районе, оказывает давление на администрацию. В США говорили то же самое о некоей английской компании золотопромышленников.

В декабре 1894 г. президент США Кливленд в очередном послании Конгрессу предложил Англии прибегнуть к посредничеству США в разрешении конфликта. Когда в Лондоне не проявили интереса к этому предложению, Кливленд сделал шаг, чреватый последствиями, направив в июле 1895 г. Англии ноту, известную под именем ноты Ольнена (государственный секретарь США). Ссылаясь на доктрину Монроэ, США заявляли свое право выступать арбитром в спорах, затрагивающих государства Нового Света. Указывая в своей ноте срок ожидаемого ответа от Англии, Ольней придавал ей характер ультиматума. Английское правительство ответило только в начале декабря; оно отвергало притязания США, заявляя, что доктрина Монроэ неизвестна международному праву, и заканчи-

вало свою ноту словами, что Англия «не предлагает решения и не приглашает к дальнейшей дискуссии», иными словами, отказывается вести переговоры по этому вопросу.

17 декабря 1895 г. Кливленд открыто бросил вызов Англии; в послании Конгрессу он объявил, что США берут на себя роль арбитра, сами определяют спорную границу, «вполне отдавая себе отчет в том, какую ответственность они на себя берут». Это было объявлением войны: так поняли слова Кливленда и в Англии и в США. Рождество прошло в ожидании начала военных действий.

Однако в первых числах января 1896 г. с совершенно неожиданной стороны произошла разрядка: известная телеграмма Вильгельма II президенту Крюгеру сразу отвлекла внимание Англии. Последняя увидела своего подлинного врага. «В течение одной ночи, — пишет автор, — врагом Англии вместо США стала Германия, а США стали в Англии вновь популярными» (стр. 57).

Этот эпизод, говорит автор, весьма знаменателен для всей последующей эволюции англо-американских отношений. Именно угроза извне и была цементом, скреплявшим эти отношения. Германия, а позже еще и Япония — вот носители этой угрозы. Автор на протяжении всей книги показывает, как англо-американские противоречия отступали на задний план перед лицом германской угрозы. «Послебисмарковская дипломатия Германии, — замечает автор, — преследовала в основном разрушительную цель, стремясь скорее предотвратить комбинацию держав, чем привязать их к Германии» (стр. 181). Однако результат этой политики был как раз обратным: германские попытки форсировать разлад в англо-американских отношениях привели к укреплению англо-американского сотрудничества.

Вполне веские причины опасаться Германии были и у США и у Англии, в особенности у последней, столкнувшейся с конкуренцией германских товаров и увидевшей в морской программе Тирпица угрозу своей морской гегемонии. У США также были причины опасаться Германии. Вильгельм не скрывал своей враждебности к США; в частности со времени испано-американской войны 1898 г. он открыто выражал надежду на то, что «благородный и дальний разорвет на части брата Ионафана». Германская рептильная печать изощрялась в нападках на Америку; если временами кампания стихала, то это было лишь признаком попыток германской дипломатии расколоть возникавшую англо-американскую дружбу с другой стороны — со стороны Америки.

Если газеты других европейских стран, в частности Франции, также позволяли себе нападки на США, то все же поведение германской печати отличалось некоторыми особенностями, делавшими эти нападки особенно оскорбительными для США. «Немцы, не ограничиваясь обсуждением текущих политических проблем, старались унижить личные качества всех американцев — их храб-

рость, честь, достоинство и добродетели». Американская печать, осуждая германский милитаризм и поругивая кайзера, «никогда не унижала себя и германский народ нападками на характер немцев как людей и на германскую нацию».

«Лицам, которые возмущаются безответственной лживостью германской печати, — пишет автор, — следует помнить, что эти качества, как почти все черты нацистского режима, коренятся в германской традиции» (стр. 80).

Колониальные притязания германского империализма также способны были внушить беспокойство. В период испано-американской войны, пишет автор, «германская алчность и тяга к приобретениям в Тихом океане даже удивили английское правительство, а затем и США. Кажется, немцы готовы пойти на все для достижения этой цели и не побрезгуют прибегнуть к любым интригам в Лондоне, Маниле, Мадриде или Вашингтоне, останавливаясь лишь перед открытым объявлением войны» (стр. 92). Впоследствии занявший пост государственного секретаря США Хэй, тогда посол США в Лондоне, писал: немцам казалось «чудовищным, что где-либо вспыхнет война, а немцы не получают от нее никаких выгод» (стр. 92).

Германская дипломатия внушала серьезные подозрения в Лондоне и Вашингтоне. В письме к Николаю II Вильгельм называл последнего «адмиралом Тихого океана» и подписывался «Адмирал Атлантики». Это было смешно: у Германии еще не было флота. Но этот флот спешно строился, и притязания кайзера начинали уже вызывать не улыбку, а серьезные опасения. Серьезные опасения вызывала и деятельность германской агентуры в США.

Немецкие эмигранты в США и их печать всегда считали себя в большей степени немцами, чем американцами. «Германская печать, претендуя на то, что она говорит от имени 9 миллионов немецких эмигрантов... вела себя так, как будто она была у себя дома; так вообще печать немецкого меньшинства вела себя за пределами Германии... Германское министерство иностранных дел, германские пароходные компании, деятели пангерманского союза и германской морской лиги ухаживали за собственниками и редакторами германских газет, издававшихся в США... Вплоть до первой мировой войны германское правительство использовало свои посольства, консульства и германо-американские организации в качестве инструмента для своего стремления к мировому господству» (стр. 137—138).

Еще в большей мере сказанное справедливо в отношении фашистской Германии; события последних лет и, в частности, расследование деятельности германских шпионов в Южной Америке показали, как дьявольски изобретательны германские фашисты в выборе средств для вмешательства во внутренние дела других стран. Теперь уже всем известно, что так называемый «Союз заграничных немцев» есть не что иное, как организация, специализировавшаяся на шпионаже и диверсии. Автор пра-

вильно замечает, что «в нацистских попытках сколачивания пятой колонны новой является лишь терминология» (стр. 138).

Говоря об англо-американских отношениях, автор исходит из того несомненного факта, что военно-морская мощь Англии и Америки, вместе взятых, превосходит все морские силы остального капиталистического мира. При наличии единого фронта этих держав угрозу Америке с чьей-либо стороны автор считает исключенной. (Война в Тихом океане показала, правда, что дело обстоит не так просто.) Известный американский морской историк адмирал Мэхэн давно указывал на этот факт: подчеркивая влияние морской силы на историю, адмирал Мэхэн требовал сооружения в США сильного морского флота, но не для борьбы с английской морской гегемонией, которая тогда была неоспоримой, а для сотрудничества с Англией. Это сотрудничество Дэвис называет «Атлантической системой».

По словам автора, «строгий адмирал считал республику (США) и империю (Англию) «естественными союзниками» потому, что их интересы соприкасаются, но не обязательно сталкиваются; потому, что Англия и ее доминионы во многих пунктах стратегически дополняют США; наконец, потому, что вместе — но не каждая в отдельности — Англия и США могут господствовать на морях и могут надеяться таким образом сохранить себя перед лицом других держав. Более того, Мэхэн знал, что если эти два гиганта, имеющие общий язык, не будут друзьями, они могут стать врагами» (стр. 314).

Это опасение последствий враждебности со стороны Англии с ее морской супрематией для Мэхэна, придававшего особое значение морской силе, было отправной точкой; исходя из нее, Мэхэн доказывал, что английский флот не только не представляет угрозы для Америки, но, по существу, является на протяжении всей истории щитом, прикрывавшим Америку от поползновений других держав.

Так было в период, когда США были слабым государством, но это положение не потеряло силы и для последнего времени, когда США стали мощной державой и перешли к политике внешней экспансии. Англия отдала дань этому росту мощи США: постепенно она ушла из Западного полушария (передача военно-морских баз в 1940 г. была последним шагом по этому пути), затем она примирилась с американским паритетом на морях. Теперь Англия и США, пишет автор, как равные партнеры берут на себя защиту океанов земного шара. В декларации Рузвельта — Черчилля англо-американское сотрудничество нашло

свое полное завершение. Это сотрудничество, по мнению автора, выросло естественно и неизбежно — «органически», как говорит Дэвис.

Автор убедительно доказывает необходимость такого сотрудничества и рисует опасность, которая непосредственно нависла над Америкой в результате германской агрессии на континенте Европы:

«Нацистская Европа, с Африкой в качестве данника и в тесном сотрудничестве с Японией, господствующей в Азии, Индии и Океании, будет очень мало нуждаться в продукции Северной Америки и не будет нуждаться совсем, если Канада вместе с Южной Америкой окажутся вовлеченными в нацистскую систему. Американским излишкам будет закрыт доступ на мировом рынке, кроме как на разорительных условиях, американские промышленные товары будут вовсе исключены, и в одну ночь рухнет вся американская тарифная система» (стр. 333).

Автор резко высмеивает изоляционистов, которые заявляют, что их не интересует вопрос о том, кто реорганизует мировую экономическую систему. На изоляционистские ссылки на океан как на защиту автор отвечает, что эти утверждения «вырастают из незнания с чудовищно эффективной тактикой врага действовать изнутри, из незнания с уроками и стратегией морской силы» (стр. 327). Автор спрашивает такого изоляциониста, отдаст ли последний себе отчет в перспективах победы Гитлера: «думал ли он о том, на чьей стороне будет в этих условиях Южная Америка, о перспективах Канады под властью Квислинга и о Британской империи, включенной в новый порядок?.. Начнем ли мы завоевание Канады, если нам не удастся отстоять себя в борьбе за Атлантику? Готова ли Америка проложить себе путь на юг, занимая территории своих соседей, имея против себя соединенные ресурсы Европы и Азии? И как долго могут США выдержать напряжение, оставаясь под ружьем против всего остального мира? И какую сторону следует поэтому поддерживать: ту, которая предлагает воевать теперь, когда Америка имеет сильных союзников, господство на морях и доступ во все концы света, кроме Европы, либо ту сторону, которая предпочитает ждать, пока Америка лишится всех этих благоприятных факторов?» (стр. 327—328).

Так автор ставит вопрос; так именно и следует его ставить. Попытки увильнуть от такой ясной и честной постановки вопроса уже принесли немало вреда прежде всего интересам самих США. Книга Дэвиса — свидетельство того, что уже многие в Америке отдают себе в этом отчет.

Н. Ерофеев

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Ashton H. S. *Netherlands at war. Foreword by prof. dr. P. S. Gerbrandy.* London. 1941.

Аштон Г. *Голландия в войне.* С предисловием проф. Гербранди.

Описание германского вторжения в Голландию и хода боев на голландской территории, основанное на официальных документах. Автор доказывает полную необоснованность и надуманность доводов, которыми германский фашизм пытается «оправдать» свое нападение на Голландию. В книге описывается героическая борьба небольшой голландской армии против гитлеровских полчищ и подчеркиваются варварские методы ведения войны, примененные гитлеровцами (в частности бомбардировка Роттердама). В заключительных главах автор рисует борьбу голландского народа против режима, установленного оккупантами.

Buss C. A. *War and diplomacy in Eastern Asia.* New York. 1941. 570 p.

Басс К. *Война и дипломатия в Восточной Азии.*

Исследование, посвященное международным отношениям на Дальнем Востоке и политике держав, главным образом США. Автор — профессор по кафедре международных отношений, при университете Южной Калифорнии — в прошлом был сотрудником министерства иностранных дел США.

Belgium. The official account of what happened, 1930—1940. For the Belgian Ministry of Foreign Affairs. London. 1941.

Бельгия. *Официальный отчет о том, что произошло в 1939—1940 гг.* Бельгийское министерство иностранных дел.

Сборник официальных документов бельгийского правительства о событиях в Бельгии от начала войны в Западной Европе до перемирия между Бельгией и Германией (27 мая 1940 г.). В сборнике даны основ-

ные документы, характеризующие внешнюю политику Бельгии перед войной и во время войны; описываются обстоятельства, при которых Германия без всякого предупреждения напала на Бельгию, и излагается ход военных действий на территории Бельгии. В качестве введения к документации дан хронологический перечень фактов. В числе документов имеются секретные инструкции германского командования, случайно попавшие в руки бельгийцев; эти инструкции не оставляют сомнения в долгой и систематической подготовке Германией нападения на Бельгию.

Beard C. A. and M. R. *America in midpassage.* New York. 1940. 977 p.

Бирд Ч. и М. *Америка на переломе.*

История США за последние годы после войны, главным образом за период с 1923 до осени 1938 года. Наряду с политической и экономической историей этого периода авторы отводят большое место вопросам культуры и науки. Настоящая книга является третьим томом известной работы тех же авторов — «The rise of American civilization». New York. 1933. 2 vols.

Wambaugh S. *The Saar plebiscite. With a collection of official documents.* Cambridge (Mass USA). 1940. XV, 489 p.

Вамбоу С. *Саарский плебисцит. С приложением официальных документов.*

Изложение истории саарского плебисцита, состоявшегося в январе 1935 г., и его процедуры, а также деятельности специальной, плебисцитной комиссии Лиги наций. Автор также дает историю Саара со времен Цезаря, подробно передает обсуждение вопроса о Сааре на Версальской конференции и рисует режим, созданный в Сааре Лигой наций, причем высоко оценивает деятельность комиссии, управлявшей Сааром от имени Лиги наций. В приложении даны

документы о плебисците — распоряжения комиссии, программы партий Саара и т. д. Автор — знаток саарского вопроса, член плебисцитной комиссии.

Wilson H. *Diplomat between wars*. London. 1942.

Вильсон Хью. *Дипломат междувоенного периода*.

Автор книги — американский дипломат, перед войной занимавший пост посла США в Берлине и отозванный в 1939 г., — описывает свою дипломатическую деятельность в годы между двумя войнами. В книге дано большое число личных наблюдений автора и характеристик политических деятелей, с которыми он встречался.

Harriman F. J. *Mission to the North*. Philadelphia. 1941. 331 p.

Гарриман Ф. *Северная миссия*.

Книга, в значительной степени носящая биографический характер, содержит воспоминания о пребывании автора на посту посланника США в Норвегии за период с 1937 г. до апреля 1940 года.

Jones S. S. and Myers D. P. ed. *Documents on American Foreign Relations. Vol. III. July 1940 — June 1941*. Boston. World Peace Foundation. 1941.

Джонс и Майерс, ред. *Документы внешней политики США. Т. III. Июль 1940 — июнь 1941*.

Документация текущих актов внешней политики США за год. В сборнике помещены важнейшие акты правительства США: выступления Рузвельта и Хелла, переписка министерства иностранных дел США, резолюции конгресса и т. д.

International conference of American states. First supplement 1933—1940. Washington. 1940. 558 p.

Международная конференция государств американского материка. Первый дополнительный том. 1933 — 1940.

Официальное издание министерства иностранных дел США, содержит текст конвенций и резолюций, принятых рядом конференций государств американского континен-

та: 7-й и 8-й панамериканских конференций (в Монтевидео в 1933 г. и в Лиме в 1938 г.), панамериканской конференции в Буэнос-Айресе в 1936 г., совещаний министров иностранных дел американских государств в Панаме (1939 г.) и Гаванне (1940 г.). В сборнике помещены также материалы панамериканских конференций, посвященных техническим вопросам.

Cantalupo R. *Racconti politici dell'altra pace*. Milan. 1940. 378 p.

Капталупо Р. *Политические рассказы о другом мире*.

Очерки Версальской мирной конференции. Автор в этот период состоял парижским корреспондентом националистской итальянской газеты «Idea nazionale». Автор резко отрицательно оценивает поведение итальянской делегации на конференции.

King-Holl S. *Our own times, 1913—1939. A political and economic survey*. London. 1940. XI, 1204 p.

Кинг-Холл. *Наши времена. 1913—1939. Политико-экономический обзор*.

Новое издание известной книги автора, доведенное до начала войны в Европе. Большое внимание в книге уделяется экономической истории, в особенности истории Англии в тридцатые годы. Отдельные главы посвящены международным отношениям. В приложении дана, между прочим, обширная и тщательно составленная хронология излагаемого периода.

Cole G. D. H. *Chartist portraits*. London. 1941.

Кол Дж. *Портреты чартистов*.

История чартистского движения в биографиях его основных вождей. Даны характеристики 12 виднейших деятелей чартизма. Автор анализирует их взгляды и излагает ход чартистской борьбы.

Fighter pilot. A personal record of the campaign in France, September 8-th. 1939, to June 13-th. 1940. London. Batsford. 1941.

Летчик-истребитель. Личные впечатления о кампании во Франции с 8 сентября 1939 г. до 13 июня 1940 года.

Дневник английского летчика, участвовавшего в сражениях во Франции.

Marder A. J. *British naval policy 1880—1905. The anatomy of British Sea power.* London. Putnam. 1941.

Мардер А. *Морская политика Англии 1880—1905 гг. Анатомия британской морской мощи.*

История морской политики Англии в связи с ее внешней политикой в период 1880—1905 годов. Автор—сотрудник Бюро изучения международных проблем Гарвардского университета—использовал большое количество печатных источников (в том числе английские газеты этого периода), неопубликованные личные бумаги лорда Фишера и другие рукописи, хранящиеся в архиве адмиралтейства.

Miller D. *You can't do business with Hitler.* Boston. 1941. 229 p.

Миллер Д. *С Гитлером нельзя вести дела.*

Автор состоял коммерческим атташе при посольстве США в Берлине в период с 1925 по 1939 год. В книге описываются методы фашистской дипломатии и внешней торговли. Автор подчеркивает, что гитлеровская Германия не может быть партнером ни в области политики, ни в торговле, и характеризует германские планы завоеваний.

Fitzpatrick B. *The British empire in Australia. An economic history, 1834—1939.* London. 1941.

Фицпатрик Б. *Британская империя в Австралии. Экономическая история 1834—1939 гг.*

Экономическая история Австралии за 100 лет. В книге рисуются фазы экономической эволюции Австралии от преобладания пастбищного хозяйства к промышленному развитию последних лет. Наряду с описанием фактов экономической истории автор дает краткую историю рабочего движения в Австралии, торговой политики, иммиграции и т. д.

Foerster F. W. *Europe and the German question.* London. 1941.

Ферстер Ф. *Европа и германский вопрос.*

Автор—немецкий политэмигрант—дает историю «германской проблемы» в Европе со времен появления германцев. Выдвижение Пруссии, по мнению автора, нарушило естественное развитие Германии в сторону федерации германских народов. С Бисмарка автор датирует происхождение германской политики насилия (*Machtpolitik*), которая типична для Германии последних десятилетий. Политика фашизма, по мнению автора,—логическое продолжение этой «политики насилия». В заключение автор обсуждает проблему послевоенного устройства Германии, предлагая создание федеративного государства.

Shirer W. L. *Berlin diary.* New York. 1941. 605 p.

Шайрер В. *Берлинский дневник.*

Автор несколько лет состоял европейским корреспондентом американской радиокорпорации «Колумбия» и был вынужден покинуть Германию в конце 1940 года. Автор, опираясь на свои личные наблюдения, дает описание некоторых важнейших событий в Европе за последние годы—аншлюсс, Мюнхен и т. д. В последних главах рисуется положение в Бельгии и Франции в условиях германской оккупации.

Schuster Sir George and Wint Guy. *India and democracy.* London. 1941.

Шустер Дж. и Уинт Г. *Индия и демократия.*

Книга посвящена проблемам современной Индии: ее истории, экономическому развитию за последние годы и проблемам внутренней и внешней политики. Книга делится на две части. Автор первой части—Уинт—дает краткий исторический очерк Индии, ее экономики, в особенности сельского хозяйства. Автор второй, большей части,—сэр Джордж Шустер, бывший некоторое время министром финансов индийского правительства,—обсуждает вопросы конституционного развития современной Индии, уделяя основное внимание проблеме будущего положения Индии в системе Британской империи, и намечает программу будущего устройства Индии.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Институт истории Академии наук СССР

Великая отечественная война застала Институт в напряженной работе над двумя капитальными трудами: многотомной «Историей СССР» и многотомной «Всемирной историей». Обе эти работы находились в стадии, близкой к окончанию, а первые томы были сданы в печать.

Над чем же работает Институт истории в 1942 году, втором году великой отечественной войны?

План работы Института на этот год включает свыше сорока отдельных тем и проблем. К ним прежде всего относится работа над «Летописью великой отечественной войны», которая должна, как сказано в плане Института, «отразить организующую и руководящую роль партии Ленина—Сталина в великой отечественной войне, героическую борьбу Красной Армии по разгрому немецко-фашистских армий на фронте, величайший подъем советского патриотизма, трудовой героизм трудящихся СССР в тылу и руководящую роль Советского Союза в едином антифашистском фронте народов Европы и Америки».

В 1942 г. исполняется 25 лет установления советского строя. Институт истории участвует в этом знаменательном юбилее выпуском первой части «Летописи Великой Октябрьской социалистической революции», посвященной событиям ноября—декабря 1917 г., и сборника «Достижения советской исторической науки за 25 лет».

Следующей важнейшей темой в работе Института является история славянских народов. Крупнейшие историки-славянисты (академик Державин, член-корреспондент АН СССР Пичета, профессор Неедлы и др.) работают над серией «Очерков по истории славянских стран», состоящей из 11 монографий, посвященных истории Польши, Чехии, Сербии, Черногории, Болгарии, Хорватии, прибалтийских славян, Словении, Македонии, Закарпатской Руси, лужицких сербов, начиная с древнейших времен и до наших дней.

Крупнейший участок в работе Института отведен изучению истории СССР и созданию многотомной «Истории СССР». В Ташкенте составляются учебники для высших учебных заведений по истории Узбекистана; в Алма-Ате—учебник по истории Казахстана для средней школы. Ведется работа также над историей Татарии. Одновременно готовятся ряд монографий и

сборники научных статей по истории народов Средней Азии.

Среди исследований по истории СССР надо назвать монографии академика Готье и членов-корреспондентов АН СССР Бахрушина и Косминского, посвященные истории англо-русских отношений в XVI—XIX вв., монографию академика Б. Грекова «История крестьян в России с древнейших времен до XVIII века», книгу профессора Р. Виплера «Иван Грозный» и др.

Параллельно с «Историей СССР» ведется работа и над «Всемирной историей», в частности, над входящей в ее состав историей Востока.

Одной из важнейших задач Института является разоблачение фальсификации истории человечества в писаниях фашистских «историков». Этому вопросу посвящена монография члена-корреспондента АН СССР А. Удальцова «Единство происхождения и развития народов мира и фашистская фальсификация истории». Кроме того Институт истории готовит специальный сборник статей, разоблачающих фашистскую фальсификацию различных вопросов всемирной истории.

Научные сотрудники Института заняты изучением истории первой мировой войны 1914—1918 гг. и роли в ней германского империализма, составлением научной истории германского разбойничьего фашизма, которая должна исторически объяснить, как и почему возник и развивался фашизм в Германии; разоблачить подлинное звериное, разбойничье лицо фашизма; показать антинаучность его «теории» расизма и антисемитизма.

Институт подготавливает к изданию целый ряд научно-популярных брошюр о героическом прошлом русского народа, а также по отдельным вопросам всемирной истории.

Институт устраивает открытые публичные заседания, связанные с важнейшими историческими событиями. Одна из очередных сессий была посвящена 700-летию Ледового побоища; сессия, состоявшаяся 23 апреля с. г., была посвящена военным вопросам, в частности классику военной науки Клаузевицу, учение которого, как показала сессия, является своего рода научным осуждением военной стратегии немецко-фашистских горе-теоретиков.

И. Смирнов.

Вопросы теории войн на сессии Ученого совета Института истории АН СССР

23 апреля 1942 г. в Ташкенте состоялась сессия Ученого совета Института истории Академии наук СССР, посвященная марксистско-ленинскому истолкованию теории войн.

На сессии был заслушан доклад д-ра исторических наук Ф. В. Потемкина о теории войн в трудах Клаузевица¹.

Учению Клаузевица о роли политического, морального и психологического фактора в войне был посвящен заслушанный сессией доклад научного сотрудника Л. И. Германа.

Д-р исторических наук Ф. О. Нотович сделал на этой сессии доклад на тему «План Шлиффена и его провал в 1914 году».

Актуальность этого доклада состоит в том, что элементы шлиффеновской стратегии — внезапность и быстрота нападения, так называемый блицкриг, — восприняты немецко-фашистской стратегией. Показав несостоятельность плана Шлиффена и его провал в начале войны 1914—1918 гг.,

¹ Доклад тов. Потемкина помещен в № 6 «Исторического журнала» за 1942 год.

докладчик доказал далее несостоятельность и безнадёжность фашистского стратегического плана.

Ф. И. Нотович показал план Шлиффена как производную функцию общеполитического плана германского финансового капитала и юнкерства конца XIX и начала XX в., нарисовав картину международных отношений новой истории после франко-прусской войны 1871 года. Одновременно докладчиком доказано, что военный потенциал Германии и ее союзников как в войне 1914—1918 гг., так и в современной войне ниже военного потенциала противостоящих им держав. Как в 1914 г. гогенцоллернская Германия, так и в нынешнюю войну гитлеровская Германия не могла закончить войну «молниеносно».

Сессия Ученого совета Института истории АН СССР привлекла большое количество научных сотрудников высших учебных заведений УзССР, пропагандистов, учителей, политработников ташкентского гарнизона, заполнивших большой лекционный зал Куйбышевского райкома ВКП(б).

Б. Горянов, Л. Герман

Работа исторических факультетов педагогических институтов в дни отечественной войны с германским фашизмом

I

С начала занятий на кафедрах всеобщей истории и истории СССР исторического факультета Вологодского государственного педагогического института имени В. М. Молотова учебные планы и программы были подвергнуты пересмотру. Большое внимание во всех курсах было уделено разоблачению фашистской фальсификации истории. На эту тему на кафедре всеобщей истории были заслушаны доклады по древней истории (старший преподаватель М. И. Сперанский), по средней истории (доцент Г. Р. Левин) и по новой истории (доцент И. С. Киссельгоф). В учебном плане курса средних веков увеличено количество часов на темы по истории славянских народов и их борьбы против немецкой агрессии, а также на изложение истории Чехии, гуситских войн и борьбы чешского народа против немецкого засилья. В курсе новой истории уделено внимание разоблачению агрессивного, разбойничьего характера германского империализма, его роли в разжигании пожара первой мировой войны, его коварных, грабительских планов. Пересмотрен курс истории послевоенной Германии (1918—1940) в це-

лях раскрытия социальной демагогии германского фашизма и его грабительской внешней политики.

Пересмотрена также программа по истории СССР. Ряд тем: «Борьба русского народа против немецких захватчиков», «Характеристика русского народа как народа героев», — цикл лекций: «Мужественные образы наших великих предков» и другие — по-новому зазвучали в курсе истории СССР. Старший преподаватель И. Т. Козлов большое внимание уделит истории развития русского военного искусства. Было увеличено количество часов на темы: Вековая связь южного славянства с восточными славянами, Роль русского народа в семье славянских народов, Партизанское движение в России, Грабительские и коварные планы германского империализма во время русско-японской войны и революции 1905 года, в годы империалистической войны и Брестлитовского мира.

В учебный план по всеобщей истории был введен специальный курс по истории английской революции, прочтенный тов. Левиным на IV курсе.

В начале года на объединенном заседании кафедр истории СССР, всеобщей истории и истории марксизма-ленинизма вместе

с научными работниками и студентами был заслушан доклад тов. Козлова о статье товарища Сталина «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма».

В целях оказания помощи преподавателям истории научные работники исторического факультета приняли участие в обследовании преподавания истории в школах города. В марте текущего года по инициативе обкома ВКП(б) областным отделом народного образования была проведена под руководством работников кафедры широкая теоретическая конференция преподавателей истории городских школ. Тема конференции — «Германия как главный зачинщик первой империалистической войны, 1914—1918 годов». Конференция продолжалась три дня. Было заслушано восемь докладов учителей истории средних школ на разные темы. Преподаватели имели консультантов в лице указанных научных работников факультета и в течение двухмесячного срока подготовили глубокие содержательные доклады, подчеркнувшие разбойничий характер германского империализма. Кроме того работниками кафедры напечатано, сдано в набор и подготовлено к печати несколько брошюр и статей: Г. Левин «Преподавание истории средних веков в условиях отечественной войны» (напечатана); находится в наборе брошюра И. Киссельгофа «Преподавание новой истории в дни отечественной войны»; подготовлена к печати брошюра И. Козлова «Преподавание истории СССР в условиях отечественной войны». Сдан в набор ряд статей для «Ученых записок» института: две статьи Г. Левина: «Путнейская конференция» и «Памфлеты Лильберна, Овертона и Уольвина (1645—1647 гг.)», представляющие собой извлечения из защищенной автором кандидатской диссертации; статья И. Киссельгофа «Процесс девятнадцати» (из истории республиканского движения в первые годы июльской монархии), извлечение из защищенной автором кандидатской диссертации; статья И. Козлова «Расслоение крестьянства в оброчных вотчинах графа Шереметева в 20—50-х гг. XIX в.», извлечение из подготовленной автором к защите кандидатской диссертации. И. Козлов закончил кандидатскую диссертацию на тему «К вопросу о разложении крупного феодального хозяйства в России в 20—50-х годах XIX века».

В настоящее время сотрудники кафедр работают над статьями для специального тома «Ученых записок» исторического факультета. Проф. М. Н. Мартынов (недавно начавший работу на факультете) подготовил для печати большую, в 4 печатных листа, работу «Иван Белобородов — пугачевский атаман». Г. Левин пишет статью «Гражданские войны в Англии (1642—1648 гг.)». И. Киссельгоф пишет статью «Социально-политические результаты июльской революции во Франции». И. Козлов разрабатывает тему «Историография вопроса о крупном землевладении в России в первой половине XIX века». Два члена кафедры подготовили к сдаче кандидатский минимум (старший преподаватель М. И.

Брагинский и преподаватель Э. И. Алурдос).

В семисотлетнюю годовщину разгрома немцев на льду Чудского озера 5 апреля кафедры исторического факультета провели научную сессию. На сессии присутствовало много пропагандистов, учителей и представителей военных частей. Были заслушаны доклады: М. Мартынова «Состояние русских княжеств в начале XIII в.», Г. Левина «Немецкая агрессия на Восток» и И. Козлова «Разгром немцев на Чудском озере».

В агитационно-пропагандистской работе города и области члены двух кафедр факультета принимают большое участие. Работники факультета участвуют также и в областной газете «Красный Север».

И. Киссельгоф

II

В целях перестройки учебных планов и программ применительно к условиям отечественной войны против немецких захватчиков кафедрой истории исторического факультета Кабардино-Балкарского педагогического института внесен ряд изменений и дополнений в курсы исторических дисциплин, преподаваемых в институте. Особенно значительным изменениям подверглась программа по истории СССР; расширена тематика, связанная с национально-освободительной борьбой русского народа (борьба с немецкими рыцарями, освобождение от монголо-татарского ига, разгром польско-шведской интервенции, Отечественная война 1812 г., гражданская война 1918—1921 гг.). В целях воспитания высокого советского патриотизма показаны героизм русского народа в борьбе с иноземными захватчиками и дружба народов СССР. Проведены семинары на темы «Отечественная война 1812 г.», «Разгром германского империализма в 1914—1918 гг.».

Значительно расширен материал по истории войн и военного искусства. На большом конкретном материале показана полнейшая несостоятельность фашистской расовой теории, показана культура афетидов, семитов, дравидов, китайцев, индусов и других народов и ее значение для европейской культуры.

В программе по методике истории расширен раздел «Изучение войны на уроках истории». Научный сотрудник А. И. Щеголев готовит кандидатскую диссертацию на тему «Колониальная политика царизма на Северном Кавказе в XIX веке». Научный сотрудник по истории СССР И. Ф. Мужев собирает материал для работы «Крестьянская реформа в Кабардино-Балкарии». Преподаватель методики истории Е. П. Вихарева пишет работу «Военные знания на уроках истории в VIII—IX классах». Научный сотрудник по истории древнего мира А. М. Степанов собрал материал для работ на темы: «Ипувер как идеолог древнего Египта», «Калым и похищение женщин в Кабардино-Балкарии в

конце XIX — начале XX в.» (по данным Республиканского архива). Подготовлена к печати работа из истории средних веков — «Ротман — идеолог Мюнстерской коммуны». Членами кафедры истории проводится также большая общественная научно-популярная работа.

А. Степанов

III

Московский государственный педагогический институт имени К. Либкнехта, переехавший по распоряжению правительства в город Ойрот-Тура, Ойротской автономной области, Алтайского края, открыл регулярные занятия со студентами 15 декабря 1941 года. Из четырех факультетов института исторический факультет смог (отчасти благодаря меньшей сложности оборудования) быстрее других факультетов развернуть свою учебную, научную и общественную работу. Профессорско-преподавательскими силами обеспечены все дисциплины всех трех курсов.

Чтение основных курсов проходило вполне нормально, в точном соответствии с учебным планом Комитета по делам высшей школы. Вопросы истории войн, развития техники военного дела, моменты народного патриотизма, история обороны нашей родины, разоблачение бредовых фашистско-расовых теорий на конкретном материале борьбы германских господствующих классов со славянством в прошлом были особенно заострены в ходе преподавания. Актуальный характер носили также специальные курсы, объявленные и прочитанные профессорами факультета: 1) История Германии в период французской революции и наполеоновских войн (проф. С. Б. Кан); 2) История Украины и Белоруссии (проф. А. А. Савич); 3) История народов Сибири (проф. Кабо). Факультетом организованы довольно удачно (несмотря на ограниченное количество учебных пособий) практические занятия по истории средних веков и истории СССР (проф. Семенов, проф. Новицкий).

Из работников главным образом местных городских школ составилось при институте особое вечернее отделение исторического факультета (1-й курс).

В своих планах научной работы профессора и доценты факультета исходили прежде всего из условий переживаемого исторического момента — великой отечественной войны, — поэтому проблемы современности достаточно полно отражены в тематике научно-исследовательской работы. Проф.

А. Савич работает над темами «Русско-польские отношения в XVI в.» (трехтомное исследование на основе архивных материалов), «Англо-русские отношения XVI в.», «Иван Грозный» (внешняя и внутренняя политика); проф. Новицкий работает над темой «Колонизаторская политика царского правительства в Средней Азии»; проф. В. Семенов — над монографией «Кромвель — вождь английской буржуазной революции»; проф. С. Б. Кан — «Борьба с русской реакцией в первой половине XIX в.»; проф. Милонов — «Учение Ленина и Сталина о войне»; доц. Цветков — «Учение Ленина и Сталина о германском империализме».

Ряд тем работниками факультета взят из истории местного края: проф. Белоусов работает над темой «Алтайская миссия и ее колонизаторская роль», проф. Кан и доц. Юшкевич изучают партизанское движение в Ойротии, проф. А. З. Ионисиани готовит исследование на тему «Быт горно-алтайцев в освещении русских колонизаторов».

Институт с первых же месяцев пребывания в Ойрот-Тура развернул в городе большую общественную работу. Силами профессорско-преподавательского состава института за период ноябрь — апрель 1941 — 1942 гг. было прочитано около 40 лекций, из числа которых ряд тем по истории СССР, всеобщей истории и основам марксизма-ленинизма. Из исторических тем, прочитанных в лектории, следует отметить следующие: «Фридрих II — предшественник современных фашистских агрессоров» (проф. С. Б. Кан), «Иран в период 1914 — 1942 гг. и происки немецких фашистов в Иране» (проф. А. З. Ионисиани), «Бисмарк как вдохновитель немецкой агрессии в прошлом» (доц. Н. И. Юшкевич), «Кромвель — вождь английской буржуазной революции» (к 300-летию английской революции) (проф. В. Ф. Семенов), «Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский» и «Александр Суворов» (проф. А. Савич).

Профессорско-преподавательский состав факультета регулярно участвует в обследовании работы местных городских и отчасти пригородных школ. По инициативе кафедры педагогики при институте работает (два дня в месяц) родительский университет. В ноябре — январе 1941 — 1942 учебного года при институте функционировали педагогические курсы для учителей гор. Ойрот-Тура с преподаванием педагогических и специальных дисциплин, в том числе и исторических (история СССР и история нового времени).

В. Семенов

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

◆ Отражая растущий интерес к Советскому Союзу, одна из крупнейших библиотек Англии — Оксфордская Бодлеянская библиотека — устроила в ноябре 1941 г. специальную выставку, посвященную старой

русской книге. На выставке представлены рукописи, печатные книги и графические работы за период с XV века. В числе экспонатов славянское евангелие издания 1581 года. Особое внимание посетителей вызыва-

ет серия рисунков, изображающих бегство Наполеона из Москвы; эти рисунки, принадлежащие различным художникам, были напечатаны в периодической печати и альбомах той эпохи. На выставке демонстрируются также переписка Годунова с королевой Елизаветой и письма царя Михаила Романова к Якову I. Представлены также книги английских путешественников XVII в. о России—Флетчера, Смита и др.

◆ Еще в 1932 г. в Англии была создана специальная организация, поставившая своей целью собирание и хранение архивных документов и собраний всякого рода—государственных, муниципальных и частных (British Records Association). После начала войны деятельность этой организации, насчитывавшей около 900 членов, сконцентрировалась на работе по учету и сохранению архивов и архивохранилищ. Для этой цели была создана секция ассоциации по сохранению документов (Records preservation section). Эта секция проделала уже громадную работу по учету, хранению и эвакуации архивов, главным образом Лондона. В сотрудничестве с Комиссией исторических рукописей секция сохранения документов помогла эвакуировать из Лондона и других городов и таким путем спасти от гибели множество частных и публичных архивов. Для руководства управления и местных отрядов противовоздушной обороны секция сохранения документов в сотрудничестве с Комиссией исторических рукописей составила подробный список важнейших архивохранилищ и коллекций страны—всего свыше 1500; отрядам противовоздушной обороны вменяется в обязанность приложить все силы к сохранению и организовать охрану этих архивных хранилищ.

◆ Известное лондонское издательство Мак Миллан предприняло новое издание собрания сочинений У. Черчилля: произведения последнего издавались в разное время небольшим тиражом и теперь являются редкостью. Намечено переиздание следующих основных трудов Черчилля: «Мировой кризис» (в шести томах; предполагается также издать эту работу в несколько сокращенном виде в одном томе), «Шаг за шагом», «Моя молодость», «Мысли и приключения» и «Великие современники».

◆ В феврале 1942 г. это же издательство выпустило сборник публичных речей президента США Ф. Д. Рузвельта за период с 1937 по 1941 г. («The public papers and addresses of Franklin D. Roosevelt». Compiled by S. J. Rosenman). Издание состоит из четырех больших томов. В сборнике помещены в хронологическом порядке все важнейшие выступления Рузвельта. Вводные статьи к томам и ряд отдельных примечаний и пояснений написаны самим Рузвельтом.

◆ Английское издательство Линдсей Дреммонд начало издание серии книг под общим названием «Европа под властью нацистов», в которых предполагается на основании достоверных источников дать картину гитлеровского господства в странах, поработанных фашизмом. Первой из книг

этой серии вышла книга о Польше «Я видел страдающую Польшу». Автор ее—польский доктор—предпочел остаться анонимным. В книге дается описание наблюдений автора от начала польско-германской войны до июня 1940 г., когда ему удалось бежать из Польши. Рисуются мрачная картина гитлеровских зверств, преследований, грабежей и бесчинств гитлеровской военщины на территории завоеванной страны. Переводчик книги—также укrywшийся псевдонимом «Алкуин»—в дополнительных главах дает очерк кровавых злодеяний германского фашизма в Польше за период от июня 1940 г. до середины 1941 года. Следующие книги той же серии будут посвящены другим странам Европы: Бельгии, Голландии, Дании, Югославии, Греции и т. д.

◆ Архивы английской компании Гудзонова залива, основанной английскими купцами для торговли с индейцами в 1668 г., содержат богатые материалы для исследования истории Северной Америки. Несколько лет назад была начата систематическая публикация этих архивов. В 1940 г. вышли два новых сборника материалов из архивов этой компании: «The Colnett Journal» (Toronto, 1940) и протоколы северного департамента компании за 1821—1831 годы. Первое издание представляет дневник капитана Кольнетта, который в 1789 г., во время торгового путешествия по тихоокеанскому побережью, был взят в плен и некоторое время содержался в заключении в Мексике. В протоколах компании имеется большой материал, относящийся к одному из кризисных периодов существования компании—к периоду острой борьбы с конкурирующей Северозападной компанией и слияния с ней. Новые архивные материалы освещают историю Канады и всего североамериканского материка в этот период.

◆ В 1942 г. в Лондоне начал выходить новый журнал под названием «Agenda», посвященный, как гласит программа журнала, проблемам послевоенной реконструкции. Журнал издается Лондонским университетом и будет выходить поквартально. В первом томе помещена статья М. Пергэнт, посвященная Абиссинии.

◆ В течение лета 1941 г. на Аляске работала экспедиция Американского музея естественной истории под руководством известного американского антрополога Г. Шапиро. Работы экспедиции сосредоточились у Пойнт Хоп за Полярным кругом. В 1939 и 1940 гг. экспедиция того же музея под руководством Ф. Рейни открыла здесь развалины древнего города. В этом городе уже раскопано 5 улиц и 600 зданий; по предположениям ученых, здесь жило не менее 3 тысяч человек. Работы археологических экспедиций сосредоточились вблизи города на погребениях, которые позволили с несомненностью установить, что обитатели древнего города не имели ничего общего с нынешними аборигенами Аляски—эскимосами. Новая культура, открытая исследователями, названа ими «ипютакской», по эскимосскому названию этого района. Экспедиция Шапиро, продолжая изыскания, произ-

вела раскопки в эскимосской деревне Тигара, недалеко от древнего города, с целью выяснить время основания здесь эскимосского поселения. В результате раскопок удалось установить, что самые древние жители Тигары поселились здесь не менее 2 тыс. лет назад. Примерно к этому времени относится и захудание Ипютака. Шапиро установил также существенные отличия культуры Ипютака от эскимосской: первой свойственно специфическое искусство резания по кости, отличное от эскимосского, а также широкое применение копья. Экспедиция собрала и привезла в США свыше 500 скелетов древних жителей Аляски. Дальнейшее изучение костных остатков в лабораториях должно установить антропологические черты обитателей Ипютака. Всего за время работ экспедиции откопано 500 могил; извлечен большой археологический материал: орудия, украшения, предметы быта и т. д. Изучение этого материала должно помочь науке установить недостающее звено в цепи истории народных переселений между Старым и Новым Светом в древние времена.

◆ Уже несколько лет турецкие археологи работают над раскопками в местечке Караоглан Гюйюк (в 25 км к югу от Анкары). Раскопки ведет Турецкое историче-

ское общество; работами руководит известный турецкий историк Ремзи Огуз Арик. До осени 1941 г. раскопана площадь около 43 кв. метров. Обнаружено несколько последовательно лежащих слоев поселений, сменявших друг друга в разные эпохи: самый нижний откопанный слой относится к хеттской эпохе; следующий слой принадлежит к периоду фригийского владычества. Поскольку хеттский и фригийский слои резко отделены друг от друга, повидимому, в результате большого пожара, есть основание предположить, что место это было завоевано после жестокой борьбы. Последующие слои: эллинистический, римский, византийский и турецкий — показывают, что в эти эпохи здесь находилось многочисленное население и существовали оживленные торговые отношения с окружающим миром. Наиболее значительные результаты получены при раскопке фригийского слоя: откопаны цитадель с толстыми стенами, значительное число домов (из них некоторые двухэтажные). Из числа материальных остатков наибольший интерес представляют вазы — одноцветные и многоцветные, с многочисленными рисунками растений и животных; форма, расцветка и мотивы рисунков весьма сходны с хеттскими вазами. Найдены также интересные образцы пластического орнамента.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Яковлев Н. — Партизанское движение в районах Ленинградской области, оккупированных немцами	3
Греков Б., акад. — На заре русского государства	14
Руткевич Н. — О роли русского фронта в первый период империалистической войны (1914—1918 гг.)	32
Неедлы З. — История политического формирования словацкого народа	47
Губер А. — Германский империализм на Дальнем Востоке	63

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Коробков Н. — Румянцев и оформление национального военного искусства . . .	75
Густинич Д. — Национально-освободительная борьба хорватского народа . . .	86
Тельпуховский Б. — Народная борьба против иноземных захватчиков в Северной войне	92
Голант В. — Германский империализм в Африке	101
Осипова П. — Из истории Албании (1918—1923)	106
Линецкий В. — Уроки Восточной экспедиции Наполеона	111

ДОКУМЕНТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	120
---	-----

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Слабченко М. — Проложное сообщение о предлетописной Руси	129
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и обзоры

История СССР.

Москалев М. — В. И. Ленин в сибирской ссылке. 1897—1900. Вейланд О. — Майрановский Л. Батумская демонстрация 1902—1942 гг. Кац Б. и Гречулевский Г. — Брагин М. Полководец Кутузов. Воляков Н. — Данилевский В., проф. И. И. Ползунов. Труды и жизнь первого русского теплотехника, Его же. История гидросиловых установок в России до XIX в.	130
---	-----

История нового времени.

Ерофеев Н. — Форрест Дэвис. Атлантическая система. История англо-американского господства над морями	147
--	-----

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	150
-------------------------------------	-----

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР.

И. Смирнов. — Институт истории Академии наук СССР. Горянов Б. и Герман Л. — Вопросы теории войн на сессии Ученого совета Института истории АН СССР. Киссельгоф И., Степанов А., Семенов В. — Работа исторических факультетов педагогических институтов в дни отечественной войны с германским фашизмом	153
Историческая наука за рубежом	156

ИСПРАВЛЕНИЕ, КОТОРОЕ СЛЕДУЕТ ВНЕСТИ В № 6 «ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» за 1942 г.

В статье А. Ерусалимского, стр. 91, столбец первый, строка 13 снизу, напечатано: «Гитлеровцы всячески разрушали...», — должно быть: «Гитлеровцы всячески раздували...»

CONTENTS:

ARTICLES: Yakovlev. The Guerilla Movement in Districts of the Leningrad Region, occupied by the Germans. Grekov B., acad. The Dawn of the Russian State. Rutkevich N. Concerning the Role of the Russian Front during the first Period of the Imperialist War of 1914 — 1918. Neyedly Z. The History of the Political Formation of the Slovak People. Huber A. German Imperialism in the Far East. INFORMATIONS AND PUBLICATIONS: Korobkov N. Roumiantsev and the Development of the National Art of War. Gustinchich D. The National Fight for Freedom of the Croatian People. Telpukhovski B. The National Fight against Foreign Invaders in the Northern War. Golant V. German Imperialism in Africa. Osipova P. From the History of Albania (1918 — 1923). Linetzky V. The lessons of Napoleon's Eastern Expedition. DOCUMENTS ON THE GREAT NATIONAL WAR. HISTORICAL NOTES: Slabchenko M. Information of the Prologue about Prechronicular Russia. CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY. CRITICAL ARTICLES AND REVIEWS. BIBLIOGRAPHICAL NOTES. CHRONICLE.

SOMMAIRE:

ARTICLES: Yakovlev N. Le mouvement des partisans dans les contrées de la région de Leningrad, occupées par les allemands. Grekov B., acad. A l'aube de l'état russe. Routkevich N. Sur le rôle du front russe pendant la première période de la guerre impérialiste aux années 1914—1918. Neyedly Z. L'histoire de la formation politique du peuple slovaque. Houbert A. L'impérialisme allemand en Extrême-Orient. COMMUNICATIONS ET PUBLICATIONS. Korobkov N. Roumiantzev et la formation de l'art militaire national. Goustintchitch D. La guerre nationale d'émancipation du peuple croate. Telpoukhovsky B. La lutte nationale contre les usurpateurs étrangers pendant la guerre du Nord. Golante V. L'impérialisme allemand en Afrique. Ossipova P. De l'histoire de l'Albanie (1918 — 1923). Linetzky V. Les leçons de l'expédition orientale de Napoléon. DOCUMENTS CONCERNANT LA GRANDE GUERRE NATIONALE. NOTES HISTORIQUES: Slabtschenko M. L'information de prologue relative à la Russie de la période précédente aux chroniques. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. ARTICLES CRITIQUES ET REVUES. NOTES BIBLIOGRAPHIQUES. CHRONIQUE.

INHALT:

ARTIKEL: Jakowleff N. Die Partisanenbewegung in den von den Deutschen okkupierten Distrikten des Leningrader Regions. Grekoff B., Akad. Die Morgendämmerung des russischen Staates. Rutkewitsch N. Über die Rolle der russischen Front in der ersten Periode des imperialistischen Krieges von 1914 — 1918. Nejedly Z. Die Geschichte der politischen Formierung des slowakischen Volkes. Huber A. Der deutsche Imperialismus im Fernen Osten. MITTEILUNGEN UND PUBLIKATIONEN: Korobkoff N. Rumiantzeff und die Formierung der nationalen Kriegskunst. Gustintschitsch D. Der nationale Befreiungskampf des kroatischen Volkes. Telpuchowsky B. Der Volkskampf mit den Okkupanten während des Nordkrieges. Golant W. Der deutsche Imperialismus in Afrika. Ossipowa P. Aus der albanesischen Geschichte (1918 — 1923). Linetzky W. Die Lehren der orientalischen Expedition von Napoleon. DOKUMENTE DES GROSSEN VATERLÄNDISCHEN KRIEGES. HISTORISCHE NOTIZEN: Slabtschenko M. Die Mitteilung im Prolog betreffs das vorchronographische Russland. KRITIK UND BIBLIOGRAPHIE. KRITISCHE ARTIKEL UND UEBERSICHTEN. BIBLIOGRAPHISCHE NOTIZEN. CHRONIK.

Редакционная коллегия:

Ем. Ярославский
Б. М. Волин
И. И. Минц
А. М. Панкратова
И. А. Кудрявцев
С. И. Гопнер

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239. Тел. Д 3-31-04 и Д 3-30-48.

А61457.

Изд. № 612.

Заказ № 1559.

Тираж 30.000

Подписано к печати 12/VIII 1942 г.

68.000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

EP_1942_AKS_234

Ак 585
1937-

Цена 3 руб.